ИЗДАТЕЛЬСТВО УРАЛЬСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина»
Естественно-гуманитарный университет, г. Седльце, Польша

Меморативные ландшафты малых городов

Сборник научных трудов

Екатеринбург
Издательство Уральского университета
2022

Uralski Uniwersytet Federalny im. pierwszego prezydenta Rosji B. N. Jelcyna
Uniwersytet Przyrodniczo-Humanistyczny w Siedlcach, Polska

Krajobrazy pamięci małych miast

Zbiór artykułów naukowych

Jekaterynburg
Wydawnictwo Uniwersytetu Uralskiego
2022

УДК 069+304.4+316.7+711.435+908+911.53+930.25
ББК 63.3+71.4+79

Издание поддержано грантом Российского научного фонда № 21-18-00418, https://rscf.ru/project/21-18-00418

Редакционная коллегия:

Л. Н. Мазур, доктор исторических наук, доцент (гл. редактор)
Д. Магер, доктор истории, профессор (гл. редактор)
М. Н. Вандышев, кандидат социологических наук, доцент
Н. В. Веселкова, кандидат социологических наук, доцент
С. Леончик, доктор истории, профессор
Е. В. Прямикова, доктор социологических наук, профессор
О. Н. Шихова, кандидат социологических наук

Рецензенты:

Н. Е. Симбирцева, доктор культурологии, зав. кафедрой философии, социологии и культурологии Уральского государственного педагогического университета

Дариуш Рымар, доктор хаб., Государственный архив в г. Гожув-Велькопольский

Меморативные ландшафты малых городов: сб. науч. тр. / Под ред. Л. Н. Мазур, Д. Магера. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2022. – 306 с. – Текст : непосредственный.

ISBN 978-5-7996-3395-0

В сборнике представлены статьи исследователей из России и Польши, посвященные проблемам формирования и развития меморативного ландшафта малых городов с акцентом на изучении роли музеев, архивов и библиотек в этом процессе. Реализуя функции институтов памяти, они работают на локальную идентичность, способствуя взаимодействию различных культур памяти (исторической, культурной, документальной; социальной, поколенческой и др.), выступают точками притяжения и генерации инновационной активности, придавая новое качество городской среде.

Сборник предназначен для культурологов, историков, социологов, архивистов, музеелогов, интересующихся теоретическими и методическими вопросами изучения меморативного пространства малых городов, а также его проекций в прошлое и будущее.

УДК 069+304.4+316.7+711.435+908+911.53+930.25
ББК 63.3+71.4+79

ISBN 978-5-7996-3395-0 © Уральский федеральный университет, 2022

UDC 069+304.4+316.7+711.435+908+911.53+930.25
LBC 63.3+71.4+79

Publikacja została sfinansowana z grantu Rosyjskiej Fundacji Nauki nr 21-18-00418, https://rscf.ru/project/21-18-00418

Zespół redakcyjny:
L. N. Mazur, dr nauk historycznych, prof. UrFU (gl. redaktor)
Dariusz Magier, dr hab. nauk humanistycznych, prof. UPH (gł. redaktor)
M. N. Wandyszev, kandydat nauk socjologicznych, prof. nadzw.
N. W. Wiesiełkowa, kandydat nauk socjologicznych, prof. nadzw.
Sergiusz Leończyk, dr hab. nauk humanistycznych, prof. UPH
E. W. Prjamikowa, dr nauk socjologicznych, prof.
O. N. Szichowa, kandydat nauk socjologicznych

Recenzenci:
N. E. Simbirtsewa, dr kulturoznawstwa, kierownik Katedry Filozofii, Socjologii i Kulturoznawstwa Uralskiego Państwowego Uniwersytetu Pedagogicznego
Dariusz Rymar, dr hub., Archiwum Państwowe w Gorzowie Wielkopolskim, Polska

Krajobrazy pamięci małych miast : zbiór artykułów naukowych / red. L. N. Mazur, D. Magier. – Jekaterynburg : Wydawnictwo Uniwersytetu Uralskiego, 2022. – 306 s. – Tekst: bezpośredni.

ISBN 978-5-7996-3395-0

Zbiór zawiera artykuły badaczy z Rosji i Polski poświęcone kształtowaniu się i rozwojowi krajobrazu pamięci małych miast z naciskiem na badanie roli muzeów, archiwów i bibliotek w tym procesie. Realizując funkcje instytucji pamięci, działają na rzecz tożsamości lokalnej, promując wzajemne oddziaływanie różnych kultur pamięci (historycznej, kulturowej, dokumentalnej, społecznej, pokoleniowej itp.), pełnią funkcję punktów przyciągania i generowania innowacyjnej aktywności, nadając nową jakość środowisku miejskiemu.

Zbiór przeznaczony jest dla kulturoznawców, historyków, socjologów, archiwistów, muzealników zainteresowanych teoretycznymi i metodologicznymi zagadnieniami badania przestrzeni pamięci małych miast oraz jej projekcjami w przeszłości i przyszłości.

UDC 069+304.4+316.7+711.435+908+911.53+930.25
LBC 63.3+71.4+79

ISBN 978-5-7996-3395-0 © Uralski Uniwersytet Federalny, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 12

Раздел 1.
ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ
И КУЛЬТУРА ПАМЯТИ МАЛОГО ГОРОДА

Мазур Л. Н.
Малые города России: особенности формирования историко-культурного ландшафта 20

Веселкова Н. В.
Меморативный ландшафт: опыт методологической рефлексии 50

Прямикова Е. В.
Память в малом городе: опыт исследования полярных кейсов 61

Беляева М. А., Ладыгина Т. А.
Условия конструирования и сохранения меморативных ландшафтов малых городов 73

Вех А.
Исчезнувшие штетлы. Восстановление памяти об исчезнувших городах на территории бывшей Галицийской провинции 81

Гарчик Б.
Польские традиции издательского дела и чтения в Казани (до 1918 г.) 91

Граматчикова Н. Б.
Реконструкция историко-культурного и меморативного ландшафта Ирбита по литературным и фольклорным материалам (вторая половина XIX – XX вв.)..... 96

Енина Л. В.
День Победы: динамика коммеморативных практик в ирбитской районной газете «Восход» в 1960–1980-е гг. 113

Раздел 2.
МУЗЕЙ В МЕМОРАТИВНОМ ЛАНДШАФТЕ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ

Бекленищева М. В.
Музеи в малых городах: нормативы обеспеченности и проблемы учета .. 121

Гергель Т.
Провинция с великой историей: музейный пейзаж памяти Сандомира 131

Новикова С. А.
Формирование доступной среды в музеях малых городов:
опыт Свердловской области 138

Сальникова А. А., Мальцева И. А.
Музей счастливого детства как часть казанского
меморативного ландшафта 143

Трясучкина К. Д.
Проблемы создания и перспективы использования базы данных
«Музеи малых городов России» 152

Шевырин С. А.
Сохранение памяти о сложных вопросах истории
музеем-заповедником «Пермь-36» 159

Шихова О. Н.
Роль виртуального музея в переосмыслении историко-культурной
памяти малого города 167

Щепаньски Я.
Общественный музей Гомбинского края имени Славоя Фелицяна
Складковского 178

Раздел 3.
РОЛЬ АРХИВОВ В ФОРМИРОВАНИИ МЕМОРАТИВНОГО
ПРОСТРАНСТВА МАЛОГО ГОРОДА

Вайс Д.
Общественный архив «Старый Закшувек и его окрестности», а также
«Палата памяти и региональных традиций» в Закшувеке как институты
памяти 191

Врубель А.
Роль архива в г. Томашув-Мазовецкий (филиал государственного архива
в г. Петркув-Трыбунальский) в сохранении истории «малой родины» 201

Магер Д.
Монастырь Св. Лейбовица, или Архив как центр локальной вселенной
памяти 209

Огуренко Е. В.
Архивные выставки в меморативном пространстве города в послевоенный период (на примере Государственного архива Свердловской области) 215

Раздел 4.
ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ МУЗЕЕВ И АРХИВОВ МАЛЫХ ГОРОДОВ

Гусева Е. С., Пуголовкина Н. А., Сарабанская Л. А.
Социальные партнеры библиотеки в сфере сохранения исторического наследия малой родины 225

Демина Н. М.
Взаимодействие библиотеки и музеев городского округа Первоуральск в формировании и сохранении исторической памяти города: из опыта работы Центра краеведения ПМБУК «ЦБС» (г. Первоуральск) 230

Ефимов А. А.
Геокешинг как инструмент поиска музеев 239

Капшанов Т. М.
Обновленная экспозиция Дома-музея имени Юрия и Валентины Гагариных 244

Кибиткина Г. Н.
Интеграция архивов, музеев и библиотек. Из опыта работы Объединенного государственного архива Челябинской области 250

Краева Л. А.
Роль университетского музея археологии в учебном процессе 256

Негатина А. С.
Опыт создания выставки «Личности в истории Богдановича» 263

Самохина Э. Г.
Можно ли оживить локальную идентичность?: инструменты, ресурсы, идеи 266

Сырчин Р. В.
Интерактивное занятие как форма краеведческого образования: опыт работы инновационного культурного центра, г. Первоуральск 273

Упорова М. А.
«Воля и труд дивные всходы дают»: страницы истории музея Нижнесалдинского металлургического завода 281

Сведения об авторах 284

Summary 291

SPIS TREŚCI

Przedmowa 16

Rozdział 1.
DZIEDZICTWO HISTORYCZNO-KULTUROWE I KULTURA PAMIĘCI MAŁEGO MIASTA

Mazur L. N.
Małe miasta Rosji: metody kształtowania krajobrazu historycznego i kulturowego 20

Wiesiełkowa N. W.
Krajobraz pamięci: refleksja metodologiczna 50

Prjamikowa E. W.
Pamięć w małym mieście: doświadczenie badania przypadków polarnych 61

Bieljajewa M. A., Ładygina T. A.
Uwarunkowania projektowania i ochrony krajobrazów pamięci małych miast 73

Wiech A.
Sztetle, które zniknęły. Przywracani pamięci o utraconych wsiach i miasteczkach w przestrzeni dawnej galicyjskiej prowincji 81

Garczyk B.
Polskie tradycje wydawnicze i czytelnicze w Kazaniu (do 1918 r.) 91

Gramatczikowa N. B.
Rekonstrukcja krajobrazu historyczno-kulturowo-pamiątkowego Irbitu na podstawie materiałów literackich i folklorystycznych (druga połowa XIX–XX w.)..... 96

Jenina L. W.
Dynamika praktyki upamiętniania na łamach gazety miejskiej Irbitu w latach 1960–1980: obchody Dnia Zwycięstwa 113

Rozdział 2.
MUZEUM W KRAJOBRAZIE PAMIĘCI ŚRODOWISKA MIEJSKIEGO

Bieklieniszczewa M. W.
Muzea w małych miejscowościach: standardy bezpieczeństwa i problemy finansowe 121

Giergiel T.
Prowincja z wielką historią: muzealny pejzaż pamięci o Sandomierzu 131

Nowikowa S. A.
Tworzenie strefy powszechnego dostępu w muzeach małych miast: doświadczenia regionu swierdłowskiego 138

Salnikowa A. A., Malcewa I. A.
Muzeum szczęśliwego dzieciństwa jako część kazańskiego krajobrazu pamięci 143

Triasuczkina K. D.
Problemy tworzenia i perspektywy wykorzystania bazy danych „Muzea małych miast Rosji" 152

Szewyrin S. A.
Zachowanie pamięci o skomplikowanych zagadnieniach historycznych przez muzeum-rezerwat „Perm-36" 159

Szichowa O. N.
Rola wirtualnego muzeum w budowaniu pamięci historycznej i kulturowej małego miasteczka 167

Szczepański J.
Społeczne Muzeum Ziemi Gąbińskiej im. Sławoja Felicjana Składkowskiego w Gąbinie 178

Rozdział 3.
ARCHIWUM JAKO INSTYTUCJA I MIEJSCE PAMIĘCI

Wajs D.
Archiwum społeczne Dawny Zakrzówek i okolice oraz Izba Pamięci i Tradycji Regionalnej w Zakrzówku jako instytucje pamięci 191

Wróbel A.
Rola Archiwum Państwowego w Piotrkowie Trybunalskim Oddział w Tomaszowie Mazowieckim w gromadzeniu i ochronie świadectw historii małych ojczyzn 201

Magier D.
Klasztor św. Leibovitza, czyli archiwum jako centrum lokalnego uniwersum pamięci 209

Ogurenko E. V.
Wystawy archiwalne w przestrzeni pamięci miasta w okresie powojennym (na przykładzie Archiwum Państwowego Obwodu Swierdłowskiego) 215

Sekcja 4.
Z DOŚWIADCZEŃ MUZEÓW I ARCHIWÓW MAŁYCH MIAST

Gusjewa J. S., Pugolovkina N. A., Sarabanskaya L. A.
Partnerzy społeczni biblioteki w zakresie zachowania dziedzictwa historycznego małej ojczyzny 225

Demina N. M.
IInterakcja biblioteki i muzeów okręgu miejskiego Pierwouralska w kształtowaniu pamięci historycznej małego miasta: z doświadczeń Centrum Studiów Regionalnych w Pierwouralsku 230

Jefimow A. A.
Geocaching jako narzędzie do wyszukiwania muzealiów 239

Kapszanow T. M.
Odnowiona ekspozycja Muzeum Domu Jurija i Walentyny Gagarinów 244

Kibitkina G. N.
Integracja archiwów, muzeów i bibliotek. Z doświadczeń Państwowego Archiwum Zbiorczego Obwodu Czelabińskiego 250

Krajewa L. A.
Rola uniwersyteckiego muzeum archeologicznego w procesie edukacyjnym ... 256

Niegatina A. S.
Wystawa muzealna „Osobowości w historii Bogdanowicza” 263

Samochina E. G.
Czy można zrewitalizować tożsamość lokalną?: narzędzia, zasoby, pomysły ... 266

Syrczin R. W.
Lekcja interaktywna jako forma nauczania historii lokalnej: doświadczenie innowacyjnego centrum kultury w Pierwouralsku 273

Uporowa M. A.
„Wola i praca dają cudowne pędy”: z historii muzeum zakładu metalurgicznego Niżnaja Sałda 281

Informacje o autorach 288

Summary 291

ПРЕДИСЛОВИЕ

Изучение провинциального города представляет собой особую исследовательскую задачу. Большие города, особенно столицы – уникальны, малые города – похожи друг на друга, что не снимает задачу познания *genius loci* (уникального образа) провинциального города, отраженного в историко-культурном и меморативном ландшафте. Историко-культурный ландшафт города определяет его лицо и является результатом исторического развития, аккумулируя в элементах ландшафта следы времени. К ним относятся объекты и явления культурного наследия, имеющие материальную (памятники истории и культуры, природные памятники, индустриальное наследие) и нематериальную формы существования (культурные традиции, в том числе праздники, памятные даты, фольклор, мифология).

Меморативный ландшафт рассматривается как проекция историко-культурного ландшафта, непосредственно влияющая на содержание коллективной памяти и локальной идентичности. Он представляет собой совокупность мест (памятники историко-архитектурного и индустриального наследия) и институтов памяти (музеи, библиотеки, архивы), конструирующих пространство памяти, которое может не совпадать с границами города, расширяя или, напротив, сужая их. В совокупности все эти элементы формируют образ провинциального города, в котором сталкиваются динамика и статика, будущее и прошлое, искусственное и естественное, место и пространство, накладывая отпечаток на *genius loci* и локальную идентичность местного сообщества.

Институты памяти, наряду с властью, выступают акторами меморативного ландшафта, трансформируя историко-культурное наследие в уникальный образ, транслируемый местному сообществу и гостям города через публичные пространства, музейные экспозиции, культурно-массовые мероприятия, СМИ и другие способы коммуникации и активно участвуя в капитализации историко-культурного потенциала города.

Музеям отводится особая роль в формировании меморативного ландшафта. С одной стороны, музеи выступают как научные учреждения и аккумуляторы исторических знаний о прошлом, проводят

экспертную селекцию артефактов, исторических событий, присваивая им символические смыслы. С другой – музеи создают контактное, эмоционально заряженное пространство прошлого и настоящего, транслируя новым поколениям их образы. Выполняя функции социальной рефлексии, коммуникации и инжиниринга, музеи становятся одним из важнейших конструкторов исторической памяти и локальной идентичности городского социума.

Особое значение музеи приобретают в малых городах, где разнообразие культурной жизни концентрируется в ограниченном количестве центров – помимо музеев, это местные дома культуры, библиотеки, школы. Деятельность музеев разворачивается в тесном взаимодействии с другими очагами культуры и приобретает отличные от подобных учреждений в крупных городах черты – многопрофильность, упор на образовательные и воспитательные практики, инициативный характер создания фондов, ориентация на сохранение локальной истории.

Этим проблемам был посвящен российско-польский научный семинар «Меморативные ландшафты малых городов», проводившийся в рамках реализации гранта РНФ «Музей малого города: множественность культур памяти (историко-социологический анализ)» 1–2 октября 2021 г. В нем приняли участие ученые, работники музеев, библиотек и архивов из разных городов России и Польши, в том числе Екатеринбурга, Москвы, Перми, Челябинска, Казани, Оренбурга, Ялты, Выборга, Варшавы, Кракова, Люблина, Познани, Радзынь-Подляски, Седльце и др.

Структура сборника отражает основные направления работы семинара. В первом разделе представлены статьи, посвященные теоретическим и методическим вопросам изучения малых городов, начиная с историко-географической характеристики объекта исследования – малого города и уточнения понятия меморативный ландшафт, его содержания и структуры, методических аспектов исследования городов и заканчивая презентацией опыта реконструкции меморативного ландшафта на основе разных источников – фольклора, периодической печати, архивных документов.

Второй раздел сборника включает статьи, в которых с различных сторон с опорой на междисциплинарный подход рассматривается роль музея в формировании коллективной памяти, в том числе о сложных травматичных событиях прошлого. Важный аспект исследования связан с изучением вопросов о масштабах и степени влияния музейной среды на население города. Он пересекается с анализом доступности музейной среды для различных групп населения, роли новых технологий в расширении музейной аудитории и актуализации

музейного пространства. Отдельное значение имеет проблема учета музеев и методах выявления скрытой музейной сети, представленной официально незарегистрированными школьными, корпоративными, частными музеями. Они выступают активными агентами культурной жизни малого города, способствуя меморизации событий локальной истории.

Третий раздел посвящен анализу роли архивов в меморизации и актуализации историко-культурного наследия малого города. Выступая в роли хранилища документальной памяти, архивы не только обеспечивают ее сохранность, но и форматируют коллективную память последующих поколений, поскольку история как наука опирается в первую очередь на сохранившиеся архивные документы. В этом контексте большой интерес представляет практика организации общественных архивов, которые можно рассматривать как альтернативу и дополнение к практикам комплектования государственных архивов.

Четвертый раздел сборника содержит сообщения «с мест», т. е. опыт работы провинциальных музеев, библиотек и архивов по сохранению историко-культурного наследия родного города и трансляции его образов молодым поколениям. Одним из наиболее заметных трендов в их деятельности выступает интеграция музейных, архивных и библиотечных ресурсов и технологий с целью достижения максимальной эффективности использования имеющихся фондов.

Аналитические и эмпирические материалы, научный и прагматический подходы, получившие отражение в статьях сборника, удачно дополняют друг друга, позволяя, с одной стороны, верифицировать теоретические выводы ученых, а с другой, обобщить практический опыт и особенности деятельности музеев, библиотек и архивов в малом городе. Участие в работе семинара польских специалистов дает уникальную возможность сравнения процессов формирования меморативного пространства малых городов в Польше и России, выявить общие тенденции и особенности.

Людмила Мазур

* * *

Город, провинция, «малая родина» – эти термины употребляются как в Польше, так и в России. В обеих странах есть схожие социокультурные явления, которые становятся предметом интереса ученых. Используя разнообразные методы исследования, эти явления можно подробно описать, а затем сравнить. Результаты сравнения тем более интересны, что в обеих странах существуют системные разли-

чия, разные социальные отношения, правовая среда и организационная культура. Они обусловливают специфику подобных институтов в наших странах, которая определяет содержание научного поиска.

Проблема «малой родины» – интересная тема, изучаемая в рамках разных научных дисциплин. Она поднимает вопросы, связанные с состоянием населенных мест, отношением к ним жителей, символами, сохраняющими память об этих местах и их влиянием на жизнь людей – как местных, так и приезжих. Результаты исследований используются местной и центральной властью для нужд так называемой исторической политики. Она сочетает в себе идеологические и эмоциональные элементы с факторами, способствующими усилению идентичности, чувства региональной гордости и личной востребованности, стимулируя саморазвитие личности. При этом большое значение имеет историческая память, поскольку она умножает силу и потенциал «малой родины» в противостоянии с глобализмом, угрожающем ее автономии и даже самому существованию.

Результаты исследований, проводимых в этой области в России и Польше, с одной стороны, способствуют сохранению существующего ландшафта памяти провинции, а с другой – задают направления для дальнейших научных исследований. Они способны внести собственный вклад в развитие этого сегмента национальной жизни постольку, поскольку аккумулируют локальные проявления идентичности небольших групп людей и находят выражение в деятельности провинциальных музеев, архивов и других организаций, находящихся в ведении государства и общественных организаций.

Историческая наука пока находится лишь на пороге изучения проблемы, обозначенной в названии настоящего сборника. Поэтому он является незаменимой основой для дальнейшего научного поиска.

Дариуш Магер

PRZEDMOWA

Studium miasta prowincjonalnego to szczególne zadanie badawcze. Duże miasta, zwłaszcza stolice, są wyjątkowe, małe miasta są do siebie podobne, co nie zwalnia z zadania rozpoznania ich *genius loci* (ducha tożsamościowego), odzwierciedlonego w krajobrazie historycznym, kulturowym i pamięci. Krajobraz historyczno-kulturowy miasta wyznacza jego oblicze i jest efektem rozwoju historycznego, kumulującego w elementach krajobrazu ślady czasu. Należą do nich obiekty i zjawiska dziedzictwa kulturowego posiadające elementy materialne (zabytki historyczne i kulturowe, pomniki przyrody, dziedzictwo przemysłowe) i niematerialne (tradycje kulturowe, w tym święta, pamiętne daty, folklor, mitologia).

Krajobraz pamięci jest postrzegany jako część krajobrazu historyczno-kulturowego, która bezpośrednio wpływa na treść pamięci zbiorowej i tożsamość lokalną. To zbiór miejsc (pomniki dziedzictwa historycznego, architektonicznego i przemysłowego) oraz instytucji (muzea, biblioteki, archiwa) budujących przestrzeń pamięci, która nie musi pokrywać się z granicami administracyjnymi, rozszerzając się lub – wręcz przeciwnie – zawężając je. Wszystkie te elementy razem wzięte tworzą obraz miasta prowincjonalnego, w którym zderzają się dynamika i statyka, przyszłość i przeszłość, sztuczność i naturalność, miejsce i przestrzeń, odciskając się na *genius loci* i tożsamości społeczności lokalnej.

Instytucje pamięci wraz z władzami pełnią rolę aktorów krajobrazu pamięci, przekształcając dziedzictwo historyczno-kulturowe w unikalny obraz przekazywany społeczności lokalnej i gościom miasta za pośrednictwem przestrzeni publicznych, ekspozycji muzealnych, wydarzeń kulturalnych, środków masowego przekazu i innych środków komunikacji oraz aktywnie uczestnicząc w kapitalizacji potencjału historyczno-kulturalnego miasta.

Szczególną rolę w kształtowaniu krajobrazu pamięci odgrywają muzea. Z jednej strony muzea pełnią funkcję instytucji naukowych i kumulatorów wiedzy historycznej o przeszłości, dokonują fachowej selekcji artefaktów, wydarzeń historycznych, nadając im symboliczne znaczenia. Z drugiej strony muzea tworzą kontaktową, naładowaną emocjonalnie przestrzeń przeszłości i teraźniejszości, przekazując swoje obrazy nowym pokoleniom. Pełniąc funkcje refleksji społecznej, komunikacyjnej i inżynierskiej, muzea stają się jednym z najważniejszych konstruktorów pamięci historycznej i tożsamości lokalnej społeczności miejskiej.

Muzea nabierają szczególnego znaczenia w małych miejscowościach, gdzie różnorodność życia kulturalnego koncentruje się w ograniczonej liczbie ośrodków – lokalnych domach kultury, bibliotekach, szkołach i oczywiście muzeach. Działalność tych ostatnich przebiega w ścisłej interakcji z innymi ośrodkami kultury i nabiera cech odmiennych od muzeów w dużych miastach – wszechstronności, nacisku na praktyki edukacyjne i wychowawcze, kreowaniu funduszy, ukierunkowaniu na zachowanie lokalnej historii.

Zagadnieniom tym poświęcone było rosyjsko-polskie seminarium naukowe „Pejzaże pamięci małych miast", które odbyło się w ramach grantu Fundacji Nauki Rosyjskiej „Muzeum Małego Miasta: wielość kultur pamięci (analiza historyczna i socjologiczna)" w dniach 1-2 października 2021 r. z udziałem naukowców, pracowników muzeów, bibliotek i archiwów z różnych miast Rosji i Polski, m.in. Moskwy, Permu, Czelabińska, Kazania, Orenburga, Jałty, Wyborga, Krakowa, Lublina, Poznania, Radzynia Podlaskiego, Siedlce, Warszawy, itp.

Struktura książki odzwierciedla główne kierunki seminarium. W pierwszej części zaprezentowane zostały artykuły poświęcone zagadnieniom teoretyczno-metodologicznym w badaniu małych miast. Poczynając od historycznej i geograficznej charakterystyki obiektu badawczego – małej miejscowości – i doprecyzowując pojęcie krajobrazu pamięci, jego treści i struktury, aspekty metodologiczne, a kończąc na przedstawieniu doświadczeń rekonstrukcji krajobrazu pamięci na podstawie różnych źródeł – folkloru, czasopism, materiałów archiwalnych.

W drugiej części znalazły się rozdziały, w których z różnych perspektyw, opierając się na podejściu interdyscyplinarnym, badana jest rola muzeum w kształtowaniu pamięci zbiorowej, w tym o złożonych traumatycznych wydarzeniach z przeszłości. Ważnym aspektem opracowania jest badanie skali i poziomu oddziaływania środowiska muzealnego na ludność miasta. Krzyżuje się ona z analizą dostępności środowiska muzealnego dla różnych grup ludności, roli nowych technologii w powiększaniu sfery odbiorców muzeów oraz aktualizacji przestrzeni muzealnej. Osobno pojawia się problem systematyzacji muzeów i sposobów docierania do nierejestrowanych ekspozycji szkolnych, korporacyjnych, prywatnych. Funkcjonują one jako aktywni przedstawiciele życia kulturalnego małego miasteczka, przyczyniając się do upamiętniania wydarzeń z lokalnej historii.

Część trzecia poświęcona została analizie roli archiwów w upamiętnianiu i tworzeniu dziedzictwa historyczno-kulturowego małego miasta. Pełniąc funkcję repozytorium pamięci dokumentacyjnej, archiwa nie tylko zapewniają jej zachowanie, ale także formatują pamięć zbiorową kolejnych pokoleń, ponieważ historia jako nauka opiera się przede wszystkim na zachowanych dokumentach archiwalnych. W tym kontekście bardzo intere-

sująca jest praktyka organizowania archiwów społecznych, którą można uznać za alternatywę i uzupełnienie działań archiwów państwowych.

Czwarty dział monografii zawiera przekazy „z terenu", czyli doświadczenia prowincjonalnych muzeów, bibliotek i archiwów w zakresie zachowania i przekazywania młodym pokoleniom dziedzictwa historycznego i kulturowego ich rodzinnego miasta. Jednym z najbardziej zauważalnych trendów w ich działalności jest integracja zasobów i technologii muzealnych, archiwalnych i bibliotecznych w celu osiągnięcia maksymalnej efektywności wykorzystania dostępnych środków.

Połączenie materiałów analitycznych i empirycznych, podejścia naukowego i pragmatycznego, odzwierciedlone w poszczególnych rozdziałach, z powodzeniem się uzupełnia. Pozwala to z jednej strony na weryfikację teoretycznych wniosków naukowców, a z drugiej na uogólnienie praktycznych doświadczeń działalności muzeów, bibliotek, archiwów w małym mieście. Ponadto udział naszych polskich kolegów w seminarium daje niepowtarzalną okazję do porównania procesów kształtowania się przestrzeni pamięci małych miast w Polsce i Rosji, identyfikacji wspólnych trendów i osobliwości.

Ludmiła Mazur

* * *

Miasteczko, prowincja, „mała ojczyzna" – wszystkie te terminy funkcjonują zarówno w Polsce jak i w Rosji. W obu państwach występują w gruncie rzeczy podobne zjawiska społeczno-kulturowe, które stają się dla naukowców przedmiotami badawczymi. Poprzez zastosowanie różnych metod badawczych możliwe jest dogłębne ich opisanie, a w następnej kolejności zastosowanie komparatystyki. Ich wyniki są tym ciekawsze, że w obu państwach funkcjonują odmienności ustrojowe, różne stosunki społeczne, otoczenie prawne, kultura organizacyjna. Powodują one, że podobne w naszych krajach instytucje mają swoją własną specyfikę, która przekłada się na zakres podejmowanych refleksji naukowych.

Problematyka małych ojczyzn to ciekawy temat, który może być rozważany przez różne dyscypliny naukowe. Analizuje się kwestie dotyczące ich kondycji, postawy mieszkańców, znaków utrwalających pamięć tych miejsc i ich wpływ na życie ludzi – tych miejscowych i przyjezdnych. Wyniki badań są zaś wykorzystywane przez administrację lokalną i państwową na potrzeby tzw. polityki historycznej. W jej ramach łączone są czynniki ideologiczne, emocjonalne z użytecznymi w celu umacniania tożsamości, poczucia dumy regionalnej oraz stymulowania wzmacniania kompetencji. To wszystko dopiero generuje czynniki pozwalające na samorozwój. Pa-

mięć historyczna ma w tym niezwykłe znaczenie. To ona bowiem wzmacnia siłę i potencjał małych ojczyzn w starciu z globalną machiną zagrażającą ich autonomii, a nawet istnieniu.

Wyniki badań prowadzonych w tym zakresie w Rosji i w Polsce, z jednej strony utrwalają istniejący krajobraz pamięci prowincji, z drugiej strony wytyczają kierunki dalszych przedsięwzięć naukowych. Mogą one przyczynić się do rozwoju tego segmentu życia narodowego. Bowiem kumuluje ono w sobie wszystkie lokalne przejawy kultywowania tożsamościowej pamięci małych grup ludzkich, których wyrazicielem są prowincjonalne muzea, archiwa, i inne podmioty prowadzone przez administrację i organizacje społeczne.

Jako że nauka historyczna jest dopiero na progu badań zakreślonych tematyką niniejszego opracowania, książka ta stanowi niezbędną podstawę do dalszych przedsięwzięć naukowych.

Dariusz Magier

Раздел 1.
ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ И КУЛЬТУРА ПАМЯТИ МАЛОГО ГОРОДА

УДК 94(47).082/.084.9+94(470):711.435

Л. Н. Мазур
Уральский федеральный университет

МАЛЫЕ ГОРОДА РОССИИ: ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО ЛАНДШАФТА[1]

В статье рассматривается понятие малого города и его эволюция на протяжении XX века. Анализируется динамика численности малых городов, их распределение по территории России, предложена классификация, позволяющая выявить особенности происхождения и функционирования историко-культурного ландшафта.

Можно выделить несколько вариантов создания и развития малых городов: исторический город-крепость; промышленный город-завод XVIII в.; уездный город XVIII–XIX вв.; советский моногород (промышленный, аграрный, наукоград). Каждый из них имеет свою специфику формирования мемориативного ландшафта, структура которого представлена памятными местами – сохранившимися архитектурными комплексами исторического или индустриального наследия, памятниками, музеями, библиотеками и архивами.

Особое место в историко-культурной среде малого города занимают музеи, которые выполняют функции узла памяти, взаимодействуя с образовательными, культурно-просветительскими, информационными учреждениями города.

Ключевые слова: малый город, РСФСР, РФ, историко-культурная среда, мемориативный ландшафт, музей.

[1] Тема поддержана грантом РНФ 21-18-00418 «Музей малого города: множественность культур памяти (историко-социологический анализ)».

© Мазур Л. Н., 2022

Ludmiła N. Mazur
Uralski Uniwersytet Federalny
im. pierwszego prezydenta Rosji B. N. Jelcyna
Jekaterynburg

MAŁE MIASTA ROSJI: METODY KSZTAŁTOWANIA KRAJOBRAZU HISTORYCZNEGO I KULTUROWEGO

Rozdział analizuje koncepcję małego miasta i jego ewolucję na przestrzeni XX wieku. Analizie poddano dynamikę liczby małych miast, ich rozmieszczenie na terenie Rosji oraz klasyfikacje pozwalające na identyfikację cech pochodzenia i funkcjonowania. Istnieje kilka możliwości tworzenia i rozwoju małych miasteczek: historyczne miasto otoczone murami; przemysłowa fabryka miasta z XVIII wieku; miasto powiatowe z XVIII–XIX w.; mono-miasto sowieckie (miasto przemysłowe, rolnicze, naukowe). Każde z nich ma swoją specyfikę kształtowania krajobrazu pamięci, którego strukturę reprezentują miejsca zapadające w pamięć – zachowane zespoły architektoniczne dziedzictwa historycznego lub przemysłowego, zabytki, muzea, biblioteki i archiwa.

Szczególne miejsce w środowisku historyczno-kulturowym małego miasta zajmują muzea, które pełnią funkcje węzła pamięci, współdziałając z instytucjami edukacyjnymi, kulturalnymi, edukacyjnymi, informacyjnymi miasta.

Słowa kluczowe: małe miasto, RFSRR, RF, środowisko historyczno-kulturowe, krajobraz pamięci, muzeum.

Малые города на протяжении всей истории России составляли ядро городского расселения, определяя социально-культурный облик российской провинции и человеческий потенциал страны в целом. Именно провинция, а не столицы, выступали питательной средой для формирования национальной культуры, поддерживая ее традиции.

На 1 января 2021 г. в РФ насчитывалось 795 городов, которые относятся к категории малых, их удельный вес составил 71,2 % от общей численности городских поселений. Больше всего малых городов (28,6 %) располагается в Центральном федеральном округе – это преимущественно исторические поселения, происхождение которых относится к X–XVII вв. Далее по числу малых городов следуют Приволжский и Северо-Западный федеральный округа, где зарегистрировано соответственно 16,7 и 15,5 % таких поселений. С промышленным освоением Урала связано строительство в XVIII–XX вв. заводов и возникновение при них поселков, в будущем – промышленных моноотраслевых городов (10,2 %). В Сибирском федеральном окру-

ге располагается 9,8 % малых городов РФ. К ним относятся преимущественно административные центры районов, формирование которых было тесно связано с аграрным и промышленным освоением региона, в том числе миграционными процессами XIX–XX вв. Свои особенности формирования поселенческой городской сети характерны для Дальневосточного, Южного и Северо-Кавказского федеральных округов, где малых городов заметно меньше (7,9, 7,2 и 4,2 %) [Численность населения].

Малые города в структуре расселения России конца XIX – начала XXI вв.

Понятие «малый город» было введено в научный оборот в конце XIX в., когда на волне активного городского развития формируется новое научное направление – урбанистика, ориентированное на изучение городов и городской среды. В России появление данного направления было тесно связано с именем В. П. Семенова-Тян-Шанского (1870–1942), опубликовавшего в 1910 г. свой классический труд «Город и деревня в Европейской России» [Семенов-Тян-Шанский, 2010]. В нем были рассмотрены модели происхождения городов, предложено их деление на столичные (свыше 1 млн чел.); крупные (100 тыс. – 1 млн); большие (40–100 тыс.); средние (10–40 тыс.); малые (5–10 тыс.); городки (1–5 тыс. чел.).

Анализируя материалы переписи 1897 г., В. П. Семенов-Тян-Шанский ввел понятие истинных (экономических) городов, соответствующих торгово-промышленным критериям городского образа жизни. Их общее число, по его мнению, достигло 1 237, тогда как официально в Европейской России (без Финляндии и Зауральских уездов) было зарегистрировано 761 городское поселение, причем 30 % из них не соответствовали экономическим признакам истинного города [Там же, с. 76].

Распределение истинных городов по числу жителей выглядело следующим образом: столичные – 2; крупные – 17; большие – 60; средние – 246; малые – 348; городки – 564 [подсч. по: Там же, с. 79–178]. При этом 14 % городского населения проживало в столичных городах, 21 % – в крупных, 19 % – в больших, 26 % – в средних, 12 % – в малых, 8 % – в городках [Там же, с. 180]. Таким образом, малые города и городки, большая часть которых в советское время получили статус города, концентрировали 1/5 часть (20,0 %) городского населения.

В 1905 г. в Российской империи официально насчитывалось 923 города, 54 посада [Пространство и население…, 1906, с. 1–28], прочих населенных пунктов – 577 577 [Там же, с. 37]. Городское население

Российской империи с Финляндией составило 18 737,9 тыс. чел., или 12,8 % от численности всего населения, насчитывавшего 146 796,6 тыс. чел. [Там же, с. 65]. В том числе в Европейской России было сосредоточено 12,3 % городского населения, в Привисленской губернии – 22,1 %, на Кавказе – 11,3 %, в Сибири – 8,0 %, в Средней Азии – 12,5 %, в Финляндии – 13,2 % [Там же, с. 71].

Заметные изменения в городском расселении произошли в 1920-е годы – время активного градообразования и развития городской сети на фоне развернувшейся индустриализации, хотя административно-территориальные преобразования начались еще раньше – с 1917 г. Всего в СССР за 1918–1926 гг. к городам было отнесено около 200 населенных пунктов – фабричных сел, заводских поселков, административных центров [Ковалев, 1963, с. 122]. Такая активность стала результатом пересмотра практик присвоения статуса города. 15 сентября 1924 г. постановлением ВЦИК и СНК РСФСР было принято «Общее положение о городских и сельских поселениях и поселках» [Общее положение…, 1924], в котором были сформулированы основные принципы упорядочения и регистрации поселенческой сети. В частности, были введены количественные критерии отнесения населенных пунктов к городским поселениям: 1) количество взрослого населения должно составлять не менее одной тысячи человек; 2) сельское хозяйство является основным занятием не более чем для 25 % населения.

Городские поселения, согласно новым правилам, делились на две категории: города и городские поселки (рабочие, курортные и дачные). К городам относились населенные пункты, являющиеся культурными и промышленными центрами, с населением свыше 10 тыс. чел. при условии, что рабочие и служащие должны составлять не менее 75 %. К городским поселкам причислялись населенные пункты, имевшие население от 2 тыс. чел., 75 % которых заняты в несельскохозяйственной сфере. Все остальные населенные пункты, не отвечавшие указанным выше критериям, считались сельскими поселениями. Вместе с тем, поселения, которые числились городами до 7 ноября 1917 г., продолжали считаться городскими, если о преобразовании их в сельские не было принято специального постановления ВЦИК и СНК РСФСР.

В соответствии с содержащимися в постановлении критериями были пересмотрены и объявлены новые списки городов. В дальнейшем Общее положение было дополнено рядом других распорядительных документов, уточняющих критерии городских поселений – это постановления ВЦИК и СНК РСФСР «О рабочих поселках» (СУ РСФСР. 1926. № 65); «О курортных поселках» (СУ РСФСР. 1927. № 56); «О дачных поселках» (СУ РСФСР. 1928. № 8).

По данным переписи 1926 г., число городских поселений в РСФСР выросло до 1 240 (в том числе 699 рабочих поселков и 541 город), а численность горожан составила 17,3 % от всей численности населения (в СССР – 1929 городских поселений, 17,9 % горожан) [Всесоюзная перепись, 1927, с. 3]. Распределение городских поселений РСФСР по числу жителей выглядело следующим образом (табл. 1).

Таблица 1

*Распределение городских поселений РСФСР по численности населения по данным переписи населения 1926 г.**

Численность населения, чел.	Количество городских поселений	Удельный вес городских поселений, %
до 500	1	0,1
500 – 1 000	105	8,5
1 000 –1 999	217	17,5
2 000 – 4 999	362	29,2
5 000 – 9 999	243	19,6
10 000 – 19 999	161	13,0
20 000 – 49 999	91	7,3
50 000 – 99 999	40	3,2
100 000 и более	20	1,6
Итого	1 240	100,0

*[Там же, с. 28].

В соответствии с новыми критериями определения городских поселений меняются и количественные характеристики категорий городов: рабочие поселки (до 10 тыс. жителей) составили в совокупности 74,9 %; малые города (от 10 до 50 тыс.) – 20,0 %; средние (50–100 тыс.) – 3,2% и крупные (100 тыс. и более) – 1,6 %.

По данным переписи 1939 г., в РСФСР насчитывалось 584 городов, в том числе в 3,5 раза выросло число городов с населением от 100 тыс. до 1 млн чел. (31 город имел свыше 500 тыс. жителей), в 1,3 раза (до 322) увеличилось количество городов с населением от 10 до 50 тыс. чел. Этот рост происходил в том числе за счет укрупнения части малых городов (5–10 тыс. чел.) и перехода их в статус средних. Выросло количество рабочих и курортных поселков (до 741). Соответственно, в 2 раза увеличилась численность городского населения (с 17 442 655 чел. в 1926 г. до 36 875 233 чел. в 1939 г.) [Всесоюзная перепись 1926 г.; Всесоюзная перепись 1939 г.].

Всего в 1939 г. численность городских населенных пунктов достигла 1 325. В основном городской статус получали быстро растущие промышленные поселения и районные центры [Сенявский, 2019]. Только в 1938 г. 30 населенных пунктов РСФСР было преобразовано в города, а 178 – в рабочие поселки [СССР, 1939, с. 15].

Урбанизационный переход в целом завершается к концу 1980-х гг. формированием структуры населения и городского расселения, характерных для индустриального общества. По переписи 1959 г. численность городского населения РСФСР достигла 62 059 783 чел., или составило 52,8 % всего населения [Всесоюзная перепись 1959 г.], в 1989 г. оно выросло до 108 425 580 чел. (73,6 %) [Всесоюзная перепись 1989 г.].

К 1959 г. количество городов в РСФСР достигло 1 021 (в сравнении с 1939 г. рост составил 174,8 %), а к 1989 г. – 1072 (темп роста 183,6 %) [Фаттахов и др., 1989, с. 439]. Рост продолжался несмотря на ужесточение критериев отнесения населенных пунктов к категории городов. В соответствии с указом Президиума ВС РСФСР от 12 сентября 1957 г. численность населения городов должна была быть не менее 12 тыс. чел. с удельным весом рабочих и служащих не менее 85 %. К рабочим поселкам были отнесены населенные пункты с количеством населения не менее 3 тыс. человек [О порядке отнесения..., 1957]. Кроме того, в указе были выделены категории городов с учетом их людности и административной подчиненности:

- города краевого, областного и республиканского (АССР) подчинения, имеющие крупное промышленное значение и являющиеся культурно-политическими центрами, с числом населения свыше 50 тыс. жителей;
- города районного подчинения, являющиеся культурными и промышленными центрами, с населением не менее 12 тыс. чел., при наличии в составе этого населения не менее 85 % рабочих, служащих и членов их семей;
- рабочие поселки при крупных заводах, фабриках, шахтах, рудниках, электростанциях, железнодорожных станциях, строительствах больших гидротехнических сооружений и других экономически важных объектах с населением не менее 3 тыс. чел., при наличии в составе населения не менее 85 % рабочих, служащих и членов их семей.

В дальнейшем эти категории городских поселений, где малые города имели, как правило, статус районных центров, были подтверждены указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 17 августа 1982 г. [Положение..., 1982].

Таким образом, если в начале XX в. малым городом считалось городское поселение с численностью населения от 5 до 10 тыс. чел., то во второй половине XX в. к ним стали относить населенные пункты с числом жителей до 50 тыс. чел., как правило, выполнявшие функции районного центра и находившиеся в областном/краевом/республиканском подчинении.

Малые города, возникшие на волне индустриализации, развивались двумя путями: незначительная их часть выросла, перейдя в категорию средних и больших городов. В 1930-е гг. наиболее высокими темпами развивались города – центры угледобычи, черной и цветной металлургии, тяжелого машиностроения. Среди них были Новокузнецк, Магнитогорск, Мурманск и др. [Сенявский, 2019, с. 155]. Однако бóльшая часть малых городов затормозилась в своем развитии и в дальнейшем стала терять население. По подсчетам Г. М. Лаппо, доля населения, проживающего в малых городах, сократилась с начала XX в. вдвое [Лаппо, 1997]. Быстрее всего теряли население промышленные моногорода и города сырьевой специализации. И напротив, города-спутники, расположенные в зоне влияния крупных региональных центров, а также транспортные узлы имели вполне позитивные перспективы развития. Среди динамично развивающихся малых городов также отмечены наукограды, исторические города, в которых формировался туристский сектор экономики [Кудрякова, 2012].

Характерна динамика численности малых городов: если в первой половине XX в. она была положительной, то на завершающей стадии урбанистического перехода их число сокращается, включая долю проживающего в них городского населения (табл. 2).

В постсоветский период деструктивные процессы в малых и особенно в моногородах усилились, породив феномен опустевших городов в связи с закрытием предприятий, безработицей, трудовой миграцией и т.д. [Попов, Гнатюк, 2017]. Н. В. Зубаревич, анализируя современную ситуацию, отнесла малые города, а также поселки и села к «России-3» – наиболее проблемному кластеру расселения, для которого характерна депопуляция населения, слабое развитие инфраструктуры, влияющей на низкие показатели человеческого потенциала [Зубаревич, 2012, с. 147]. Традиционной проблемой малых городов является отсутствие или низкое качество дорог, невысокий уровень благоустройства, износ жилищного фонда. По статистическим данным, средняя обеспеченность жилой застройки централизованным водоснабжением составляет в них 42 %, канализацией – 46 %, центральным отоплением – 45 % [Там же]. Все это способствовало превращению малых городов в депрессивную зону.

Таблица 2

*Динамика городского расселения РСФСР / РФ по данным переписей населения второй половины XX – начала XXI в.**

Категории городских поселений	Число городов / доля городского населения, %				
	1959 г.	1970 г.	1989 г.	2003 г.	2010 г.
Всего	1 021/ 100,0	1 046/ 100,0	1 072/ 100,0	1 099/ 100,0	1 100/ 100,0
Малые (до 50 тыс.)	834/28,0	810/ 23,1	740/17,2	770/16,9	781/16,9
Средние (50–100 тыс.)	98/12,8	112/11,0	168/11,9	163/11,6	155/11,1
Большие (100–250 тыс.)	53/15,3	75/16,7	88/14,2	91/14,2	91/14,5
Крупные (250–1 000 тыс.)	34/28,9	43/28,2	64/30,2	62/28,2	61/28,7
Крупнейшие (св. 1 000 тыс.)	2/15,0	6/21,0	12/26,6	13/28,6	14/28,9

* [Фаттахов и др., 2019, с. 439].

Особенностью формирования городской среды малых городов было то, что и в имперский и в советский периоды они развивались под строгим контролем государства, которое определяло размеры и конфигурацию социальной и культурной инфраструктуры, а слабость местной власти и отсутствие среднего класса ограничивали внутренние источники и возможности развития. Более того, городское развитие было подчинено ведомственным интересам, как правило, игнорировавшим потребности населения. Часто малые города были приложением к градообразующим предприятиям со всеми вытекающими последствиями.

В истории страны можно выделить периоды, когда ситуация несколько смягчалась. Они были связаны либо с реформами местной власти (городской реформой второй половины XIX в., муниципальной реформой 1990-х гг.), либо с усилением социальной ориентации государственной политики (1960-е гг.), сопровождавшейся жилищным и социально-культурным строительством.

В 1996 г. была принята Федеральная комплексная программа развития малых и средних городов Российской Федерации в условиях экономической реформы (Указ Президента РФ от 24 мая 1996 г. № 775), результаты которой весьма противоречивы [Об утверждении…, 1996]. В частности, проводимая правительством в 2000-е гг. политика оптимизации социально-культурной сферы больнее всего ударила по малым городам и сельской местности.

Союзом малых городов России был предложен проект «Федеральная целевая программа социального и экономического развития малых и средних городов Российской Федерации на 2009–2012 гг. и до 2017 г.». В 2012 г. Минрегион разработал концепцию федеральной программы «Развитие малых городов России (2014–2020)». Создана ассоциация «Союз малых и средних городов России», в задачи которой входит преодоление депрессивных тенденций. Однако принципиальных перемен в региональной политике правительства не произошло и проблемы малых городов остаются нерешенными.

Между тем малые города формируют каркас системы расселения на локальном уровне, выступая в роли центров сельской местности и выполняя функции обслуживания прилегающих сельских населенных пунктов. В малых городах размещены перерабатывающие предприятия, транспортные узлы, учреждения профессионального образования и здравоохранения. В отношениях с более крупными городами они выступают донорами, участвуя в формировании их человеческого капитала [Лаврова, 2015, с. 204].

Наиболее значимым фактором развития малых городов выступает их удаленность от областного центра, причем расстояние оказывает неоднозначное влияние. Специалисты выделяют три пояса расселения в зависимости от транспортной доступности областного центра (по минутам) (МТД):

- первый пояс – радиус транспортной доступности 30–45 МТД;
- второй пояс – 45–90 МТД;
- третий пояс – более 90 МТД.

Включение малого города в один из поясов влияет на его темпы роста, функции, динамику развития городской среды [Там же, с. 206]. Города, относящиеся к *первому поясу*, наиболее тесно связаны с областным центром, который оттягивает в форме возвратной или маятниковой миграции значительную часть населения. *Второй пояс* поддерживает межселенные связи в обоих направлениях: с одной стороны, с центром системы расселения, с другой – с окружающей его территорией. Трудовая миграция в направлении областного центра в этом поясе выражена слабо. Значительно возрастает роль данных городов как обслуживающих и организующих центров сельскохозяйственной округи. *Третий пояс* характеризуется относительно ограниченными связями с областным центром. Напротив, эти города сами являются центрами притяжения трудовых ресурсов с прилегающих территорий. Их относительная удаленность от экономических, деловых и культурных центров создает предпосылки для развития соб-

ственных финансовых, производственных и социально-культурных объектов.

Таким образом, малые города, особенно районные центры, играют важную роль в экономике своих территорий. Здесь концентрируются основные сельскохозяйственные производства, прежде всего сельхозпереработка. Они выполняют функции административных и культурных центров для прилегающих сельских территорий, поддерживая их жизненный потенциал.

Особенности историко-культурного ландшафта малых городов

Историко-культурный ландшафт города определяет его лицо и является результатом исторического развития, аккумулируя в элементах ландшафта следы времени. По подсчетам Г. М. Лаппо, существующие малые города по времени возникновения распределяются следующим образом (табл. 3):

Таблица 3

*Распределение малых городов по времени возникновения**

Время основания города	По состоянию на 2002 г.	
	количество городов	%
X–XVII вв.	133	17,7
XVIII в.	99	13,2
XIX – начало XX в.	17	2,3
1917–1926 гг.	48	6,4
1927–1940 гг.	94	12,5
1941–1945 гг.	47	6,3
1946–1991 гг.	285	38,0
1992–2001 гг.	27	3,6
Всего	750	100,0

* [Лаппо, 2012, с. 154].

Исходя из распределения, 1/3 городов относится к категории исторических, т. е. они получили статус города в X–XIX вв. Две трети малых городов появились в советский и постсоветский периоды (63,2 и 3,6 % соответственно). Исторические города по обстоятельствам их образования в соответствии с классификацией, предложенной В. П. Семеновым-Тян-Шанским, можно подразделить на следующие подтипы [Семенов-Тян-Шанский, 1910, с. 38]:

- города, возникшие в X–XVII вв. как оборонительные крепости и выполнявшие военно-оборонительные, торговые и административные функции;
- административные города (XVIII в.), появление которых было связано с губернской реформой Екатерины II;
- торгово-промышленные города (вторая половина XIX в.), рост которых был вызван промышленным переворотом и индустриализацией.

Советские новые города по условиям градообразования Г. М. Лаппо подразделяет на промышленные города-заводы, бывшие фабричные села, бывшие сельские административные центры, сырьевые города-добытчики (нефтеграды, города-шахтеры, горнодобывающие), пристанционные города (связанные с транспортными путями), города-энергетики и города-спутники (включая наукограды) [Лаппо, 2012, с. 152–180].

С учетом историко-культурного потенциала малых городов рассмотренные выше классификации можно совместить, выделив в качестве самостоятельных типов исторический город (город-крепость X–XVII вв.; промышленный город-завод XVIII в.; уездный административный город XVIII–XIX вв.); советский город (соцгород – промышленный, аграрный; позднесоветский город – спутник, наукоград, города-энергетики).

Каждый из типов городов имеет свою специфику формирования историко-культурного ландшафта, а его структура представлена сохранившимися архитектурными комплексами исторического или индустриального наследия, памятниками, музеями, библиотеками и архивами.

Значительная часть малых городов (17,7 %) относится к категории исторических. Их основание датируется X–XVII вв. и чаще всего связано с оборонительной функцией, а также ремесленно-торговой и административной, но уже во вторую очередь. Подавляющее большинство исторических городов расположено в Центральном федеральном округе, а также в Поволжье и на Северо-Западе. Доминантами историко-культурного ландшафта исторического города выступают оборонительные, храмовые архитектурные комплексы, дополненные жилой и административной застройкой XVIII–XIX вв. с элементами регулярной перепланировки, так как большинство из них выполняли функции уездного центра, а в советский период – районного города. Индустриальное преображение городов этого типа чаще всего не состоялось, поскольку изначально они создавались как центры сельскохозяйственной округи. Таким

образом, историко-культурный ландшафт исторических городов имеет слоистую структуру, включая памятники и следы доимперского, имперского и советского прошлого с доминированием одного из слоев.

Так, например, г. Трубчевск, административный центр Трубчевского района Брянской области с числом жителей около 13 тыс. чел., был основан в конце X в., с XII в. стал центром удельного княжества. В течение XIII–XVII вв. выполнял функции пограничной крепости. В 1778 г. получил статус уездного города, образ которого доминирует в историко-культурном ландшафте до сих пор (рис. 1).

В 1944 г. Трубчевск становится районным центром. В городе действовали три завода (овощесушильный, пенькотрепальный и сы-

Рис. 1. Трубчевск. Фото с сайта Tabibito.ru.

роваренный), ткацко-прядильная фабрика, больничный комплекс, педагогическое училище, семь школ и четыре техникума. Историко-культурный ландшафт города формируют несколько храмов (XVII–XIX вв.), развалины монастыря, Кветунское городище (археологический памятник за чертой города), Пожарная каланча (1894 г.), Парк культуры и отдыха им. А. М. Горького, расположенный на месте исторического центра древнего Трубчевска. В городе действует Трубчевский краеведческий музей, образованный в 1919 г., где хранится уникальная коллекция археологических находок, относящихся к периоду раннеславянской культуры и Древней Руси, коллекция документов XVIII – нач. XIX вв.

Другим примером исторического города с историко-культурным ландшафтом, детерминированным событиями 1941–1945 гг., может

служить Ржев – районный центр Тверской области, дата основания которого относится к XI в.

В допетровский период поселение имело важное оборонное и торговое значение. В 1775 г. Ржев стал уездным городом, а в советский период – районным центром.В середине XIX в. здесь работали 25 заводов и фабрик, в том числе маслобойная, льнообрабатывающая, лесопильная, кожевенная и кирпичная мануфактуры. В годы Великой Отечественной войны город был практически полностью разрушен, что наложило отпечаток на его историко-культурный ландшафт и меморативное пространство. Из архитектурных памятников прошлого сохранилось несколько зданий: здание Государственного банка (модерн, нач. XX века); несколько купеческих домов XIX в. Советская эпоха оставила более заметный след в жилой («Калининские дома») и общественной застройке (здание вокзала «Ржев-2», архитектурный комплекс площади Революции) (рис. 2).

Рис. 2. Ржев. Площадь Революции. Фото с сайта Wikimedia.org.

В меморативном пространстве доминируют места памяти, связанные с войной – мемориал советскому солдату (2020) (рис. 3), стела в честь освобождения Ржева (1944), аллея героев Советского Союза; обелиск освободителям Ржева и вечный огонь, стела на месте казни подпольщиков, памятники полководцам и военачальникам. В городе работает пять музейных комплексов, старейшим из которых является краеведческий музей, открытый в 1916 г. В нем создана экспозиция

с диорамой «Ржевская битва» (2005). Кроме того, в городе есть музей истории Ржевского корпуса противоздушной обороны, Изба-музей «Калининский фронт. Август 1943 г.», созданный как музей И. Сталина в дер. Хорошево (2015 г.); Ржевский филиал Центрального музея Октябрьской железной дороги (2017 г.). Все они ориентированы на увековечение памяти о войне.

Рис. 3. Ржевский мемориал. Фото с сайта Kremlin.ru

К историческим городам примыкают *уездные города,* порожденные губернской реформой Екатерины II, благодаря которой фактически сформировалась новая городская сеть. Она частично включила уже сложившиеся центры и новые (уездные), переведенные из разряда слобод и сел в категорию городов. При определении претендентов на роль уездного центра учитывался размер поселения, его расположение, наличие транспортных путей. Все города утверждались императорским указом и получали герб. Всего же, если судить по преамбуле к Грамоте городам, за 23 года царствования Екатерина II учредила 216 городов, «...воздвигнутые повсюду, где того требовали или местныя выгоды, или стечение окрестных жителей» [Грамота на права и выгоды..., 1987].

С учетом административных функций города подразделялись на губернские, уездные и заштатные. В них в соответствии с «Учреждением для управления губерний Российской империи» формируется система публичных органов управления на принципах сословности и разделения административной и судебной власти. Уездные города

имели определенный набор учреждений, обеспечивающих выполнение ими функций центра территории – уездное правление, церковь, 2-х-классное училище, почтовую станцию, а также промышленные предприятия, кузницы, мельницы, ориентированные преимущественно на местный потребительский рынок и связанные с кожевенным, мыловаренным, водочным, кирпичным, саловаренным и прочими производствами. Обязательным элементом инфраструктуры уездного города были еженедельные ярмарки и базары. Вводилась регулярная планировка, велось каменное строительство присутственных зданий с использованием типовых проектов. Многие из этих построек сохранились до настоящего времени.

В старых городах в результате проведения градостроительной реформы перепланировке подверглась преимущественно селитебная зона – улицы города. В новых городах планировка привела к более глубоким изменениям городского пространства: было проведено межевание, оформлялся общественный центр с присутственными зданиями, торговыми рядами, храмом [Черненко и др., 2014]. Типовые архитектурные решения формировали стандартизированный образ уездного города. В советский период бывшие уездные города подверглись новой перепланировке, в ходе которой часть зданий была снесена, на их месте стали строить новый общественный центр с памятниками героям революции и Великой Отечественной войны и жилые кварталы с 2-х- и 4-х этажными домами.

Так, например, город Красноуфимск (Пермская губерния) был основан в начале XVIII в. как крепость, в 1781 г. получил статус уездного города, а в советское время – районного центра сельскохозяйственного района, где размещались машинно-тракторная станция, крахмалопаточный завод, селекционная станция, мехзавод, предприятия по переработке сельскохозяйственной продукции. Историко-культурный ландшафт современного Красноуфимска определяют архитектурные памятники XIX – начала XX в. – Собор Александра Невского, построенный в 1914 г.; крепостная башня XVIII в. и первая казачья изба – старейшие деревянные сооружения города; Свято-Троицкий собор (1804 г.); здание железнодорожного вокзала ст. Красноуфимск (нач. XX в.) (рис. 4); здание Красноуфимского промышленного училища; винного погреба Поклевского-Козелл; земской больницы; земской управы; жилые постройки конца XIX в. Эти памятники активно используются для формирования исторического образа города как уездного центра, привлекательного для туристов.

Историческая застройка города была дополнена административными и общественными зданиями, построенными в советский пери-

од. Они располагаются вокруг центральной площади с памятником Ленину, мемориалом погибшим в годы Великой Отечественной войны и городским парком (рис. 5). Ядром меморативного пространства города выступает краеведческий музей, созданный в 1912 г. по инициативе земских учителей. Кроме него в городе открыт музейный комплекс «Красноуфимская земская больница» – филиал Свердловского областного музея истории медицины.

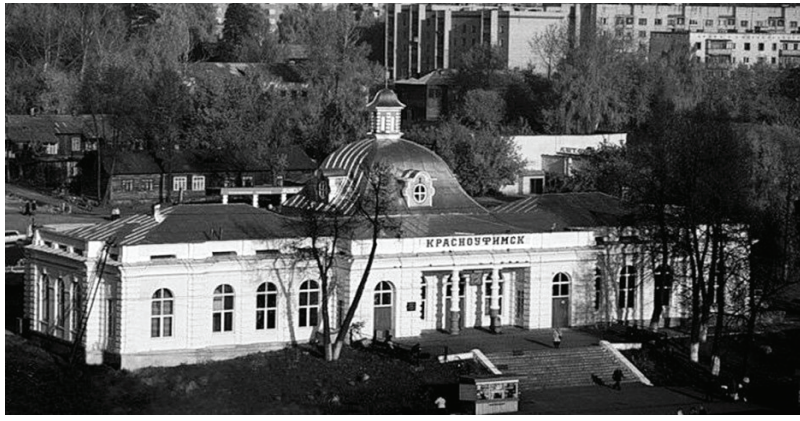


Рис. 4. Красноуфимск. Здание железнодорожного вокзала.
Фото с сайта АО «Содружество».

Рис. 5. Красноуфимск. Здание городской администрации и центральная площадь.
Фото с сайта Gorodarus.ru.

Специфическое историко-культурное пространство характерно для городов-заводов, основанных в конце XVII–XVIII в., преимущественно на Урале и Алтае [Капкан, 2006]. К ним относятся поселения при железоделательных заводах и приисках, получившие после революции статус города и сохранившие промышленную специализацию в моноотраслевом варианте на протяжении XX в. В Свердловской области примерами городов-заводов могут служить города Алапаевск, Нижний Тагил, Верхняя Салда.

По мнению специалистов, заводское поселение представляет собой специфический хронотоп, сочетающий черты города и села [Там же, с. 42]. Поселки возникали одновременно с сооружением заводских производств или вслед за ними. Обязательным элементом выступали плотина и пруд, по берегам которого располагался поселок [Голикова, 2003, с. 67]. Своеобразие планировки и застройки городов-заводов заключалось еще и в том, что она имела регулярный характер. Общественный центр включал административные, культовые, торговые здания, а также дом заводоуправителя или владельца, которые располагались на площади рядом с заводскими воротами [Лотарева, 1993, с. 97].

Заводское прошлое накладывает отпечаток на современный вид этих поселений, где ядро меморативного пространства формируют объекты индустриального наследия – памятники промышленного производства – здания заводоуправления, цехов, плотина. В XX в. города-заводы часто становились строительной площадкой для новых заводов, в результате индустриальный пейзаж содержит черты старого и нового промышленного строительства.

Верхняя Салда была основана в 1778 г., когда Демидовы начали строительство Салдинского чугуноплавильного и железоделательного завода. В 1920-е гг. здесь был построен завод металлоконструкций. В 1929 г. в связи с ростом численности населения завод получил статус рабочего поселка, а через десять лет – города (1938 г.). В 1950-е гг. было налажено производство титановых изделий и в настоящее время градообразующим предприятием выступает корпорация ВСМПО-АВИСМА – крупнейшее в мире предприятие, выпускающее титановые изделия. Что касается Верхнесалдинского металлургического завода, то в 2015 г. он был признан банкротом, а его постройки снесены.

Современный историко-культурный ландшафт города определяет типовая застройка послевоенного времени (рис. 6). Из памятников XIX в. сохранилось здание бывшей конторы заводоуправления (1831), в котором сейчас располагается Краеведческий музей; Храм Иоанна Богослова (1896 г., восстановлен в 2000-е гг.); несколько купеческих домов; заводской госпиталь; земское училище; дом управителя завода

(1831). Среди памятных мест советского времени отмечены памятники героям Гражданской войны, жертвам политических репрессий, мемориальный комплекс павшим в годы Великой Отечественной войны, памятник воину-победителю у проходной завода, памятник ратным и трудовым подвигам заводчан в годы войны. Много памятных знаков, посвященных индустриальному наследию, в том числе настенная панорама в музее корпорации ВСМПО-АВИСМА, памятные знаки в честь первой плавки и первой прокатки титанового листа, скульптура «Титановая роза».

Рис. 6. Верхняя Салда. Дворец культуры им. Г. Д. Агаркова с фонтаном «Данила-мастер». Фото с сайта Uraloved.ru.

Таким образом, в меморативном ландшафте бывших заводских поселений доминируют образы индустриальной памяти с акцентом на прошлом или настоящем в зависимости от состояния экономики города.

Особый историко-культурный ландшафт характерен для городских поселений советского времени, построенных в русле концепции соцгорода. Под термином «социалистический город» понимаются поселения, возникшие в 1930–1950-е гг., которые М. Меерович назвал ведомственными с преимущественно промышленной (рабочий поселок) или сельскохозяйственной специализацией (агрогород). [Меерович, 2017, с. 331].

Формирование концепции соцгорода относится ко времени первых пятилеток [Бугров, 2018]. Изначально предполагалось, что в будущем «каждый город будущего станет рабочим поселком рядом с заводом. А заводы и промышленные комплексы не будут сосредоточены в одном месте, как сейчас: они будут распределены по всей территории страны в соответствии с рациональным планом...» [Ильин, 1931, с. 137]. Пятилетний план предусматривал создание 200 новых городов вокруг центров развивающейся промышленности. В идеале строительство нового социалистического города предполагало уничтожение старых городов [Гинзбург, 1926], но на практике этого не происходило.

Среди городов, основанных в раннесоветский период на Урале, значится Красноуральск, возникший в 1925 г. в связи с началом освоения Красногвардейского месторождения медных руд и строительством медеплавильного завода. В 1931 г. медеплавильный завод был пущен, одновременно поселение при заводе получило статус рабочего поселка, а в 1932 г. – города. 30 июля 1957 г. с целью организации полного цикла производства был создан Красноуральский медеплавильный комбинат, объединивший Красноуральское рудоуправление, химический и медный заводы. В 1993 г. градообразующее предприятие преобразуется в ОАО «Святогор» в составе УГМК-Холдинга. Медеплавильный комбинат сегодня определяет экономику города и занимает центральное место в его меморативном пространстве: культурным центром выступает Дворец культуры Металлург, рядом с заводскими цехами поставлен Памятник первой плавке (рис. 7).

Рис. 7. Красноуральск. Медеплавильный комбинат. Памятник первой плавке. Фото с сайта Vpk-sevastopol.ru.

Индустриальная память дополнена памятными местами, посвященными увековечению событий Великой Отечественной войны, среди них памятник Герою Советского Союза Л. Г. Бабушкину, расположенный на площади Победы, мемориальный комплекс Воинской доблести и самоотверженному труду красноуральцев в 1941–1945 гг.

Есть в городе музей, он появился в 1960 г. при градообразующем предприятии сначала как технический кабинет, а затем разросся до историко-производственного музея, где проводились выставки, экскурсии, встречи. В 2009 г. музей стал муниципальным учреждением. Кроме него, в городе еще действуют два школьных музея.

В городе имеется храм Во имя Праведного Иоанна Кронштадского и Преподобного Сергия Радонежского, открытый в 1998 г. (рис. 8). Любопытна его история: под храм было отдано полуразрушенное здание бывшего дворца культуры «Строитель». Оно послужило фундаментом для церковного строительства.

Рис. 8. Красноуральск. Иоанно-Сергиевский храм. Фото А. В. Панова.

В целом идея соцгорода исчерпала себя уже в довоенный период. В 1950-е гг. начался процесс разработки генеральных планов городов, которые опирались на другие градостроительные принципы, ориентированные на комплексную застройку. Примером такого города может служить Качканар.

Строительство градообразующего предприятия – Горнообогатительного комбината (ГОКа) рядом с горой Качканар началось в 1957 г. Параллельно с промышленной стройкой развернулось массовое жи-

лое строительство, возводились предприятия быта, кинотеатр, стадион, библиотека, школы и другие объекты. В 1968 г. поселок получил статус города.

Историко-культурный ландшафт города, не имеющего истории, формируют символы покоренной природы – это гора Качканар, пруд, парки, а также памятные места, посвященные первостроителям города – памятник «Первые палатки», памятник Д. Гикалову – первому директору ГОКа [Веселкова и др., 2016]. Среди достопримечательностей – памятник Ликвидаторам атомных катастроф, мемориалы погибшим в Афганистане, павшим в Великой Отечественной войне, Дворец культуры (рис. 9), Храм Воскресения Христова, Аллея арок. В 1991 г. решением исполкома горсовета в городе открылся историко-краеведческий музей. Первоначально он имел статус филиала Нижнетагильского государственного музея-заповедника горнозаводского дела Среднего Урала. В 2014 г. музей становится структурным подразделением Дворца культуры. Музейное пространство города дополняют музей ОАО «Качканарский ГОК» (2013) и пять школьных музеев.

Рис. 9. Качканар. Дворец культуры. Фото Т. А. Удинцевой.

Разновидностью новых моногородов выступают наукограды. На на 1 января 2021 официально их насчитывалось 12, хотя, по мнению Г. М. Лаппо, количество наукоградов значительно больше – до 70 [Лаппо, 2012, с. 133]. К ним были отнесены поселения с высоким на-

учно-техническим потенциалом, образованные при научно-производственных комплексах и ориентированные на разработку наукоемких продуктов и технологий, преимущественно в отраслях авиа-, ракетостроения, космических исследований; электроники и радиотехники; автоматизации, машино- и приборостроения; химии, химической физики; ядерного комплекса; энергетики; биологии и биотехнологии. Лишь небольшая часть наукоградов относится к категории малых городов и размещается вне спутниковых зон крупных агломераций. К ним относятся Пущино, Фрязино, Черноголовка, Протвино (Московская область), Лесной (Свердловская область) и др.

Строительство наукоградов происходило в новых условиях, когда архитектурные концепции постепенно начали переориентироваться от идеологии массового типового строительства к поиску оригинальных решений, учитывающих особенности природной среды и направленных на ее сохранение. Особенностью застройки наукоградов стало использование индивидуальных проектов общественных зданий и общей планировки поселения. При строительстве жилья приоритет получило многоэтажное строительство в сочетании с благоустроенными коттеджными постройками.

К категории наукоградов, соответствующих критериям малого города относится, например, Снежинск (Челябинская область), основанный в 1957 г. при строительстве научно-производственного предприятия. Город расположен на берегу живописного озера Синара, где раскинулся парк культуры и отдыха. В городе, помимо общеобразовательных учреждений, работает Физико-технический институт, есть музей атомного оружия. В центре города располагается площадь Ленина с административными зданиями, дворцом культуры, почтой, универмагом. На площади находится памятник Ленину (1970). Рядом с городской администрацией расположен «Сад Камней», основанный в 1977 г. благодаря обществу любителей камня. В 2009 г. в городе появился памятник жителям Снежинска, погибшим в локальных конфликтах. На площади Победы расположен памятник Воину-освободителю. Также есть памятники П. И. Чайковскому,П. П. Бажову, И. В. Курчатову, К. И. Щелкину, Д. Е. Васильеву. Мемориальные доски установлены на домах, в которых жили ученые – К. И. Щелкин, Е. И. Забабахин, Г. П. Ломинский, Б. В. Литвинов,В. Ф. Гречишников, А. Д. Захаренков, О. Н. Тиханэ, Л. П. Феоктистов, Г. А. Цырков, М. П. Шумаев, Н. Н. Яненко. Неофициальным символом Снежинска является Ротонда, построенная в 1959 г. (рис. 10). Все это придает городу уникальные черты.

Анализируя историко-культурный ландшафт малых городов России, следует отметить их общие черты, характерные для архитек-

Рис. 10. Снежинск. Ротонда. Фото: Bogdanov-62, CC BY-SA 3.0, https://commons.wikimedia.org/w/index.php?curid=33265110.

турно-планировочных решений – это влияние советской градостроительной политики на зонирование территории города, в структуре которого выделяется общественная, жилая и промышленные зоны. В малых городах, как правило, сохраняется малоэтажная жилая застройка с преобладанием индивидуальных домов традиционного типа. Есть парк, дом культуры, кинотеатр, музей, универмаг, рынок. Если город стоит на реке или пруду, есть небольшая набережная. В исторических городах в центре можно увидеть отдельные памятники архитектуры XVIII–XIX в. [Филиппов, 2021], т. е. для историко-культурного ландшафта малых городов с историческим прошлым характерна слоистая структура. Большую роль в культурной жизни малого города играют градообразующие предприятия, учебные заведения и местные СМИ, выступающие точками инновационной активности.

Наличие типового общественного центра, который включает центральную площадь с административными зданиями, памятником Ленина или героям Великой Отечественной войны (иногда с Вечным огнем), свидетельствует о стандартизации меморативного пространства малого города, нацеленного на поддержание государственного мифа. Однако задачи формирования локальной идентичности заставляют искать решения, подчеркивающие уникальность места. И здесь

большую роль играет историко-культурный потенциал территории и возможности преобразования его в историко-культурный капитал. В одном случае это может быть обращение к древней истории города, в другом – капитализация образа уездного города, города-завода, ярмарки или духовного центра. Города, не имеющие «длинной» истории, используют для формирования локальной идентичности инновационный потенциал территории, подчеркивая свой вклад в развитие науки или экономики страны.

Успешность ребрендинга малого города определяется двумя факторами – наличием у города финансовых возможностей для реконструкции и развития историко-культурной среды, а также субъективным фактором, связанным с активностью местной общественности – краеведов, волонтеров, спонсоров, жителей города, которым небезразлична его судьба. Центрами активности, влияющими на трансформацию меморативного ландшафта, как правило, выступают местные центры культуры – музеи и библиотеки, дворцы культуры, образовательные учреждения, реализующие функции аккумуляции и актуализации исторического наследия.

Музеи в структуре историко-культурного ландшафта малого города

Неотъемлемым элементом историко-культурного и меморативного ландшафта не только городского, но порой и сельского поселения выступают музеи, выполняющие функции по реконструкции локальной истории и формированию идентичности. Особое значение музеи приобретают в малых городах, где разнообразие культурной жизни концентрируется в ограниченном количестве центров. Их деятельность разворачивается в тесном взаимодействии с другими очагами культуры и отличается от условий работы музеев крупных городов. Среди характерных черт музеев малого города следует выделить: многопрофильность и тематическую универсальность, упор на образовательные и воспитательные практики, инициативный характер создания фондов, ориентацию на сохранение локального историко-культурного наследия и музеефикацию повседневности. Это не элитарное учреждение, а вполне «домашний» уголок памяти, с которым все жители города знакомы с детства и который служит моделью малой родины, почти семьи.

Музейная среда малого города, как правило, включает 1–2 муниципальных или государственных музея (исторический, краеведческий, мемориальный), 3–5 школьных музеев, музеи градообразующих

предприятий, все чаще встречаются частные музеи. Из них официальную регистрацию обычно имеет муниципальный музей, действующий постоянно. Остальные музейные учреждения при школах или предприятиях не имеют самостоятельного статуса, часто работают на общественных началах или выступают в качестве структурного подразделения соответствующей организации. Таким образом, музейная сеть имеет полуофициальный характер и отличается нестабильностью и ограниченной доступностью, поскольку школьные и корпоративные музеи не имеют постоянного графика работы и ориентированы на реализацию образовательных или презентационных задач.

В 2020 г. в РФ было 2 917 официально зарегистрированных музеев, в том числе 1 885 самостоятельных учреждений, 709 филиалов и 323 структурных подразделений. Из них 2 665 музеев (1 751 учреждений, 666 филиалов и 248 структурных подразделений) относились к категории местных и находились в подчинении муниципальных органов власти. 147 музеев имели статус негосударственных. Более 90 % музейных учреждений располагается в провинции, реализуя просветительские, научно-исследовательские и образовательные задачи и обеспечивая выполнение установленных законом функций – хранения, выявления, собирания и изучения, а также публикации музейных предметов и коллекций.

Наличие скрытой от официальной статистики музейной сети осложняет изучение особенностей музейного пространства малых городов и ставит перед исследователями задачу его наполнения. С этой целью в рамках исследовательского проекта «Музей малого города России» была создана база данных. При составлении базы использовались сведения сайта «Города России», где можно найти список малых городов России по состоянию на 2021 г. Второй информационный источник – портал «Музеи России» (http://www.museum.ru/), здесь представлена структурированная справочная информация по музеям. Также была использована информация сайта «Частные и народные музеи России» (https://privatemuseums.ru/), который включает электронный каталог музейного фонда Ассоциации частных и народных музеев России.

Но на указанных сайтах представлена только часть музеев малых городов. Практически отсутствуют сведения о школьных и корпоративных музеях. Для поиска недостающей информации применялись поисковые системы *Яндекс* и *Google*, позволившие найти сайты музеев и их официальные страницы в социальных сетях. В результате удалось сформировать представительный информационный ресурс, в котором на данный момент представлены сведения о 1 083 музеях,

среди них 662 (61,1 %) муниципальных, 238 (22,0 %) государственных, 122 (11,3 %) частных. Это 2/3 от предполагаемой генеральной совокупности, точные размеры которой можно обозначить лишь приблизительно. Но созданный массив можно рассматривать как вполне репрезентативный для статистической обработки информации о музеях, изучения структуры, динамики музейной сети и основных направлениях работы музеев.

База данных была создана с целью систематизации информации о музейной сети малых городов и может быть использована для решения поисковых и исследовательских задач. Структура базы данных включает 29 полей: название, город, область/край, дата основания, дата открытия, сведения об основателе музея, историческая справка; статус организации, тип музея; размещение и характеристика здания; цель создания, начальный статус; основные, образовательные и дополнительные услуги; количество сотрудников; среднее число посетителей в год; характеристика фондов; дополнительные подразделения; ежегодные мероприятия; режим работы; источники финансирования (спонсоры); местные достопримечательности, сайт.

В базе данных представлена информация по основным видам музейных учреждений – краеведческим, мемориальным, историческим, литературным, художественным и т. д. Так, например, 32 музея (3,0 %) относятся к архитектурно-ансамблевым комплексам; 197 (18,2 %) – к историческим; 29 (2,7 %) – к естественно-научным музеям; 485 (44,8 %) – к краеведческим и историко-краеведческим; 68 (6,3 %) – к художественным; 89 (8,2 %) – к мемориальным; 6 (0,6 %) – к литературным; 23 (2,1 %) – к музеям науки и техники[2].

При сравнении музейной сети РФ по состоянию на 2018 г. с базой данных максимальное отклонение по группе исторических музеев достигает 10 %, а по большинству позиций находится в переделах 5 %, что позволяет говорить о репрезентативности представленной в базе данных музейной сети и ее структурных характеристиках (табл. 4).

Аналогичная ситуация складывается при сравнении распределения музеев по времени возникновения. Изучение динамики численности музеев в XX в. свидетельствуют о трех волнах расширения музейной сети. Первая волна приходится на 1920-е гг., когда за счет создания историко-революционных музеев, а также роста числа краеведческих музеев их численность в сравнении с 1914 г. выросла в 4,2 раза (со 149 в 1914 г. до 628 в 1928 г.). Вторая волна охватывает 1970–1980-е гг.: в 1988 г. по сравнению с 1950 г. количество музеев выросло в 2,1 раза (1950 г. – 542, 1980 г. – 740; 1988 г. – 1 130). Третья и самая мощная волна приходится на 1990-е гг.: численность музейных учреждений

[2] Расчеты сделаны по материалам БД «Музеи малых городов России».

в РФ выросла до 2 047 в 2000 г. и 2 809 в 2018 г., а всего темп роста в сравнении с 1988 г. составил 2,5 раза [Мазур, 2021].

Таблица 4

*Структура музейной сети РФ**

Виды музеев	Число музеев в 2018 г.	Удельный вес музеев, %	Число музеев в БД	Удельный вес музеев в БД, %	Отклонение, %
Всего музеев, в том числе:	2809	100,0	1083	100,0	
художественные	342	12,2	68	6,3	5,9
исторические и археологические	543	19,3	318	29,4	– 10,1
краеведческие	1443	51,4	485	44,8	6,6
естественно-научные	44	1,6	29	2,7	–1,1
научно-технические	23	0,8	23	2,1	– 1,3
комплексные	251	8,9	160	14,8	– 0,1
отраслевые, специализированные и прочие	163	5,8			

*Россия в цифрах. 2020 : кр. стат. справ. М. : Росстат, 2020. С. 167. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/GOyirKPV/Rus_2020.pdf

Сопоставимую картину можно наблюдать при анализе времени появления музеев, зафиксированных в БД: почти половина музеев (48,2 %) открылись в постсоветский период (с 1991 по 2020 гг.); в послевоенный период (1946–1990 гг.) были образованы 420 (38,8 %) музеев. На раннесоветском этапе (1918–1945 гг.) были основаны 100 (9,2 %) музеев. К дореволюционной эпохе относится 3,8 % музеев.

Таким образом, сведения базы данных могут быть использованы для статистической характеристики музейной сети и ее динамики, формируя вполне репрезентативную картину музеефикации городской среды.

Выводы

Малые города были и остаются наиболее массовым типом городский поселений, где проживает около 17 % городского населения. Большая часть (2/3) современных малых городов получили городской

статус в XX в., поднявшись в годы индустриализации и промышленного строительства. Разнообразие путей становления малых городов отражает их деление в зависимости от происхождения на исторические и советские.

Историческое прошлое отражается в историко-культурном и меморативном ландшафте, имеющем слоистую структуру. В зависимости от даты образования города здесь можно обнаружить слои с древнерусскими памятниками, XVIII–XIX вв., советской застройкой 1930-х гг. (соцгород) или послевоенным строительством. Доминирование памяти об отдаленном или близком прошлом определяется рядом факторов – прежде всего современной стратегией развития города (промышленность, туризм, многофункциональный центр) и его историко-культурным капиталом.

Выделяется несколько моделей меморативного пространства городов: исторические города-крепости, появление которых было связано с реализацией военно-оборонительной и торговой функций; промышленные города-заводы XVIII в.; уездные города XVIII–XIX вв.; советские моногорода (промышленные, аграрные, наукограды). Все они имеют собственную специфику формирования меморативного ландшафта, структура которого представлена памятными местами – сохранившимися архитектурными комплексами исторического или индустриального наследия, памятниками, музеями, библиотеками и архивами. Большую роль в культурной жизни малого города играют градообразующие предприятия, учебные заведения и местные СМИ, выступающие точками инновационной активности. Доминантами меморативного ландшафта являются музеи и библиотеки, которые реализуют функции аккумуляции и актуализации исторического наследия.

Городские музеи способствуют трансформации историко-культурного потенциала в капитал. Однако этот процесс характерен не для всех городов. Депрессивное состояние экономики проявляется в отставании историко-культурной среды малых городов от современных требований и стандартов.

Бугров К. Д. Соцгорода Большого Урала. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2018.

Веселкова Н. В., Прямикова Е. В., Вандышев М. Н. Места памяти в молодых городах : моногр. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2016.

Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г. : кр. сводки. В 10 т. Вып. 3 : Население СССР. М. : Изд-во ЦСУ Союза ССР, 1927.

Всесоюзная перепись населения 1926 г. РСФСР и ее регионы. Населенные места. Наличное городское и сельское население // Демоскоп [сайт]. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_26.php (дата обращения: 10.09.2021).

Всесоюзная перепись населения 1939 г. Численность наличного населения СССР по союзным республикам, краям, областям и автономным республикам. // Демоскоп [сайт]. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_pop_39_1.php (дата обращения: 21.09.2021).

Всесоюзная перепись населения 1959 г. Численность наличного населения городов и других поселений, районов, районных центров и крупных сельских населенных мест на 15 января 1959 года по республикам, краям и областям РСФСР // Демоскоп [сайт]. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus59_reg1.php (дата обращения: 11.10.2021).

Всесоюзная перепись населения 1989 г. Численность населения СССР, РСФСР и ее территориальных единиц по полу // Демоскоп [сайт]. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus89_reg1.php (дата обращения: 11.09.2021).

Грамота на права и выгоды городам Российской Империи // Российское законодательство X–XX вв.: в 9 т. Т. 5. Законодательство периода расцвета абсолютизма / отв. ред. Е. И. Индова. М. : Юридическая литература, 1987. С. 68–129.

Гинзбург М. Я. Новые методы архитектурного мышления // Современная архитектура. 1926. № 1. С. 1–4.

Голикова С. В. Заводские поселки – особый тип уральских поселений XVIII–начала XX века // Документ. Архив. История. Современность. Вып. 3. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2003. С. 66–87.

Зубаревич Н. Социальная дифференциация регионов и городов // Pro et Contra. 2012. Июль-октябрь. С. 135–152. URL: https://carnegieendowment.org/files/ProEtContra_56_135-152.pdf (дата обращения: 22.09.2021).

Ильин М. Рассказ о великом плане. 3-е изд. М.; Л. : ОГИЗ «Молодая гвардия», 1931.

Капкан М. В. Уральские города-заводы: мифологические конструкты // Изв. Урал. ун-та. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2006. № 47. Вып. 12. С. 36–45.

Ковалев С. А. Сельское расселение (Географическое исследование). М. : Изд-во МГУ, 1963.

Кудрякова С. О. Проблемы развития малых исторических городов России и пути их решения // Сервис в России и за рубежом. 2012. № 8. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-razvitiya-malyh-istoricheskih-gorodov-rossii-i-puti-ih-resheniya (дата обращения: 16.09.2021).

Лаврова Т. Г. Роль и потенциал малых городов в развитии региона (на примере Краснодарского края) // Вестн. Томск. ун-та. 2015. № 399. С. 204–211. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/rol-i-potentsial-malyh-gorodov-v-razvitii-regiona-na-primere-krasnodarskogo-kraya (дата обращения: 16.09.2021).

Лаппо Г. М. Города России. Взгляд географа. М. : Новый хронограф, 2012.

Лаппо Г. М. Исчезнувшие города на территории России // Проблемы расселения: история и современность. М. : Ваш Выбор. ЦИРЗ, 1997. С. 15–19. (Сер.: Россия 90-х: проблемы регионального развития. Вып. 3.).

Лотарева Р. М. Города-заводы России, XVIII – первая половина XIX в. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та ; Урал. архит.-худож. ин-т, 1993.

Мазур Л. Н. Эволюция музейной сети России в XX – начале XXI вв.: историко-статистический анализ // Культура и взаимодействие народов в музейных, научных и образовательных процессах – важнейшие факторы стабильного разви-

тия стран Евразии: сб. науч. тр.: в 2 ч. / отв. ред. М. Л. Бережнова, А. А. Ильина, С. Н. Корусенко. Омск : Изд. дом «Наука», 2021. Ч. 2. С. 80–88.

Меерович М. Г. Градостроительная политика СССР. 1917–1929: от города-сада к ведомственному рабочему поселку. М. : Новое литературное обозрение, 2017.

О порядке отнесения населенных пунктов к категории городов, рабочих и курортных поселков : указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 12.09. 1957 // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1957. № 1. С. 3.

Об утверждении Федеральной комплексной программы развития малых и средних городов Российской Федерации в условиях экономической реформы : пост. Правительства РФ от 28.06.1996. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=102058288&backlink=1&&nd=102042195 (дата обращения: 15.09.2021).

Общее положение о городских и сельских поселениях и поселках // СУ РСФСР. 1924 г. № 73.

Положение о порядке решения вопросов административно-территориального устройства РСФСР от 17.08.1982 // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1982. № 34. Ст. 1271. URL: https://docs.cntd.ru/document/9018577 (дата обращения: 15.11.2021).

Попов А. В., Гнатюк М. А. Стратегии инновационного развития малых городов России: специфика проблем и ресурсный потенциал // Гуманитарий Юга России. 2017. Т. 6. № 2. С. 251–259.

Пространство и население России в 1905 году. СПб. : Тип. Н. Л. Ныркина, 1906.

Семенов-Тян-Шанский В. П. Город и деревня в европейской России : очерк по экономической географии. СПб. : Тип. В. Ф. Киршбаума, 1910.

Сенявский А. С. Урбанизационный процесс в СССР в экономическом измерении: структурные и институциональные аспекты // Вопросы теории экономики. 2019. № 2. С. 147–161. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/urbanizatsionnyy-protsess-v-sssr-v-ekonomicheskom-izmerenii-strukturnye-i-institutsionalnye-aspekty (дата обращения: 16.09.2021).

СССР. Административно-территориальное деление союзных республик : изменения, происшедшие за время с 1.10. 1938 г. по 1. 03.1939 г. М. : Изд-во Ведомостей Верховного Совета РСФСР, 1939.

Черненко Д., Голубинский А., Хитров Д. Градостроительная реформа Екатерины II в Нижегородской губернии // Родина, 2014. № 2. С.29–32.

Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2021 года // Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13282 (дата обращения: 10.10.2021).

Фаттахов Р. В., Низамутдинов М. М., Орешников В. В. Анализ и моделирование тенденций развития системы территориального расселения в России // Экономика региона. 2019. Т. 15. Вып. 2. С. 436–450.

Филиппов А. Малые города: пустеющее сердце России // Культура. 09.02.2021. URL: https://portal-kultura.ru/articles/history/331349-malye-goroda-pusteyushchee-serdtse-rossii/ (дата обращения: 12.10.2021).

УДК 316.74

Н. В. Веселкова
Уральский федеральный университет

МЕМОРАТИВНЫЙ ЛАНДШАФТ: ОПЫТ МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЙ РЕФЛЕКСИИ[1]

Меморативный ландшафт – род культурного ландшафта (в терминах Б. Родомана и В. Каганского), относящийся к «сфере» памяти. Концептуализация опирается на ряд близких идей о ландшафте знания, культурной памяти, коммеморативном ландшафте, ландшафте памяти и т. п. Выделены методологические принципы концепции меморативного ландшафта и критерии его структурирования: по характеру связи меморизации с местом, по типу носителя и каналу коммуникации, по композиции и тематике, по доступности и видимости, а также по масштабам. Взаимодействие различных масштабов в меморативном ландшафте анализируется в мультискалярной оптике на примере арт-резиденции VI Уральской индустриальной биеннале современного искусства в поселке Сокол близ г. Снежинска.

Ключевые слова: место, производство пространства, работа памяти, масштабы.

Natalia W. Wiesiełkowa
Uralski Uniwersytet Federalny
im. pierwszego prezydenta Rosji B. N. Jelcyna,
Jekaterynburg

KRAJOBRAZ PAMIĘCI: REFLEKSJA METODOLOGICZNA

Krajobraz pamięci to rodzaj krajobrazu kulturowego (w ujęciu B. Rodomana i V. Kaganskiego), związanego ze „sferą pamięci". Jego koncepcja opiera się na szeregu podobnych wyobrażeń dotyczących: a) krajobrazu wiedzy W. Matthiazena, dziedziczenia teorii Bourdieu na temat habitusu, kapitału i przestrzeni, b) krajobrazu pamięci kulturowej E. Krasilnikowej, eksploracji miejsc pamięci (cmentarzy, muzea, pomniki) i praktyki pokrewne, c) krajobrazu upamiętniającego wypracowanego w badaniach nad pamięcią niewolnictwa i innymi aspektami historii USA (Gundaker, 2001; Alderman, Dwyer, 2014) oraz d) krajobrazu pamięci (Olik 2012: 54 / Reichel, 1995). Pejzaż pamięci splata osobiste i rodzinne wspomnienia, które przenikają przestrzeń w ramach oficjalnej toponimii, pomników, muzeów i archiwów, wystaw i wycieczek. Interakcja różnych typów aktorów i dyskursów w pejzażu pamięci

[1] Тема поддержана грантом РНФ 21-18-00418 «Музей малого города: множественность культур памяти (историко-социологический анализ)».

© Веселкова Н. В., 2022

analizowana jest w optyce skali makro na przykładzie rezydencji artystycznej VI Uralskiego Biennale Sztuki Współczesnej Przemysłowej we wsi Sokół koło Śnieżyńska.

Słowa kluczowe: miejsce, produkcja przestrzeni, praca z pamięcią, skala.

Меморативный ландшафт (МЛ) понимается как род культурного ландшафта (в терминах Бориса Родомана и Владимира Каганского[2]), воплощающий работу памяти [Веселкова, 2020]. Методологически это означает сфокусированность на том, как некие место и местность связаны с памятью, а память – с этой местностью. Соответственно активируются теории места и памяти, из которых мы берем на вооружение трактовку места как функционального узла пространства, по И-Фу Туану. Место[3] выступает средоточием воспринимаемых ценностей, комплексным ансамблем, укорененным в прошлом и прорастающим в будущее [Tuan, 1977; 1979, p. 388]. В подходе Дорин Мейси нам важно понимание места как узла социальных взаимодействий на разных шкалах, а также акцент на открытом, пористом и проницаемом характере идентичности мест [Massey, 1994, p. 5; 2005, pp. 130, 140–141]. (Елена Трубина приводит пример из книги Д. Мейси о том, как коллега долгое время подвозил ее на работу: «Ты не просто движешься в пространстве, ты его немного изменяешь, двигая его и его производя» [Трубина, 2011, с. 201–202]).

Эти трактовки вдохновляются представлением о том, что пространство создается практиками и перемещениями людей – в логике теории производства пространства Анри Лефевра [Лефевр, 2015]. За десятилетия до Лефевра, который публикует работу о производстве пространства в 1974 г., в развитие концепции права на город, созвучной «красному маю» 1968 г. [Шихардин, 2019], сходные идеи выдвигал Флориан Знанецкий. В отличие от Лефевра, он строит свой подход не на марксистском вскрытии неравенств, а на гуманистической социальной теории, сфокусированной на опыте людей.

Анализируя письменные рассказы жителей Познани о том, что для них значит их город – в 1928 г. Польский социологический институт объявил такой конкурс, – Знанецкий отказывается от восприятия города как вместилища. Если город – это не сводимая к пространству «гуманистическая целостность», реализуемая «в опыте и деятельно-

[2] Концепция культурного ландшафта восходит к разработкам Б. Б. Родомана 1970-х гг., включенных в его авторский сборник наряду с более поздними определениями ландшафта как текста и его чтения, и получила наибольшее развитие в трудах В. В. Каганского [Родоман, 2007; 2013; Каганский, 2001; 2009; 2013].

[3] См. обзор теорий места [Митин, 2001].

сти людей», то горожан нельзя просто взять и «полностью поместить в эту территорию, как дома или трамваи, – пишет Знанецкий. – Они ведь не только тела, но и имеющие определенный опыт и действующие субъекты, и в этом своем качестве не они находятся в городе, а, если так можно выразиться, *город находится в сфере их совместного опыта и деятельности. Они его создают как весьма сложную социальную структуру*» [Znaniecki, 1931, s. IX–X, цит. по: Васильев, 2015, с. 205. Курсив мой. – *Н. В.*].

Говоря о памяти, отметим как принципиальные аспекты множественность культур памяти, работу памяти и ее динамику, для анализа которых наиболее продуктивным представляется методологическое решение Джеффри Олика [2012; 2018] с его акцентом на понимании памяти как социальной деятельности с вниманием к процессуальности и структурированию мнемонических практик.

Наводить резкость при совместном анализе места, пространства и памяти помогает мультискалярная оптика – исследовательский подход, сосредоточенный на выявлении масштабов и их взаимодействия [Веселкова и др., 2017; Веселкова, 2020]. Одно из изящных выражений этот подход находит в КТИ – критических топонимических исследованиях, развиваемых Маозом Азарьяху, Рубеном Роуз-Редвудом, Дереком Алдерманом и др. [Rose-Redwood et al., 2017][4]; среди русскоязычных авторов назовем Евгения Терентьева и Сергея Басика [Терентьев, 2014; 2015; Басик, 2018].

Переходя к ключевому понятию МЛ, следует сказать, что интуиция и метафорика ландшафта весьма популярны в современной социально-гуманитарной науке: Ульф Маттиазен пишет о ландшафтах знания, Екатерина Красильникова использует понятия ландшафта культурной памяти и мемориального пространства, Катарина Шрамм во введении к тематическому выпуску журнала «История и память» прибегает к выражению «ландшафты насилия», есть публикации о коммеморативном ландшафте [Маттиазен, 2018; Красильникова, 2013; 2015; 2019; Schramm, 2011; Gundaker, 2001; Kaiser, Nikiforova, 2006; Alderman, Dwyer, 2014].

Описание ландшафта памяти, которое Дж. Олик вслед за Питером Райхелем приводит для характеристики политики памяти в ФРГ, показывает, насколько многосоставной может быть связка множества разноплановых «событий и мест», включающая «политические фестивали, юбилеи, руины, монументы, музеи, автобиографии, фотографии, статуи, фильмы, историографию, устную историю, архивы, законы, амнистии, репарационные соглашения и договоры» [Олик, 2012, с. 54]. В зависимости от способа передачи памяти выделены четыре составляющих ландшафта памяти:

[4] См. также анализ КТИ в диссертации Е. А. Терентьева [Терентьев, 2016].

1) политические фестивали и официальные юбилеи, которые используют эмоции для производства идентичности и интеграции (аффективные способы передачи);

2) места памяти, включая руины, монументы, музеи, а также автобиографии, письма, картинки, фотографии, которые рассматриваются с точки зрения их аутентичности как репрезентации или образов (эстетически-экспрессивные способы передачи);

3) историография, документы и исследования, которые анализируются с точки зрения истинности вклада в знание, объяснения и смыслы (инструментально-когнитивные способы передачи); и

4) наказание, амнистия, репарации и т. д., оцениваемые с позиций справедливости и производящие легитимность, реабилитацию и интеграцию (политически-моральные способы передачи)» [цит. по: Олик, 2012, с. 54].

Легко заметить, во-первых, что далеко не все из перечисленных элементов ландшафта памяти, а лишь меньшая их часть непосредственно привязаны к местности – прежде всего, руины, монументы и музеи, хотя юбилейные торжества и архивы тоже имеют пространственную локализацию.

Во-вторых, вышеприведенный краткий обзор близкой к МЛ терминологии демонстрирует разброс узкотематических и расширительных трактовок, что грозит сделать ландшафтное теоретизирование всеядным и тем снизить его аналитический потенциал.

Отталкиваясь от этих наблюдений, сформулируем методологический принцип: МЛ включает только пространственно «заземленные» элементы, при этом характер их связи с местностью может быть разным. По критерию связи меморизации с местностью хорошо выделяются три типа элементов МЛ: 1) меморизация в отсутствие связи с местом; 2) при наличии связи, но не с конкретным местом; 3) меморизация на месте событий. Второй методологический принцип описывает процесс работы памяти: анализировать не только память о личности или событии, но и историю меморизации.

Меморизацию первого типа (без связи с местом) представляют собой памятники Ленину и другим советским вождям, их все еще плотное топонимическое присутствие в России [Бугров, 2017], в абсолютном большинстве случаев не имеющие исторической связи с местом. По мере утраты смыслов советской символической политики в наши дни закономерными становятся казусы, когда фотографируясь под монументальным Кировым у главного корпуса федерального университета в Екатеринбурге (ко дню вручения дипломов его наряжают в мантию и конфедератку), выпускники не всегда знают, кому поставлен этот памятник, может быть, Ельцину? Предположе-

ние вполне резонное, если учесть, что в 2008 г. университету присвоено имя первого президента РФ, который здесь учился, а затем работал в этом городе, тогда как Киров (чье имя вуз носил ранее, а площадь перед ним и один из районов Екатеринбурга носят до сих пор) в этих краях никогда не бывал.

Екатерина Великая тоже не бывала в уральском Ирбите, но даровала слободе, оказавшей сопротивление сподвижникам Пугачева, привилегии и статус города, за что благодарные горожане спустя сто лет поставили ей памятник. (В 1917 г. его низвергли и долгое время на том же пьедестале стоял Ленин, пока его не передвинули в сторону, а на пьедестал вернули точную копию бронзовой Екатерины). Императрица имеет отношение к городу, но не к тому конкретному месту, где водружен монумент – это меморизация второго типа. Непосредственно к месту имеет отношение не сама великая личность, а история меморизации: в логике КТИ размещение памятника не где-нибудь, а на главной площади обозначает наивысшее почитание, максимальную символическую значимость, за которую и развернулась конкуренция персонажей на пьедестале.

Примером меморизации по третьему типу, в привязке к конкретному месту событий, может служить Мемориал в память об умерших гражданах СССР, эвакуированных в годы Великой Отечественной войны, установленный близ перрона железнодорожного вокзала г. Котельнич Кировской области в 2010 г. Этот крупный транспортный узел в первые годы войны принял много людей, не переживших дороги, в том числе вывезенных из блокадного Ленинграда. В 2011 г. памятник дополнили капсулой «со священной землей Пискаревского кладбища», символизирующей связь двух мест.

Автор культовой «Души Петербурга» Николай Анциферов, осмысляя «феномен исторической экскурсии как определенной формы организации городского опыта, вырабатывающей способы прочтения и переживания городской среды» [Степанов, 2009, с. 100, 106], особое значение придавал именно таким местам (третьего типа по нашей классификации), про которые можно сказать «на этом самом месте». Их посещение способно генерировать «историко-топографическое чувство», когда «текущий миг прикладывается к прошлому и яркой искрой вспыхивает переживание угасшего былого» [Анциферов, 2004, с. 154]. По мысли Бориса Степанова [Степанов, 2009], так, вполне по беньяминовски, действует аура подлинного места.

Как противостоять всеядности ландшафтного теоретизирования, не деля ландшафты по узкотематическому принципу, пока не вполне ясно, в этой ситуации продуктивным шагом представляется разработка структуры МЛ. Просматривается целый ряд критериев струк-

турирования МЛ, один из них, по связи меморизации с местом, уже обозначен выше. Второй (нумерация сугубо условна) – по типу носителей и каналам коммуникации и восприятия: физически воплощенные элементы ландшафта и нарративные, материальные и виртуальные, действующие визуально, аудиально, через запахи, возможность прикосновения и т. п. История про эвакуированных и история памяти о них присутствуют не только в физической, но и в нарративной части меморативного ландшафта Котельнича. О мемориале на вокзале и о братском кладбище, о тесных связях с ленинградцами можно прочитать на городских сайтах и услышать в рассказах горожан:

> «У нас такая, скажем, дружеская связь как бы горожан с ленинградцами, потому что многие кто после войны уезжали обратно, возвращались на родину, но сохранили вот такую тесную, скажем семейную связь с котельничанами. И практически у каждой семьи котельнической, ну которые не приезжие, а более-менее коренные, с военных времен которые проживающие, есть знакомые, есть какие-то такие дружеские семьи в Ленинграде, поэтому эта связь сохраняется» (КтЖ52)[5].

По композиции и тематике (третий критерий) МЛ и его отдельные элементы могут быть выстроены сверху и снизу, обладать разной плотностью и когерентностью. Так, в российских городах, не только крупных, но и в небольших, повсеместно присутствует «стандартный набор монументов», по выражению Софьи Гавриловой [Gavrilova, 2019, p. 80], где оставшиеся с советского времени мемориалы Великой Отечественной войны дополняются поздне- и постсоветскими памятными знаками, посвященными Афганистану, Чечне и другим горячим точкам, представителям различных родов войск и ликвидаторам чернобыльской аварии. Сосредоточенные на небольшом участке парка, как скажем в маленьком Далматово Курганской области, они образуют высококонцентрированное ядро МЛ, образуя общее пространство, участники которого обмениваются символическими ресурсами, а персонально поименованные или просто отнесенные к той или иной категории местные жители включаются в разметку МЛ, общую для всей страны.

Важным измерением МЛ является доступность и видимость его составляющих (четвертый критерий). Если городские музеи четко обозначены в пространстве города, имеют отдельные здания (как правило, но не всегда: Палеонтологический музей в Котельниче переезжает из одного в другое неприспособленное помещение) и интер-

[5] Выдержка из мобильного интервью (2021 г.). Для обозначения информантов используется кодировка, в которой буквы обозначают город, пол и возраст информантов; описание методического дизайна исследования и характеристики поля см. в статье Е. В. Прямиковой в настоящем издании.

нет-сайты, то корпоративные и школьные музеи обычно утоплены в недрах своих институций и извне совсем не видны [Веселкова, 2020; Прямикова, 2020].

В то же время и в отношении выставленных на всеобщее обозрение монументов существует парадокс невидимости: согласно известной формуле Роберта Музиля [Музиль, 1999], нет ничего более незаметного, чем памятники. Алейда Ассман начинает с этого феномена раздел о непростой судьбе современных монументов, а Александра Эткинда доведенная до предела незаметность подобных объектов заставляет вообще усомниться в их способности служить носителем памяти [Ассман, 2019, с. 60–65; Эткинд, 2012; 2016]. Думается, скорее следует говорить о разной степени актуализации памяти для разных акторов. В Котельниче многие информанты приводили нас к часовне на высоком берегу Вятки, но только один из них, руководитель военно-патриотического клуба, показал установленную поблизости табличку, обозначающую «Парк Победы» (рис. 1):

«Эту табличку два года назад я вкапывал со своими ребятами, сделали мы … А два года назад в городе практически никто не знал, как вот этот парк садили и т. д., все забыли. Ну сейчас, видите, оно по краям облезло, конечно, но мы хоть какую-то никакую табличку сделали, откуда взялся этот сквер» (КтМ51).

Рис. 1. Табличка с надписью: «Парк Победы. Заложен в мае 1975 года в канун 30-летия Победы советского народа над фашистской Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» на пути к часовне. Фото в ходе интервью (КтМ51).

Остальные проходили мимо, как если бы никакой таблички, стоящей прямо у дороги, вовсе не было, но даже заметив ее, в наличной растительности трудно увидеть признаки парка. Про Братское кладбище с мемориалом советским воинам, умершим от ран в эвакогоспиталях в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., напротив, говорили многие. Котельничане, у которых спрашивали дорогу, с готовностью объясняли, как пройти и где свернуть, а вот навигатор в последний момент подвел, и мы долго блуждали по краю старого кладбища, растянувшегося вдоль реки, уйдя не в ту сторону. Если «Парк победы» для местных жителей словно бы отсутствует, но имеет шанс попасть в поле зрения приезжего в виде таблички, то Братское кладбище для горожан

прекрасно различимо, присутствует оно, в отличие от этого парка, и в интернете, а вот найти его для незнакомых с местностью людей, в отсутствие каких-либо указателей, оказалось немалым вызовом.

Наконец, в качестве пятого критерия выделим масштабы значимости, варьирующие «вширь географии» от локального до глобального и «вглубь истории», где могут подвергаться актуализации самые разные слои, а обращение к палеонтологическим глубинам в последнее время начинает претендовать на роль тренда, но рассмотреть этот пункт хотелось бы на другом примере. Это две выставки, открывшиеся 11 сентября 2021 г. в поселке Сокол Челябинской области в рамках VI Уральской индустриальной биеннале современного искусства[6].

Выставка «Лаборатория А (Авангард. Архитектура): Отдых как труд» Ларисы Пискуновой, Игоря Янкова и Дмитрия Мухаметова является частью большого проекта «Территория авангарда»[7] и продолжением деятельности этих и других авторов по проговариванию и продвижению конструктивизма/авангарда в Екатеринбурге и на Урале в целом с помощью исследований, выставок и экскурсий[8]. На этот раз обсуждение идеи авангарда и его архитектурного словаря идет через тему санаторного отдыха, оздоровления и даже лени как «действительной истины человечества», по прозрению К. Малевича 1921 г. [Малевич, 2004; см. об этом, напр., Расков, 2019].

Почему вообще Уральская биеннале забралась в этот поселок, находящийся между Екатеринбургом и Челябинском, примерно в 130 км от того и другого, но не отличающийся высокой транспортной доступностью? С Сокола лишь в 2008 г. сняли секретность, административно он относится к закрытому и поныне Снежинску.

Дело в том, что в 1930-е гг. в этих живописных местах на озере Сунгуль был построен санаторий НКВД, в годы войны принявший госпиталь, а с развертыванием советского атомного проекта поблизости возникли ЗАТО Снежинск и Озерск, где в 1957 г. произошла крупнейшая радиационная авария. Все это рассказывают экскурсантам сначала в автобусе, если вы едете специальным туром от биеннале, а затем на пешеходной прогулке по прилегающей местности. В послевоенный

[6] Далее в переработанном виде использован текст моего поста в Facebook от 11.10.21 (https://www.facebook.com/vesselkova). После закрытия биеннале выставка «Лаборатория А» останется на Соколе и, как пояснил И. Янков, «будет частью экскурсионной и туристической деятельности на месте».

[7] Территория авангарда. О проекте. URL: https://avantgarde-territory.com/about/ (дата обращения: 15.10.21).

[8] Среди выставочных проектов: «Дни конструктивизма на Урале», «Конструктивистские городки Свердловска», «Рождение горожанина» «Неуловимый авангард», «ТАБУ – Территория авангарда: Большой Урал», в числе публикаций: [Пискунова, Старостова, 2015; Пискунова и др., 2015; 2017; 2019].

период осужденный на 10 лет Н. В. Тимофеев-Ресовский сотоварищи здесь, в секретной «Лаборатории Б» изучали воздействие радиации на живые организмы.

Именно это название и обыгрывает выставка «Лаборатория А», размещенная на первом этаже одного из санаторных корпусов, после войны перепрофилированного под общежитие секретной лаборатории, а ныне заброшенного, выкупленного в частную собственность и используемого для страйкбола. Стыкованные гармошкой три блока этого здания построены по чертежам знаменитого Г. А. Голубева, архитектора петербургской выучки, с 1926 г. работавшего в Свердловске и создавшего массу конструктивистских творений в городе и регионе.

Пунктик конструктивизма на инсоляции воплощен в потрясающих, от пола до потолка, окнах (рис. 2), они особенно впечатляют, когда поднимаешься по лестнице, чтобы зайти поочередно в 21 комнату второй выставки – «Звенящий след» художника Павла Отдельнова. Про само здание в ней почти не говорится, место раскрыто через виварий Лаборатории Б и фигуру Тимофеева-Ресовского, основной же упор сделан на атомную гонку, катастрофу на «Маяке» и трагедию переселения деревень, попавших в зону заражения. Звенящий на весь свет общечеловеческий, глобальный смысл полностью поглощает «это самое место» со всем его авангардом.

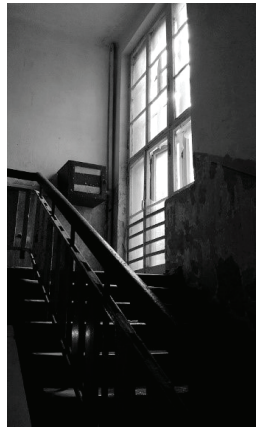


Рис. 2. Высокие окна в здании общежития Лаборатории Б, где в сентябре-октябре 2021 г. проходили выставки в рамках VI Уральской биеннале современного искусства. Фото С. И. Быковой.

Уральская индустриальная биеннале с самого начала сделала ставку на *site-specific* проекты и в данном случае налицо все признаки МЛ третьего типа, когда меморизация происходит на месте событий: обе выставки находятся в корпусе общежития секретной лаборатории, на территории, оснащенной ржавыми знаками радиации, вблизи других исторических зданий, включая сохранившийся коттедж Тимофеева-Ресовского. При этом в художественных высказываниях, на мой взгляд, парадоксальным образом не хватает проговоренности этого места, работы с локальным масштабом, так что маленький Сокол оказывается белым на белом (сюжет Малевича, присутствующий в «Лаборатории А») – едва различимым контуром на сияющем или, если угодно, звенящем фоне больших идей и свершений.

Концепция меморативного ландшафта, представленная здесь в первом приближе-

нии через методологические принципы и структурирование по ряду оснований, открывает богатые познавательные возможности. Следующим шагом видится сквозной анализ элементов МЛ по всем критериям, а также целостное описание МЛ изучаемых поселений.

Анциферов Н. П. Историческая наука как одна из форм борьбы за вечность. (Фрагменты) 1918–1942 / подг. к публ. и предисл. А. Свешникова, Б. Степанова // Исследования по истории русской мысли : ежегодн. М. : Модест Колеров, 2000. С. 107–162.

Ассман А. Забвение истории – одержимость историей / сост., пер. с нем. Б. Хлебникова. М. : Новое лит. обозрение, 2019.

Басик С. Н. Критическая топонимика как направление географических исследований: проблемы и перспективы // Геогр. вестник. 2018. № 1 (44). С. 56–63.

Бугров К. Д. «Топография вождей». В честь кого называли городские районы в сталинском СССР? // Эпоха социалистической реконструкции: идеи, мифы и программы социальных преобразований: сб. науч. тр. / гл. редактор Л. Н. Мазур. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2017. С. 561–570.

Васильев А. Г. Memory studies в межвоенной Польше // Диалог со временем: альм. интеллект. истории. М.: Аквилон, 2015. Вып. 51. С. 195–226.

Веселкова Н. В. Феномен школьного музея // Документальное наследие и историческая наука : материалы Урал. ист.-арх. форума / отв. ред. Л. Н. Мазур. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2020. С. 104–111.

Веселкова Н. В., Вандышев М. Н., Прямикова Е. В. Молодые города: масштабы мест памяти // Социол. обозрение. 2017. Т. 16. № 3. С. 36–65.

Веселкова Н. В. Конструкции авторства/субъектности в опыте отечественных биографических проектов первой половины XX в. // Урал. ист. вестник. 2020. Вып. 4. С. 84–92.

Каганский В. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство : сб. ст. М. : Новое лит. обозрение, 2001.

Каганский В. Л. Культурный ландшафт: основные концепции в российской географии // Обсерватория культуры: журн.-обозрение. 2009. № 1. С. 62–70.

Каганский В. Как устроена Россия? Портрет культурного ландшафта // STRELKA : сб. 2013. М.: Strelka Press, 2013. С. 50–72.

Красильникова Е. И. Исторический некрополь Барнаула: преемственность традиций и политика памяти советской власти (конец 1919 – начало 1941 года) // Ист., филос., полит. и юр. науки, культурол. и искусствоведение. Вопр. теории и практики. 2013. 1 (27). Ч. 1. С. 109–113.

Красильникова Е. И. Мемориальное пространство Новосибирска в исторической динамике (1893–2000 гг.) // Вестн. Томск. ун-та. История. 2019. № 61. С. 32–43.

Красильникова Е. И. Помнить нельзя забыть… Памятные места и коммеморативные практики в городах Западной Сибири (конец 1919 – середина 1941 г.) : моногр. 2-е изд., испр. и перераб. Новосибирск : ИЦ НГАУ «Золотой колос», 2015.

Лефевр А. Производство пространства. М. : Strelka press, 2015.

Малевич К. Лень как действительная истина человечества. // Собр. соч. в 5 т. Т. 5 / сост. А. С. Шатских. М. : «Гилея». 2004. С. 178–187.

Маттиазен М. Собственные логики городских ландшафтов знания: о динамике коэволюции в развитии городов и знания в городских knowledgescapes //

Собственная логика городов: новые подходы в урбанистике. М. : Новое лит. обозрение, 2018. С. 117–192.

Митин И. И. На пути к воображаемой географии: два поворота, три пространства // Топос. 2011. № 1. С. 62–73.

Музиль Р. Памятники // Музиль Р. Малая проза. Избр. произв. в 2-х т. Т. 2. М. : Канон-пресс-Ц, Кучково поле, 1999. С. 133–136.

Олик Дж. Фигурации памяти: процессо-реляционная методология, иллюстрируемая на примере Германии / пер. Д. Хлевнюк // Социол. обозрение. 2012. Т. 11. № 1. С. 40–74.

Олик Дж. К. Коллективная память: две культуры. «Память – это не вещь и не предмет. Память – это непрерывный процесс». Интервью с Дж. К. Оликом // Ист. экспертиза. 2018. № 4 (17). С. 22–49.

Пискунова Л., Старостова Л. «Городок чекистов» г. Екатеринбурга: воплощение и трансформация утопии в повседневных практиках советской элиты // Изв. Урал. федер. ун-та. 2015. № 4 (146). С. 40–53.

Пискунова Л., Старостова Л., Янков И. «Повседневные практики «Городка чекистов» : каталог 3-й Уральской индустриальной биеннале современного искусства. Екатеринбург. 2015.

Пискунова Л.П., Старостова Л. Э., Янков И. В. Реконтекстуализация архитектурного наследия советского авангарда: выставочный проект «городки Свердловска: от архитектурного проекта к социальному опыту» // Вестн. Перм. ун-та. Сер. История. 2017. № 2 (37). С. 85–98.

Пискунова Л. П., Старостова Л. Э., Янков И. В., Сучков Н. Е. Конструктивистские городки Свердловска, 1920–1930-е гг.: Городок чекистов, Дом Гостяжпромурала, Дом Уралоблсовета, Городок юстиции, Медицинский городок. М. ; Екатеринбург : Кабинетный ученый, 2019.

Прямикова Е. В. Варианты развития школьного музея // Аудиовизуальная платформа современной культуры : материалы междунар. науч. конф. (в рамках XV Колосницынских чтений), Екатеринбург, 20–21 нояб. 2020 г. Екатеринбург : Уральский гос. пед. ун-т, 2020. С. 347–355.

Расков Д. Е. Лень и труд: по мотивам Малевича // Логос. 2019. № 1. С. 259–272.

Родоман Б. Б. География, районирование, картоиды : сб. тр. Смоленск : Ойкумена. 2007.

Родоман Б. Б. Поляризованный ландшафт // Социально-экономическая география: понятия и термины : слов.-справ. / отв. ред. А. П. Горкин. Смоленск : Ойкумена, 2013. С. 178–179.

Степанов Б. «Ковчег былого»: город как объект исторической экскурсии // Визуальная антропология: городские карты памяти / под ред. П. Романова, Е. Ярской-Смирновой. М. : ООО «Вариант», ЦСПГИ, 2009. С. 99–120.

Терентьев Е. А. Топонимические практики как объект социологического исследования: аналитический обзор // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер.: Социология. 2014. №. 3. С. 73–86.

Терентьев Е. А. Переименование советских топонимов в Санкт-Петербурге: анализ публичных дискуссий // Журн. социол. и соц. антропологии. 2015. Т. 18. № 2. С. 72–86.

Терентьев Е. А. Теоретико-методологическая концептуализация топонимических практик (на примере Москвы и Санкт-Петербурга) : дис. … канд. социол. наук. М. : ВШЭ, 2016.

Трубина Е. Г. Город в теории: опыты осмысления пространства. М. : Новое лит. обозрение, 2011.

Эткинд А. Железный август, или память двойного назначения // Новое лит. обозрение. 2012. № 116.

Эткинд А. Кривое горе: память о непогребенных. М. : Новое лит. обозрение, 2016.

Шихардин Н. В. «Май–1968». Философские истоки и ориентиры. Курган : Изд-во Курган. гос. ун-та, 2019.

Alderman D. H., Dwyer O. D. A Primer on the Geography of Memory: The Site and Situation of Commemorative Landscapes // Commemorative Landscapes of North Carolina. Documenting the American South. University Library, The University of North Carolina at Chapel Hill. 2014. URL: https://docsouth.unc.edu/commland/features/essays/alderman_two/ (дата обращения: 16.11.2021).

Gavrilova S. A. The Production of Urban Identities in the Memorial Complexes of Murmansk and Rostovon-Don. Urban Studies and Practices. 2019. Vol. 4. No 1. P. 77–87.

Gundaker G. At home on the other side: African American burials as commemorative landscapes // Places of Commemoration: Search for Identity and Landscape Design / ed. J. Wolschke-Bulmahn. Washington : Harvard Univ. Press, 2001. P. 25–54.

Kaiser R., Nikiforova E. Borderland spaces of identification and dis/location: multiscalar narratives and enactments of Seto identity and place in the Estonian/Russian borderlands // Ethnic and Racial Studies. 2006. No. 25. P. 928–958.

Massey D. Space, Place and Gender. Cambridge, England : Polity Press, 1994.

Massey D. For space. London : Sage, 2005.

Rose-Redwood R., Alderman D. H., Azaryahu M. (eds.) The Political Life of Urban Streetscapes: Naming, Politics and Place. London and New York : Routledge, 2017.

Schramm K. Introduction: Landscapes of Violence: Memory and Sacred Space // History and Memory. 2011. 23(1). P. 5–22.

Tuan Y.-F. Space and Place: The Perspective of Experience. Mineapolis : Univ. of Minnesota Press ; London : Edward Arnold's, 1977.

Tuan Y.-F. Space and Place: Humanistic Perspective // Gale S., Olsson G. (eds) Philosophy in Geography. Theory and Decision Library (An International Series in the Philosophy and Methodology of the Social and Behavioral Sciences). Vol 20. Dordrecht : Springer, 1979. P. 387–427.

Znaniecki F. Miasto w świadomości jego obywateli. Z badań Polskiego Instytutu Socjologicznego nad miastem Poznaniem. Poznań : Wydawnictwo Polskiego Instytutu Socjologicznego, 1931.

УДК 316.752+711.435

Е. В. Прямикова
Уральский государственный педагогический университет
Уральский федеральный университет

ПАМЯТЬ В МАЛОМ ГОРОДЕ: ОПЫТ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОЛЯРНЫХ КЕЙСОВ[1]

Память в каждом городе отличается уникальным содержанием, определяющимся историей конкретного места. Исследования памя-

[1] Тема поддержана грантом РНФ 21-18-00418 «Музей малого города: множественность культур памяти (историко-социологический анализ)».

© Прямикова Е. В., 2022

ти сегодня востребованы, наш текущий проект, посвященный музеям, продолжает тематику предыдущих исследований малых городов вообще и социальной памяти, в частности. В своих исследованиях мы оперируем данными, полученными с помощью комплекса эмпирических методов: наблюдения, интервью, ментальных карт и пр. Одним из результатов было проявление феномена «неудобного» прошлого. Тематика репрессий упоминалась довольно редко и немногословно, особенно на фоне героических побед в Великой Отечественной войне и трудовых достижений индустриализации середины XX в.

Исследование музеев малого города и множественности культур памяти только началось. Были сделаны кейсы в двух городах: Инта (Республика Коми, приполярный, северный Урал) и Котельнич (Кировская область). Всего собрано 48 интервью. Мы выбрали эти два города как полярные с точки зрения длительности их истории. В результате тематика памяти показала отличия не только в упоминании событий дореволюционной истории, но и значении вклада репрессированных в создание и развитие города.

Ключевые слова: малый город, социальная память, индивидуальная и коллективная память, политические репрессии, музеи

Elena V. Prjamikowa
Uralski Państwowy Uniwersytet Pedagogiczny
Uralski Uniwersytet Federalny
im. pierwszego prezydenta Rosji B. N. Jelcyna,
Jekaterynburg

PAMIĘĆ W MAŁYM MIEŚCIE: DOŚWIADCZENIE BADANIA PRZYPADKÓW POLARNYCH

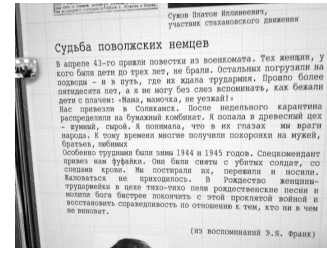
W 2021 r. zespół autorki przeprowadził pierwszy etap badań nad projektem „Muzeum Małego Miasta: Wielorakie Kultury Pamięci (Analiza Historyczna i Socjologiczna)" (projekt wspierany przez Rosyjską Fundację Nauki nr 21-18-00418, 2021-2023) w dwóch miastach. Pierwszym jest Kotelnich z regionu Kirowa (rok powstania to 1780, ale wzmianki o tej osadzie są notowane od XII wieku). Mieszkańcy walczyli z oddziałami Chanatu Kazańskiego, wspierali wojnę chłopską Iwana Bolotnikowa. W XIX wieku Kotelnich stał się jednym z centrów handlowych północno-wschodniej części Imperium Rosyjskiego, a słynny Jarmark Alekseevskaya znany jest od XVII wieku. W grudniu 1917 r. ustanowiono władzę radziecką, w czasie Wielkiej Wojny Ojczyźnianej mieściła się tu szkoła mechaniki lotniczej oraz kilka szpitali. Historia, opowiadana w mieście Kotelnich, doskonale wpisuje się w ramy fabularne rosyjskiej polityki pamięci. Jak w wielu innych miejscach, rzadko poruszany jest temat represji politycznych i tragicznego wkładu członków armii robotniczej. Drugie miasto to Inta, młoda miejscowość położona w Republice Komi, na północnym Uralu. Kolej Peczora została zbudowana w bardzo krótkim czasie przez więźniów, z których znaczna część była represjonowana

politycznie. To właśnie w tym mieście temat represji politycznych okazał się najważniejszy, ponieważ cała historia miasta była praktycznie „pisana" bezpośrednio z udziałem więźniów politycznych. Z losem więźniów wiąże się również legenda o wznoszeniu jednej z najpiękniejszych budowli w mieście – wieży ciśnień. Szkic projektu w stylu gotyckim wykonał Artur Tamvelius. Podczas remontu szczytu wieży odnaleziono rodzaj kapsuły czasu. Zawiera ona zapiski poświadczające, że to więźniowie zbudowali wieżę. Porównanie opisów okresów historii przedwojennej, wojennej i powojennej w dziejach mieszkańców tych miast pozwala nie tylko dostrzec wpływ polityki pamięci, ale także zaznaczyć te istotne punkty, które najwyraźniej przejawiają się w obu tekstach. Na przykład wątki rozwoju terytorium, bohaterstwo, troska o miasto i jego mieszkańców, konieczność zachowania lokalnej pamięci.

Słowa kluczowe: małe miasto, pamięć społeczna, indywidualna i zbiorowa pamięć, represje polityczne, muzea

Наш опыт исследований социальной памяти в городах «старой» и «новой» индустриальности в 2018–2019 гг. очень хорошо иллюстрирует концепцию «неудобного прошлого»[2]. Тогда в выборку входили восемь городов Уральского региона – Алапаевск, Верхняя Салда, Заречный, Серов в Свердловской области; Добрянка и Соликамск в Пермском крае; Златоуст и Сатка в Челябинской области. В этих городах мы посетили 42 музея, в ходе экскурсий и интервью тема Великой Отечественной войны и ее героев упоминалась постоянно, также довольно часто мы сталкивались с описаниями участников локальных войн последних десятилетий XX века. Тема репрессий могла упоминаться, но происходило это довольно редко (рис. 1)[3].

Сотрудница музея предприятия «Соликамскбумпром» рассказывает о разных сюжетах строительства комбината, упоминает и о труде репрессированных. Тем не менее, гораздо большая часть материала посвящена трудовым достижениям комбината, героям Великой Отечественной войны. Подневольный труд тех, кто был репрессирован,


Суков Платон Ильиневич,
участник стахановского движения

Судьба поволжских немцев

В апреле 43-го пришли повестки из военкомата. Тех женщин, у кого были дети до трех лет, не брали. Остальных погрузили на подводы - и в путь, где их ждала трудармия. Прошло более пятидесяти лет, а я не могу без слез вспоминать, как бежали дети с плачем: «Мама, мамочка, не уезжай!»

Нас привезли в Соликамск. После недельного карантина распределили на бумажный комбинат. Я попала в древесный цех - мрачный, сырой. Я понимала, что в их глазах мы враги народа. К тому времени многие получили похоронки на мужей, братьев, любимых.

Особенно трудными были зимы 1944 и 1945 годов. Спецкомендант привез нам ушайки. Они были сняты с убитых солдат, со следами крови. Мы постирали их, перешили и носили. Жаловаться не приходилось. В Рождество женщины-трудармейки в цехе тихо-тихо пели рождественские песни и молили бога быстрее покончить с этой проклятой войной и восстановить справедливость по отношению к тем, кто ни в чем не виноват.

(из воспоминаний Э.К. Франк)

Рис. 1. Трудармейцы и их вклад в работу предприятия в военные годы– материал, размещенный на стенде музея «Соликамскбумпром» г. Соликамск.

[2] Проект № 18-011-00456 «Масштабирование социальной памяти в городах «старой» и «новой» индустриальности» (2018-2020) был поддержан РФФИ. Руководитель – М. Н. Вандышев, участники – Н. В. Веселкова и Е. В. Прямикова. Рассуждая о неудобном прошлом, мы используем терминологию Николая Эппле [Эппле, 2020].

[3] Здесь и далее, если не указано иное, используются фотографии, сделанные автором во время полевых работ.

признается, но не становится одной из важных, значимых тем происходящего.

Такое соотношение можно объяснить позицией не только государства, использующего победу в Великой Отечественной войне как доказательство собственной силы и мощи, но и общества в целом. В г. Серов на школах установлены мемориальные таблички в память о тех, кто учился в этой школе и погиб в локальных войнах. По словам представителя сферы образования, эти парни, отдавшие свою жизнь по приказу Родины, имеют полное право называться героями. Все политические споры о необходимости или справедливости той или иной локальной войны касаются только тех, кто принимал решения, а эти парни просто выполняли свой долг.

Память о репрессиях более сложна для восприятия и гораздо менее согласована в общественном сознании: «Помнить о жертвах и страданиях вообще труднее, чем о героях и победах. Даже ставшая модельной история формирования памяти о Холокосте поначалу буксовала и испытывала сопротивление со стороны – сегодня в это трудно поверить – общественного мнения и властей государства Израиль» [Эппле, 2020, с. 15].

Сотрудница школьного музея в г. Красноуфимск подчеркивает, что люди, пережившие военное время, в том числе и те, кто воевал, не любили рассказывать о нем. Они не хотели вспоминать об этом тяжелом времени и даже не носили свои награды. Только после 1965 г. стала формироваться культурная память о Великой Отечественной войне. Прошлое стало обретать символические формы в виде традиционного Парада Победы, серии монументов, задача которых была в том, чтобы навечно запечатлеть подвиг солдат и офицеров, многие из которых не вернулись домой.

По Яну Ассману, коммуникативная память имеет определенные границы, она «охватывает воспоминания, которые связаны с недавним прошлым. Это те воспоминания, которые человек разделяет со своими современниками» [Ассман, 2004, с. 52]. Ассман считает, что коммуникативная память уходит вместе со своими носителями. На наш взгляд, события обсуждаются не только в рамках памяти одного поколения, но и передаются из поколения в поколение через рассказы более старших родственников более младшим. Какие воспоминания сохраняются у младших – это уже другой вопрос, но игнорировать такую передачу мы не можем.

Те, кто пережил репрессии, тоже могли не рассказывать о прошлом, но уже по другим причинам. Они часто боялись, что эта информация будет распространяться далее теми же самыми детьми

и может привести к негативным последствиям. Здесь мы можем зафиксировать значение травматичности памяти: об этом тяжелом времени не хотелось вспоминать многим, даже при том, что бывшие солдаты и офицеры победившей армии были героями, а пострадавшие от репрессий – жертвами.

В г. Ирбит Свердловской области местная жительница Лидия Ивановна Шевчук, основываясь на семейных воспоминаниях, на собственные средства установила памятник жертвам коллективизации – возле хлебокомбината, на месте бараков, где в свое время жили «раскулаченные». Несмотря на то, что существует государственная политика по увековечиванию памяти жертв политических репрессий, акценты в общественном сознании расставлены несколько иначе. Этого памятника, к сожалению, нет на карте города (рис. 2)[4]. «Концепция коллективной памяти рассматривает представления о прошлом не столько как достояние индивидов, сколько как производное от символов и нарративов, доступных в публичном пространстве, а также социальных средств их сохранения и передачи» [Малинова, 2018, с. 48]. Памятник, о котором мало кто знает, никак не отмечен в сознании людей, не подкреплен символикой значимости событий. Увековечивание памяти жертв политических репрессий разрешено законодательно, но, видимо, в общественном сознании продолжает действовать феномен «неудобного» прошлого.

Рис. 2. Памятник жертвам коллективизации. г. Ирбит.

В то же время, нельзя недооценивать память индивидуальную, биографическую. Память о своих родных не только подтолкнула Лидию Шевчук к созданию памятника, но и стала основой создания повести «Анна» и такого большого проекта как Книга памяти раскулаченных Свердловской области [Мищенко, 2021]. Одна из наших информанток в Инте рассказала, что тоже написала книгу о своем отце, который был репрессирован. Таким образом, потомки выступают в качестве агентов меморации, пытаются создать то самое символическое содержание, взывающее к общественному сознанию.

Следует отметить, что уже сложился некий баланс упоминания событий дореволюционного и послереволюционного прошлого. Тематика отцов-основателей – Демидовых, Строгановых, Походяшиных нашла свое место и в рассказах экскурсоводов и всех тех, кто

[4] Фотография была размещена на сайте Пенсионеры России [Маркова].

интересуется историей родного края. Сомнения в необходимости восстановления старых, разрушенных после революции храмов можно гораздо чаще услышать в таком большом городе как Екатеринбург. В малых и средних городах наличие церквей часто украшает город, и мы вместе с жителями Соликамска радовались тому, что в их городе сохранился храмовый комплекс, и переживали вместе с серовчанами по поводу разрушенного в 1931 г. красивейшего Спасо-Преображенского собора.

Один из важных выводов меморативных исследований – память топографична, она привязана к месту и подвержена интерпретациям, вызванным ситуацией в настоящем. Показателен в этом отношении г. Алапаевск, известный различными происходившими в нем событиями. Там в 1905 г. был создан первый Совет рабочих депутатов, есть памятная табличка на доме, где это произошло. В начале XVIII в. был построен Алапаевский металлургический завод, который уже не функционирует. В то же время, такое трагическое событие как смерть членов императорской семьи Романовых, фактически стало визитной карточкой города, основанием для финансирования его благоустройства. Для горожан это тоже приобретает значимость, потому что город стал местом паломничества, память о трагических событиях прошлого зафиксирована мощными агентами коммеморации, в том числе РПЦ.

Субъектность памяти скрепляет «смысл и место», в своих рассуждениях мы опираемся на теорию М. Хальбвакса, который пишет о том, что «индивиду доступны два типа памяти. <…> С одной стороны, его воспоминания вписываются в рамки его личности или его личной жизни, и даже те из них, которые он разделяет с другими, рассматриваются им лишь с той стороны, с которой они затрагивают его в его отличии от других. С другой стороны, в определенные моменты он способен вести себя просто как член группы, вызывая в памяти и поддерживая безличные воспоминания в той мере, в какой они затрагивают его группу» [Хальбвакс, 2005, с. 8]. Морис Хальбвакс описывает диалектику двух видов памяти, но не утверждает приоритета ни одной из них. Он пишет, что индивидуальная память может опереться на память коллективную, чтобы восполнить кое-какие пробелы, но она идет по собственному пути, так же, как и коллективная память развивается по собственным законам.

В своих исследованиях мы оперируем данными, полученными с помощью комплекса эмпирических методов: наблюдения, интервью, ментальных карт и пр. На первом этапе исследования музеев малого города в 2021 г. сделаны кейсы в двух городах: Инта (Республика Коми, приполярный Урал) и Котельнич (Кировская область). Было со-

брано 48 интервью в двух городах, в ходе интервью создавались ментальные карты.

Изначально мы выбрали эти два города как полярные с точки зрения длительности их истории. Поселение Инта было основано в 1932 г., после открытия здесь угольного месторождения. С 1940 г. началось промышленное освоение этого месторождения. Шахты и железную дорогу строили заключенные лагерей ГУЛАГа. Городом это поселение стало в 1954 г. Добыча угля началась в 1943 г., первый состав был отправлен в осажденный Ленинград. В советское время город процветал, там работало шесть шахт, вокруг шахт были поселки с развитой инфраструктурой. В постсоветское время сократилась, а потом и вовсе прекратилась добыча угля. Это привело к сокращению рабочих мест и оттоку жителей. Сейчас в городе проживает 23 701 чел. [Численность..., 2021]. Для сравнения, в начале 1990-х гг. в городе проживали 60 700 человек.

Город Котельнич – старейшее поселение Кировской области. Расположен в среднем течение реки Вятки. Население – 22,5 тыс. чел. [Там же]. В начале 1990-х гг. в городе проживали 38 тыс. человек. В русских летописях Котельнич впервые упомянут в 1459 г. До конца XVI в. город функционировал как пограничная крепость сначала Земли Вятской, а с 1489 г. – Московского государства. С XVII в. Котельнич – административный центр уезда, с 1929 г. – района. К 1917 г. имел пять дольных улиц (шли параллельно берегу реки Вятки) и семь поперечных, три торговые площади, собор и четыре церкви. Его территория составляла около 2 кв.км. (без лесов и с/х земель), население – 6 тыс. чел. Экономика была ориентирована на обслуживание торговли. С 1647 по 1929 г. в городе ежегодно проводилась Алексеевская ярмарка [Историческая справка...]. Сохранились старые торговые ряды, которые отмечены на карте исторических достопримечательностей города (рис. 3).

На домах старой части города указаны старые и новые названия улиц. При этом старое название выглядит даже более выразительно, нежели новое (рис. 4).

На примере такого города как Котельнич хорошо заметно как соотношение старого, дореволюционного и послереволюционного пришло в некое согласие, память о советских годах может сочетаться с воспоминаниями о купцах-меценатах и деятелях советской эпохи.

Рис. 3. Старые торговые ряды в г. Котельнич.

Рис. 4. Старое и новое название улицы на стене одного из домов. г. Котельнич.

«В имперский период значительный вклад в развитие города внесли городские головы купцы первой гильдии Михаил Иванович Кардаков (1856–1859) и Андрей Прокопьевич Кардаков (1862–1869), купец второй гильдии Алексей Яковлевич Зубарев (1902–1906). Благотворительной деятельностью оставили о себе память купец С. С. Зырин и купчиха М. Ф. Самоделкина. <…> 26 мая 1926 года город был практически полностью разрушен крупнейшим пожаром. Без крыши над головой из 11 тысяч жителей остались 7 тысяч человек. Масштаб разрушений поставил перед властями вопрос о дальнейшей судьбе Котельнича. Предлагалось оставить его поселком. Необходимость восстановления города доказал губернским и республиканским властям председатель Котельничского уездного исполнительного комитета (1925–1929) Владимир Григорьевич Ванеев. Его поддержал и внес большой вклад в восстановление города секретарь укома ВКП (б) (1925–1927) Азарий Иванович Мышкин» [Историческая справка...].

Здесь мы выходим на крайне интересную тему – кто и что сделал для города. Для более позднего, уже советского периода, интересна история города Инты, где тема репрессий является крайне актуальной, поскольку деятельность таких людей, которые приехали на север вовсе не по своей воле, была не просто значимой, но и создавала, изменяла лицо города. Инта – город «с тяжелой судьбой», это чуть ли не первая фраза, которую мы слышали от наших информантов, далее шло переключение на гордость: «мы гордимся своими людьми, потому что в свое время, когда здесь был ГУЛАГ, здесь были великие умы, великие, великая интеллигенция нашей страны и вот этот вот дух, наверное, все-таки передался, и мы, в общем-то хотим и в настоящее время, даже несмотря на эту ужасную рыночную экономику, этот дух сохранить» (ИнЖ45)[5].

Об этом же говорит сотрудница краеведческого музея, называя имена тех, кто совершил какие-то открытия. История создания города Инта – это история строительства Печорской железной дороги, это разработки угольного месторождения, способного заместить потерянный Донбасс. Одной из любимых легенд жителей г. Инта являет-

[5] Приводятся цитаты из интервью: первые буквы обозначают название города (Ин –Инта; Кт – Котельнич), следующая – пол информанта, цифрами обозначен возраст.

ся строительство водонапорной башни. Сейчас там находится музей истории политических репрессий. Эта легенда связана с именем Артура Тамвелиуса, он отбывал срок как раз в Инте. За одну ночь, по рассказам жителей, Тамвелиус разработал новый образ башни, и теперь это одно из самых красивых мест города (рис. 5).

Рис. 5. Водонапорная башня. г. Инта. Фото с сайта old-inta.ru.

«Обожаю ее. Вообще не могу. Когда на нее смотрю <…> думаю, надо же… а вот люди. Вот этот вот самый Артур Густав Тамвелиус, который строитель да, там как бы в смысле облик да башни ему принадлежит. Вот я думаю, тебе чего надо, вот тебя посадили на двадцать пять лет <…> да, тебя засунули вообще ни за что сюда. Вот эти комары и этот гнус, <…> ну сезон пятьдесят третий, пятьдесят четвертый строилось зимой, вот эти вот морозы, ты в телогрейке, ты заключенный. Тебе оно надо? Какие люди были <…> люди творческие, ты просто не захотел смотреть на это убожество, которое будет стоять там? И ты понимал, что ты можешь повлиять на это каким-то образом. И вот это человек просто вот попросил ватман <…> вот за ночь нарисовал эскиз вот этого чуда» (ИнЖ49).

Память о репрессиях в Котельниче тоже звучала, но разница очевидна. Памятник погибшим в ходе эвакуации в Котельнич устанавливали всем городом. Он находится в таком месте, у вокзала, где все его могут увидеть. Крест, поставленный на месте захоронения репрессированных, заметить довольно сложно.

«Там у нас, кстати, Поклонный Крест. Вот здесь. Мы установили станцией [юных туристов]. Там, значит, были найдены захоронения репрессированных. В каком году [установили] – я не помню.

Интервьюер: Это вот с той стороны?

«Вот, просто сейчас бурно разрослась растительность. А когда кустов нету, то он прямо вот где-то вот здесь. Мы с батюшкой Владимиром его освящали» (КтЖ55).

«Первый памятник заключенным ГУЛАГа в Коми АССР и на территории всего СССР «Dzimtenei» («Родине») был установлен в июле

Рис. 6. Памятник Родине. г. Инта [Инта].

1956 года, когда система ГУЛАГа еще действовала. Он сооружен руками политзаключенных-латышей перед отъездом на родину как символ памяти о всех высланных в Инту латышах. Памятник погибшим землякам установили на бывшем лагерном кладбище заключенных. <…> В памятнике запечатлен образ далекой Родины и скорбь о тех, кто ее уже никогда не увидит»[6] (рис. 6).

Это одна из достопримечательностей города. Еще один рассказ местных жителей – монумент удалось установить под видом частного памятника в официально разрешенных размерах. В 1956 г., когда памятник был установлен, только посвященные знали об истинном значении этого события [см. подробнее: Веселкова и др., 2017]. Мобильное интервью с одним из жителей Инты снова возвращает нас к теме репрессий:

«Этот остров копали заключенные, и в основном эти заключенные были женщины. Всегда, когда <…> вдоль реки идешь, и вот эти вот каналы <...> как-то заставляют задуматься <…> не каждый смог бы вытерпеть просто-напросто вот эти вот мучения, которым подвергались именно женщины» (ИнМ30).

Рис. 7. Памятник погибшим шахтерам. г. Инта.

Конечно, далеко не все жители так много знают об истории своего города. Мужчина, гуляющий с собакой (он проработал на шахте 36 лет), сказал, что есть в водонапорной башне какой-то музей, но какой, он не знает. Постепенное прекращение добычи угля в 1990-е гг. рассматривается как еще одна городская трагедия [Вандышев и др., 2019]. Здания бывшей поселковой инфраструктуры (например, школа) разваливаются. Один из наших информантов сообщил, что считает более важным памятник погибшим шахтерам (рис. 7):

[6] Скульптор – Эдуардс Сидрабс в тот момент еще остававшийся в заключении. Организатор работ – бывший заключенный Адольф Пунтулис, живший в Инте на «вечном поселении» [Инта].

«Уголь доставался очень дорого, погибло очень много людей, особенно в начале строительства шахт. У меня лично погиб дядя в 1961 <…> а сейчас им построили скромный камень в честь памяти погибшим шахтерам» (ИнМ61).

Тема шахт, работы по добыче угля, неопределенного будущего города «конкурирует» с темой строительства города усилиями репрессированных. Одна из информанток подчеркивает, что существовала особая атмосфера в городе, который не только строился, но и работал в тяжелых условиях.

«Мама, когда приехала в пятьдесят шестом году сюда, она говорит, жили на поселках <…> были такие метели и такие морозы, все заметало, в метре не было [видно] человека, и вот чтоб дойти, они собирались всей улицей <…> это были шахты <…> их работало семь стабильно <…> вот она работала на «Глубокой». Они собирались поселком, потому что все работали на шахтах, буквально да, и веревку… и ходили по веревке, потому что ничего не было видно, иначе на смену не дойдешь» (ИнЖ49).

Именно в Инте мы отмечали не только большое количество памятных мест, связанных с репрессиями. Безусловно, там есть и памятники погибшим в Великой Отечественной войне, и в локальных войнах последних десятилетий XX века. Все эти места памяти образуют некое единство в представлениях наших информантов. Молодой человек, участник исследования, рассказывает и об Инте военных лет, которая была большим лагерем, и о своей бабушке, которая жила на оккупированной территории и помогала партизанам.

«И бабушка ночью, через окно вылазила, 12 лет девочке было, и по деревне шла, кто что мог в корзину скидывали пищу. И она ночью восемь километров до партизан шла через лес. <…>

[Мы] вообще находимся в ГУЛАГе, да, на старом месте <…> у нас же вообще, когда война началась, эта республика наша стала большим-большим лагерем. Сюда было много, ну, ссылалось много людей. Как политзаключенных, так и ну, всяких-разных, да, из-за рубежа, кто был, и уголовники тут были» (ИнМ29).

«Примирение» памяти возможно, все эти люди уже умерли. Молодой человек с сочувствием говорит о приезжающих из разных стран и мест, которые хотели бы найти могилы своих близких, уже в контексте семейной биографии:

«как бы по кладбищам, захоронениям, видимо в поисках своих близких. Когда есть возможность, почему бы и нет. Я бы тоже хотел найти. У меня три деда ушло на войну и не вернулись» (ИнМ29).

Два полярных кейса, Инта и Котельнич, показывают различные оттенки памяти. История города имеет значение, жизнь индивида раз-

ворачивается на фоне городских событий, на фоне конкретного места. Инта при этом – еще и популярная территория для туристов, по горам Северного Урала любят бродить приезжающие из разных мест.

Память индивидов и символические структуры, задающие социальные паттерны вспоминания прошлого [Малинова, 2018], могут сочетаться в различных вариациях. Инта показала нам возможные отклонения от политики памяти, когда «неудобное» прошлое выходит на первый план, потому что является осевым, базовым воспоминанием об истории города. Котельнич продемонстрировал практики согласия между воспоминаниями о дореволюционных и постреволюционных временах, которые мы наблюдали и в наших предшествующих исследованиях.

Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Вандышев М. Н., Веселкова Н. В., Прямикова Е. В. Малые и средние города Урала: индустриальность как судьба // Пути России. Границы политики : сб. ст. XXV Междунар. симпоз. / под ред. М. Г. Пугачевой. М. : Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2019. С.172–187.

Веселкова Н. В., Вандышев М. Н., Прямикова Е. В. Молодые города: масштабы мест памяти // Социол. обозрение. 2017. Т. 16. № 3. С. 36–65.

Инта // Коми эко республика. URL: https://tourism.rkomi.ru/node/36 (дата обращения: 30.10.2021).

Историческая справка о городе Котельниче // Муниципальное образование городской округ город Котельнич Кировской области. URL: https://kotelnich-omv.ru/ (дата обращения: 25.10.21).

Малинова О. Ю. Обоснование политики 2000-х годов в дискурсе В.В. Путина и формирование мифа о «лихих 90-ых» // Полит. наука. 2018. № 3. С. 53–84.

Маркова Р. С. Единственный в области // Пенсионеры России. URL: https://pensionerrossii.ru/posts/262-edinstvennyi-v-oblasti.html (дата обращения: 30.10.21)

Мищенко С. Число имен в Книге памяти раскулаченных Свердловской области перевалило за 50 тысяч // Облгазета.ru. 24 авг. 2021 г. URL: https://www.oblgazeta.ru/society/126817/ (дата обращения: 25.10.21).

Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. № 2−3 (40−41). С. 8–27.

Численность постоянного населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2021 года // Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13282?print=1 (дата обращения: 25.10.21).

Эппле Н. Неудобное прошлое: память о государственных преступлениях в России и других странах. М.: Новое лит. обозрение, 2020.

УДК 304.44+316.74+711.435

М. А. Беляева
Екатеринбургская академия современного искусства
Т. А. Ладыгина,
Красноуфимский краеведческий музей

УСЛОВИЯ КОНСТРУИРОВАНИЯ И СОХРАНЕНИЯ МЕМОРАТИВНЫХ ЛАНДШАФТОВ МАЛЫХ ГОРОДОВ

В данной статье авторы на основе теоретического анализа и собственного практического опыта, связанного с брендингом города Красноуфимска (Свердловская область), размышляют над возможностями конструирования и сохранения меморативных ландшафтов малых городов, выделяют и обосновывают четыре условия успешности этих процессов: 1) конструирование меморативных ландшафтов должно строиться на выявлении глубинных смыслов уникальности, как правило, связанных с традицией и культурным наследием места; 2) выявлять эти смыслы должно местное экспертное сообщество, обязательной часть которого являются музеи; 3) в малых городах роль лидера в конструировании и сохранении меморативных ландшафтов может выполнять конкретный музей; 4) требуется целенаправленная имиджевая стратегия продвижения меморативных ландшафтов на основе эффективного партнерства.

Ключевые слова: малый город, меморативные ландшафты, бренд города, музейное сообщество.

Maria A. Bieljajewa
Jekaterynburska Akademia Sztuki Współczesnej
Tatiana A. Ładygina
Muzeum Krajoznawczego Krasnoufimsk

UWARUNKOWANIA KSZTAŁTOWANIA SIĘ KRAJOBRAZÓW PAMIĘCI MAŁYCH MIAST

Krajobrazy pamięci rozumiemy jako przestrzenie wypełnione materialnymi dowodami typowej codzienności z przeszłości lub odwrotnie – dowody nietypowych, szczególnych wydarzeń (zwycięstw i porażek), które zmieniły bieg czasu w wymiarze lokalnym lub globalnym. Wśród warunków powstawania krajobrazów pamięci (KP) należy wymienić następujące: 1) projektowanie KP powinno opierać się na identyfikacji symboli związanych z tradycją i dziedzictwem kulturowym miejsca; 2) lokalna społeczność, odbiorcy instytucji pamięci, powinna identyfikować te symbole; 3) w małych miejscowo-

© Беляева М. А., Ладыгина Т. А., 2022

ściach konkretne muzeum może pełnić rolę lidera w tworzeniu KP; 4) wymagana jest ukierunkowana strategia wizerunkowa promująca KP w oparciu o efektywne partnerstwo; 5) dla małych miast funkcje wewnętrzne marki związane z KP (kształtowanie tożsamości regionalnej) są ważniejsze niż funkcje zewnętrzne (turystyka, inwestycje).

Słowa kluczowe: małe miasto, pamiątkowe krajobrazy, marka miasta, społeczność muzealna

Поиск путей сохранения материального и духовного культурного наследия прошлого и вместе с этим развитие современной инфраструктуры в малых городах России является актуальной проблемой. Город Красноуфимск Свердловской области (37 тыс. чел. населения) тоже решает эту проблему. В 2015 г. музейное сообщество инициировало и планомерно ведет работу по формированию бренда малого уральского города: «Красноуфимск – город земских традиций» в рамках историко-мемориальной модели геобрендинга.

В процессе обоснования концепта городского бренда было разработано авторское определение понятия «земские традиции», выявлены историко-культурные основания земских традиций, показано, чем в данное время может гордиться Красноуфимск, и как это материальное, духовное и художественное культурное наследие применить во благо городского развития. Следует отметить, что комплексный анализ наследия земских реформ и их влияния на современность Красноуфимска в целях формирования бренда города был проведен впервые [Ладыгина, Беляева, 2019].

Идея бренда базируется в том числе на сохранившемся архитектурном наследии земского периода (1870–1917 гг.) – застройки центральной части города. Для городского пейзажа Красноуфимска конца XIX в. характерно арочное оформление оконных проемов и въездных ворот одно- и двухэтажных деревянных, каменных и полукаменных домов, краснокирпичных зданий.

Сегодня 19 исторических и архитектурных объектов являются памятниками областного значения и составляют основу меморативного ландшафта города. Среди знаковых объектов выделим два сооружения, ставшие визитными карточками Красноуфимска:

- храм Александра Невского (1914), построен по проекту Д. П. Рябова и избежал разрушения, так как в период 1930–1998 гг. в нем находился краеведческий музей;
- здание железнодорожного вокзала (1915) – проект А. В. Щусева, архитектора с мировым именем, задумавшего целый комплекс вокзалов по линии Москва–Казань–Екатеринбург.

Меморативные ландшафты понимаются нами как пространства, наполненные материальными свидетельствами типичной повседневности прошлого или наоборот – свидетельствами нетипичных, особых событий (побед и поражений), изменивших ход времени в локальном измерении этого места или более глобально.

Среди условий конструирования и сохранения меморативных ландшафтов выделим и обоснуем следующие условия:

1) конструирование меморативных ландшафтов должно строиться на выявлении глубинных смыслов уникальности, как правило, связанных с традицией и культурным наследием места;

2) выявлять эти смыслы должно местное экспертное сообщество, обязательной часть которого являются музеи;

3) в малых городах роль лидера в конструировании и сохранении меморативных ландшафтов может выполнять конкретный музей;

4) требуется целенаправленная имиджевая стратегия продвижения меморативных ландшафтов на основе эффективного партнерства.

Конкурентные преимущества существенно возрастают в процессе целенаправленного формирования образа места, который должен базироваться, с одной стороны, на пиар-активности, способной ярко презентовать данную территорию (город), а с другой, на реальных особенностях и ресурсах, в том числе наличии меморативных ландшафтов как одного из возможных оснований городского бренда.

Бренд, понимаемый как ключевая идея, не придумывается, а считывается с имеющегося текста, образованного культурным наследием и (или) современными практиками: «основа территориального бренда и успешность формирования и продвижения бренда территории зависит от выявления глубинных смыслов (уникальности, различия, сопричастности и пр.), через которые может выражаться и «переживаться» данная территория» [Федотова, 2016, с. 122]. Смыслы «считываются» через аналитическую работу с архивной документацией, изучение имеющихся музейных коллекций и памятников культурного наследия; сравнительный анализ ресурсов данного места с другими территориями для оценки степени уникальности (региональной, национальной или даже всемирной); использование традиционных социологических методов изучения общественного мнения (опросы) и перспективных партисипативных методов – организацию общественных слушаний и работу общественных комиссий; использование новых возможностей прямого диалога с аудиторией в социальных сетях. Социальные сети позволяют оперативно получать отклики на любые новые инициативы, в том числе музейные проекты, нацеленные на актуализацию меморативных ландшафтов.

В случае «придумывания» бренда получим яркий, но непонятный результат. Примеров игнорирования имеющихся смыслов территории некими экстравагантными решениями в нашей стране достаточно. Например, в Москве на бульваре Н. Гоголя (когда-то это место называлось Пречистенский бульвар) неожиданно появился эффектный памятник М. Шолохову (автор – А. Рукавишников). Общественное мнение по этому поводу эмоционально выражает отечественный исследователь З. Стопани: «Почему Шолохов на Гоголе – раз, а потом это разностилье – классика архитектурная и литературная и вдруг советский писатель со страшными лошадьми – два? … Получается впечатление неистовой настырности – во что бы то ни стало в центре, в месте уже опробованном, известном, популярном. Шолохов значителен сам по себе, зачем ему быть за счет Гоголя? Надо же было думать, чтобы не обезобразить бульвар Гоголя, а не только, чтобы втиснуться в него» [Стопани, 2010, с. 411].

Чтобы бренд малого города не «втискивался» и не превращался в абсурд «лодки на аллеях парка», он должен восприниматься не столько в виде «добавочной стоимости» (сугубо прагматической, маркетинговой категории), сколько трактоваться с позиций ценностных оснований моделирования образа той или иной территории и проживающих там жителей.

Одно из возможных культурологических оснований конструирования мемоативных ландшафтов и связанного с ним бренда малого города видится в перспективе исследований культурного пространства, которое, по мнению Е. Н. Мастеница, представляет «не сумму рядоположенных форм деятельности, но именно систему, которая организуется и воспринимается человеком, взаимосвязанную во всех ее частях и элементах, живую, пульсирующую, развивающуюся целостность, представляющую жизнь города как полноценный культурный процесс» [Мастеница, 2011, с. 133].

Принимать решения относительно того, насколько городское пространство «живое и пульсирующее», и какие смыслы скрепляют целостность его мемоативных ландшафтов, должно местное экспертное сообщество, в том числе обладающее знаниями для проведения культурологической экспертизы. «Культурологическая экспертиза – это новый вид экспертной деятельности, возникший из-за острой потребности в применении специальных историко-культурных и культурологических знаний для принятия соответствующих решений в различных областях деятельности, которые имеют социокультурное значение» [Капшай, 2015, с. 197].

Под экспертным сообществом пермский социолог О. Лысенко понимает «более или менее структурированную сеть взаимодейству-

ющих друг с другом специалистов, обладающих тем или иным символическим капиталом. Эту сеть образуют люди, чья профессиональная деятельность соприкасается с полем культуры; люди, которые в этом поле занимают важные позиции; люди, которые в силу своей социальной позиции готовы высказывать мнение о культуре и тем самым влиять на культурные процессы. Это руководители учреждений культуры, менеджеры в сфере культуры, чиновники от культуры, журналисты, ученые» [Лысенко, 2016].

Следует дополнить, что в экспертное сообщество, участвующее в сохранении и актуализации меморативного ландшафта, должны входить и непрофессиональные субъекты – краеведы, городские активисты, представители общественных объединений, поскольку понимание культурных скреп родного города не всегда связано с профессиональной деятельностью. Кроме того, необходим лидер – главный агент влияния на общественное мнение, который разрабатывает концепцию бренда, продвигает ее и несет ответственность (прежде всего, нравственную) за результат. Это может быть и личность, и институция. В больших, особенно столичных городах, таких людей и таких институций – лидеров мнений – может быть несколько, и среди них обязательно присутствуют главные городские музеи (Эрмитаж и Русский музей в Санкт-Петербурге, Третьяковская галерея и Музей им. А. С. Пушкина в Москве) как хранители символического капитала места.

В малых городах, на наш взгляд, эту роль также должны выполнять музеи, альтернативы здесь просто нет. Опыт таких городов как Мышкин (5,49 тыс. чел.), Городец (29,7 тыс. чел.), Зарайск (22,7 тыс. чел.), Касимов (29,2 тыс. чел.), Тотьма (9,7 тыс. чел.) [Лучшие практики …] и, конечно, Красноуфимск, это доказывает.

Весомую экспертную роль работников музеев для развития территории признает ряд исследователей – О. В. Беззубова, Е. Н. Мастеница, З. А. Овчинникова, О. С. Сапанжа. Представители музейного сообщества в современном обществе – это не только хранители прошлого, но и творцы будущего образа города. Какую идею выбрать, чтобы обустроить, например, прогулочные аллеи, зоны отдыха, открытые площадки для проведения ярмарок и городских мероприятий? Какие концептуальные арт-объекты и скульптуры подчеркнут уникальность и узнаваемость города, а также будут способствовать формированию идентичности горожан? На эти вопросы может ответить человек, который одновременно является и жителем города, и специалистом, понимающим культурный контекст территории. Участие внешних экспертов прибавляет возможностей для кон-

структивного диалога, но не заменяет местного экспертного сообщества. Конструктивный диалог следует выстраивать и с жителями, иначе локальный дискурс местного экспертного сообщества будет чужд власти, бизнесу и основной части населения.

Противоречивый опыт формирования нового образа города Перми в рамках «Пермского культурного проекта» (2008–2013 гг.) продемонстрировал, насколько важно такое условие формирования привлекательного образа места, как принятие бренда населением. Горожане – главные потребители и производители городского бренда. Если жители, включая чиновников, не хотят или не верят в возможность преобразования города (Перми) в культурную столицу Европы, не принимают ценностей современного и фестивального искусства. Происходит это в том числе из-за несоблюдения принципа эффективного партнерства, который Кейт Динни применительно к брендингу территорий определяет как «всеохватность и репрезентативность, долгосрочность отношений, одинаковое видение, разделение ответственности, взаимное доверие, согласованность и вовлеченность всех стейкхолдеров, коммуницирование от единого лица, принятие важных решений, действий, инвестиций в бренд, и готовность оценивать полученные результаты и их эффективность» [Динни, 2013, с. 38].

В нашей практике также не удалось избежать напряженности, связанной с вовлечением в проект формирования бренда г. Красноуфимск нескольких сторон влияния. Полагаем, что обеспечение эффективного партнерства со всеми стейкхолдерами – одно из сложных условий конструирования и сохранения меморативных ландшафтов малых городов, концептуализации и продвижения их брендов.

Следует отметить, что вовлечение жителей в обсуждение и реализацию проектов сохранения или преобразования городской среды через проведение опросов, общественных слушаний, организацию работы общественных комиссий и др., становится позитивным трендом последних двух-трех лет; значит, постепенно приходит понимание важности такого условия как объединение жителей на основе общей идеи, причем эта тенденция характерна как для крупных российских городов (например, Екатеринбурга), так и малых городов. Подытожим сказанное словами К. Динни: «Чтобы эффективно коммуницировать с внешней аудиторией и убеждать ее, нужно прежде всего обратиться к аудитории внутренней» [Там же, с. 23].

Логично предположить, что для малых городов традиции, в том числе визуально закрепленные в меморативных ландшафтах, являются более ожидаемым фундаментом бренда, нежели инновации. Теоретически формирование бренда малого города может строиться

либо на традициях и культурном наследии прошлого, либо на инновациях – современных культурных и производственных практиках, либо на сочетании первого и второго. Но, как правило, все новое в жизнеустройстве городов появляется и укореняется в больших городах. Есть и исключения, например, самый молодой город России – Иннополис (3,8 тыс. жителей) [Что такое Иннополис?]. Город создан «с чистого листа»: сервис, экономика, образование (в городе действует университет). Все жилые и инфраструктурные объекты строились с применением высоких технологий. Но такой модный, динамичный и высокотехнологичный город – один, а малых городов в России около восьми сотен, и для большинства из них надежным условием формирования привлекательного образа места будет опора на традиции и культурное наследие. Даже у молодых городов с недолгим советским прошлым есть своя история, свои традиции, свой меморативный ландшафт, связанный с освоением этой территории.

В поисках смыслов краеведческий музей, в отличие от других типов музеев, идет по пути изучения и трансляции традиций, присущих этому месту. В нашем исследовании и практической деятельности в должности специалиста по сохранению культурного наследия, а затем директора Красноуфимского краеведческого музея (Т. А. Ладыгина), мы тоже следовали данному тренду и выбрали в качестве главной идеи городского бренда земские традиции.

Земские традиции – это не «ряженые» горожане для туристов на фоне архитектуры земского периода, а то, что объединяет общество в духовном смысле, это такие формы жизнеустройства локальной провинциальной территории России, где общественное самоуправление является реальным инструментом социальных и материальных преобразований городской среды, открывающих возможности самореализации жителей в процессе обсуждения и воплощения мер городского развития. Поэтому в процессе формирования образа места, наряду с конструированием, сохранением и актуализацией меморативных ландшафтов, важное значение имеет демонстрация современных достижений, которыми в данное время может гордиться Красноуфимск.

Таким образом, целенаправленный процесс выявления уникальных характеристик места (2015–2021 гг.), в том числе сопровождавшийся конструированием, сохранением и актуализацией меморативных ландшафтов на основе соблюдения обоснованных выше условий, постепенно привел к пониманию того, что город Красноуфимск обладает богатым историко-культурным наследием земского периода (1870–1917 гг.), и музеи города успешно его сохраняют, активно транслируя культурную память, связывая прошлое и настоящее, что нашло

отражение в предложенной музейным сообществом идее, определяющей городскую идентичность как «Красноуфимск – город земских традиций».

Беззубова О. В. Музей и политика памяти // Междунар. журн. иссл. культуры. 2016. № 3(24). С. 76–84.

Динни К. Брендинг территорий: лучшие мировые практики. М. : Манн, Иванов и Фербер, 2013.

Капшай А. В. Экспертиза как актуальная культурологическая практика // Государственная культурная политика и образование как часть стратегии национальной безопасности Российской Федерации : материалы междунар. науч.-практ. конф. / науч. ред. Р. Р. Юсупов. Казань : Изд-во Казан. гос. ин-та культуры, 2015. С. 196–199.

Ладыгина Т. А, Беляева М. А. Город земских традиций: в поисках уникального образа уральского города // Вестн. культ. и искусств. 2019. № 1 (57). С. 62–72.

Лучшие практики малых городов России [сайт]. URL: https://www.town-practices.ru/ (дата обращения: 20.09.2021).

Лысенко О. Последствия Пермского культурного проекта (по материалам социологических исследований) // Новое лит. обозрение. 2016. № 1(105). URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/neprikosnovennyy_zapas/105_nz_1_2016/article/11764/ (дата обращения: 14.11.2021).

Мастеница Е. Н. Культурное пространство города как предмет исследования и объект познания: междисциплинарный подход // Петербургские исследования. 2011. № 3. С. 128–147.

Мастеница Е. Н. Социокультурные практики музеев малых городов России как фактор регионального развития // Общество. Среда. Развитие. 2020. № 2 (55). С. 72–78.

Овчинникова З. А. Музей в контексте социально-культурных трансформаций информационного общества // Вестн. культ. и искусств. 2017. № 3 (51). С. 43–48.

Сапанжа О. С. Евразийский концепт и музейная парадигма в дискурсе наследия // Культура в евразийском пространстве: традиции и новации. 2018. № 1. С. 88–91.

Стопани З. Лодка на аллеях парка как общественный абсурд // Европа и современная Россия : материалы междунар. конф. М.: МАНПО, 2010. С. 406–413.

Федотова Н. Г. Символический капитал территории: бренд и идентичность // Брендинг как коммуникативная технология XXI века : материалы II Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием / под ред. А. Д. Кривоносова. СПб. : Изд-во С.-Петерб. гос. экон. ун-та, 2016. С. 121–123.

Что такое Иннополис? // Иннополис. URL: https://innopolis.com/city/ (дата обращения: 20.09.21).

УДК 94(438)

Arkadiusz S. Więch
Uniwersytet Jagielloński, Kraków

SZTETLE, KTÓRE ZNIKNĘŁY. PRZYWRACANIE PAMIĘCI O UTRACONYCH WSIACH I MIASTECZKACH W PRZESTRZENI DAWNEJ GALICYJSKIEJ PROWINCJI

Sztetle były powszechne w prowincji galicyjskiej. Były to małe miasteczka, zamieszkałe głównie przez ludność żydowską i mniejszość polską, a w przypadku Galicji Wschodniej także ludność ukraińską. Były przykładem wielokulturowego świata, który przetrwał upadek XIX-wiecznych imperiów, jakie istniały w okresie międzywojennym i ostatecznie położył kres tragedii II wojny światowej. Przez dziesięciolecia, przez dziesięciolecia marginalizowana, dziś nie tylko odradza się w przestrzeni pamięci, ale także staje się widoczna w fizycznej przestrzeni miast Podkarpacia i Małopolski. W tym wystąpieniu postaram się przedstawić proces przywracania pamięci dawnego galicyjskiego miasta, inicjatywy podejmowane przez lokalne społeczności, a także zastanowić się, jak przeszłe stosunki polsko-żydowskie wpłynęły na rozwinięte w społeczeństwie mityczne miasto galicyjskie. Postaram się też obalić ten mit. Artykuł oparty jest na obszernym materiale źródłowym. M. in. materiały archiwalne i drukowane, wspomnienia i relacje z historii mówionej.

Słowa kluczowe: Galicja, Kolbuszowa, Pilzno, Polska, Sztetle, Żydzi.

Аркадиуш С. Вех
Ягеллонский университет, Краков

ИСЧЕЗНУВШИЕ ШТЕТЛЫ. ВОССТАНОВЛЕНИЕ ПАМЯТИ ОБ ИСЧЕЗНУВШИХ ГОРОДАХ НА ТЕРРИТОРИИ БЫВШЕЙ ГАЛИЦИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ

Штетлы были распространены в Галицийской провинции. Это были небольшие города, где большинство составляло еврейское население. Кроме того, в штетлах проживало польское население, а в Восточной Галиции – также украинское население. Они были примером мультикультурного мира, пережившего крах империй XIX в., существовавшего в межвоенный период и окончательно разрушенного в годы Второй мировой войны. Тема штетлов возрождается в течение нескольких десятилетий в пространстве памяти, а также в облике городов Подкарпатья и Малой Польши. В статье затронута тема восстановления и сохранения памяти о галицийских штетлах, раскрыт вопрос о влиянии польско-еврейских отношений на мифологизацию темы штетлов

© Więch A. S., 2022

Галицийской провинции. Статья основана на широкой источниковой базе, включающей материалы архивов, периодической печати, мемуары и устные исторические источники.

Ключевые слова: Галиция, Колбушова, Пильзно, Польша, евреи, штетлы.

Nie masz już, nie masz w Polsce żydowskich miasteczek […]./Próżno byś szukał w oknach zapalonych świeczek,/I śpiewu nasłuchiwał z drewnianej bóżnicy./ Znikły resztki ostatnie, żydowskie łachmany,/Krew piaskiem przysypano, ślady uprzątnięto/ I wapnem sinym czysto wybielono ściany/ Jak po zarazie jakiejś lub na wielkie święto. […]/ Już nie ma tych miasteczek, gdzie szewc był poetą,/ Zegarmistrz filozofem, fryzjer trubadurem./ Nie ma już tych miasteczek, gdzie biblijne pieśni/ Wiatr łączył z polską piosnką i słowiańskim żalem,/ Gdzie starzy Żydzi w sadach pod cieniem czereśni/ Opłakiwali święte mury Jeruzalem./ Nie ma już tych miasteczek, przeminęły cieniem,/ I cień ten kłaść się będzie między nasze słowa,/ Nim się zbliżą bratersko i złączą od nowa/ Dwa narody karmione stuleci cierpieniem [Słonimski].

Przytoczony powyżej fragment utworu Antoniego Słonimskiego „Elegia żydowskich miasteczek" opisuje świat utraconego sztetla – wielokulturowego tworu, występującego na ziemiach przedwojennej Polski. W przypadku zamieszkującej je społeczności żydowskiej najczęściej pojawiającym się w kontekście pamięci o niej tematem jest doświadczenie Zagłady, a co za tym idzie i kresu żydowskich wsi i miasteczek. W niniejszym tekście skupię się jednak na zjawisku przywracania pamięci o codzienności owego tytułowego sztetla sprzed tragicznego czasu II wojny światowej. Dokonam tego w oparciu o obszar dawnej Galicji, a więc ziem, które na skutek I rozbioru Polski znalazły się pod panowaniem austriackim (na skutek przeprowadzonego w 1772 roku przez Austrię, Prusy i Rosję rozbioru Polski, z ziem objętych przez Austrię utworzone zostało Królestwo Galicji i Lodomerii), a które w dużym uproszczeniu odpowiadają terenowi wchodzącemu w skład dzisiejszych województw: małopolskiego i podkarpackiego w Polsce oraz obwodom: lwowskiemu, tarnopolskiemu i ivanofrankiwskiemu na Ukrainie. Ograniczę się jednakże do przykładów z polskiego województwa podkarpackiego.

Współcześnie pamięć o Galicji funkcjonuje w mocno zmitologizowanej formie, w której owo odległe z perspektywy Wiednia królestwo, było krajem harmonii i szczęścia, przypominającym nieco znaną z greckich mitów Arkadię, w której szczęśliwie przez blisko 68 lat panował cesarz Franciszek Józef I, w którym właściwie bez przeszkód (zwłaszcza w porównaniu z ziemiami zaboru rosyjskiego i pruskiego) mogła rozwijać się polska kultura, tradycja, historia. Rzeczywistość była bardziej złożona. Pod względem zamieszkującej ją ludności stanowiła Galicję obszar wie-

lokulturowego pogranicza, na którym obok siebie żyli zarówno Polacy, jak i Ukraińcy, Niemcy, Czesi, Austriacy oraz Żydzi, stanowiący w niej trzecią co do wielkości grupę ludności. W 1910 roku na ogólną liczbę 8 025 675 mieszkańców 46,50 % (3 731 569 mieszkańców) stanowili członkowie kościoła rzymskokatolickiego, 42,11 % (3 379 613 mieszkańców) członkowie kościoła greckokatolickiego, a 10,86 % (871 895 mieszkańców) osoby wyznania mojżeszowego [Pająk, 2020, s. 22]. Dane te uważać możemy za orientacyjne również w odniesieniu do narodowości. Austriackie spisy powszechne nie uwzględniały bowiem kategorii narodowościowej, dlatego też przyjęło się, w dużym uproszczeniu, powoływać się na powiązane z narodowością, dane wyznaniowe [Więch, 2021, s. 69–71]. Należy również dodać, że w kontekście całej monarchii habsburskiej, w rzeczonym 1910 roku, aż 66,24 % jej żydowskich mieszkańców zamieszkiwało Galicję. Ta była przede wszystkim krajem rolniczym, którego ludność w 77 % trudniła się uprawą roli. Zdecydowana większość zamieszkiwała wsie i niewielkie miasteczka, stanowiące w dużej mierze (zwłaszcza na terenach na wschód od linii rzeki Wisłoki) ośrodki zamieszkane w większości przez ludność żydowską i stanowiące tytułowe sztetle [Więch, 2021, s. 83]. Sytuacja w nich uległa (przynajmniej częściowo) zmianie dopiero w okresie międzywojennym, a ludność żydowska w wielu z nich z poziomu ponad 50 % na początku XX wieku spadła do ok. 25 % wiosną 1939 roku (np. w Dębicy) [Więch, 2012, s. 21]. W przeciwieństwie do polskich mieszkańców sztetli sami Żydzi rzadko zajmowali się rolnictwem. Pracowali głównie w handlu, a także byli przedstawicielami tzw. wolnych zawodów (lekarze, urzędnicy, adwokaci) [Więch, 2015, s. 57–58]. Codzienność mieszkańców galicyjskiego sztetla stanowiła mozaikę sieci wzajemnego przenikania się, często zupełnie odmiennych wobec siebie światów rzymskokatolickiego (utożsamianego z Polakami), greckokatolickiego (utożsamianego z Ukraińcami) oraz mojżeszowego (żydowskiego). I o ile owe dwa pierwsze światy często ze sobą współdziałały, o tyle świat żydowskiego sztetla był przestrzenią nieco równoległą z m. in. własnym zarządem, szkołami religijnymi, żydowskimi instytucjami kultury, pomocy społecznej, z własnym świątecznym/religijnym kalendarzem i własnym rytmem kształtującej rzeczywistość codzienności. Druga wojna światowa i zachodzące po jej zakończeniu przemiany całkowicie zmieniły jednakże krajobraz miasteczek i wsi Polski południowo-wschodniej. Zamieszkująca je ludność w przeważającej większości uległa procesowi homogenizacji tworząc obszar jednolity pod względem narodowościowym zamieszkany przez Polaków, w mniejszym zaś stopniu przez osoby ukraińskiego pochodzenia w przeważającej większości przesiedlone z owych terenów w ramach tzw. „Akcji Wisła". Ludność żydowska zniknęła z krajobrazu małopolskich i podkarpackich wsi i miasteczek. Pozostała jednakże w sferze pamięci. Początkowo ukryta,

obecnie, od kilkunastu lat wydobywana jest na przysłowiową powierzchnię i staje się nieodzownym elementem kulturowego krajobrazu.

Proces przywracania pamięci o żydowskich mieszkańcach wsi i miasteczek polskiego podkarpacia jest złożony i przybiera różne formy. Rozmawiając z mieszkańcami dawnych sztetli spotkać można różnorakie postawy. Czasem nawet po kilku godzinach ze strony świadka historii (świadek historii – określenie często używane w badaniach z zakresu historii mówionej, na określenie rozmówcy, z którym spotyka się badacz, np. historyk, nagrywający jego wspomnienia) nie pada ani jedno wspomnienie dotyczące ludności żydowskiej zamieszkującej daną miejscowość. Kiedy zaś zadaje je przeprowadzający rozmowę badacz następuje ze strony rozmówcy niezwykle jednoznaczne stwierdzenie: „To było całkowicie żydowskie miasto. Tu antysemityzmu nie było" [Rozmowa z Tułeckim, 2006] lub: „Wszystko było w żydowskich rękach" [Kosiek, 2018, s. 85]. Analizując współcześnie zbierane wspomnienia dostrzec można charakterystyczny mechanizm, wokół którego często konstruowana jest pamięć o dawnych żydowskich sąsiadach i ich relacjach z polskimi (katolickimi) mieszkańcami. Wzajemne stosunki były niezwykle złożone. Z jednej strony mamy owe zapewnienia o braku negatywnego ustosunkowania do ludności żydowskiej i dobrosąsiedzkich relacjach, z drugiej zaś strony mamy wspomnienia żydowskie, zapisane na kartach tzw. ksiąg pamięci (Żydowskie księgi pamięci, tzw. *sefer zikkaron*, *sefer pinkas*, *ickor-buch*, to zbiory wspomnień ludności żydowskiej wydawane po II wojnie światowej przez żydowskie stowarzyszenia, ziomkostwa. W dużej mierze dotyczą wydarzeń związanych z Zagładą oraz stanowią opis upamiętniający poległych i zamordowanych podczas niej żydowskich mieszkańców poszczególnych miejscowości. Swoją tradycją sięgają czasów średniowiecznych. Szacuje się, że do tej pory powstało ich około 800, z czego ponad 500 dotyczących ziem polskich w granicach z 1939 roku zostało wydanych. W przypadku obszaru województwa podkarpackiego wydane zostały 24 księgi pamięci) [Tam był kiedyś, 2009, s. 15; Więch, 2017], zawierające świadectwa różnego rodzaju sytuacji, postaw nacechowanych antysemityzmem. Ten zresztą okresowo przybierał na sile, czego dobitnym wyrazem były występujące na obszarze Galicji zarówno pod koniec XIX stulecia, jak i w pierwszych dekadach XX wieku wystąpienia antyżydowskie często posiadające cechy pogromów [Więch, s. 2019]. Dawne galicyjskie miasteczka w pamięci współczesnych nam mieszkańców, Polaków w dużej mierze, jak już wspomniałem, jawią się jako miejscowości niemalże w całości zamieszkane przez Żydów w których Polacy (katolicy) często stawiali się w roli niejako obywateli drugiej kategorii, tzw. *goi*, co często sami podkreślali. Winą za panujące w latach II Rzeczypospolitej bezrobocie, za ówczesną biedę, za brak wykształcenia, perspektyw rozwoju, powszechnie obarczano Żydów. Często również nawoływano do bojkotu żydowskich

sklepów, towarów i usług. Postawom takim w jakiejś mierze sprzyjało także duchowieństwo rzymskokatolickie. W przestrzeni pamięci dochodzi zatem do tworzenia się mechanizmu konstruującego charakterystyczną, dualistyczną opozycję: „My" – „Oni", w której olbrzymią rolę odgrywa tzw. tożsamość negatywna. „My", czyli dobrzy obywatele, katolicy, Polacy, patrioci i „Oni", za więc Żydzi, „żydki", komuniści, źli i de facto obcy, nigdy jako swoi [Michlic, 2015]. Sytuację takiego przeciwstawienia dobrze zobrazowała Maria Dąbrowska-Partyka, która analizując obszary pamięci pomiędzy mieszkańcami różnych narodowości i wyznań na ternie Bałkanów zauważyła powtarzającą się konstrukcję: „ONI zawsze nam zagrażali, ONI chcieli nas zniszczyć, ONI nas wykorzystują, ONI tylko czekają ‚ONI – to mógł być każdy, a zwłaszcza ci, którzy są najbliżej" [Dąbrowska, 1995, s. 41]. Spostrzeżenie to znakomicie oddaje również postrzeganie przedwojennej rzeczywistości na terenie dawnej galicyjskiej prowincji. W wymiarze społeczności małomiasteczkowych i wiejskich najbliżej byli Żydzi. Jest to swoista pamięć tego co „Nam" uczyniono, a nie tego do czego sami byliśmy zdolni zarówno w okresie wojny [Tryczyk, 2015], jak i w trudnych, pierwszych latach rzeczywistości, która po niej nastała [Krzyżanowski, 2021]. Należy jednak zaznaczyć, że z konstruowaniem tożsamości negatywnej – względem Polaków mamy do czynienia także wśród Żydów, oni również często budują opozycję „My" – Żydzi, dobrzy, pobożni i „Oni" – goje, wrodzy, niebezpieczni [Więch, 2012]. W polskich wspomnieniach Żydzi jawią się jako grupa niezwykle hermetyczna, zamknięta i poprzez to niezrozumiała ze swoimi odmiennymi zwyczajami, rytuałami, a także i (szczególnie w odniesieniu do ortodoksyjnych chasydów) ubiorem i zachowaniem. Tutaj też pojawia się pytanie na ile właśnie owa żydowska odmienność nie wpłynęła na przywołane już w niniejszym tekście wspomnienie/przekonanie o tym, iż dana miejscowość była miejscem „całkowicie żydowskim"? Zwłaszcza jeżeli weźmiemy pod uwagę, że bardzo często większość spośród mieszkańców owych miasteczek stanowiły osoby zasilające szeregi najbardziej widocznej na ulicach biedoty, niejednokrotnie zasilającej szeregi bezdomnych. Zresztą owych „całkowicie żydowskich" miasteczek nie potwierdzają zachowane dane statystyczne dla okresu międzywojennego. Oprócz opisanego powyżej dualizmu i wynikających z niego stereotypów (pomijam tutaj kwestie na ile zasadnych, a na ile będących pewnym uproszczeniem w postrzeganiu rzeczywistości) drugim często pojawiającym się nurtem w przestrzeni pamięci jest dotyczący już lat II wojny światowej i czasu zagłady jest kwestia pomoc niesionej ludności żydowskiej przez ich polskich sąsiadów przy jednocześnie silnie spychanym i ciągle mocno tabuizowanym wątku wydawaniu ukrywających się Żydów hitlerowskim oprawcom [Markiel, 2011; Kosiek, 2018; Rączy, 2008].

Biorąc pod uwagę powyższe spostrzeżenia sytuacją niezwykle złożoną bywa przywracanie pamięci o dawnych, żydowskich mieszkańcach pogalicyjskich sztetli. Lepiej lub gorzej zachowane ślady ich bytności w postaci materialnych pamiątek, takich jak żydowskie cmentarze oraz synagogi. Dzięki wysiłkowi przedstawicieli lokalnych społeczności, ale również różnych instytucji kulturalnych lub muzealnych żydowski sztetl wraz ze swoją codziennością wychodzi niejako z cienia tragedii zagłady. Czasem do takiego „wyjścia" potrzebny był określony impuls. Z ciekawym przykładem takiej sytuacji mieliśmy doczynienia w podkarpackim Pilźnie, niewielkim miasteczku liczącym niespełna 5 tysięcy mieszkańców, a przed II wojną światową będącym dobrym przykładem tytułowego sztetla. Kilkanaście lat temu, podczas remontu jednego z domów, na strychu odnalezione zostały, zawinięte w stare gazety 32 szkolne rysunki autorstwa dziesięcioletniego chłopca Mechela Zweiga (ur. 1928 rok) [Wójcik, 2014]. Na podstawie zachowanych materiałów szkolnych możemy stwierdzić, że w roku szkolnym 1938/1939, kiedy to powstały owe prace, był on uczniem klasy IV „b" w pilzneńskiej szkole powszechnej. Był wzorowym, raczej nie sprawiającym problemów uczniem, otrzymującym głównie bardzo dobre oceny. Powstałe na lekcjach plastyki obrazki przedstawiają głównie rośliny oraz zwierzęta, a także statki, narzędzia stolarskie, śnieżnego bałwana, dzieci zjeżdżające na sankach oraz co ciekawe baranka wielkanocnego, pisanki oraz piernikowe serce z podpisem „Św. Kazimierz". Może świadczyć to, że rodzina Mechela utrzymywał stosunki z katolickimi mieszkańcami Pilzna i nie należała do grupy ortodoksyjnych Żydów [Kulczycka, 2010]. Sam Mechel najprawdopodobniej nie był rodzonym, a przybranym synem sklepikarza Dawida Zweiga. Nie do końca wiadomo również czy urodził się w Pilznie, czy w Paszczynie koło Dębicy. Jego rodzicami byli Estera i Marcus, a on sam wg. relacji pamiętającej Zweigów przeszło dziewięćdziesięcioletniej mieszkanki Pilzna miał być niebieskookim blondynem. Wychowywał się jednak w żydowskiej rodzinie. I najprawdopodobniej podzielił jej los w momencie wybuchu II wojny światowej. W 1942 roku trafił do getta w Dębicy, a następnie do obozu zagłady w Bełżcu, gdzie w wieku trzynastu lat został zamordowany (nie ma jednak żadnego potwierdzenia owych informacji) [Kulczycka, 2010]. Niniejsza historia w 2012 roku stała się punktem wyjścia dla realizowanego w Pilznie przez fundację Forum Dialogu (powstałej w 1998 r. w celu prowadzenia działań na rzecz dialogu polsko-żydowskiego) projektu „Szkoła Dialogu". Jest to realizowany od 2008 roku na terenie całej Polski program edukacyjny mający na celu „zapoznanie uczniów ostatnich klas szkoły podstawowej i szkół ponadpodstawowych z historią Żydów w Polsce oraz ich wkładem w społeczny, kulturalny i ekonomiczny rozwój naszego kraju. Uczestnicy poznają rolę, jaką Żydzi odgrywali w ich miastach, lokalną historię, która bardzo często nie jest im znana" [Szkoła

Dialogu]. W Pilznie z ramienia fundacji projekt realizowany był z uczniami miejscowej Rzemieślniczej Zasadniczej Szkoły Zawodowej. Ze strony szkoły opiekę nad uczniami sprawowała nauczycielka Małgorzata Szatkowska, zaś ze strony Forum Dialogu edukatorzy: Adam Gąsecki i Anna Geller. Projekt składał się z kilku części. W ramach przygotowania do jego realizacji podczas warsztatów uczniowie poznawali kulturę i historię żydowską, spotkali się z historykiem zajmującym się historią społeczności żydowskiej na terenie dawnej Galicji (w roli tej wystąpił autor niniejszego artykułu), a także rozpoczęli poszukiwania starych fotografii, kart pocztowych, spotykali się z najstarszymi mieszkańcami miasteczka i zbierali ich wspomnienia. Głównym wydarzeniem stał się zorganizowany przez uczniów spacer śladami żydowskich mieszkańców Pilzna, zatytułowany „Śladami Mechela Zweiga". W jego trakcie odwiedzono związane z Żydami w Pilznie miejsca: teren po dawnej synagodze, rynek i okoliczne uliczki, przy których przed wojną mieszkali żydowscy mieszkańcy, a także cmentarz żydowski. Na jednej z kamienic odkryli pod odpadającym tynkiem napis świadczący, iż przed 1939 rokiem mieścił się w niej żydowski sklep. Pokazywano także powiększone archiwalne zdjęcia mijanych miejsc, a także poczęstowano uczestników specjałami kuchni żydowskiej. W sumie odbyły się dwa takie spacery. Jeden skierowany do uczniów pilzneńskich szkół, drugi zaś otwarty dla mieszkańców miasta. Przedsięwzięciu towarzyszyła również zorganizowana w domu kultury wystawa rysunków Mechela Zweiga oraz projekcja przygotowanego przez uczniów filmu dokumentującego przebieg wspominanych warsztatów oraz spacerów [Szkoła Dialogu]. Z perspektywy czasu można stwierdzić, że odnalezienie rysunków Zweiga oraz aktywizacja lokalnej społeczności podczas realizacji szkolnego projektu przyczyniła się wzrostowi świadomości na temat żydowskiej historii Pilzna oraz niejako przywróciła pamięć o jego żydowskiej społeczności. Dzieje pilzneńskiego sztetla prezentowane są w działającym od kilku lat miejscowym muzeum, w którym co jakiś czas przypominana jest również postać Mechela Zweiga i jego rysunki, które przechowywane są w Muzeum i Miejscu Pamięci w Bełżcu).

O ile przedstawiony powyżej przykład z Pilzna, na płaszczyźnie jego oddziaływania na lokalną, małomiasteczkową społeczność, możemy już oceniać z pewnej odległości czasowej, o tyle drugi przykład z Kolbuszowej stanowić może dopiero dobry punkt wyjścia dla dalszych działań na rzecz przywrócenia pamięci o roli żydowskich mieszkańców w życiu społeczności wiejskiej. Na ternie działającego w Kolbuszowej parku etnograficznego – Muzeum Kultury Ludowej – przygotowana została ekspozycja ukazująca działalność żydowskiej karczmy i małego sklepiku, a także żydowskie mieszkanie. Miejsce ekspozycji wybrane zostało nieprzypadkowo. Stał się nim budynek autentycznej karczmy żydowskiej pochodzącej z Hadli Kań-

czuckich. Została ona wybudowana ok. 1895 roku przez Hersza Zellerkrauta, który kilka lat później dobudował do niej także pomieszczenie, w którym urządził niewielki sklep bławatny. Rodzina Zellerkrautów związana była z Hadlami Kańczuckimi i ich okolicą od 1 połowy XIX stulecia. Ok. 1840 roku urodził się w nich Meir Zellerkraut, który na początku lat 60. ożenił się z Hindą Bukszpan. Małżeństwo doczekało się czwórki potomstwa, w tym urodzonego w 1863 roku wspomnianego już Hersza. Tenże pojął za żonę Machle Herzfeld. Ich syn Salomon po śmierci ojca przejął zarząd nad karczmą i sprawował go, aż do II wojny światowej. Ożenił się z Blimą Blau. Mieli dwóch synów: Muśka, który urodził się w 1926 roku i Mechela (Michała) urodzonego w 1930 roku. Zellerkrautowie byli niezamożną rodziną żydowską, trudniącą się drobnym handlem i karczmarstwem. Sama, położona z dala od głównych szlaków handlowych, pośród lasów, miejscowość nie należała do bogatych, a jej mieszkańcy zajmowali się głównie pracą na roli oraz w okolicznych lasach. Relacje z okolicznymi mieszkańcami były złożone, zdarzały się także przejawy napaści na budynek, który obrzucano kamieniami, a wodę z pobliskiej studni zanieczyszczano. To ostatnie skłoniło Zellerkrauta do wykopania nowej studni, ukrytej na zapleczu sklepu. Po wybuchu II wojny światowej, wraz z nadejściem okupacji hitlerowskiej początkowo prowadzili jeszcze szynki, po czym w bliżej nieznanych okolicznościach zbiegli i ukrywali się w pobliskich lasach. Niestety nie są dokładnie znane ich losy. Wiadomo jedynie, że przeżyli wojnę i wyjechali do Stanów Zjednoczonych, a budynek karczmy odkupiła od nich po wojnie sąsiadująca z nim rodzina Pawełków (informacje podstawie materiałów dotyczących karczmy z Hadli Kańczuckich przechowywanych w Muzeum Kultury Ludowej w Kolbuszowej, opracowanych przez Justynę Niepok-Gil, Karolinę Migurską i Janusz Radwańskiego). Przeniesiony do skansenu obiekt doczekał się nowej aranżacji wnętrz i latem 2021 roku został oficjalnie udostępniony odwiedzającym muzeum. Można obejrzeć w nim zarówno wyposażoną izbę karczmy, sklep z towarami mieszanymi oraz część mieszkalną żydowskiej rodziny. Zadbano o poszczególne elementy wystroju, tak, aby odpowiadały one wyposażeniu wnętrza w okresie międzywojennym. Otwarciu ekspozycji towarzyszyło powstanie filmu promocyjnego „Istny Cymes" [Istny Cymes]. Jest on rodzajem opowieści o niedzielnym popołudniu na podrzeszowskiej wsi, której mieszkańcy chcąc odpocząć po tygodniu ciężkiej pracy spotykają się w prowadzonej przez Żyda karczmie. Gra orkiestra, młodzi tańczą, a przy alkoholu włościanie omawiają interesy i sprawy gospodarcze, w tym także kwestię pożyczki zaciągniętej u żydowskiego karczmarza. Następnie prowadzeni przez narratora wchodzimy do żydowskiego domu, gdzie gospodyni krząta się wokół domowych obowiązków, a będący jeszcze dzieckiem syn pochyla się nad nauką. Dostrzegamy

elementy związane z zasadami religii judaistycznej. Następnie udajemy się do sklepu, w którym zobaczyć możemy charakterystyczne dla tego typu obiektów wyposażenie. Powoli zapada zmierzch i kończy się owa niedzielna opowieść. Film przygotowany został przez pracowników i przyjaciół kolbuszowskiego muzeum. Reżyserem był Grzegorz Wójcik, który również wspólnie z Karoliną Migura i Januszem Radwańskim. Zagrali w nim pracownicy muzeum (m. in. Justyna Niepokój-Gil, Marcin Zimy, Wojciech Dragan, Bogdan Bebło, Agata Front), a także mieszkańcy Kolbuszowej (m. in. Andrzej i Karol Wesołowscy). Film wyprodukował Spotcuts Film Karol Niezgoda. Zaproponowana opowieść stanowi ciekawy element nie tylko o charakterze promocyjnym, ale również i edukacyjnym, który może stanowić znakomity punkt wyjścia do silniejszego osadzenia w świadomości mieszkańców roli jaką w życiu wiejskich społeczności odgrywała żydowska karczma, będąca często drugim po kościele, najważniejszym miejscem w miejscowości.

Reasumując powyższe rozważania należy podkreślić złożoność tematyki związanej z relacjami polsko-żydowskimi na terenie dawnej galicyjskiej prowincji. Zaprezentowane dwa przykłady nie wyczerpują oczywiście skali podejmowanych działań, ale stanowią ciekawy przykład przywracania pamięci o dawnych mieszkańcach tytułowych sztetli. Mogą być także elementem służącym odmitologizowaniu utartych stereotypów i przysłużyć się dekonstrukcji opisanej w tekście opozycyjnej konstrukcji „My" – „Oni", a poprzez to przysłużyć się budowaniu świadomych i pozytywnych relacji polsko-żydowskich.

Dąbrowska-Partyka M. Jad złej pamięci // Znak. 1995. Nr. 5. S. 38–45.

Forum Dialogu 1. URL: http://dialog.org.pl/szkola-dialogu/pl/szkola-dialogu/ [dostęp: 15.10.2021].

Forum Dialogu 2. URL: http://dialog.org.pl/szkola-dialogu/pl/szkola/pilzno/ [dostęp: 15.10.2021].

Hołub B. Studium historyczno-geograficzne narodowości w Galicji Wschodniej w świetle spisów ludności w latach 1890–1910 // Annales Universitatatis Mariae Curie-Skłodowska. 2013. Vol. 68. Nr. 2. S. 15–40.

Istny Cymes. URL: http://www.muzeumkolbuszowa.pl/wydarzenia/1241-karczma-istny-cymes [dostęp: 15.10.2021].

Kosiek T. Wizerunki i pamięć o „Innych" w narracjach mieszkańców wsi // Folklor Rzeszowiaków – obraz przemian. Według badań terenowych 2014–2016 / red. Barańska K. Dragan J. Kolbuszowa, 2018.

Krzyżanowski Ł. Dom, którego nie było. Powroty ocalałych do powojennego miasta. Wołowiec : Czarne, 2018.

Kulczycka A. Mechel Zweig. Nazwisko skreślone ołówkiem // Gazeta Wyborcza. 2010. 15. XI. URL: https://rzeszow.wyborcza.pl/rzeszow/7,34962,8661419,mechel-zweig-nazwisko-skreslone-olowkiem.html [dostęp 15.10.2021].

Kulczycka A. Czy Mechel Zweig miał szansę przeżyć wojnę? // Gazeta Wyborcza. 2010. 27. XI. URL: https://rzeszow.wyborcza.pl/rzeszow/7,34962,8726862,czy-mechel--zweig-mial-szanse-przezyc-wojne.html [dostęp: 15.10.2021].

Kwiek J. Nie chcemy Żydów u siebie. Przejawy wrogości wobec Żydów w latach 1944–1947. Warszawa : Wydawnictwo Nieoczywiste, 2021.

Markiel T., Skibińska A. Jakie to ma znaczenie, czy zrobili to z chciwości? Zagłada domu Trynczerów, Warszawa : Stowarzyszenie Centrum Badań nad Zagładą Żydów, 2011.

Michlic J. B. Obcy jako zagrożenie. Obraz Żyda w Polsce od roku 1880 do czasów obecnych. Warszawa : Żydowski Instytut Historyczny, 2015.

Pająk J. Z. Wojna a społeczeństwo. Galicja w latach 1914–1918. Kielce : Wydawnictwo Uniwersytetu Jana Kochanowskiego, 2020.

Rączy E. Pomoc Polaków dla ludności żydowskiej na Rzeszowszczyźnie 1939–1945. Rzeszów : Instytut Pamięci Narodowej – Komisja Ścigania Zbrodni przeciwko Narodowi Polskiemu, 2008.

Rozmowa przeprowadzona przez Arkadiusza Więcha z Witoldem Tułeckim, 7. II. 2006 r.

Słonimski A. Elegia żydowskich miasteczek. URL: https://sztetl.org.pl/pl/miejscowosci/k/578-karczew/104-teksty-kultury/17634-antoni-slonimski-elegia-miasteczek-zydowskich [dostęp: 15.10.2021].

Tam był kiedyś mój dom… Księgi pamięci gmin żydowskich / oprac. Adamczyk-Grabowska M., Kopciowski A., Trzciński A. Lublin : Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2009.

Tryczyk M. Miasta śmierci. Sąsiedzkie pogromy Żydów. Warszawa : RM, 2015.

Więch A. S. Księgi pamięci jako źródło historyczne do badań społeczności żydowskiej na terenie obecnego województwa podkarpackiego // Biuletyn Muzeum Kultury Ludowej w Kolbuszowej. 2017. Nr. 4.

Więch A. S. Miasteczko. Życie codzienne mieszkańców Dębicy w latach 1900–1939. Przemyśl: Wydawnictwo Naukowe Towarzystwa Przyjaciół Nauk, 2012.

Więch A. S. Sztetl. Prowincjonalny świat galicyjskich Żydów // Centrum światów jest tutaj – Galicja jako punkt odniesień. Interdyscyplinarny projekt artystyczno-naukowy / red. Pudłockiego T., Sawickiej J. T. I. Rzeszów : Wydawnictwo Uniwersytetu Rzeszowskiego, 2021. S. 69–83.

Więch A. S., Wodzińska I. Obraz Żyda w społeczności prowincjonalnej Galicji na przełomie XIX i XX wieku // Biuletyn Muzeum Kultury Ludowej w Kolbuszowej. 2015. Nr 3. S. 57–71.

Więch A. S. Wystąpienia antyżydowskie na terenie prowincji galicyjskiej u progu odzyskania przez Polskę niepodległości // KRAJ–OBRAZ niepodległości. Życie codzienne u progu wolnej Polski / red. Hoff J., Wodzińskiej I. Kolbuszowa, 2019. S. 236–253.

Wójcik M. Mechel Zweig i jego rysunki // Chidusz. Magazyn żydowski. 2014. Nr. 10. URL: https://chidusz.com/mechel-zweig-i-jego-rysunki/ [dostęp: 15. 10. 2021].

УДК 94(470.41-25).083:655

Bartłomiej Garczyk
Uniwersytet im. Adama Mickiewicza w Poznaniu

POLSKIE TRADYCJE WYDAWNICZE I CZYTELNICZE W KAZANIU (do 1918 r.)

Kazań pełnił doniosłą rolę w życiu naukowym i kulturalnym rosyjskiej prowincji. Istniejące tam dwie uczelnie wyższe – Uniwersytet i Instytut Weterynaryjny sprawiły, że miasto było atrakcyjnym ośrodkiem akademickim dla polskich studentów i wykładowców. Wielu z nich pozostało w Kazaniu na stałe, tworząc u progu XX wieku blisko półtora tysięczną kolonię. W przeciwieństwie do innych polskich ośrodków w Imperium Rosyjskim tj. Petersburg, Moskwa, Kijów czy Odessa – Kazań nie posiadał równie imponującej liczby polskich tytułów prasowych czy bibliotek. Niemniej jednak odnaleźć można ślady polskich tradycji wydawniczych i czytelniczych w postaci biblioteki J. Szydłowskiego oraz periodyku *Przyszłość*

Słowa kluczowe: Polacy w Kazaniu, Polska prasa w Kazaniu, Polska drukarnia w Kazaniu

Бартломей Гарчик
Университет Адама Мицкевича в Познани

ТРАДИЦИИ ПОЛЬСКОГО ИЗДАТЕЛЬСКОГО ДЕЛА И ЧТЕНИЯ В КАЗАНИ (до 1918 г.)

Казань играла важную роль в научной и культурной жизни российской провинции. Существующие два вуза – университет и ветеринарный институт – сделали город привлекательным академическим центром для польских студентов и преподавателей. Многие из них остались в Казани навсегда, создав на рубеже XX в. колонию почти в 1 500 человек. В отличие от других польских центров Российской империи, таких как Санкт-Петербург, Москва, Киев или Одесса, в Казани не было столь впечатляющего количества названий польской прессы или библиотек. Тем не менее, можно найти следы польских издательских и читательских традиций. В числе прочего, здесь была библиотека Я. Шидловского и выходил журнал *Przyszłość*.

Ключевые слова: поляки в Казани, польская печать в Казани, польская типография в Казани.

Kazań był ważnym (choć prowincjonalnym) ośrodkiem prasowym i wydawniczym Imperium Rosyjskiego. Będąc naukową, kulturalną i administracyjną stolicą Powołża, posiadał odpowiedni rynek czytelniczy (redakcje i nabywców prasy), a niezbędne zaplecze poligraficzne

© Garczyk B., 2022

i techniczno-wydawnicze, sprzyjało rozwojowi czasopiśmiennictwa i innych wydawnictw. Tradycje prasowe Kazania sięgały I połowy wieku XIX. Najstarszą gazetą kazańską były *Kazańskije Izwiestja,* która ukazywała się od 1811 r. Wśród pozostałych tytułów były m.in. *Kazańskije Guberńskije Wiedomosti*, *Kazańskij Birżewoj Listok*, *Wołżsko-Kamskoje Słowo, Wołżski Wiestnik czy Kazański Telegraf* [Казанская периодическая печать, 1985, s. 6–27].

Rewolucja 1905 roku i związane z nią przemiany ustrojowe wpłynęły na dalszy rozwój prasy. Zamieszkujące Imperium Rosyjskie narody i mniejszości narodowe uzyskały możliwość artykułowania aspiracji narodowych, przejawem czego były m.in. wydawnictwa w językach narodowych. Z prawa tego skorzystała też ludność polska. Podpisany 30 października 1905 r. przez cara Mikołaja II manifest o wolności słowa, stowarzyszeń i nietykalności osobistej, był punktem zwrotnym. Przyniósł liberalizację prawa prasowego, znosił cenzurę prewencyjną, wprowadzał większą swobodę publikacji, co zaowocowało bujnym rozkwitem polskojęzycznej prasy [Kmiecik, 1976, 61-63]. Na obszarze Królestwa Polskiego i Litwy, prócz Warszawy, głównymi polskimi ośrodkami wydawniczymi było Wilno, Lublin i Łódź. Działalność wydawniczą prowadziły polskie diaspory w Odessie, Kijowie oraz stołecznym Petersburgu [Korzeniowski, 2009, s. 253–364].

Odmienna sytuacja charakteryzowała kolonię polską w Kazaniu, która (w przeciwieństwie do Petersburga i Kijowa) nie posiadała tak bogatych tradycji prasowych. Sytuacja ta nie uległa także zmianie po 1905 r. Nowe przepisy prasowe nie były wystarczającym impulsem do założenia periodyku. Analiza dostępnych materiałów i źródeł wskazuje, że nie istniała jakiejkolwiek legalna aktywności prasowa, nie podejmowano prób utworzenia pisma, a jeśli chodzi o polskie wydawnictwa konspiracyjne również brak jakichkolwiek śladów na istnienie takowych. Na polski tytuł prasowy przyszło czekać aż do 1918 r.

Pierwszy numer gazety *Przyszłość* ukazał się 31 marca 1918 roku, numer drugi (i ostatni zarazem) wyszedł 15 kwietnia [Ślisz, 1968, s. 354–355]. Powstanie periodyku przypadło zatem na okres wyjątkowy. Będący konsekwencją I wojny światowej masowy exodus ludności, doprowadził do sytuacji w której do Kazania napłynęli ewakuowani z Królestwa i Galicji ludzie pióra – działacze społeczni, literaci, dziennikarze i redaktorzy. To właśnie oni mieli bezpośredni wpływ na powstanie pisma.

Czasopismo określone zostało w podtytule jako „dwutygodnik społeczno-polityczny i literacki o podłożu demokratycznym, bezpartyjny" [Субаев, 1996, с. 227]. Wśród członków redakcji i autorów tekstów znaleźli się w przeważającej części wykładowcy akademiccy i nauczyciele z Galicji, przybyli do Kazania jako wygnańcy bądź wzięci do niewoli rosyjskiej jeńcy armii austriackiej. Byli nimi m.in.: prawnik, absolwent Uni-

wersytetu Lwowskiego, priwat-docent Politechniki Lwowskiej – Zbigniew Pazdro (1873–1939); wykładowca Politechniki Lwowskiej i Wyższej Szkoły Przemysłowej w Krakowie – Henryk Mianowski (1882–1955); inżynier, profesor mechaniki Politechniki Lwowskiej – Maksymilian Tytus Huber (1872–1950) oraz Alojzy Wanczura. Redaktorem pisma był Leon Ferencowicz a sekretarzem redakcji Kazimierz Wiązowski. Wśród założycieli (także w roli publicystów) byli również „kazańczycy" – profesor chorób wewnętrznych na Uniwersytecie Kazańskim, znany kazański społecznik Witold Orłowski oraz Kazimierz Staniszewski. Za dział literacki pisma odpowiadał ówczesny student Wydziału Medycznego na Uniwersytecie Kazańskim oraz uczeń prof. Orłowskiego zarazem – Jan Lesman (Jan Brzechwa) [Lerski, 2016, s. 242].

Co sprawiło zatem, że w stolicy guberni, w której zgodnie z oficjalnymi danymi spisu ludności z 1897 r. zamieszkiwało 1 tys. 479 Polaków [Первая Всеобщая перепись населения, 1904, с. 100], nie utworzono polskojęzycznego periodyku? Na ten stan rzeczy złożyło się kilka powodów. Wydaje się, że Polonia kazańska nie miała potrzeby tworzenia odrębnego narodowego pisma. Wystarczający upust dla aktywności publicystycznej dawała lokalna rosyjskojęzyczna prasa. Utworzenie czasopisma wymagałoby organizacji zespołu redakcyjnego, a przede wszystkim posiadania czytelników, którzy zrekompensowali by poniesione koszty procesu wydawniczego. Kolonia kazańska nie była jednak ani wystarczająco liczebna, ani zasobna by sprostać potencjalnym wyzwaniom finansowym. Posiadanie gazety mogło być opłacalne tylko wówczas, gdy istniała znaczna liczba płatnych prenumeratorów. W Kazaniu warunek „masowego czytelnika" nie mógł być spełniony.

Nie bez znaczenia pozostawał i fakt, że tę swoistą „lukę publicystyczną" rekompensowały inne polskie periodyki, na łamach których znaleźć możemy nazwiska kazańskich Polaków. Szczególny charakter posiadał też petersburski tygodnik *Kraj.* Pełnił bowiem funkcję ważnego źródła wiedzy o Polakach rozsianych na obszarze całego Imperium. Na jego łamach znajdujemy mniej lub bardziej cyklicznie zamieszczane felietony na temat życia Kazania i mieszkających tam Polaków [Бруc, 2007, с. 62].

Inaczej rzecz się przedstawiała w kontekście prowadzonej przez Polaków działalności *stricte* naukowej. Jej plony publikowano w ramach wydawnictw uniwersyteckich i organów towarzystw naukowych. Polscy profesorowie publikowali swe rozprawy naukowe i przyczynki m.in. w *Uczonych Zapiskach Uniwersytetu Kazańskiego*, czy *Uczonych Zapiskach Instytutu Weterynaryjnego.* Podkreślić trzeba jednakże, że językiem działalności naukowej Polaków w Kazaniu był język rosyjski.

Jak trafnie zauważył przed laty Zygmunt Łukawski, ważnymi ośrodkami życia społeczno-kulturalnego Polaków w Rosji były księgarnie i bi-

blioteki [Łukawski, 1978, s. 158]. Polska kolonia w Kazaniu nie posiadała początkowo biblioteki, nie popularyzowano też w żaden sposób polskiego czytelnictwa. Fakt ten został odnotowany na łamach petersburskiego tygodnika *Kraj*, gdzie w jednym z numerów wspomniano: „Na każdym niemal kroku (…) obija się o uszy mowa polska. Zamożnych rodzin polskich (…) stosunkowo niemało. Pomimo wszakże tylu przedstawicieli naszej narodowości, nikt prawie nie interesuje się sprawami ogółu naszego społeczeństwa. Nie mamy ani własnej biblioteki, ani też chęci posiadania takowej (…)" [Kraj, 1883, s. 10].

Cytowany tu korespondent (podpisujący się Leliva) nie wspomniał o krótkim, acz interesującym epizodzie w życiu kazańskiej diaspory. W latach 1864–1872 działała w mieście biblioteka założona przez Polaka – Jana Szydłowskiego (1822–1884). Biblioteka Szydłowskiego uchodziła w tamtym czasie za jedną z najlepszych w mieście [Агафонов, 1887, с. 27–35]. Była pierwszą miejską biblioteką o charakterze publicznym i ogólnodostępnym (Miejska Biblioteka Publiczna powstała dopiero w kolejnym roku 1865) [Загоскин, 1895, с. 417]. Korzystali z niej studenci, urzędnicy, oficerowie oraz osoby duchowne.

W 1866 roku otwarto przy bibliotece nowoczesną czytelnię. Ze wspomnień znanego kazańskiego bibliografa i wydawcy Mikołaja Agafonowa (1842–1908) dowiadujemy się, że sala czytelni była przytulna, wyposażona w meble, rozłożysty stół, dywan, obrazy i lustra; na stole zaś była zamieszczona informacja: „Prosi się pokornie szanownych gości o zapisywanie uwag które by mogły posłużyć dla poprawy jakości czytelni (…)" [Агафонов, 1884, с. 7–8].

W 1871 roku biblioteka posiadała 6 781 tomów, w tym beletrystykę, literaturę dla dzieci, książki religijne, filozoficzne, podróżnicze, prace z zakresu medycyny, historii prawoznawstwa i inne [Копия с проекта, 1871, с. 14]. W zasobie biblioteki odnaleźć można było też literaturę piękną – m.in. prace Mickiewicza, Goethego, Gogola, Puszkina, Dantego [Каталог книг библиотеки..., 1865, с. 1–52].

Polska biblioteka istniała także przy kościele rzymskokatolickim w Kazaniu, w salce domu parafialnego. Została oficjalnie otwarta 10 października 1910 roku [XIII Отчет..., 1911, с. 9–10]. W roku 1911 biblioteka posiadała 1233 tomy. Największą zainteresowaniem czytelników cieszyły się dzieła Sienkiewicza, Zapolskiej, Reymonta, Żeromskiego i Prusa [XVII Отчет..., 1915, с. 9].

Wspominając o polskich tradycjach wydawniczych i prasowych w stolicy Powołża nie sposób pominąć postaci Bronisława Dąbrowskiego – polskiego lekarza dentysty i zarazem właściciela jednej z najnowocześniejszych i największych drukarni w guberni kazańskiej.

B. Dąbrowski się 12 sierpnia 1862 roku w Kazaniu w rodzinie katolickiej. Po ukończeniu 2 miejskiego gimnazjum wstąpił na Wydział Medyczny Uniwersytetu Kazańskiego [Казанский университет, 2002, с. 171]. Po ukończeniu studiów rozpoczął własną praktykę dentystyczną [Адресная книга..., 1895, с. 30]. W 1894 r. Dąbrowski zakupił jedną z kazańskich drukarni. Powody dla których kazański dentysta (tym bardziej nie mający przecież nigdy doświadczenia w prowadzeniu drukarni) przejął zakład poligraficzny nie są do końca jasne. Wiadomo jedynie, że dotychczasowy właściciel zakończył działalność wydawniczą z przyczyn administracyjno-prawnych i odsprzedał zakład Dąbrowskiemu wraz całą infrastrukturą poligraficzną.

„Centralna Typografia Dąbrowskiego" (bo tak brzmiała jej oficjalna nazwa) była jedną z najnowocześniejszych i największych w mieście. Zatrudniono w niej wykwalifikowany personel i co warto podkreślić Dąbrowski podążał za nowinkami technicznymi w branży drukarskiej, czego wyrazem była dbałość o modernizację przedsiębiorstwa. Drukarnia posiadała wysoko wydajną maszynę rotacyjną napędzaną silnikiem elektrycznym, a nie jak do tej pory mniej wydajnym naftowym [Белов, 2019, 14–17]. W 1915 roku było w niej zatrudnionych 45 osób [Татарская энциклопедия, 2005, с. 302].

Drukarnia specjalizowała się w wydawnictwach w języku tatarskim, współpracowała także z Instytutem Weterynaryjnym oraz Akademią Duchowną publikując cyklicznie m. in. *Uczone Zapiski Instytutu Weterynaryjnego* oraz pismo *Prawosławnyj Sobiesednik*.

Kraj. 1883. Nr 31.

Lerski T. Adwokat Jan Lesman (1898–1966) znany jako pisarz Jan Brzechwa – w pięćdziesięciolecie śmierci // Palestra. 2016. № 7–8. S. 241–245.

Łukawski Z. Ludność polska w Rosji 1863–1914. Wroclaw–Warszawa–Kraków–Gdańsk : Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1978.

Kmiecik Z. Prasa polska w zaborze rosyjskim w latach 1905–1915 // Prasa polska w latach 1864–1918 / J. Łojek (red.). Warszawa : Pracownia Historii Czasopiśmiennictwa Polskiego, Instytut Badań Literackich PAN, 1976.

Korzeniowski M. Za Złotą Bramą. Działalność społeczno-kulturalna Polaków w Kijowie w latach 1905–1920. Lublin : Wyd-wo UMCS, 2009.

Ślisz A. Prasa polska w Rosji w dobie wojny i rewolucji (1915–1919). Warszawa: Książka i Wiedza, 1968.

Агафонов Н. Я. Воспоминание об И. А. Шидловском. Казань : Тип. Губерн. прав, 1884.

Агафонов Н. Я. Заволжская Вифлиофика. Казань : Тип. Губ. прав., 1887.

Адресная книга г. Казани. Казань, 1895.

Белов С. Г. Индустриальный рост второй пол. XIX в. и сдерживающие его факторы (на примере Казанской губернии) // Акт. проблемы гум. и соц.-экон. наук. 2019. Т. 13 (63). № 2. С. 14–18.

Брус А. Казань и казанские поляки во второй половине XIX в. по данным польской прессы и мемуаров // Мировое политическое и культурное пространство: история и современность / под ред. И. Шарифжанова. Казань : Изд-во КГУ, 2007. С. 62–68.

Загоскин Н. П. Спутник по Казани. Иллюстрированный указатель достопримечательностей и справочная книжка города. Казань: Типо-литогр. Импер. ун-та, 1895.

Казанская периодическая печать (русские издания 1811–1916) : биогр. указатель. Казань : Изд-во Казанского ун-та, 1985.

Казанский университет. 1804–2004 : биобиблиогр. словарь / под ред. Н. Ф. Вульфсона. Т. 1 (1804–1904). Казань : Изд-во Казанского ун-та, 2002.

Копия с проекта о соединении частной библиотеки И. А. Шидловского с Казанскою городскою публичною библиотекою. Казань : Тип. Импер. ун-та, 1871.

Каталог книг библиотеки И. А. Шидловского. Казань, 1865.

Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Казанская губерния, СПб. : изд. Центр. стат. комитета Мин-ва внутр. дел, 1904. Т. XIV.

Субаев Н. Из жизни поляков в Казани // Эхо веков. 1996. № 3–4.

Татарская энциклопедия. В 6 т. Казань : Ин-т Татар. Энциклопедии АН РТ, 2005. Т. 2 (Г–Й).

XIII Отчет правления Общества пособия бедным Казанского Римско-Католического прихода за 1910 год. Казань, 1911.

XVII Отчет правления общества пособия бедным Казанского Римско-католического Прохода за 1914 год. Казань, 1915.

УДК 94(470.54).08+711.435

Н. Б. Граматчикова
Институт истории и археологии УрО РАН,
Уральский федеральный университет,
Екатеринбург

РЕКОНСТРУКЦИЯ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО И МЕМОРАТИВНОГО ЛАНДШАФТА ИРБИТА ПО ЛИТЕРАТУРНЫМ И ФОЛЬКЛОРНЫМ МАТЕРИАЛАМ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – XX вв.)[1]

Статья рассматривает ключевой образ историко-культурного ландшафта малого (за)уральского города Ирбита – ярмарку, а также его аксиологическую наполненность в меморативном ландшафте трех периодов: второй половины XIX века, 1930-х и 1990-х гг. Проблема неполноты и разнородности источников фиксируется в каждом периоде.

В XIX в. позитивный образ ярмарки формируется в историко-экономических очерках Е. А. Вердеревского и А. Г. Хитрова, однако через поколение он сменяется карнавальным изображением ярмарочных се-

[1] Исследование выполнено при поддержке РФФИ, грант № 21-011-43019 «Мечты и память: нарративные ландшафты небольших уральских городов (1960–1980)».

© Граматчикова Н. Б., 2022

зонов в травелогах Н. Д. Телешова и разоблачительными интонациями беллетристики Д. Н. Мамина-Сибиряка. Образы «ярмарочных безобразий» остаются единственной памятью о ярмарке в публичном дискурсе 1930-х гг., где происходит эстетическое и этическое обесценивание всего комплекса культурного наследия ярмарки. В позднесоветское время предпринимаются попытки фиксации народной памяти о ярмарке, однако в доступных нам материалах очевидно влияние советской историографии и смена социального состава носителей памяти. Изменение отношения ко всем составляющим историко-культурного ландшафта как символическим ресурсам памяти места происходит позднее, уже в XXI в.

Ключевые слова: историко-культурный ландшафт, меморативный ландшафт, ярмарка, очеркистика, пролетарский туризм, фольклорный архив, рассказы о бродягах.

Natalia B. Gramatczikowa
Instytut Historii i Archeologii, Uralski Oddział Rosyjskiej Akademii Nauk;
Uralski Uniwersytet Federalny im. pierwszego prezydenta Rosji B. N. Jelcyna
Jekaterynburg

REKONSTRUKCJA KRAJOBRAZU HISTORYCZNO-KULTUROWO-PAMIĄTKOWEGO IRBITU NA PODSTAWIE MATERIAŁÓW LITERACKICH I FOLKLORYSTYCZNYCH (DRUGA POŁOWA XIX – XX w.)

W artykule przeanalizowano kluczowy składnik krajobrazu historyczno-kulturowego małego (dla) Uralu miasta Irbit – jarmark, a także jego zawartość aksjologiczną w krajobrazie pamięci trzech okresów: drugiej połowy XIX wieku, lat 30. XX wieku i lat 90. Problem niekompletności i niejednorodności źródeł jest ustalony w każdym okresie. W XIX wieku pozytywny wizerunek jarmarku ukształtowały się w esejach historyczno-gospodarczych E. A. Werderewskiego i A. G. Chitrowa, ale po pokoleniu został zastąpiony przez karnawałowy obraz pór roku w dziennikach podróży N. D. Teleszowa oraz przez objawiające się intonacje powieści D. N. Mamina-Sibiryaka. W dyskursie publicznym lat 30. XX w., w którym następuje estetyczna i etyczna dewaluacja całego kompleksu jarmarcznego dziedzictwa kulturowego, pozostają obrazy „targowego zgiełku". W późnych czasach sowieckich próbowano utrwalić pamięć ludową o jarmarku, jednak w dostępnych nam materiałach wpływ historiografii sowieckiej i zmiana składu społecznego nośników pamięci są oczywiste. Zmiana postaw wobec wszystkich elementów krajobrazu historyczno-kulturowego jako symbolicznych zasobów pamięci o miejscu następuje później, już w XXI wieku.

Słowa kluczowe: krajobraz historyczno-kulturowy, krajobraz pamiątkowy, jarmark, eseje, turystyka proletariacka, archiwum folklorystyczne, opowieści o włóczęgach.

Понятие историко-культурного ландшафта (далее ИКЛ) позволяет рассмотреть сложившийся на определенной территории комплекс природных, материальных и ментальных признаков в становлении и ценностной наполненности. К нематериальным составляющим ИКЛ относятся ментальные и художественные образы. Система этих образов находится в отношениях взаимозависимости с географическим и культурным ландшафтами: с одной стороны, образы формируются на основе реально существующих объектов и процессов, с другой – воплощаются в новые «земные тела культуры», то есть являются активными творцами ИКЛ.

Как показывает история словесности XIX–XX вв.[2], образы, формирующие локальную коллективную идентичность, обладают высокой стойкостью. Работа памяти и забвения (Я. Ассман, А. Ассман, Дж. Александер и др.) в контексте ИКЛ, на наш взгляд, может быть описана через понятие *меморативного ландшафта*, под которым мы понимаем синхронические «срезы» растянутого во времени ИКЛ, актуальные для эпохи, периода, десятилетия. Частота и радикальность смены таких меморативных ландшафтов обычно характеризует скорость социальных преобразований.

Попытки реконструировать полноту ИКЛ одного населенного пункта или территории порождают ряд научных проблем, вызванных сочетанием разнообразия и неполноты источников. Рассмотрим Ирбит, один из малых уральских городов с сильной локальной идентичностью и выраженным ИКЛ, где ключевым образом культурного ландшафта с XVII в. является *ярмарка*.

Ирбит с нынешним населением около 36 тыс. человек был основан в 1631 г. как Ирбеевская слобода и в 1775 г. получил статус города по указу Екатерины II, после событий пугачевского восстания, за верность престолу и в ознаменование заслуг местного купечества. Ярмарочная торговля Ирбита развивалась динамично, в том числе в силу расположения города: Ирбит находится примерно на равном расстоянии между Тюменью и Екатеринбургом (около 200 км), к северу от обоих городов.

[2] Под словесностью мы понимаем всю совокупность созданных людьми письменных текстов, в число которых входят не только художественная литература, но и тексты нехудожественные, фольклорные и эго-документы. Расширение исследовательской рамки позволяет работать с образами территории, которые рождаются и развиваются и вне художественного контекста «изящной словесности».

В XVIII в. историко-культурный ландшафт Ирбита, в той его части, что связана со словесностью, остался запечатленным в текстах известных путешественников (государственных деятелей и чиновников), посещавших ярмарку: В. Н. Татищева, И. И. Лепехина и др. Однако более плотные литературные описания Ирбита создаются, начиная с середины XIX в. и представляют собой комплекс сюжетов / взглядов «изнутри» и «извне» на ирбитскую ярмарочную историю.

Раньше других нарратив о ярмарке как экономическом феномене литературно оформляется в очерках Е. А. Вердеревского (1849) и А. Г. Хитрова (1872). Несмотря на то, что первый – молодой чиновник, недавно приехавший на Урал, а второй – редактор местной газеты «Ирбитский ярмарочный листок», их тексты объединяет уверенность в том, что ярмарка есть свидетельство экономического здоровья: тема *доверия*, без которого невозможна успешная торговля, присутствует у того и другого. Публикуя обзор Ирбитской ярмарки в столичном журнале, Вердеревский фактически создает образ (за)уральского[3] города-соперника Нижнего Новгорода: зимняя Ирбитская ярмарка открывала сезон, назначала цены, была ориентирована на Сибирь и находилась на втором месте по оборотам в России; летняя Нижегородская обслуживала всю Россию и уверенно держала первое место по обороту. Вердеревский выделяет отличительные особенности ирбитской ярмарки: оптовый характер торговли и большой удельный вес предметов роскоши [Вердеревский, 2008, с. 9].

В очерке А. Г. Хитрова «К истории города Ирбити[4] и Ирбитской ярмарки», составленного, как отмечает автор, на основании исторических и краеведческих статей Н. К. Чупина, Н. Е. Эйгера, Н. И. Костомарова, а также материалов «Ирбитского ярмарочного листка», впервые представлена проработка ценностного наполнения историко-культурного прошлого ярмарки и города. Это первый текст, который репрезентативен как фиксация меморативного ландшафта, если понимать под последним актуальный на настоящий момент «срез памяти». В очерке Хитрова Ирбит и ярмарка изображены более независимыми друг от друга, чем это можно было ожидать, руководствуясь принципом, что ярмарка – только часть городского культурного ландшафта длиной в один месяц, большую часть времени город живет без нее. Между тем образность А. Хитрова описывает ярмарку как явление самостоятельное, свободное в выборе места (точнее, зависимость здесь настолько многосоставная и непроясненная, что

[3] Современный Ирбит входит в Свердловскую область, поэтому относится к Уралу как макрорегиону. В текстах XIX в. и в части современных он назван зауральским или сибирским городом.

[4] А. Г. Хитров использует устаревшее ныне именование города в женском роде.

представляется почти свободой воли), наделенное внутренней силой, истоки которой – загадочны. Оказываясь объектом вожделения чиновников и соседей-городов (Верхотурья, Тюмени и Екатеринбурга прежде всего), ярмарка не изменяла Ирбиту и продолжалась в нем «наперекор всем не благоприятствующим обстоятельствам» [Хитров, 1872, с. 13]; при этом даже важная локальная история сопротивления войскам Пугачева, определившая столичную благосклонность к Ирбиту, перемещается для Хитрова в «тень» ярмарки, т. е. продолжает заданную ярмаркой логику развития, но не определяет ее ход. Аналогичным образом описывается и страшный пожар 1790 г., позволивший продемонстрировать сплоченность купечества как сообщества в последующей застройке центра города.

В текстах Вердеревского и Хитрова, отражающих в большей мере позицию «изнутри», мы получаем шанс если не услышать голос главной действующей силы местных преобразований – ирбитского купечества, то прочесть заявку на необходимость такого голоса: «Уловить тонкости, по которым образуются и развиваются ярмарки чрезвычайно трудно и вернее всех может указать и определить их само купечество» [Там же, с. 78].

Между тем период десятилетий 1850–1870-х гг. – один из важнейших для репрезентации коллективной идентичности местного купечества, которая выстраивается средствами иного, невербального текста: городское пространство обустраивается в соответствии с ярмарочной инфраструктурой, при этом разрабатывая сюжеты, соединяющие уездный Ирбит со столицей. Символический центр города занят торговыми площадями, гостиным двором и Пассажем. Памятник Екатерине II работы петербургского монументалиста М. О. Микешина и лучевая планировка главных улиц перекликаются с архитектурным кодом столицы империи, повторяя знаменитый «невский трезубец»[5]. Вклад купечества как сословия в культурный ландшафт этого периода состоит и в разработке социальной инфраструктуры, обеспечивавшей скорость и безопасность торговых операций[6] и строительстве зданий жилого, делового и общественного назначения. «Каменное кружево» Ирбита складывается из купеческих домов, здания казначейства, уездной земской управы, почтово-телеграфной конторы, земской аптеки, мужской и женской гимназии и др. Образно говоря, городская застройка представляла собой «архитектурный текст» сословия, чей литературный голос был разработан слабо.

[5] В свете нашей темы показательная история строительства Пассажа (1856–1864), первоначально предназначавшегося для городского театра, но выкупленного торговым сообществом.

[6] Об информационной роли ирбитской ярмарки как своеобразной презентационной «витрины» товаров см. [Ершов, 2011, с. 144].

Ирбитская ярмарка привлекала не только непосредственных участников торговых операций и тех, кто зарабатывал на обслуживании ее инфраструктуры, но и путешественников, этнографов и литераторов, формирующих «внешний» взгляд на ярмарочные сезоны. В такого рода репрезентациях можно выделить две тенденции изображения.

У истоков первой вновь стоит Е. А. Вердеревский с книгой путевых очерков «От Зауралья до Закавказья. Юмористические, сентиментальные и практические письма с дороги» (1857). В письме № 2 под названием «Ярмарка» Вердеревский дает живое описание своего пребывания в Ирбите зимой 1853 г., когда благодаря помощи одного молодого человека, завсегдатая ярмарочных сезонов, ему удалось увидеть «все закоулки ярмарочного мира; ...все, что стоило и что не стоило осмотра» и узнать «все здешние анекдоты» [Вердеревский, 2008, с. 39]. Общее настроение ярмарки, по Вердеревскому, определяется сочетанием специфической публики («Сибирь ликует») и *обязанностью веселиться*, разделяемой всеми на Масленицу [Там же, с. 42]. Суматоха, путаница, смешение сословий и языков одеты здесь в праздничные одежды и, скорее, влекут и удивляют, не принося печальных последствий.

Тридцать лет спустя Н. Д. Телешов, начинающий литератор, выходец из купеческого сословия, создает образ ярмарки с опорой на этот текст Вердеревского. Телешов несколько раз обращается к Ирбиту: первый раз в 1883 г., описав со слов приятеля азартную пятидневную гонку московских купцов до Ирбита как своеобразную эмоциональную увертюру торгового сезона [Телешов, 1983], второй – оставив очерк летнего, пустого и мертвого Ирбита, через который пролегало его путешествие за Урал [Телешов, 1897]. Из очерка Вердеревского и материалов ярмарочной газеты Телешов составляет представление о ярмарке как всепоглощающем пространстве хаоса, глубоко парадоксальном по своим проявлениям:

> «Ирбитская ярмарка – это место, куда всем и отовсюду ехать далеко и одинаково неудобно, но куда все-таки едут… куда привозят товаров на десятки миллионов рублей, где ютятся по каморкам, живут в магазинах, где встают до восхода солнца, а ложатся чуть не на утренней заре <…>, где татары, евреи, православные русаки и столичные коммерсанты пропивают магарычи, хлопочут, суетятся, работают, где до пены у рта спорят из-за гривенника в товаре и где ночи напролет просиживают за картами, спуская тысячи и пропивая сотни рублей. Ирбитская ярмарка – это съезд крупнейших коммерсантов, арфисток и фокусников, мелких торгашей и помещиков, фотографов и заводчиков, докторов и актеров, столичных шулеров и губернских карманников; здесь имеется и про-

дается все, начиная с ситца, сала, кошачьей шнурки и кончая брильянтами… <…> здесь делают громадные миллионные обороты временные отделения банков, издается временная ярмарочная газета: здесь же торгуют пряниками и живыми кошками, – словом, нет такого дела и предмета, которые не нашли бы здесь применения» [Телешов, 1897].

Развивая логику и образность Телешова, ярмарка в таком видении – это пространство иллюзии[7] и небезопасной игры, что актуализирует черты ярмарки как гетеротопии, т. е. «другого пространства», подчиненного своим собственным законам [Фуко, 2006].

В свою очередь, непризнание за ярмаркой особого типа устройства, желание встроить ее в «цивилизованный мир», вызывает критическое изображение ярмарочных сезонов в рассказах и романах Д. Н. Мамина-Сибиряка «Штучка» (1883), «Крупитчатая» (1891), «Приваловские миллионы» (1883) и др. Для Мамина очарование ярмарки сопоставимо с обольщением, опьянением, половодьем, эпидемией (метафорические именования ярмарки у Мамина), которым сложно, но необходимо противостоять. Мамин отказывается оправдывать «лихорадочное оживление дикого ярмарочного месяца» летаргическим сном остальных одиннадцати [Мамин-Сибиряк, 1954] и без снисхождения фиксирует участие всех сословий «в картине безобразий, которыми познаменовывается Ирбитская ярмарка», как аттестует редактор очерк Мамина [Мамин-Сибиряк, 1917]. В ярмарочном море тонет всякий, кто попадает туда.

Таким образом, к концу XIX в. в уральской литературе сложился критический взгляд на ярмарочную торговлю: Ирбит оказывался на окраине цивилизованного мира, ведь «свежий человек, привыкший жить в относительно культурных условиях… не поверит, чтобы в отдаленном Приуралье еще могла производиться тайная торговля людьми» [Мамин-Сибиряк, 1954], хуже дела лишь на севере, где на ярмарках царят колониальные практики обмана и спаивания местного населения, о чем писал, в частности, уральский путешественник и литератор К. Д. Носилов [Носилов, 1898].

XX в. стал окончанием ярмарочной истории и изменил характер памяти о ней. Гражданская война оставила тяжелый след в памяти жителей Ирбита, в том числе из-за расстрела красными в июле 1918 г. 22 заложников из числа наиболее известных горожан: купцов, учителей и др. [Бороздин, 2008]. В 1920-е гг. предпринимались попытки возродить ярмарку, даже публиковались воспоминания очевидцев ее дореволюционного размаха [Субботина], однако сами экономические и социальные механизмы ярмарочной торговли находились в проти-

[7] Сложности в восприятии «невидимой руки рынка» как источника доходов на зауральском материале отмечал М. Ф. Ершов [Ершов, 2011, с. 149–150].

воречии с установками новой власти, не говоря уже о репрессиях против представителей купеческого сословия.

С началом коллективизации Ирбит и окружающие его сельскохозяйственные районы становятся ареной социального эксперимента. В 1929 г. в 50 км к юго-востоку от Ирбита был организован крупнейший на Урале колхоз-коммуна «Гигант». Он расположился на стыке Еланского, Знаменского и Байкаловского районов на площади в 275 тыс. га. В коммуну вошли 10 тыс. хозяйств, 60 тыс. едоков, а также сельхозинвентарь и скот. Просуществовала она недолго и уже в марте 1930 г. начала распадаться, образовав 150 колхозов [Денисевич, Бездомов]. Однако «Гигант» оставил след в историко-культурном ландшафте Ирбита, поскольку получил широчайшую известность: о нем писал М. Горький [Горький, 1931], столичные [Лебедев, 1930] и местные журналисты [Ловцов, 1931]. В путеводителе «По советскому Уралу» (1930) колхозу «Гигант» посвящена отдельная глава, где анонсируются мощная машинотракторная база колхоза (80 тракторов), школа трактористов на 200 человек, издание собственной газеты, стопроцентная телефонизация и радиофикация района в течение ближайшего года и др. [По советскому Уралу, 1930, с. 454–455]. Немногие месяцы существования колхоз активно принимал крестьянские экскурсии, а также журналистов и научных работников из Москвы [Там же, с. 455], ведь масштаб заявленного обобществления был таков, что оставлял «далеко позади себя американские рекорды фермерского строительства, доходящие только до 40 тыс. га» [Там же, с. 453]. Таким образом, фокус внимания рубежа 1920–1930-х гг. передвигался с города на преобразования окрестных деревень.

В книге пропагандиста «пролетарского туризма» Н. Ловцова «К большому Уралу» (1931)[8] дан обзор передовых объектов индустриализации и коллективизации Урала: Симоновской коммуны в Златоусте, шахт Кизела, базы Общества пролетарского туризма и экскурсий в Надеждинске и др. Очерк «Ирбит и Краснополянск» – самый большой в книге, в нем радикально переосмысливается культурный ландшафт города. Рассмотрим средства такого литературного переформатирования «памяти места».

Первые же строки очерка связывают образ Ирбита с неприглядным прошлым: «Город выглядел сонным, подагрическим старцем. Сизый туман поднимался из оврагов и болот и заползал в низины, прижимался к серым фундаментам домов, похмельным пьяницей вздрагивал под заборами» [Ловцов, 1931, с. 25]. Былой размах ярмарки оставил после себя «разноцветные домики», которые теперь «дремали в полусне, доживая свой век и воспоминая о былых торжищах»,

[8] Об этом направлении на Урале см. подробнее [Граматчикова, 2019].

рассказывая о «непонятной скорби» [там же, с.26]. Ловцов движется к центру города среди «диковинных зданий», «экспонатов ярмарочных торжищ», где «каждый квартал мог удивлять свой архитектурой», однако музеефикация этого «материала для историков и археологов» не интересует автора, застройка города оценивается им как «архитектурная бессмыслица». Ныне печать тления и разрушения лежит на всех постройках – «все посерело, обрюзгло, покосилось» [Там же, с. 26–27].

За обесценивающим обзором архитектуры Ирбита следует описание его герба, сопровождаемое уничижительными комментариями в адрес купечества и выводом: «Ирбит ярмарочный – гнездо разгула, пьянства, разврата» [Там же, с. 27]. Ловцов «переписывает» и прошлое Ирбита: в частности, вклад горожан в пугачевское движение оценивается им как позорный: «Ирбит – единственный город Урала, который восстал против “бунтаря” Пугачева», «силой денег, хитростями и угрозами» спасая «толстосумов» [Там же, с. 28]. В таком контексте памятник Екатерине II на центральной площади Ирбита оказывался памятником сговору богачей-обманщиков. Эмоциональная заряженность текста Н. Ловцова помогает понять тот культурный контекст, в котором местному музейному сообществу не удалось уберечь от переплавки снесенный еще в 1917 г. памятник императрице. «Освобожденная» от Екатерины площадь стала именоваться площадью Свободы, а после установки памятника Ленину (на постаменте памятника Екатерине II) в 1937 г. получила имя вождя пролетариата [Алексеева].

Из мифологических фольклорных сюжетов Ирбита Ловцов останавливается на теме подземных ходов («ирбитских катакомб, ирбитских трущоб»). «В этих подземельях местные торгаши расправлялись с приезжими гостями – туземцами севера и южноуральских степей. Заманив доверчивого “инородца” к себе, угостив его, они волокли в подвалы, а там в лучшем случае приковывали цепями к стене или же, всадив нож, тащили к реке Нице. В первом случае через родных они требовали за пленника выкуп, во втором обирали» [Там же, с. 27–28]. Так раскрывается причина «непонятной скорби» разрушающихся домов Ирбита, много лет служивших местом преступлений и сокрытия обмана.

Уничтожение такой памяти – естественный и одобряемый процесс того времени, ход которого был зафиксирован Ловцовым: на момент его посещения Ирбита сохранилась лишь десятая часть «ярмарочных корпусов», остальное пошло на материал для «рабочего строительства»; той же участи ожидает «красное, безобразно тяжелое и лишенное всякого вкуса здание театра» и колокольня кафедрального собора, уже лишенная креста и ограды вокруг. «Молодой парень с энергичным лицом» и «солидный представитель техники» обсужда-

ют лишь процесс сноса «церковной массы»: «подорвать» или «разбирать по кирпичику» [Там же, с. 28–29].

Итак, в 1931 г. Ирбит лишен самостоятельной ценности как туристический объект, становясь лишь вынужденной остановкой – «обывательским болотом», через которое нужно «пробраться в явь сегодняшних боев, в места, где ведется закрепление коллективных методов обработки земли, туда, где единоличники стали походить на покосившиеся и гнилые дома с антресолями Ирбита» [Там же, с. 30]. «Точка роста» района – Краснополянск, колхоз «Гигант».

Дорожный контекст путешествия Ловцова от Ирбита до Краснополянска до предела насыщен эмоциями, заставляя вспомнить рассказ Н. Телешова «На тройках» (однако эмоциональный ряд Ловцова полярно противоположен очерку Телешова). Образы-константы травелогов XIX в.: кони, повозки, ямщики, звон колокольчиков и ухабы на дорогах. И хотя кони у Ловцова сытые, такой устаревший способ передвижения вызывает жгучее раздражение автора: ведь рядом идет строительство автомобильной трассы («новое шоссе с ватерпасной прямолинейностью направлялось от Ирбита к колхозникам» [Там же, с. 31]). Раздражение автора концентрируется на звоне бубенцов, которые поют «о забытом прошлом, о гнилой и пьяной Руси, о поповском молении»; «их звон… стар, не нужен»; «он когда-то веселил души купцов, был радостен взяточнику-чиновнику, давал надежду на чаевые станционным смотрителям, но нам он чужд, чужд до дикости» [Там же, с. 30–31]. Визуальный ряд поездки столь же неприятен «пролетарскому туристу» как «дань прошлому – ясак духовному закабалению»: дорожный ландшафт организован чередой «побеленных, солидных, дородных» церквей и часовен, «одна замысловатее другой» (около 20 на 40 км дороги). Ловцов пишет: звон колокольцев и вид храмов «злили и доводили меня до бешенства. Однако я напрасно злился. Через минуту я громко смеялся над звоном колокольцев, – церкви были или без куполов, или без крестов. Они были развенчаны» [Там же, с. 32], а часовни уже использовались под склады инвентаря для шоссе.

Итак, поездка Ловцова по «точкам роста» нового социалистического Урала связана с переводом их прежнего историко-культурного наследия в статус «мест забвения» через активное насыщение меморативного ландшафта идеологически верными эмоциями и чувствами. Безусловно, не литература была драйвером изменения ИКЛ (Ловцов лишь фиксирует и приветствует изменения, но не участвует в них непосредственно), однако она активно сопровождала это переформатирование, а главное, тексты обладали накопительным эффектом. Так, мы видим, что в сборниках 1930-х гг. происходит скачкообразный

рост негативных чувств по отношению к «изнанке» ярмарочной торговли, характерный для дореволюционных очерков гуманистической направленности. При этом в сферу отвергаемого попадает гораздо более широкий культурный пласт, нежели раньше, включая представителей «уходящих сословий», объекты прежнего культурного и религиозного ландшафта; литература и публицистика активно работает на разрыв межпоколенческих связей и обесценивание сложившихся природно-архитектурных ансамблей и социальных институтов. Результатом этих процессов стал приоритет актуальных практических производственных нужд над эстетической составляющей прежнего ИКЛ и изменение коллективной идентичности горожан, живущих в другом социокультурном пространстве. Изменение меморативного ландшафта Ирбита отразилось в новой топографии, переименовании площадей и улиц, перестройке и сносе зданий, храмов, памятников.

В советское время конструирование ИКЛ продолжалось уже в новой идеологической парадигме, среди послевоенных активных участников этого процесса были местные музейное, краеведческое и литературное сообщества (краеведы И. А. Антропов и Я. Л. Герштейн, писатель И. И. Акулов, директор центральной городской библиотеки И. Н. Бармин и др.). Их вклад в сохранение и создание ИКЛ Ирбита еще нуждается в серьезном изучении. Рассмотрим два сюжета позднесоветского времени, связанных с образом ирбитской ярмарки спустя 60 лет после описанных Ловцовым процессов.

Для позднесоветского времени нам доступны источники иного рода: не только публицистика, художественная литература и путеводители, но и материалы устной истории и фольклора.

В 1990–1991 гг. в Ирбите проходила фольклорная практика студентов-филологов Уральского государственного университета (УрГУ) под руководством доц. В. А. Липатова. Материалы практики хранятся в фольклорном архиве филологического факультета УрФУ и являются по-своему уникальным источником по реконструкции меморативного ландшафта[9]. Сбор фольклора происходил методом тотального обследования без специальной целевой программы. Материалы полевых экспедиций в Ирбит 1990–1991 гг. составляют шесть папок: в пяти содержатся записи песен и частушек (песен более 300, частушек около 1 тыс.), в одной – устные рассказы горожан в жанровом отношении очень пестрые: здесь и воспоминания о календарной обрядности, и записи молитв и заговоров, устные рассказы, предания, былички, сказки.

[9] Насколько нам известно, в таком объеме фольклорный материал Ирбита более нигде не зафиксирован.

При анализе собранного во время фольклорной практики материала следует учитывать несколько факторов, среди них характер отношений возрастных информантов и студентов (последние воспринимаются как «городские», «чужие», «молодежь», «девушки» (в экспедиции было всего двое юношей-участников, но их материалы отличаются от того, что записывали девушки)) и краткость контактов-встреч, что нередко не позволяет информанту выйти за пределы (само)цензуры, – воспроизводятся лишь социально приемлемые нарративы; специфику понимания «фольклора» в советское время, где существовала идеологически выдержанная иерархия жанров[10] и др. Таким образом, при реконструкции меморативного ландшафта проблемой является не только неполнота собранных материалов, но и их (неизбежная) тенденциозность.

Наша исследовательская гипотеза состоит в том, что для реконструкции такого ландшафта можно привлечь весь объем песенного фольклора, систематизировав песенный материал в жанровом и временно́м отношении[11]: исполнение песен не подвергается самоцензуре такой интенсивности, которая свойственна нарративному прозаическому высказыванию. Учитывая высокий уровень миграций в XX в., важно осознавать, что не вся «песенная память» родилась в этой местности, но вся стала составной частью меморативного ландшафта города тех лет.

Среди записанной студентами несказочной прозы обращает на себя внимание большое количество сюжетов о «бродягах» и переодетых грабителях. Все они повествуют об опасностях, которые несут с собой «чужие», «пришлые», об особой и немотивированной жестокости, с которой те расправляются со своими жертвами, и о способах, которыми можно спасти свою жизнь: ударить или выстрелить первым, не оставлять родных наедине с «чужими», пойти на хитрость, отправить непрошенных гостей проверять документы и др. Таким образом, подозрительность, недоверие к чужим является частью сюжетного фонда фольклорного материала Ирбита 1990–1991 гг. Приведем полностью текст не публиковавшегося прежде фабулата, поскольку он перекликается с историями об «ирбитских трущобах» Н. Ловцова:

[10] Надо сказать, вопросы сбора фольклорного материала и целесообразности его редактирования поднимались заведующей кафедры фольклора УрГУ В. П. Кругляшовой – см. [Кругляшова, 1976]. Однако общая установка на «рабочий фольклор» находилась в приоритете.

[11] Большую работу в схожем направлении на материале песенного фольклора Кемеровской области проделала Виктория Викторовна Трубицина, за последнее десятилетие издав статьи и опубликовав фольклорные архивные материалы тюремных песен, песен «каторги и ссылки», духовных стихов, песен литературного происхождения и др. – см. ее многочисленные сборники и статьи.

Раз поехал мужик на мельницу на двух лошадях. Намолол большой воз хлеба, а обратно надо было ехать несколько километров. Решил мужик переночевать с мукой в одной деревне.

Стукнулся в одну избу – его не пустили ночевать, говорят: «Постучись вон к тому мужику!» Постучался он – выходит хозяин. Мужик говорит: «Пустите меня переночевать с мукой!» Хозяин сразу: «Заходи, пожалуйста, у нас и конюшни хорошие, и муку твою в завозню поставим». Ну, мужику делать нечего. Коня в конюшню поставил. Надо муку в завозню ставить. Хозяин ему: «Берешь за оглобли, а я буду сзади толкать». Только мужик в завозню зашел, хозяин сразу двери закрыл: «Жди! Утром расчет будет». Убить, значит, хотели утром. Остался мужик в завозне, достал спички, хоть какую-нибудь оборону решил держать. Думает: «Если он меня сразу не застрелит, хоть раз да ударю». И нашел погреб в полу. Открыл погреб – а там трупы, люди погубленные. А сбоку стоит печня (сейчас ее ломом называют, а это не лом, а острая такая палка, кол заточенный). Мужику было боязно в погреб к мертвецам спускаться, но все ж решился, слез, взял эту печню, решил ею обороняться.

Вот уж под утро, часа в четыре, когда все угомонились, слышит мужик шаги. Хозяин идет: «Расчет несу!» Только дверь открыл, а мужик его сразу печней ударил и насмерть. Вышел из завозни кричит: «Всех прибью!» Может, кто и был в доме, только никто не вышел, побоялись.

Мужик сбил печней цепь с ворот – и бежать по улице. Бежит и кричит: «Погибаю!» Это он уж напугался так.

Потом приехал урядник, и ничего тому мужику не было за это убийство. Коней ему вернули: «Запрягай и езжай домой!» [Бузина, 1990].

Страх – главный объект изображения в этой истории: агрессия хозяина выражена минимально, она вся предполагается (за исключением заточения гостя): погреб с трупами становится буквально «окном в прошлое» / будущее для героя рассказа. Аффект, в котором пребывает герой на всем протяжении повествования, достигает кульминации – паники после удара первым. Характерно, что рефреном подобных «ирбитских» историй «со счастливым концом» становится финальное замечание «ничего ему / им за это не было», приводящее в соответствие чувство справедливости повествователя и действующие правовые нормы.

Итак, обратим внимание на стойкость мотива о «темном нижнем мире» (погребах с трупами ограбленных) в ирбитском мемоативном ландшафте, но заметим, что в народной прозе этот мотив не связан ни с характеристикой купеческих торговых практик, ни с ярмарочным контекстом Ирбита, развившись в страшную историю «прежнего времени».

Из значимых для дореволюционной ярмарочной истории Ирбита персонажей в фольклорных записях есть лишь текст о Распути-

не на временной (осенней) ярмарке[12] и поговорка «Богат как Зязин», демонстрирующая память об одном из интереснейших персонажей ирбитского купечества – Дмитрии Васильевиче Зязине (1835–1918). Таким образом, сюжеты об ирбитской ярмарке практически перестали встречаться «на поверхности», будучи замещены указанными выше мотивами встреч со всевозможными «чужими», включая ссыльных, раскулаченных и эвакуированных в Ирбит и окрестности.

В те же годы ирбитский краевед Иван Яковлевич Антропов публикует книгу «Были Ирбита» (1992), составленную по материалам устных свидетельств о ярмарке, записанных им от старожилов города. Рассказы вошли в книгу в отредактированном виде, указан автор каждого повествования, однако год фиксации нарратива не приводится, хотя, судя по возрасту информантов, разброс может составлять более десятилетия. Возможно, Антропов включил в эту книгу все, что ему удалось собрать о ярмарке за все годы своей деятельности.

В жанровом отношении «Были Ирбита» представляет собой комплексное повествование, цель которого – создать живое, увлекательное и достоверное повествование о ярмарке как основе былой жизни Ирбита, в котором были бы различимы разные голоса, разные «памяти». Автор включает в книгу сведения экономического характера, таблицы и списки, цитаты из художественной литературы и архивных материалов (чаще всего без ссылок на источники), очеркистику. Структура книги представляет собой попытку реконструкции памяти обо всех участвующих в ярмарочных сезонах сословиях: главы «Все в гости к нам», «Кураж, или картины развлечений», «Именитые», «Простолюдье»; работу с категориями судьбы и случая (главы «Судьбы», «И такое бывало»); рассказы об архитектурном наследии Ирбита (глава «Дворянские усадьбы»).

Книга примечательна не только как состоявшийся краеведческий проект, но и как свидетельство (ре)конструкции образа ярмарки в позднесоветский период. Основные носители памяти о ярмарке в ней – ирбитчане и жители окрестных деревень, т. е. те, кто зарабатывал на обслуживании ярмарочной инфраструктуры: бывшие домовладельцы [Антропов, 1992, с. 54–56, 59, 63–65] и сезонные работники: охранники, извозчики, истопники Пассажа, садовники, младшие приказчицы, горничные, мальчики и девочки «на побегушках». Если в очерках XIX века чаще всего фиксировался внешний взгляд на ярмарку, то здесь запечатлена память автобиографическая, с позиции «свидетеля» и «современника», и гораздо реже – «участника».

[12] В книге И. Я. Антропова так же есть сюжет о Распутине – под названием «Все могущий» [Антропов, 1992, с. 82–83], но в связи с ограничениями объема статьи мы оставим его без рассмотрения.

Для этой коллекции нарративов характерны несколько сквозных мотивов. Во-первых, частотны мотивы, введенные в ИКЛ Ирбита Вердеревским и Хитровым – о доверии и стабильности деловых отношений, важности репутации для участия в ярмарочных сезонах. Деловые связи складывались и поддерживались годами на самых разных социальных уровнях [Там же, с. 57–58; с. 63–65 и др.]. Во-вторых, вспоминаются разнообразные случаи, произошедшие с рассказчиком или его знакомым, характеризующие ярмарочные нравы: даровые деньги, зависть и жадность, поездка до «последних ворот», развлечения купечества. Таким образом, народная память выражает «внутренний взгляд» на ярмарочную торговлю, хотя и не заполняет лакуны «событий» (в отличие от «случая») и «участников», т. е. центральных позиций для ярмарочной картины мира. Мозаичность и неполнота представленной картины осознана автором, который находится в положении историка и фольклориста, собирающего свидетельства «уходящей натуры».

Остановимся на образе купечества (когда-то – «господствующей ноты» ярмарки), как он представлен в «Былях Ирбита». У Антропова этот образ складывается из историй тех, кто потерял имущество при Советской власти и не смог этого пережить [Там же, с. 84–85].

Купцу первой гильдии Дмитрию Васильевичу Зязину посвящена отдельная небольшая глава [Там же, с. 86–89]. Вообще по сочетанию нескольких факторов: богатства, работоспособности, деловой хватки и скупости, нарушаемой в историях, становящихся анекдотами, Зязин был наиболее активным генератором ирбитских «баек». Антропов приводит несколько анекдотов, характеризующих скупость и зязинское специфическое чувство юмора. Однако все положительные характеристики замены синонимичными негативными: соблюдение четкого распорядка дня – «ходячая машина», желание строить так, чтобы «смотреть было любо» – болезнь и слабость, мужество в истории с вымогателем – болезненная скупость и др.

В 1992 г. Антропов с опорой и ссылкой на архивные материалы[13] приводит историю гибели Зязина: он вместе с сыном был расстрелян в июле 1918 г. среди 22 заложников. Для истории расстрела 83-летнего купца Антропов использует клише «погиб в горниле гражданской войны», что предполагает очистительный смысл этого действия. Ответственность за гибель возлагается здесь на Зязиных, причем используется фольклорная сюжетная развязка сказки о скупце. Пострадали Зязины «за отказ внести сто семьдесят тысяч рублей на укрепление советской власти. В березовой роще за городским клад-

[13] Антропов дает следующую ссылку на ирбитский архив: Ф. 36-с. Д. 1. С. 6–7 [Антропов, 1992, с. 89].

бищем жители города смотрели на трупы отца и сына[14] и окончательно убедились в беспередельной скупости упрямого купца» [Там же, с. 89]. Информация о том, что на Зязиных была наложена огромная контрибуция в 500 тыс. рублей, которую они выплатили, не получив обещанного освобождения, а отказались выплачивать дополнительные 170 тыс., автором книги не озвучивается. С публикацией в 1993 г. архивных материалов Ирбитской следственной комиссии временного Сибирского правительства, вызвавших большой общественный резонанс, произойдет смена меморативных практик в отношении этого персонажа. Однако готовность к иной трактовке образа, где значение «своего» (через уменьшительную форму имени) доминирует над характеристикой «социально чуждого» можно отметить даже в отредактированных материалах Антропова, где рассказчики сопровождают истории о Зязине фразой: «Слышали, какой нынче номер Митя отмочил?» [Там же, с. 77].

Итак, рассмотренные нами тексты, безусловно, не исчерпывают всех тем, мотивов и образов ИКЛ Ирбита за полтора столетия. Мы лишь обозначили периоды и способы радикальных трансформаций меморативного и культурного ландшафта, зафиксировали одновременное присутствие механизмов «забвения» и стойкость сюжетов о ярмарочной торговле. Меморативный ландшафт формируется и профессиональными литераторами и историками, и народной устной памятью, однако методика фиксации фольклорного материала нуждается в рефлексии. 1990-е гг. – время, когда следующее радикальное изменение меморативного и культурного ландшафта уже стоит на пороге, однако пока оно практически не проявляет себя в рассмотренных нами материалах.

Алексеева Е. Г. Исторический парадокс, «объединивший» Екатерину II и В. И. Ленина // МКУК «Историко-этнографический музей». URL: http://irbitiem.ru/irbitskiy-paradoks-obedinivshiy-ekaterinu-ii-i-vi-lenina (дата обращения: 20.11.2021).

Антропов И. Я. Были. Ирбит : [б. и.], 1992.

Бороздин К. А. Расстрел ирбитских купцов // Веси. 2008. № 9. С. 62–66.

Бузина Т. Е. Раз поехал мужик на мельницу… // Фольклорный архив УрФУ. Свердл_Ирбит_1990_04. № 624. Л. 630–631. Записано Н. Баландиной Н. и Е. Васильевой летом 1990 г. в г. Ирбит от Бузиной Татьяны Емельяновны, 1913 г. р., на момент записи 76 лет, уроженки д. Косари Ирбитского района.

Вер-ской Е. [Е. А. Вердеревский] Ирбитская ярмарка // Отеч. записки. 1849. Т. 65. Отд. IV. С. 1–16. НЭБ. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_60000277564/ (дата обращения: 12.10. 2021).

---

[14] Судя по опубликованным в 1993 году архивным следственным документам, тела Зязиных были похоронены одними из первых см.: [Ирбитская трагедия, 2007].

Вердеревский Е. А. Ирбитская ярмарка. От Зауралья до Закавказья. Сер. «Ирбитская старина». Вып. 2. Ирбит: б/и, 2008.

Горький М. О детях // Наши достижения. 1931. № 2. Февраль. URL: http://gorkiy-lit.ru/gorkiy/articles/article-137.htm (дата обращения: 20.11.2021).

Граматчикова Н. Б. Пролетарский турист как адресат путеводителей: формирование историко-культурного ландшафта индустриального Урала в очерках Н. Ловцова 1930-х гг. // Цифровизация коммуникативно-культурной памяти: роль журналистики как социального института : сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, Екатеринбург, 25–26 апр. 2019. В 2-х ч. Ч. 2. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2019. С. 22–29.

Денисевич М. Н., Бездомов В. И. Коммуна // Урал. ист. энциклопедия. Ин-т ист. и археол. УрО РАН. 1998–2004. URL: http://www.ural.ru/spec/ency/encyclopaedia-10-979-kommuna.html (дата обращения: 20.11.2021).

Ершов М. Ф. Северные зауральские города и региональная торговля в XIX веке: проблемы адаптации // Вестн. угроведения. 2011. № 1 (4). С. 135–153.

Ирбитская трагедия (подг. Е. А. Ефтефьева) // Архивы Урала. 2007. № 11. С. 91–108.

Кругляшова В. П. К истории и методике собирания преданий // Фольклор Урала. Свердловск: [УрГУ], 1976. [Вып. 1]. Народная проза. С. 3–23.

Лебедев В. В. Мы живем в «Гиганте». М. : Крестьянская газета, 1930.

Ловцов Н. А. К большому Уралу. М. ; Л. : ОГИЗ – Физкультура и туризм, 1931.

Мамин-Сибиряк Д. Н. Крупитчатая // Мамин-Сибиряк Д. Н. Собр. соч. в 8 т. Т. 5. М. : Худ. лит., 1954. URL: http://az.lib.ru/m/maminsibirjak_d/text_0332.shtml (дата обращения: 12.10.21).

Мамин-Сибиряк Д. Н. Штучка // Д. Н. Мамин-Сибиряк. Полн. собр. соч. Т. 12. Петроград : Изд-во товарищества А. Ф. Маркс. 1917. URL: http://az.lib.ru/editors/m/maminsibirjak_d/text_1883_shtuchka_oldorfo.shtml (дата обращения: 12.10.21).

Носилов К. Д. Обдорская ярмарка и история меновой торговли на Севере Сибири // Урал. 6 февр. 1898. № 312, 315.

По Советскому Уралу (сост. А. А. Анфиногенов, А. В. Баранов, В. А. Гензель, Е. М. Ляшков). Свердловск : газ. изд-во Уралоблисполкома, 1930.

Субботина И. В. О прошлом Ирбита // Ирбит – максимум информации. История. URL: http://irbit.info/history/memorials/irbit/6154/ (дата обращения: 20.11.2021).

Телешов Н. Д. На тройках // Телешов Н. Д. Рассказы, повести, легенды. М. : Сов. Россия, 1983. С. 34–91.

Телешов Н. Д. За Урал: из скитаний по Западной Сибири. М. : Типогр. Товва И. Д. Сытина, 1897 // Ураловед. URL: https://uraloved.ru/starosti/teleshov-i-ego-puteshestvie-po-uralu (дата обращения: 12.10.21).

Фуко М. Другие пространства // Интеллектуалы и власть : избр. полит. статьи, выступления и интервью. Ч. 3. М. : Праксис, 2006. С. 191—204.

Хитров А. Г. К истории г. Ирбита и Ирбитской ярмарки // Ирбит : Тип. А. А. Дробинина, 1872.

УДК 94(470.54).084.9:070

Л. В. Енина
Уральский федеральный университет

ДЕНЬ ПОБЕДЫ: ДИНАМИКА КОММЕМОРАТИВНЫХ ПРАКТИК В ИРБИТСКОЙ РАЙОННОЙ ГАЗЕТЕ «ВОСХОД» В 1960–1980-е гг.[1]

В советское время районная газета – это важный государственный/социальный институт конструирования идентичности местного сообщества. В СССР с середины шестидесятых годов набирает силу государственная установка на увековечение памяти о Великой Отечественной войне, и на местную прессу возлагаются функции сохранения локальной памяти. В статье вводится понятие субъекта памяти и рассматриваются институциальные и неиституциональные группы субъектов памяти на страницах газеты. В зависимости от субъекта памяти обнаруживается разделение коммеморативных практик о войне: практики, поддерживающие героизацию войны и практики, опирающиеся на смыслы утраты и ценности жизни каждого человека. Материалом исследования выступают публикации в ирбитской газете «Восход» с 1963 по 1985 г., посвященные празднованию Дня Победы.

Ключевые слова: коммеморативные практики, локальная идентичность, советская пресса, субъект памяти, малые города

Lidia W. Jenina
Uralski Uniwersytet Federalny im. pierwszego prezydenta Rosji B. N. Jelcyna, Jekaterynburg

DYNAMIKA POLITYKI PAMIĘCI W GAZECIE MIEJSKIEJ IRBITU W LATACH 60-80. XX W.: OBCHODY DNIA ZWYCIĘSTWA

W czasach sowieckich gazeta miejska była ważną instytucją państwową/społeczną dla budowania tożsamości społeczności lokalnej. W ZSRR od połowy lat sześćdziesiątych nabiera rozpędu państwowa polityka utrwalania pamięci o Wielkiej Wojnie Ojczyźnianej, a funkcje utrwalania pamięci lokalnej powierza się lokalnej prasie. Materiałem badań są publikacje w gazecie irbickiej „Woschod" z lat 1964–1989 poświęcone obchodom Dnia Zwycięstwa. Gazeta rejestruje zewnętrzne miejskie mechanizmy polityki pamięci: nazywanie ulic na cześć bohaterów wojny; adsłanianie pomników; działania irbickiego oddziału archiwów państwowych w zakresie poszukiwań zaginio-

[1] Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-011-43019 «Мечты и память: нарративные ландшафты небольших уральских городов (1960–1980)».

© Енина Л. В., 2022

nych w czasie wojny; wystawy muzealne itp. Jednocześnie gazeta kształtuje się i utrwala praktykę poruszania tematu wojny w przestrzeni publicznej. W pracy została przedstawiona systematyzacja publikacji o wojnie oraz refleksja na temat konstrukcji i zmian w prezentacji pamięci wojennej w lokalnej prasie.

Słowa kluczowe: praktyki upamiętniające, tożsamość lokalna, prasa sowiecka, podmiot pamięci, małe miasta

Ирбит, город, находящийся в двухстах километрах к северу от Екатеринбурга, является одним из старейших городов Свердловской области. Численность его населения составляет ок. 36 тыс. чел. Из богатой истории города выделим период 1960–1980-х гг. Он важен потому, что в СССР с середины 1960-х гг. набирает силу государственная установка на увековечение памяти о Великой Отечественной войне, и на местную прессу возлагаются функции сохранения локальной памяти. Это позволит проследить, как складывалась политика памяти о войне в газете малого советского города.

Аналитически подходя к политике памяти, нужно выделить субъекта памяти – того, кто хранит память и передает ее другим. Субъектом памяти может быть как человек, лично переживший события и вспоминающий о них, так и тот, кто обобщает услышанное и излагает его в публицистической форме, то есть передает исторические события благодаря своему воображению, а не личному присутствию. Субъект памяти может быть и коллективным (организация, социальный институт), в функции которого входит аккумуляция исторических документов, в том числе эго-документов, и придание им публичности путем выставок, просветительских лекций и публикаций.

Материалом для анализа послужила ирбитская газета «Восход», которая ведет свое начало с 1918 г. В анализируемый период она являлась органом городского и районного комитетов КПСС, городского и районного Совета народных депутатов. Мы благодарим Центральную городскую библиотеку г. Ирбита за возможность работать с электронным архивом выпусков газеты с 1963 по 1985 гг. Мы обратились к ежегодным газетным номерам, вышедшим 9 мая, и проанализировали тематику публикаций, связанную с Великой Отечественной войной, также учитывая доступные сведения об авторе текстов.

Политика памяти имеет прямое отношение к историческому аспекту локальной идентичности, которая соотносится с локусом, местом, территорией, но не ограничивается этим критерием. Н. Ю. Ланцевская отмечает, что территориальная идентичность формируется, с одной стороны, местоположением, климатом, историей, а с другой –

внешним обликом города, символикой, событиями и традициями, характером коммуникации внутри территории [Ланцевская, 2015].

Алейда Ассман определяет коммеморацию как «периодическое воспоминание, которое стабилизируется посредством годовщин» (Ассман, 2018, с. 252). Целью статьи является показать, кто становится субъектом памяти на страницах газеты и выявить изменения практик коммеморации о Великой Отечественной войне в небольшом уральском городе, который был далек от военных действий.

Городская и районная газета, как и вся советская пресса, была инструментом идеологического воздействия, но в то же время она выполняла функции социального института, который предоставляет площадку для высказывания членам местного сообщества. Конечно, местная газета ориентирована на отбор тех, кто получает доступ в публичное пространство, поэтому не все взгляды, бытующие в сообществе, попадают на ее страницы.

Газета «Восход» является главным субъектом памяти по своей основной функции идеологического воздействия и выполнения государственных задач. На первом этапе складывания традиций публичной памяти о Великой Отечественной войне местная газета видит эту тему в качестве дополнительной. Так, в 1963 г. номер от 9 мая еще придерживается обычной текущей тематики: в начале мая идет посевная кампания, и главные новости о том, как справляются с посевом колхозы Ирбитского района, сообщается о результатах рейда по проверке снижения себестоимости продукции в железнодорожном цехе стекольного завода, о рационализаторских предложениях на мотозаводе, об украшении улиц города цветами. На военную тему есть только две публикации. Остановимся на одной из них, перепечатанной из центральной прессы: на второй и четвертой (последней) полосах опубликован текст известных военных корреспондентов П. Трояновского и С. Цукасова под названием «Победа, мир, труд». Этот текст напоминает о 18-й годовщине со дня Победы и ее роли в мире: «это была победа, в которой с огромной силой сказалось превосходство социализма» [Трояновский, Цукасов, 1963, с. 2], он содержит цитаты из текстов В. И. Ленина и Н. С. Хрущева. В дальнейшем перепечатка текстов на военную тему из центральных газет будет повторяться, но количественно всегда будет уступать материалам местных журналистов. В целом, тексты из центральной прессы носят идеологический характер.

С середины 1960-х гг. весь газетный выпуск 9 мая посвящается Дню Победы, и военная тема в этот день становится главной. Журналистские публикации или тексты селькоров и рабкоров обычно рассказывают о вкладе в Победу предприятий города и района (леспром-

хоза, колхозов, эвакуированного мотоциклетного завода, стекольного завода и др.), а также о жителях города, работавших на предприятиях Ирбита в годы войны, или о тех, кто родился в Ирбитском районе и геройски погиб в сражениях. Журналистские публикации тяготеют к жанрам зарисовки или очерка и рассказывают о героях Советского Союза – уроженцах Ирбита.

Помимо журналистов, субъектами памяти выступают органы местной власти, увековечивая память о войне в городском пространстве: от ее имени переименовываются городские улицы в честь погибших, присваиваются имена героев войны школами открываются новые места памяти – обелиски, мемориальные доски и др. Обо всех этих событиях сообщают журналисты газеты. Однако с 1968 г. местная власть выступает самостоятельным субъектом памяти, от лица которого на первой полосе публикуются поздравления с праздником Победы. Это важный этикетный жанр, с его помощью официально подчеркивается признание и уважение адресата. Сначала власть обращалась с поздравлением только к тем, кто воевал и трудился в годы войны:

> «Горячо и сердечно поздравляем всех участников Великой Отечественной войны 1941–1945 гг, *кто на фронтах войны защищал нашу Родину, и всех тех, кто своим самоотверженным трудом приближал День Победы*» (курсив мой. – *Л. Е.*) [Будем крепить мир, 1968].

Но уже в поздравлениях следующих лет адресат расширяется до всего городского сообщества и получает локальную специфику в катойкониме «ирбитчане». Такая смена обращения к жителям города от лица органов власти подчеркивает возросшую значимость праздника для локального прошлого.

Еще одним субъектом памяти о войне являются выступающие в газете представители государственных организаций. Так, публикуются сообщения от Ирбитского филиала Госархива, который отправлял запросы в центральный Госархив об ушедших на фронт ирбитчанах. В некотором смысле отдавая дань эстетике модернизма, субъект речи фиксирует прежде всего количественные показатели:

> «Ирбитский район дал Родине десять Героев Советского Союза. 256 лучших работников сельского хозяйства из села Килачево уходили на фронт Великой Отечественной войны. 151 человек вернулся (88 из них ранены). Они принесли 159 правительственных наград. Батарея под командованием ирбитчанина майора Волынского Е. В. только в одном из боев подбила 15 танков, пять бронеавтомашин, четыре зенитные установки, подавила и уничтожила 28 минометов и артиллерийских батарей, 21 огневую точку. На строительство эскадрильи самолетов трудящиеся города и района внесли два миллиона рублей». [Все для Победы!, 1967].

В газете представлена работа Ирбитского краеведческого музея. Его сотрудники собирали информацию о героях Великой Отечественной войны родом из Ирбитского района и распространяли ее по школам и детским садам:

> «В дни подготовки к 20-летию Победы работники музея провели большую работу по выявлению героев войны, … подготовили плакаты с фотографиями о боевых подвигах Героев Советского Союза» [Соколов, 1965].

Именно в музее были подготовлены истории о подвигах земляков, которые затем воспроизводились на школьных торжественных линейках и других публичных мероприятиях. Одним из первых был опубликован текст работника краеведческого музея М. Аксенова о Михаиле Ефимовиче Азеве, посмертно удостоенном звания Героя Советского Союза [Аксенов, 1963].

Перечисленные субъекты памяти – газета «Восход», органы местной власти, Ирбитский филиал Госархива, Ирбитский краеведческий музей можно объединить в группу институциональных субъектов памяти. Судя по тематике публикаций, коммеморативные практики формируются в первую очередь рассказами о прославленных земляках, в первую очередь тех, кто получил правительственные награды.

Другую группу субъектов памяти на страницах газеты можно обозначить как неинституциональные. Прежде всего в нее входят представители общественных организаций, связанных со следопытским движением. Это добровольные объединения, не имеющие юридического закрепления и обычно возглавляемые общественниками-энтузиастами. Исследовательница поискового движения Екатерина Мельникова пишет, что низовая инициатива в сохранении памяти привела к определенной самостоятельности этих движений: «Специфика советской кампании по увековечиванию памяти о войне заключалась в передаче коммеморативных функций местным активистам, которые становились не только «гласом», но и «руками народа», создающего собственную память о прошлом, что определяло ее легитимность и способность стать основой национальной идеи» [Мельникова, 2018, с. 20].

В 1970-е гг. в газете «Восход» появляются публикации о работе городских энтузиастов, которые включились в поисковую работу по велению сердца. Например, к 20-летию Победы на предзаводской площади стекольного завода был открыт обелиск в честь погибших на фронте рабочих-стекольщиков, о чем в интервью газете рассказала первый секретарь горкома КПСС Л. И. Занина [В честь величайшей из побед, 1965]. На обелиске были высечены имена погибших, установленные благодаря поисковой деятельности пенсионеров завода. О про-

деланной ими колоссальной работе не только по установлению имен, но и по розыску биографических сведений о заводчанах, не вернувшихся с войны, газета рассказала только в 1973 г. Ветераны стекольного завода Г. С. Воинков, Ф. П. Демин и другие обратились к архиву завода, нашли семьи или сослуживцев погибших, записали истории, разыскали фотографии и подготовили альбомную книгу о девяноста работниках стекольного завода, не вернувшихся с Великой Отечественной войны. В тексте под знаковым названием «Вспомним всех поименно» были рассказаны истории о заводчанах Михаиле Давыдове, Федоре Воронове, Михаиле Намятове, Петре Коняеве. Это были новые коммеморативные практики, придававшие значимость личным историям людей, не ставших Героями Советского Союза, но отдавших жизнь за Родину. С этой точки зрения, знаковыми являются слова Г. С. Воинкова, уравнивающие ратные подвиги и собственно человеческую жизнь:

> «В нашем замысле увековечить подвиг земляков замечательной помощью могут стать рассказы родственников, знакомых погибших как о ратных делах, так и довоенной жизни, судьбе, характерах, интересах. Мы рады будем выслушать каждого, кто чем-то пополнит наши сведения о погибших». [Вспомним всех поименно, 1973].

В другой публикации о деятельности этих энтузиастов [Воинков, 1978], издавших книгу «Героям – бессмертная слава» о своих заводчанах, не вернувшихся с войны, можно обнаружить, как низовая инициатива отходит от линии официальной политики памяти:

> «Мы с Федором Петровичем Деминым начали с того, что пересмотрели в архиве стекольного завода учетные карточки и выбрали товарищей, которые ушли в РККА в период с 1939 по май 1945 года. Оказалось, что с завода за это время ушли в армию более шестисот человек» [Там же].

Как видим, добровольные поисковики расширили временные рамки, начав отсчет ушедших на фронт не с 1941, а с 1939 г., включив в свои розыски участников советско-финской войны. Это свидетельствует о том, что в газете не было жесткой цензуры, допускалась более свободная информация, чем в официальном советском дискурсе.

Хочется прокомментировать слова Г. С. Воинкова о тех, кого он считает возможным привлекать к поисковым работам:

> «Инициативу, думается, должны проявить пенсионеры, у которых больше свободного времени. А помогут им, считаю, юные следопыты-школьники. Дело это благородное и благодарное для всех» [Там же].

В этих словах юность и старость, обычно противопоставляемые в советской идеологии, объединяются в деле сохранения памяти,

оставляя свершения сегодняшнего дня молодым и сильным, у которых мало времени для воспоминаний. Ежегодное широкое празднование Дня Победы вступает в противоречие с повседневным отношением к прошлому. Это же противоречие отражено, например, в заключительных словах журналиста о ветеране Б. В. Зефирове:

> «Многое бы он мог вспомнить и заново пережить, но не оставляет времени для воспоминаний, а продолжает трудиться в родном цехе, потому что в этом видит свою прошлую, настоящую и будущую жизнь» [Коркин, 1981].

Коммеморативные практики, в которых закреплялась ценность каждой жизни, отданной Победе, поддерживаются в публикациях о следопытском движении, распространившимся во многих профессиональных коллективах. Поисковая работа позволила поименно установить участников войны из местных организаций: «Среди миллионов павших 32 наших выпускника» [Микерина, Мединцева, 1979]. Именно благодаря инициативе общественников в публичном пространстве появляются смыслы о ценности каждой жизни. Это говорит о том, что, судя по публикациям, к 1970-м гг. память о прошлом меняет фокус: речь идет уже не только о героях-земляках, их подвигах и наградах, но и об участии и гибели в боях всех земляков, пусть и не отмеченных наградами.

К группе неинституциональных субъектов памяти относятся «дети войны», о которых начали говорить в 1980-е гг. Эта тема отражает следы бытовой, семейной памяти.

> «Летом по полтора-два месяца не выезжали с заимок … иногда трудно было понять, кто кого ведет: девчата телочек, на которых они боронили, или телочки девчат … питались часто подножным кормом» [Алексеева, 1981].

«Дети войны» как субъект памяти обозначают смену акцента от погибших к живым свидетелям военного времени. Конечно, и до того были тексты, в которых главными героями были фронтовики, но в прессе не принято было давать им слово, журналисты сами рассказывали о них в жанровых рамках очерка, зарисовки, заметки. Показательна, например, заметка, опубликованная 9 мая 1965 г. о том, как коллектив мотозавода поздравил коллег-фронтовиков, но что именно рассказали фронтовики на встрече, не написано, сказано лишь, что их выступления были «самыми волнующими» [О боях-пожарищах..., 1965].

В 1980-е гг. появляется рассказ от первого лица, и участники войны говорят о непарадной стороне: о неподготовленности новобранцев к боевым действиям, о калечащих ранениях, о попадании в плен, о перенесенных лишениях.

«Приказали нам, новобранцам, траншею копать. Ну, мы с Федором наметили десять метров и начали дерн снимать. Нам помогал партизан – человек опытный, бывалый. Он нам сразу сказал, что так не копают: вначале надо вырыть окопчик, а потом уже рыть траншею. И верно, только мы справились с окопом, как начался артобстрел. Некоторые ребята, такие же зеленые, как я, погибли. Нелепо, конечно, гибнуть, ни разу даже не выстрелив по врагу. Но то была война…» [Никитин, 1983].

Таким образом, эти практики памяти уже содержат смыслы дегероизации войны. Это не означает, что исчезают публикации о героях, но, наряду с рассказами о подвигах и наградах, присутствуют тексты, посвященные просто выжившим на войне.

В заключение подчеркнем, что выделенные коммеморативные практики не вытесняют друг друга, а сосуществуют на страницах газеты. Можно сказать, что институциональные субъекты памяти поддерживают смыслы героизации войны, а неиституциональные опираются на смыслы утраты близких людей в семье и профессиональном сообществе. На примере публикаций ирбитской районной газеты «Восход» мы видим, что в период с 1960-х до середины 1980-х гг. политика памяти в целом гуманизируется, движется от многочисленных безымянных погибших героев к истории конкретного человека.

Алексеева М. Встреча с детством // Восход. 1981. 9 мая. С. 4.

Аксенов М. Красный кавалерист // Восход. 1963. 9 мая. С. 4.

Ассман А. Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика. М.: Новое лит. обозрение, 2018.

Будем крепить мир // Восход. 1968. 9 мая. С. 1.

Все для Победы! // Восход. 1967. 9 мая. С. 2.

Воинков Г. Долгие годы поиска // Восход. 1978. 9 мая. С. 2.

Вспомним всех поименно // Восход. 1973. 9 мая. С. 3.

В честь величайшей из Побед // Восход. 1965. 7 мая. С. 1.

Коркин А. Рабочая верность // Восход. 1981. 9 мая. С. 2.

Ланцевская Н. Ю. Идентичность как элемент технологии брендинга территории // Вестн. Шадринск. гос. пед. ин-та. 2015. № 2 (26). URL: http://shgpi.edu.ru/files/nauka/vestnik/2015/2015-2-1.pdf (дата обращения: 10.02.2021).

Мельникова Е. А. «Руками народа»: следопытское движение 1960–1980-х гг. в СССР // Антропол. форум. 2018. № 37. С. 19–53.

Микерина, Мединцева. Боевая слава училища // Восход. 1979. 9 мая. С. 2

Никитин В. Живая память // Восход. 1983. 7 мая. С. 2.

О боях-пожарищах, о друзьях-товарищах // Восход. 1965. 9 мая. С. 1.

Соколов Н. Сюда не зарастет народная тропа // Восход. 1965. 9 мая. С. 4.

Трояновский П., Цукасов С. Победа, мир, труд // Восход. 1963. 9 мая. С. 2.

Раздел 2.
МУЗЕЙ В МЕМОРАТИВНОМ ЛАНДШАФТЕ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ

УДК [069(1–21):304.44](470.54) +711.435

М. В. Бекленищева
Уральский федеральный университет

МУЗЕИ В МАЛЫХ ГОРОДАХ: НОРМАТИВЫ ОБЕСПЕЧЕННОСТИ И ПРОБЛЕМЫ УЧЕТА[1]

В статье поднимается проблема несоответствия количества музеев нормативам обеспеченности. На примере Свердловской области рассмотрен вопрос разных методик подсчета количества музеев, недостаточной обеспеченности учреждениями музейного типа. Отмечаются разночтения между официальными статистическими данными и учреждениями, которые региональное министерство культуры относит к музеям. Выявлено, что, несмотря на различные методики подсчета, существует нехватка музеев в Свердловской области. Из 57 муниципальных образований, где действуют музеи, 44 относятся к категории «малых городов». Среди оставшихся 37 муниципальных образований Свердловской области, где муниципальные и государственные музеи отсутствуют, 35 имеют статус «малых городов». Рассмотрено, как решается вопрос в городах, где отсутствуют муниципальные и государственные музеи. К примеру, школьные музеи берут на себя функции городских краеведческих музеев. Однако такие структуры и их сотрудники в связи с отсутствием официального статуса музея и, соответственно, музейного работника не могут претендовать на государственную поддержку: финансирование, предоставление помещений и пр.

Ключевые слова: музейная сеть Свердловской области, музеи малых городов, нормативы обеспеченности музеями.

[1] Тема поддержана грантом РНФ 21-18-00418 «Музей малого города: множественность культур памяти (историко-социологический анализ)».

© Бекленищева М. В., 2022

Maria W. Bieklieniszczewa
Uralski Uniwersytet Federalny
im. pierwszego prezydenta Rosji B. N. Jelcyna,
Jekaterynburg

TWORZENIE MUZEÓW W MAŁYCH MIASTACH: WYZWANIA LEGISLACYJNE I REGULACYJNE

Ustawodawstwo rosyjskie w dziedzinie muzealnictwa daje możliwość tworzenia muzeów w dowolnej miejscowości w kraju, niezależnie od liczby mieszkańców i powierzchni. Jednocześnie istnieją normy i regulacje dotyczące lokalizacji muzeów, które prawnie określają minimalną dopuszczalną liczbę muzeów i mają charakter rekomendacyjny. W rzeczywistości taka dystrybucja stanowi uzasadnienie odmowy utworzenia nowych muzeów. Rozdział analizuje problem na przykładzie obwodu swierdłowskiego.

Słowa kluczowe: muzea, Swierdłowsk, małe miasta, udostępnianie.

Музеи в России создаются для осуществления просветительской, научно-исследовательской и образовательной деятельности; выявления, собирания, хранения, изучения и публикации музейных предметов и музейных коллекций [О Музейном фонде, 2021] и могут быть муниципальными, государственными (в федеральном ведении или ведении субъекта), частными и ведомственными. Говоря о муниципальных музеях, можно отметить, что все органы местного самоуправления имеют право на создание музеев независимо от вида муниципального образования [Об общих принципах..., 2021]. Собрание музея составляют находящихся в нем на хранении музейные предметы, включенные в основной и иные фонды музея, а также документы и предметы архивного, библиотечного, кино-, фотофондов и иных фондов, которые служат целям его создания. В основной фонд входят предметы, документирующие развитие природы, историю и развитие человеческого общества, литературы, театрального искусства, музыкальной культуры, техники, мемориальные предметы [Единые правила..., 2020].

Таким образом, можно констатировать, что законодательство позволяет создать музей в любом населенном пункте страны, независимо от численности его населения и площади.

Вместе с тем, существуют нормы и нормативы обеспеченности музеями, которые приняты в целях обеспечения их доступности путем оптимизации [Методические рекомендации..., 2017]. Так, согласно методическим рекомендациям, в субъекте Российской Федерации обязательно должен быть один краеведческий музей; кроме того, если в административном центре региона проживает до 150 тыс. чел., должен быть еще один тематический музей; при населении от 150 до

500 тыс. чел. – еще два тематических музея; от 500 тыс. до 1 млн чел. –, еще три тематических музея и один художественный музей; наконец, если население города более 1 млн чел., то наряду с краеведческим музеем должно быть четыре тематических музея и один художественный.

Независимо от количества населения, в городском округе должен быть один краеведческий и один тематический музей, в муниципальном районе и городском поселении – по одному краеведческому музею. При этом тематические музеи могут быть любой профильной группы: политехнический, мемориальный, военно-исторический, историко-бытовой, археологический, этнографический, литературный, музыкальный, музей науки, техники, кино, архитектуры, боевой (трудовой) славы. Также рекомендациями предусмотрена возможность создания музеев в сельских поселениях.

Юридически нормативы определяют минимально допустимое количество сетевых единиц музеев и носят рекомендательный характер. Фактически же такое распределение позволяет ограничиться существующей сетью, либо меньшим числом музеев.

Рассмотрим практический опыт Среднего Урала. Так как нормы и нормативы опираются на типы муниципальных образований, отметим, что в Свердловской области 94 муниципальных образования (68 городских округов, 5 муниципальных районов, 5 городских поселений, 16 сельских поселений) [Перечень...]. В административном центре региона проживает более 1 млн человек.

В Свердловской области действует закон о музейном деле [О музейном деле..., 2021]. Уполномоченным органом исполнительной власти в музейной сфере является Министерство культуры Свердловской области. Все мероприятия по государственной поддержке и развитию музейной отрасли реализуются в рамках региональной государственной программы [Об утверждении государственной программы..., 2021)]. В соответствии с федеральными методическими рекомендациями утверждены методические рекомендации Свердловской области по нормам и нормативам размещения музеев [Об утверждении методических рекомендаций..., 2019]. В целом, анализ существующего регионального комплекса документов в области музейного дела позволяет констатировать, что создана достаточная нормативно-правовая база.

Прежде чем говорить о том, достаточное ли количество музеев на территории Свердловской области, стоит сказать, сколько их в регионе вообще. Здесь важно подчеркнуть, что применяются разные методики учета количества музеев. Так, в соответствии с официальными статистическими данными, размещенными на портале АИС «Статистика» главного информационно-вычислительного центра Министер-

ства культуры Российской Федерации, на территории Свердловской области на 1 января 2021 года размещалось 96 музеев (табл. 1).

Таблица 1

*Статистические данные о количестве музеев, действующих на территории Свердловской области**

Показатель	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Число музеев (государственных и муниципальных)	92	94	94	94	94	96	97	96	96
в т.ч. филиалов	26	28	28	27	н/д	29	31	31	30
Число музеев всех ведомств	нет данных						101	101	102

*Сост. по данным [АИС «Статистика»].

В нормативных правовых актах Свердловской области фигурируют другие цифры. К примеру, в действовавшей до 2020 г. концепции развития музейной сферы отражены следующие данные о сети музеев по итогам 2013 г.: «Музейная сеть Свердловской области – это 842 музея всех видов собственности и подчиненности, в том числе 111 сетевых единиц (29 государственных и 82 муниципальных музея), подведомственных Министерству культуры Свердловской области (всего 64 юридических лица)» [О Концепции..., 2018)].

Дополнительно отметим, что в документе среди целевых показателей развития музейной сферы не предусматривалось увеличение числа государственных и (или) муниципальных музеев.

В региональной стратегии реализации государственной культурной политики до 2035 г., утвержденной в 2019 г., отмечается, что Свердловская область относится к числу субъектов Российской Федерации с высоким уровнем развития сферы культуры. В частности, музейная сеть Свердловской области представлена 870 учреждениями всех видов и форм собственности, включая 119 государственных и муниципальных. Указано, что с 1996 по 2016 г. сеть государственных и муниципальных музеев выросла на 58 сетевых единиц или на 95,1 %.

На официальном сайте Министерства культуры Свердловской области представлен перечень государственных и муниципальных музеев Свердловской области по состоянию на 2021 год [Министер-

ство культуры...]. В перечне указано 122 пункта и 128 музеев (шести музеям – структурным подразделениям учреждений культуры – по непонятной причине номера присваивать не стали).

Из 128 музеев, указанных в перечне 114 относятся к учреждениям музейного типа, 1 – структурное подразделение учреждения библиотечного типа, 13 – структурные подразделения учреждений культурно-досугового типа (КДУ).

Отметим, что формы федерального статистического наблюдения № 7-НК «Сведения об организации культурно-досугового типа» с 2016 года предусматривают предоставление информации о музейной деятельности КДУ (табл. 2).

Таблица 2

*Данные о музейной деятельности культурно-досуговых учреждений Свердловской области в 2016–2020 гг.**

№	Показатель	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.
1.	*Число учреждений всех видов и форм собственности*	*846*	*850*	*855*	*857*	*853*
1.1	Из них занимаются музейной деятельностью	12	15	16	18	16
1.2	Фонды музея, ед.	18 695	19 984	17 136	н/д	н/д
1.3	Число фондов, экспонировавшихся в течение отчетного года, ед.	8 328	9 299	7 618	н/д	н/д
1.4	Число посещений музея за год, чел.	49 230	58 465	32 886	н/д	н/д
1.5	Из них школьниками, учащимися и студентами	25 862	32 905	17 411	н/д	н/д
2.	*Число учреждений всех видов и форм собственности в сельской местности*	*667*	*678*	*666*	*662*	*660*
2.1	Из них занимаются музейной деятельностью	4	5	8	6	6
2.2	Фонды музея, ед.	3 470	7 722	6 101	н/д	н/д

№	Показатель	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.
2.3	Число фондов, экспонировавшихся в течение отчетного года, ед.	1 577	4 334	3 799	н/д	н/д
2.4	Число посещений музея за год, чел.	1 909	8 117	4 041	н/д	н/д
2.5	Из них школьниками, учащимися и студентами	545	2 035	1 849	н/д	н/д
3.	*Число государственных и муниципальных учреждений*	*827*	*831*	*836*	*838*	*835*
3.1	Из них занимаются музейной деятельностью	н/д	12	12	14	12
3.2	Фонды музея, ед.	н/д	16 983	11 436	н/д	н/д
3.3	Число фондов, экспонировавшихся в течение отчетного года, ед.	н/д	8 688	6 960	н/д	н/д
3.4	Число посещений музея за год, чел.	н/д	50 955	18 233	н/д	н/д
3.5	Из них школьниками, учащимися и студентами	н/д	26 830	11 203	н/д	н/д
4.	*Число других ведомств и организаций*	*н/д*	*19*	*19*	*19*	*18*
4.1	Из них занимаются музейной деятельностью	н/д	3	4	4	4
4.2	Фонды музея, ед.	н/д	3 001	5 700	н/д	н/д
4.3	Число фондов, экспонировавшихся в течение отчетного года, ед.	н/д	611	658	н/д	н/д
4.4	Число посещений музея за год, чел.	н/д	7 510	14 653	н/д	н/д
4.5	Из них школьниками, учащимися и студентами	н/д	6 075	6 208	н/д	н/д

Сост. по: [АИС «Статистика»].

Как можно судить по имеющимся данным, в перечне из 128 музеев учтены не все из относящихся к КДУ.

Несмотря на разные методики подсчета, итог получается один, и он зафиксирован в стратегии реализации государственной культурной политики Свердловской области до 2035 г.: минимально допустимое количество государственных и муниципальных музеев в регионе – 150 сетевых единиц, и обеспеченность составляет менее 100 %. По данным АИС «Статистика», при потребности в 150 сетевых единиц обеспеченность составляет 64 %, а если опираться на данные сайта Министерства культуры Свердловской области, то обеспеченность составляет 85 %. Недоумение вызывает следующее обстоятельство: разработчик стратегии, а это уполномоченный орган исполнительной власти в сфере культуры региона, отмечает: «в соответствии с законодательством Российской Федерации создание музея на территории муниципального образования является правом, а не обязанностью органов местного самоуправления» [Об утверждении Стратегии..., 2019].

Таким образом, в отраслевом документе стратегического планирования на 16-летнюю перспективу поднимается проблема недостаточной обеспеченности музеями, однако упоминается только вариант решения вопроса силами местных властей. О возможности создания государственных учреждений культуры музейного типа вопрос даже не ставится (!).

По информации Министерства культуры Свердловской области, 128 музеев расположены в 57 муниципальных образованиях. Из них 24 находятся в административном центре региона г. Екатеринбурге, 11 – в Нижнем Тагиле. Это означает, что в оставшихся 55 муниципальных образованиях функционируют 93 музея. Из 56 муниципальных образований, где работают музеи (за исключением административного центра), 52 имеют статус городского округа. Таким образом, из 67 городских округов, где, согласно нормативам, должны быть как минимум краеведческий и тематический музей, музеи существуют в 77,6 %. Из 10 муниципальных районов и городских поселений, где должен располагаться минимум один музей, они действуют только в четырех (40 %).

Из 57 муниципальных образований, где действуют музеи, 44 имеют численность населения менее 50 тыс. жителей и относятся к категории «малых городов». Среди оставшихся 37 муниципальных образований Свердловской области, где муниципальные и государственные музеи отсутствуют, 35 имеют статус «малых городов», из которых музеи по нормативам должны быть в 19. Дополнительно отметим, что городской округ Ревда (численность населения более 62 тыс. чел.) и городской округ Первоуральск (численность населе-

ния более 141 тыс. чел., четвертое по численности населения муниципальное образование в области) не имеют (!) государственных или муниципальных музеев. Вместе с тем, в туристском паспорте Первоуральска, утвержденном в 2019 г., заявлено, что в городе действуют 11 музеев [Городской округ Первоуральск]. Так, становится очевидна проблема учета существующих музеев, не являющихся государственными и муниципальными.

Рассмотрим, как решается вопрос с наличием музеев в малых городах, где согласно нормативам, они должны быть. Например, городской округ Староуткинск, где население составляет чуть более 3 тыс. человек. В 2019 г. решением местной Думы утверждена Стратегия городского округа Староуткинск до 2030 г. В разделе «Культура и туризм» Стратегии указано: «В здании, построенном в XVIII веке заводчиком Демидовым, открыт муниципальный музей «Истории Староуткинска», который насчитывает порядка 5 тысяч экспонатов основного фонда и 8 тысяч экспонатов научно-вспомогательного фонда» [Городской округ Староуткинск]. Вместе с тем, указанное учреждение в едином государственном реестре юридических лиц (ЕГРЮЛ) обнаружено не было.

Выявлено, что музей «История Староуткинского металлургического завода» создан и функционирует в качестве школьного [Староуткинск...]. Музей имеет свой сайт, в разделах которого размещена информация об истории Староуткинска (9 разделов), экспозициях музея (5 разделов), а также раздел «виртуальный музей», где размещены 11 фотографий с видами Староуткинска. Однако в выписке из ЕГРЮЛ указано, что муниципальное бюджетное общеобразовательное учреждение «Староуткинская средняя общеобразовательная школа № 13» (на базе которой функционирует музей) осуществляет следующие виды деятельности по Общероссийскому классификатору видов экономической деятельности (ОКВЭД): образование среднее общее (основной вид деятельности); дополнительные виды деятельности – образование начальное общее, образование основное общее, образование дополнительное детей и взрослых [Предоставление сведений...]. Из документа следует, что музейную деятельность данная организация не осуществляет и осуществлять не может. Соответственно, финансирование мероприятий по содержанию, развитию музея также не может быть предусмотрено.

Из учреждений культуры в Староуткинске действует Культурно-досуговый центр городского округа Староуткинск. Согласно выписке из ЕГРЮЛ [Там же], по ОКВЭД в учреждении предусмотрена деятельность музеев. Однако в муниципальном задании на 2021 г. и плановый период 2022 и 2023 гг. не предусмотрено оказание му-

ниципальных услуг и выполнение муниципальных работ, связанных с музейно-выставочной деятельностью [Культурно-досуговый центр...].

Сложившаяся ситуация позволяет сделать следующие выводы. Фактически в Староуткинске есть учреждение, которое занимается деятельностью, отвечающей целям создания музеев в России. Юридически учреждение не имеет никакого статуса, соответственно, не может претендовать ни на муниципальную, ни на государственную поддержку, в том числе и предоставляемую правительством региона на создание виртуальных музеев. С другой стороны, в городе есть учреждение культуры, которое юридически может претендовать на поддержку местных властей и господдержку, предоставляемую на основании конкурсного отбора, на развитие музейной деятельности. Однако реально учреждение не занимается данным вопросом, вероятно, в том числе и потому, что фактически музей существует.

Подводя итоги, отметим, что существует проблема статистического учета государственных и муниципальных музеев, статистического учета музеев иных форм собственности, учета в общем количестве музеев, действующих в структуре КДУ и библиотек. По причине неопределенного статуса музеев иных форм собственности они не могут рассчитывать на государственную поддержку и, в случае отсутствия в уставе организации музейной деятельности, не имеют права оказывать связанные с ней платные услуги. В связи с этим наличие музеев в муниципальном образовании неоднозначно. С одной стороны, наличие музеев в городе – это хорошо, с другой, – местная власть не имеет к ним отношения. Фактически музей существует, но не имеет юридического статуса и функционирует исключительно за счет энтузиазма неравнодушных жителей.

Автоматизированная информационная система сбора статистической отчетности (АИС) «Статистика» // Гл. инф.-выч. центр Мин-ва культ. РФ. URL: https://stat.mkrf.ru/indicators/ (дата обращения: 28.09.2021).

Городской округ Первоуральск (сайт). URL: https://prvadm.ru/jekonomika/predprinimatelstvo/turistskij-pasport-gorodskogo-okruga-pervouralsk/ (дата обращения: 28.09.2021).

Городской округ Староуткинск (сайт). URL: http://староуткинск.рф/ofitsialno/ekonomika/strategiya-2030/reshenie-dumy-gorodskogo-okruga-staroutkinsk-ob-utverzhdenii-strategii-gorodskogo-okruga-staroutkinsk-do-2030-goda-ot-2019-10-28-nomer-_1220 (дата обращения: 28.09.2021).

Единые правила организации комплектования, учета, хранения и использования музейных предметов и музейных коллекций : приказ Мин-ва культ. РФ № 827 от 23.07.2020 // Консультант Плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_367630/ (дата обращения: 24.09.2021).

Культурно-досуговый центр городского округа Староуткинск (сайт). URL: http://stutkakdc.ru/deyatelnost/dokumenty/municipalnoe-zadanie.html (дата обращения: 28.09.2021).

Методические рекомендации субъектам Российской Федерации и органам местного самоуправления по развитию сети организаций культуры и обеспеченности населения услугами организаций культуры : распоряж. Мин-ва культ. РФ № Р-965 от 02.08.2017 // Консультант Плюс. URL:http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_222470/3a685ed7e3a3c3dca1e2b980758fb87f5eeb6750/ (дата обращения: 24.09.2021).

Министерство культуры Свердловской области (сайт). URL: http://www.mkso.ru/muzej/Muzei-SO (дата обращения: 28.09.2021).

О Концепции развития музейной сферы в Свердловской области на период до 2020 года : пост. Правит-ва Свердл. обл. № 1007-ПП от 19.11.2014 (ред. от 03.05.2018) // Консультант Плюс. Режим доступа: по подписке. URL: http://www.consultant.ru/regbase/cgi/online.cgi?req=doc&base=RLAW071&n=142545#KCye9oSECSsp3FxB (дата обращения: 28.09.2021).

О музейном деле в Свердловской области : Закон Свердл. обл. № 232-ОЗ от 27.12.2004 (ред. от 29.07.2021) // Консультант Плюс. Режим доступа: по подписке. URL: http://www.consultant.ru/regbase/cgi/online.cgi?req=doc&base=RLAW071&n=19208#HG3d9oSgiCqFQoip (дата обращения: 28.09.2021).

О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации : федер. закон № 54-ФЗ от 26.05.1996 (ред. от 11.06.2021) // Консультант Плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10496/ (дата обращения: 24.09.2021).

Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации : федер. закон № 131-ФЗ от 06.10.2003 (ред. от 01.07.2021) // Консультант Плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44571/ (дата обращения: 24.09.2021).

Об утверждении государственной программы Свердловской области «Развитие культуры в Свердловской области до 2024 года» : пост. Правит-ва Свердл.обл. № 1268-ПП от 21.10.2013 (ред. от 12.08.2021) // Консультант Плюс. Режим доступа: по подписке. URL: http://www.consultant.ru/regbase/cgi/online.cgi?req=doc&base=RLAW071&n=126316&dst=100001#OTmd9oS2v3JbwYNM1 (дата обращения: 28.09.2021).

Об утверждении Методических рекомендаций по развитию сети организаций культуры и обеспеченности населения услугами организаций культуры в Свердловской области : пост. Правит-ва Свердл. обл. № 1039-ПП от 29.12.2017 (ред. от 29.08.2019) // Консультант Плюс. Режим доступа: по подписке. URL: http://www.consultant.ru/regbase/cgi/online.cgi?req=doc;base=RLAW071;n=215574#CJSe9oSzZSIkP8IA (дата обращения: 28.09.2021).

Об утверждении Стратегии реализации государственной культурной политики в Свердловской области на период до 2035 года.: пост. Правит-ва Свердл. обл. № 432-ПП от 16.07.2019 // Консультант Плюс. Режим доступа : по подписке. URL: http://www.consultant.ru/regbase/cgi/online.cgi?req=doc;base=RLAW071;n=255570#qyaf9oS2dAt6td312 (дата обращения: 28.09.2021).

Перечень муниципальных образований // Управление Федеральной службы государственной статистики по Свердловской области и Курганской области. URL: http://sverdl.old.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/sverdl/ru/municipal_statistics/sverdlMstat/list_of_municipalities/ (дата обращения: 24.09.2021).

Предоставление сведений из ЕГРЮЛ/ЕГРИП в электронном виде // Единый государственный реестр юридических лиц. URL: https://egrul.nalog.ru/index.html (дата обращения: 28.09.2021).

Староуткинск. Вчера. Сегодня. Завтра. // Школьный музей «История Староуткинского металлургического завода». URL: https://sites.google.com/site/staroutkinskmuseum/home/o-muzee (дата обращения: 28.09.2021).

УДК [069(1–21):304.44](438)

Tomisław Giergiel
Uniwersytet Marii Curie-Skłodowskiej w Lublinie

PROWINCJA Z WIELKĄ HISTORIĄ: MUZEALNY PEJZAŻ PAMIĘCI O SANDOMIERZU

Sandomierz jest jednym z najlepszych przykładów znacznych ośrodków o zdegradowanych funkcjach. W XI wieku był jedną z kilku siedzib (stolic) Królestwa Polskiego, w XIII wieku stolicą księstwa, w XIV wieku do rozbiorów Rzeczpospolitej – stolicą ogromnego województwa, uszczuplonego już w końcu XV wieku. W latach 1816–1837 funkcjonowało województwo sandomierskie, ale jego stolicą został Radom. Odtąd z Sandomierza zarządzany był tylko obwód, a później, do dzisiaj jedynie mocno okrojony powiat. Te ciekawe przemiany doczekały się nawet opracowań, ale pisanych z punktu widzenia historii administracji i dziejów geopolitycznych. Niniejszy artykuł w celu ukazania aspektu pamięci o tej wielkiej, lecz zdegradowanej historii miasta, posługuje się kategorią pejzażu muzealnego, obecnego w instytucjach kultury Sandomierza. Muzea sandomierskie stosują praktyki w zakresie zachowania pamięci już od stu kilkunastu lat. Pejzaż pamięci jest elementem dyskursu z odbiorcą – użytkownikiem muzeów o wymiarze prowincjonalnym. Jest szeroki pod względem chronologicznym i instytucjonalnym, ale prowadzony jest z daleka od metropolitalnych centrów.

Słowa kluczowe: prowincja, muzeum, pamięć, Sandomierz.

Томислав Гергель
Университет Марии Кюри-Склодовской в Люблине

ПРОВИНЦИЯ С ВЕЛИКОЙ ИСТОРИЕЙ: МУЗЕЙНЫЙ ПЕЙЗАЖ ПАМЯТИ САНДОМИРА

Сандомир – один из примеров города, с течением времени терявшего свои функции. В XI в. он был одной из столиц Королевства Польского, в XIII в. – столицей княжества, в XIV в. до разделов Речи Посполитой – столицей огромного воеводства. В 1816–1837 гг. существовала Сандомирская губерния, но ее столицей стал Радом. С тех пор Сандомир был административным центром области, а позже и по сей день сильно усеченного повята (района). Это интересное явление было даже подробно описано, но в основном с точки зрения истории управления и геополитической истории. Чтобы осветить аспекты памяти об этой странице истории города, в данной статье используется категория му-

© Giergel T., 2022

зейного ландшафта, формируемого культурными учреждениями Сандомира. Сандомирские музеи способствуют сохранению памяти уже более ста лет. Пейзаж памяти – это элемент дискурса посетителей провинциальных музеев. Он имеет широкие хронологические и институциональные границы, но удален от столичных центров.

Ключевые слова: провинция, музей, память, Сандомир.

Dzieje Sandomierza, obecnie niedużego miasta w województwie świętokrzyskim mogą służyć za modelowy przykład znacznego niegdyś ośrodka, który został zdegradowany. W XI wieku był jedną z kilku siedzib (stolic) Królestwa Polskiego wzmiankowaną przez kronikarza Galla Anonima przy okazji przekazania księciu Bolesławowi Krzywoustemu południowej części państwa przez jego ojca Hermana [Anonim tzw. Gall, 1968, s. 78–80]. Sandomierz został wówczas wymieniony wśród trzech stolic państwa, z Wrocławiem i Krakowem. Wrocław był stolicą prowincji śląskiej, Kraków – prowincji krakowskiej, a Sandomierz – sandomierskiej. Dwa ostatnie terytoria tworzyły dzielnicę małopolską. To zestawienie pokazuje znaczenie Sandomierza na samym początku jego dziejowej kariery, *in statu nascendi.* Genezę Sandomierza upatruje się ostatnio w roli, jaką mu wyznaczył założyciel państwa polskiego Mieszko I. Gród ten miał być punktem wyjścia dla podboju wewnętrznego całej Małopolski [Buko, 2011, s. 197].

Znaczenie Sandomierza w strukturze administracyjnej i terytorialnej państwa polskiego we wcześniejszym średniowieczu zostało potwierdzone w XII wieku poprzez usytuowanie w tym ośrodku stolicy księstwa, kreowanego testamentem Bolesława Krzywoustego [Buczek, 1970, s. 696–703]. Pierwszy władca tego księstwa był postacią wybitną i zadziwiającą historyków. Był jedynym panującym polskim władcą, który jako krzyżowiec udał się do Ziemi Świętej w 1154 roku, a po powrocie fundował w swoim księstwie komandorię zakonu rycerskiego Szpitalników Świętego Jana, czyli joannitów. Należał więc do ówczesnych elit europejskich [Teterycz-Puzio, 2009, s. 61–96]. W księstwie sandomierskim w XII i XIII wieku rządzili spadkobiercy Henryka, Kazimierz Sprawiedliwy, Leszek Biały, Bolesław Wstydliwy oraz Leszek Czarny, wspierani przez możnowładców i rycerzy [Giergiel, 2004, s. 76–180].

Jednocześnie z rozwojem ośrodka władzy administracyjnej i państwowej rosła rola sandomierskiej gminy miejskiej. Miało to decydujący wpływ na decyzję o lokacji miasta na prawie magdeburskim w 1286 r. [Giergiel, Jop, 2015, s. 7–16]. Po zakończeniu procesu jednoczenia państwa przez Władysława Łokietka, w którym Sandomierz odegrał niebagatelną rolę i po likwidacji księstw dzielnicowych, ośrodek ten został stolicą województwa, najrozleglejszego w kraju. Ze szczytu sandomierskiego zamku (obecnie siedziby Muzeum Okręgowego) rozciągała się władza o szerokim zasięgu

terytorialnym. Na północy i zachodzie opierała się o linię Pilicy, na wschodzie obejmowała Łuków i Lublin, na południu rozciągała się od Dunajca, aż po krańce Puszczy Sandomierskiej. Gród sandomierski był chętnie odwiedzany przez panujących. Przykładem tego jest król Władysław Jagiełło, który Sandomierz odwiedził około 70 razy i ufundował polichromię w stylu bizantyńsko–ruskim w miejscowej kolegiacie. Świątynia ta oraz funkcjonująca przy niej kapituła kolegiacka posiadała największe znaczenie w diecezji krakowskiej [Stępień, Giergiel, 2014, s. 21–24].

W 1476 r. kronikarz i kanonik sandomierskie Jan Długosz ufundował dom gotycki dla księży mansjonarzy. Zwany jest „Domem Długosza", a obecnie znajduje się tam siedziba Muzeum Diecezjalnego. Sandomierz zapisał się w trudnych dziejach Europy jako ostoja wolności i zamożne miasto, sprzyjające zarówno mieszkańcom, jak i przybyszom. Niebagatelny wpływ miały sprzyjające stosunki gospodarcze i położenie nad największą polską rzeką Wisłą. Otoczone murami zapewniającymi bezpieczeństwo, brało udział w dalekosiężnym handlu zbożem, skupowanym od okolicznej szlachty, składowanym w nadwiślańskich spichlerzach i spławianym do Gdańska. Każdy dziejowy i kulturalny zwrot pozostawił w Sandomierzu swój ślad. Spuścizną po pełnieniu wielu funkcji w przeszłości przez Sandomierz jest 200 zabytków znajdujących się na terenie miasta.

Województwo sandomierskie zostało uszczuplone w końcu XV wieku, a z jego wschodniego obszaru zostało utworzone województwo lubelskie. Kolejna strata terytorialna, tym razem na rzecz zaborcy austriackiego w 1772 r. – terytoriów południowych – spowodowała, iż Sandomierz stał się miastem nadgranicznym, między dwoma cesarstwami. Rozpoczęła się szybka degradacja jego roli. Miasto zostało zniszczone w czasie wojny polsko-austriackiej w 1809 r. W latach 1816–1837 w ramach Królestwa Polskiego funkcjonowało województwo sandomierskie, a do 1845 gubernia sandomierska, lecz stolicę tych jednostek przeniesiono w głąb terytorium – do Radomia. Odtąd z Sandomierza zarządzany był tylko obwód, a później, do dzisiaj jedynie mocno okrojony powiat [Pająk, 2001, s. 56–59]. Proces tak znacznej degradacji funkcji administracyjnych w dość krótkim czasie stał się modelowym przedmiotem badań naukowych historyków i historyków prawa [Reder, 2001, s. 157–171; Wyrozumski, 2019, s. 169–176]. Ich prace zostały jednak napisane z punktu widzenia historii administracji i dziejów geopolitycznych. Nie prowadzono badań nad tym zjawiskiem przez pryzmat zachowanego materialnego i niematerialnego dziedzictwa Sandomierza, przechowującego pamięć o wielkiej historii tego ośrodka.

Zagadnienia muzealne zostały włączone do badań nad polską kulturą pamięci przez autorów projektu badawczego „Muzeum w polskiej kulturze pamięci (do 1918 roku): wczesne instytucje muzealne wobec muzeologii cyfrowej". Wczesne muzea, czyli założenia protomuzealne oraz publiczne

i prywatne, jak też kolekcje prywatne funkcjonujące w sferze publicznej do 1918 r. zostały potraktowane jako instytucje stanowiące zwierciadło przemian kulturowych, oddziałujących zarówno w przeszłości, jak i obecnie na kierunki przekazywania przyszłym pokoleniom oraz kształtowania szeroko pojętej tożsamości i pamięci kulturowej [Muzeum, 2018; Studia, 2020].

W Sandomierzu kształtowaniem pamięci kulturowej zajmują się dwa muzea. Placówka, która pojawiła się pierwsza na arenie dziejowej, powstała z inicjatywy kościelnej. Było to Muzeum Diecezjalne założone w 1902 r. i usytuowane początkowo w kapitularzu katedry, a później w budynku klasztornym i seminarium duchownym. W czasach zaborów pamiątki narodowe nie mogły być gromadzone oficjalnie i eksponowane publicznie. Zbiory zostały udostępnione społeczeństwu poprzez obejście zakazów rządowych – przy zabytkach umieszczono nazwiska właścicieli (darczyńców). W 1937 r. Muzeum Diecezjalne zostało przeniesione do gotyckiego Domu Długosza. W jego urządzaniu brał udział jeden z najwybitniejszych polskich historyków sztuki Karol Estreicher [Stępień, 1994, s. 8–10]. Najważniejszym zabytkiem prezentowanym w muzeum jest gotycko-renesansowy obraz namalowany w latach 1518–1520 przez Lucasa Cranacha starszego: *Madonna z Dzieciątkiem i święta Katarzyna Aleksandryjska* – wielkie arcydzieło malarstwa europejskiego.

U genezy powstania sandomierskiego Muzeum Diecezjalnego leżała potrzeba zachowania od utracenia zabytkowych elementów wyposażenia kościołów i klasztorów (zabytków sztuki sakralnej) oraz umożliwienie kształcenie księży w zakresie historii sztuki, ale też ochrona pamiątek narodowych „ku pokrzepieniu serc" narodu znajdującego się pod zaborami. Te funkcje splatały się z gromadzeniem zabytków związanych z historią miasta Sandomierza i ziemi sandomierskiej, a zwłaszcza miejscowego Kościoła, oraz jego instytucji, na przykład kapituły kolegiackiej. Pewną dominantą pejzażu muzealnego jest organizator muzeum, czyli diecezja sandomierska powstała w 1818 r. w granicach nawiązujących do obszernego województwa sandomierskiego [Stępień, Giergiel, Garnuszek, 2018]. Z tymi wszystkimi strukturami terytorialnymi związana jest większość zbiorów, wokół których muzeum realizuje praktyki zachowania pamięci, skierowane nie tylko do odwiedzających turystów, ale również – poprzez współpracę z przedszkolami – do najmłodszych mieszkańców miasta. Ważną funkcją jest zachowanie pamięci również o dziejach muzeum diecezjalnego, które od 84 lat w siedmiu salach eksponuje zabytki, nie ingerując w treść wystawy stałej zaprojektowanej w 1937 r. W związku z tym instytucja jest nazywana „muzeum muzealnym". Reprezentowane tutaj dziedzictwo muzealne można uznać za unikalne, zwłaszcza w obliczu zwrotu narracyjnego w muzealnictwie [Muzeum, 2019].

Wśród wielu trafnych propozycji i rozwiązań w ramach wyżej wspomnianego projektu „Muzeum w polskiej kulturze pamięci" warto przytoczyć wiele mówiący tytuł jednego z opracowań *Muzea ziemi swojej: (re) prezentacja prowincji*, który charakteryzuje program i idee placówek powstających w małych ośrodkach, zwłaszcza w przededniu odzyskania przez Polskę niepodległości oraz po tym czasie [Wawrzak, 2020, 293–336]. Można je klasyfikować jako muzea regionalne według typologii Zdzisława Żygulskiego jun., który zauważył, że są to placówki wielodziałowe, jakby muzea narodowe w małej skali [Żygulski, 1982, s. 86].

Te założenia były aktualne przy powstaniu drugiej sandomierskiej instytucji muzealnej. Wywodzi się ona z instytucji społecznej założonej przez sandomierski Oddział Polskiego Towarzystwa Krajoznawczego, czyli Muzeum Ziemi Sandomierskiej. Miało ono wymiar szczególny, gdyż w jego tworzeniu uczestniczył działający właśnie w Sandomierzu badacz, teoretyk i twórca regionalizmu w okresie międzywojennym Aleksander Patkowski, zwany „ojcem polskiego regionalizmu" [Twórca, 2015]. Pierwsza ekspozycja Muzeum Ziemi Sandomierskiej została udostępniona zwiedzającym w 1921 r. w lokalu wynajętym w pomieszczeniach po kancelarii rejentalnej ojczyma Aleksandra Patkowskiego [Giergiel, 2021, s. 9]. Po czterech latach zbiory umieszczono we własnej siedzibie, wybudowanej dla realizacji celów statutowych Towarzystwa, w tym celów muzealnych. Muzeum zajmowało tam dwa pomieszczenia i początkowo gromadziło głównie zabytki archeologiczne. Z czasem zaczęto gromadzić również zabytki etnograficzne i numizmaty oraz zbiory przyrodnicze. W czasie drugiej wojny muzeum poniosło wielkie straty. Po wojnie zbiory zostały upaństwowione, a na potrzeby muzeum odremontowano Kamienicę Oleśnickich, jedną z bardziej okazałych budowli sandomierskiej starówki. Od 1975 r. Muzeum nosi nazwę Muzeum Okręgowego. W 1978 r. utworzono trzy sale ekspozycyjne w zabytkowym ratuszu. Od 1986 r. siedzibą Muzeum Okręgowego jest sandomierski zamek królewski. Najważniejszym zabytkiem, który doczekał się własnej wystawy stałej w 2021 r. jest unikatowy zestaw szachów – jeden z najstarszych w Europie, wykonany w XII wieku [Giergiel, 2015, s. 57–62].

Funkcją sandomierskiego Muzeum Okręgowego (dawniej: Muzeum Ziemi Sandomierskiej) w zakresie zachowania pamięci jest upowszechnianie wiedzy z dziedziny archeologii, historii, etnologii, przyrody, literatury, sztuk pięknych i rzemiosła, ze szczególnym uwzględnieniem dziedzictwa kulturowego Sandomierza i ziemi sandomierskiej, gromadzenie zabytków związanych z historią tej ziemi, czy organizacja jej dotyczących wystaw stałych i czasowych. Muzealny pejzaż pamięci o wielkiej historii Sandomierza jest rozbudowywany współczesnymi środkami. Ostatnio zrealizowaną inicjatywą jest wykonanie i umieszczenie w przestrzeni zamkowej obszernej mapy historycznej ukazującej zasięg granic województwa san-

domierskiego w XVI wieku. Pejzaż pamięci najnowszej jest pielęgnowany we współpracy z najważniejszą instytucją powołaną do ochrony pamięci – Instytutem Pamięci Narodowej – Komisją Ścigania Zbrodni przeciwko Narodowi Polskiemu.

Interesujący jest aspekt współpracy obu muzeów sandomierskich, zarówno w czasach odległych, jak i współcześnie, pomimo tego, że posiadają różne zbiory, wypełniają inne funkcje i odwiedzane są przez różnego odbiorcę. W dniach 27–28 czerwca 1938 r. oba muzea brały udział w zorganizowaniu w Sandomierzu zjazdu delegatów Związku Muzeów w Polsce, w którym brali udział muzealnicy z Gdyni, Grodna, Kalisza, Kołomyi, Krakowa, Krzemieńca, Lublina, Lwowa, Łodzi, Łucka, Ostrowca, Przemyśla, Sambora, Sanoka, Tarnopola, Tarnowa, Warszawy i Włocławka. Uczestnicy zwiedzali Muzeum Diecezjalne i Muzeum Ziemi Sandomierskiej [Protokół, 1939].

Obecnie oba muzea co roku odwiedza ok. 50 tyś. zwiedzających, obie placówki stosują praktyki w zakresie zachowania pamięci, lecz przy pomocy innych środków wyrazu, choć zdarzają się wspólnie organizowane wystawy. Działają na rzecz tożsamości lokalnej, którą wzmacniają. Z uwagi na brak systematycznych badań nad dziejami Sandomierza i ziemi sandomierskiej (brak w mieście instytucji akademickiej/naukowej) – muzea na co dzień mierzą się z wielką historią swojego miasta i wypełniają tę lukę badając źródła pisane i materialne, organizując konferencje i wydając publikacje. Praca naukowa nad prowincjonalnym dziedzictwem kulturowym jest szczególną cechą instytucji muzealnych w małych miastach. Jedną z ważnych form ochrony pamięci są wspólne wystawy dawnej fotografii z zasobów muzeów sandomierskich, umieszczane w przestrzeni miasta. Ostatnią inicjatywą w zakresie ochrony pamięci jest otwarty w 2021 r. „Spacer szklany" złożony ze szklanych tablic pokazujących dawne oblicze wybranych miejsc w Sandomierzu. Dzięki ich przezierności możliwe jest porównanie obecnego stanu wybranych zabytków i ulic z ich historycznym wyglądem. Pionierski projekt został wykonany wspólnie z sandomierską hutą szkła. Do pejzażu muzealnego nie należą więc tylko wystawy stacjonarne, lecz również przedsięwzięcia zewnętrzne i okazjonalne.

Niniejszy artykuł w celu ukazania pamięci o wielkiej, lecz zdegradowanej historii miasta, posługuje się kategorią pejzażu muzealnego, obecnego w instytucjach kultury Sandomierza. Muzea sandomierskie stosują praktyki w zakresie zachowania pamięci już od stu kilkunastu lat. Pejzaż pamięci jest elementem dyskursu z odbiorcą – użytkownikiem muzeów, prowadzonym z daleka od metropolitalnych centrów. W Sandomierzu dyskurs ten posiada wymiar prowincjonalny, lecz jego treść jest niezwykle szeroka pod względem chronologicznym, przestrzennym i problemowym.

Anonim tzw. Gall, Kronika polska / przeł. Grodecki R. Wrocław : Zakład Narodowy im. Ossolińskich-Wydawnictwo, 1968.

Buczek K. O dzielnicy księcia Henryka Sandomierskiego // Przegląd Historyczny. 1970. T. 61. Nr. 4. S. 696—703.

Buko A. Archeologia Polski wczesnośredniowiecznej: odkrycia, hipotezy, interpretacje. Warszawa : Wyd-wo TRIO, 2011.

Giergiel T. Rycerstwo ziemi sandomierskiej. Podstawy kształtowania się rycerstwa sandomierskiego do połowy XIII wieku. Warszawa : Wyd-wo DiG, 2004.

Giergiel T. Muzeum Okręgowe w Sandomierzu – w poszukiwaniu modelu // Zeszyty Sandomierskie. 2015. Nr 39. S. 57–62.

Giergiel T. Kalendarium dziejów Muzeum Ziemi Sandomierskiej, Muzeum w Sandomierzu, Muzeum Okręgowego w Sandomierzu // Sto lat Muzeum Okręgowego w Sandomierzu 1921–2021 / red. M. Getka-Kenig. Sandomierz, 2021.

Giergiel T., Jop R. Dokument lokacyjny Leszka Czarnego dla Sandomierza z 1286 roku. Sandomierz : Art Media Marcin Cebula, 2015.

Muzeum a pamięć – forma, produkcja, miejsce // red. T. de Rosset, E. Bednarz Doiczmanowa, A. Tołysz. Warszawa : NIMOZ, 2018.

Muzeum i zmiana: losy muzeów narracyjnych / red. P.Kowal, K. Wolska-Pabian. Warszawa–Kraków : Muzeum Powstania Warszawskiego, TAiWPN Universitas, 2019.

Pająk J. Z. Dzieje podziałów administracyjnych a granice regionu świętokrzyskiego // Region świętokrzyski. Mit czy rzeczywistość? / red. J. Wijaczka. Kielce : TAKT, 2001. S. 49–72.

Protokół XIV Zjazdu Związku Muzeów w Polsce odbytego w Sandomierzu w dniach 27–28 czerwca 1938 r. Kraków : Wyd-wo Związku Muzeów w Polsce, 1939.

Reder J. Sandomierskie – dzieje degradacji historycznego regionu // Czasopismo Prawno-Historyczne. 2001. T. 53. Nr. 2. S. 157–171.

Stępień U. Przewodnik po Muzeum Diecezjalnym w Sandomierzu. Sandomierz : Wyd-wo Diecezjalne, 1994.

Stępień U., Giergiel T. Bazylika Katedralna pw. Narodzenia Najświętszej Maryi Panny w Sandomierzu. Sandomierz : Wyd-wo Diecezjalne i Drukarnia w Sandomierzu, 2014.

Stępień U., Giergiel T., Garnuszek K. 200 lat Diecezji Sandomierskiej. Sandomierz : Wyd-wo Diecezjalne i Drukarnia, 2018.

Teterycz-Puzio A. Henryk Sandomierski (1126/1133 – 18. X. 1166). Kraków : Avalon, 2009.

Twórca polskiego regionalizmu. Nowe badania nad życiem i działalnością Aleksandra Patkowskiego / red. T. Giergiel. Sandomierz : Muzeum Okręgowe, 2015.

Wawrzak M. Muzea ziemi swojej: (re)prezentacja prowincji // Studia o muzealnej pamięci na ziemiach dawnej Rzeczpospolitej do 1918 roku / red. T. de Rosset, A.Tołysz, M. Wawrzak. Toruń : Wyd-wo Naukowe Uniwersytetu Mikołaja Kopernika, 2020. S. 293–336.

Wyrozumski J. Miasto postępującej degradacji // Sandomierz. Miasto fascynującej przeszłości / red. F. Kiryk, R. Chyła. Kraków : Polska Akademia Umiejętności, 2019. S. 169–176.

Żygulski Z. Muzea na świecie. Wstęp do muzealnictwa. Warszawa : Państwowe Wyd-wo Naukowe, 1982.

УДК [069(1–21):304.44](470.54) +711.435

С. А. Новикова
Уральский федеральный университет

ФОРМИРОВАНИЕ ДОСТУПНОЙ СРЕДЫ В МУЗЕЯХ МАЛЫХ ГОРОДОВ: ОПЫТ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ

С ратификацией конвенции ООН по правам инвалидов Россия активно включается работу по обеспечению доступной среды для людей с ограниченными возможностями здоровья в том числе и в учреждениях культуры. Активным участником этой работы стала Свердловская область. Регион в 2017–2018 гг. участвовал в реализации пилотного проекта по формированию условий для развития системы комплексной реабилитации и абилитации инвалидов. Основными направлениями деятельности по обеспечению доступности услуг для инвалидов в музеях Свердловской области становятся мероприятия по обеспечению информационной доступности. В регионе применение современных технических средств позволило обеспечить доступность 27 % зданий музеев для лиц с нарушениями зрения, 29 % зданий – для лиц с нарушениями слуха, 30 % зданий – для лиц с нарушениями опорно-двигательного аппарата. Вместе с тем сохраняется и ряд проблем по созданию безбарьерной среды. Около 74 % зданий, в которых располагаются музеи, являются объектами культурного наследия различного уровня, соответственно, для них действует особый порядок проведения работ, в том числе по адаптации их для потребностей людей с ограниченными возможностями здоровья.

Ключевые слова: безбарьерная среда в музеях, комплексная реабилитация и абилитация инвалидов в Свердловской области, музеи Свердловской области, музейное обслуживание.

Swietłana A. Nowikowa
Uralski Uniwersytet Federalny im. pierwszego prezydenta Rosji B. N. Jelcyna, Jekaterynburg

KSZTAŁTOWANIE DOSTĘPNEGO ŚRODOWISKA W MUZEACH MAŁYCH MIAST. DOŚWIADCZENIA REGIONU SWIERDŁOWSKA

W związku z ratyfikacją konwencji o prawach osób niepełnosprawnych w Federacji Rosyjskiej trwają prace nad stworzeniem środowiska wolnego od barier dla osób niepełnosprawnych, w tym w instytucjach kultury. Artykuł omawia podstawy prawne dostosowania instytucji kultury dla osób niepełnosprawnych na przykładzie obwodu swierdłowskiego. Autorka, na podstawie analizy danych, rozważa stan dostępności muzeów w obwodzie swierdłowskim i główne problemy tworzenia w nich środowiska bez barier dla osób niepełnosprawnych.

© Новикова С. А., 2022

Słowa kluczowe: muzea, rehabilitacja, niepełnosprawni, Swierdłowsk, dostępność.

Российской Федерацией в 2008 г. подписана, а в 2012 г. ратифицирована Конвенция ООН о правах инвалидов, целью которой является обеспечение полного и равного осуществления всеми инвалидами прав человека и основных свобод: «инвалиды должны иметь равные возможности для реализации своих прав и свобод во всех сферах жизнедеятельности, в том числе равное право на получение всех необходимых социальных услуг для удовлетворения своих нужд в различных сферах жизнедеятельности» [О ратификации..., 2012].

С ратификацией Конвенции государство приняло юридическое обязательство выполнять основные положения данного международного договора. В связи с этим были внесены изменения в действующее законодательство Российской Федерации. С 1 января 2016 г. вступил в силу новый Федеральный закон [О внесении изменений..., 2014].

В целях реализации положений Конвенции разработана Государственная программа Российской Федерации «Доступная среда», действие которой, согласно постановлению Правительства Российский Федерации от 29.03.2019 № 363, продлено до 2025 г. Одними из основных направлений государственной программы РФ являются:

1) обеспечение физической и информационной доступности объектов и услуг в различных сферах (образование, здравоохранение, культура и других);

2) создание и совершенствование системы комплексной реабилитации и абилитации инвалидов, в том числе детей-инвалидов.

В развитие названных ранее направлений Министерством культуры Российской Федерации 30 декабря 2016 г. принят приказ № 3019 «Об утверждении модельной программы социокультурной реабилитации инвалидов, в том числе детей-инвалидов»; Министерством труда и социальной защиты 23 апреля 2018 г. принят приказ № 275 «Об утверждении примерных положений о многопрофильных реабилитационных центрах для инвалидов и детей-инвалидов, а также примерных перечней оборудования, необходимого для предоставления услуг по социальной и профессиональной реабилитации и абилитации инвалидов и детей инвалидов». Также были разработаны и введены в действие строительные нормы и правила, предписывающие необходимые условия для создания безбарьерной среды для различных категорий маломобильных граждан в зданиях, в городской среде, на транспорте.

В Свердловской области с целью конкретизации программы с учетом условий региона постановлением Правительства Свердлов-

ской области от 22 января 2014 г. № 23-ПП также утверждена комплексная программа «Доступная среда». Она включает перечень мероприятий по улучшению или созданию условий доступности объектов и услуг в основных сферах жизнедеятельности инвалидов в регионе, среди которых важное место занимает сфера культуры Свердловской области. Постановление содержит перечень объектов области, на которых проводятся такие мероприятия.

В рамках реализации КП «Доступная среда» приказами Министерства культуры Свердловской области утверждены перечни приоритетных объектов государственных учреждений в сфере культуры, на которых:

- реализуются мероприятия по созданию безбарьерной среды для различных категорий инвалидов;
- осуществляется апробация методических материалов, а затем реализация мероприятий по формированию системы комплексной реабилитации и абилитации инвалидов.

Для координации этой работы в Министерстве создана рабочая группа, ежегодно утверждаются план ее работы и перечень мероприятий по обеспечению доступности объектов и услуг в государственных учреждениях сферы культуры Свердловской области. Представители рабочей группы входят в состав межведомственной рабочей группы.

В рамках создания в Российской Федерации системы комплексной реабилитации и абилитации в 2017–2018 гг. Свердловская область и Пермский край приняли участие в реализации пилотного проекта по формированию условий для развития системы комплексной реабилитации и абилитации инвалидов.

Основными задачами пилотного проекта являлись:

- отработка единых подходов к формированию системы комплексной реабилитации и абилитации инвалидов, в том числе детей-инвалидов;
- отработка методов и способов межведомственного взаимодействия (на муниципальном, региональном и межрегиональном уровнях).

Начиная с 2017 г. учреждения культуры Свердловской области активно включились в пилотный проект в части развития социокультурной реабилитации инвалидов. Ими ведется активная работа по созданию условий для беспрепятственного доступа людей с ограниченными возможностями здоровья к информации и средствам коммуникации, интеграции инвалидов в активную творческую жизнь, по устранению барьеров для их творческого развития и самовыражения.

В настоящее время на федеральном уровне идет разработка концепции развития в Российской Федерации системы комплексной реабилитации и абилитации лиц с инвалидностью на период до 2025 г., предложения в проект которой были направлены в Министерство культуры Свердловской области.

Согласно статистическим данным (2020), около 7 % населения Свердловской области являются инвалидами, поэтому работа по созданию условий для их творческого развития и самовыражения стала одним из приоритетных направлений деятельности учреждений сферы культуры.

По состоянию на 1 января 2021 г., в структуре государственных и муниципальных учреждений культуры, расположенных на территории Свердловской области, доля музеев составила около 12 %. Среди них доля муниципальных музеев составила почти 87 % от общего числа музеев. Учреждения культуры, предоставляющие услуги по музейному обслуживанию, имеют 60,6 % муниципальных образований [Статистические данные...]. Таким образом, сеть музеев в Свердловской области достаточно обширна и доступ к услугам в музейной сфере имеют большинство жителей Свердловской области.

При этом около 74 % зданий, в которых располагаются музеи, являются объектами культурного наследия, то есть зданиями, для которых действует особый порядок проведения строительных работ. Кроме того, около 35 % зданий музеев нуждаются в капитальном ремонте. Конструктивные особенности таких зданий значительно ограничивают доступ в них инвалидов, передвигающихся на креслах-колясках, инвалидов по зрению и слуху. Для адаптации таких зданий к нуждам инвалидов требуется разработка проектов по реконструкции с соблюдением ограничений для объектов культурного наследия, что, в свою очередь связано со значительными временны*ы*ми и финансовыми затратами. Учитывая это, основными направлениями деятельности по обеспечению доступности услуг для инвалидов в музеях области становятся мероприятия по использованию технических средств (видеоувеличителей, тифлоплееров, информационных экранов, индукционного оборудования), созданию версий для слабовидящих на сайтах музеев, организации адаптированных выставок для лиц с нарушениями зрения, слуха, выездных выставок, проведение адаптированных мероприятий с использованием методов музейной педагогики для детей-инвалидов с различными нарушениями, в том числе ментальными, создание виртуальных выставок, создание мультимедиагидов с тифлокомментариями.

В Свердловской области применение современных технических средств позволило обеспечить доступность 27 % зданий музеев для

лиц с нарушениями зрения, 29 % зданий – для лиц с нарушениями слуха, 30 % зданий – для лиц с нарушениями опорно-двигательного аппарата. Проведение работ по адаптации зданий музеев и прилегающей территории позволило создать условия для индивидуальной мобильности инвалидов и возможность для самостоятельного их передвижения по зданию в 20 % государственных музеев. С июля 2016 г. в зданиях музеев проводится капитальный ремонт и реконструкция для обеспечения условий доступности для инвалидов. В 2020 г. эта деятельность проводилась в 12 % зданий государственных и муниципальных музеев области [Свод...].

Официальные сайты 78 % музеев Свердловской области оснащены версиями для слабовидящих. При этом музеями ведется работа по оцифровке предметов музейного фонда и в настоящее время около 20 % предметов музейного фонда доступны в сети Интернет [Там же].

Одним из важнейших направлений работы по устранению барьеров для лиц с инвалидностью в муниципальных и государственных музеях региона является обучение персонала музеев навыкам оказания помощи лицам с инвалидностью при посещении зданий музеев и получении услуг. Так, по итогам 2020 г., обучение по вопросам оказания помощи таким посетителям прошли около 30 % сотрудников музеев региона. Почти в каждом музее имеется обученный сотрудник, на которого возложена обязанность по оказанию помощи посетителю с особыми потребностями, владеющий способами преодоления барьеров для различных категорий посетителей с ограниченными возможностями здоровья в условиях данного музея.

Музеи Свердловской области осуществляют реализацию социокультурных мероприятий и проектов, адаптированных для различных категорий инвалидов разного возраста. На базе детских музейных центров и музейных классов проводится целенаправленная работа с детьми-инвалидами с расстройствами аутистического спектра, ментальными нарушениями, реализуются различные мероприятия, направленные на выявление творческих способностей у детей с ограниченными возможностями здоровья. Не остаются без внимания и взрослые. В музеях Свердловской области создаются музейные клубы по интересам, проводятся тематические выставки, встречи и вечера. Созданы и успешно реализуются социокультурные проекты, адаптированные для лиц с конкретными нарушениями.

Яркими примерами такой работы являются Невьянский государственный историко-архитектурный музей, Нижнесинячихинский музей-заповедник деревянного зодчества и народного искусства, Уральский государственный военно-исторический музей. Эти музеи принимали активное участие в реализации пилотного проекта, их

опыт используется при создании новых проектов другими музеями региона.

Подводя итоги, можно утверждать, что Свердловская область является активным участником реализации программы по формированию доступной среды в учреждениях культуры для людей с ограниченными возможностями здоровья. Проводятся инклюзивные мероприятия, осуществляется техническое оснащение музеев специальным оборудованием, сотрудники музеев проходят дополнительное обучение для работы с людьми, имеющими инвалидность. Есть примеры успешной реализации инклюзии в музеях малых городов региона. Вместе с тем существует ряд объективных причин, препятствующих созданию полной безбарьерной среды. Одна из важнейших – технические характеристики зданий, в которых расположены музеи.

О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам социальной защиты инвалидов в связи с ратификацией Конвенции о правах инвалидов» : федер. закон № 419-ФЗ от 1.12.2014 // Консультант Плюс. URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_171577/ (дата обращения: 16.11.2021).

Свод годовых сведений о деятельности музеев за 2020 год. Основные показатели работы отрасли // Автомат. информ. система сбора стат. отчетности (АИС) «Статистика» / Гл. инф.-выч. центр Мин-ва культ. РФ. URL: https://stat.mkrf.ru/indicators/ (дата обращения: 17.11.2021).

Статистические данные по видам учреждений культуры, искусства и образования за 2020 год. Основные показатели работы отрасли // Автомат. информ. система сбора стат. отчетности (АИС) «Статистика» / Гл. инф.-выч. центр Мин-ва культ. РФ. URL: https://stat.mkrf.ru/indicators/ (дата обращения: 17.11.2021).

О ратификации Конвенции о правах инвалидов : федер. закон № 46-ФЗ от 3.05.2012 // Электрон. фонд правов. и норм.-тех. документов. URL: https://docs.cntd.ru/document/902344657 (дата обращения: 16.11.2021).

УДК [069(1–21):304.44](470.41-25)

А. А. Сальникова, И. А. Мальцева
Казанский (Приволжский) федеральный университет

МУЗЕЙ СЧАСТЛИВОГО ДЕТСТВА КАК ЧАСТЬ КАЗАНСКОГО МЕМОРАТИВНОГО ЛАНДШАФТА

Статья посвящена рассмотрению активно проявляющегося в последнее время в России процесса «народной музеефикации» детства как одной из разновидностей современных коммеморативных практик.

© Сальникова А. А., Мальцева И. А., 2022

На примере казанского Музея счастливого детства, обретшего самостоятельность в 2015 г., но по существу существовавшего еще с 2011 г. как часть экспозиции одного из первых российских «народных» музеев – Музея социалистического быта, показана специфика такого рода меморативных пространств внутри мемориального ландшафта современного города. Рассмотрены пути и способы конструирования памяти о советском детстве посредством особой методики отбора, атрибуции и систематизации музейных экспонатов, применение которой приводит к образованию эклектичных собраний подлинных, весьма типичных для своего времени вещей, легко «читаемых» посетителями и на денотативном, и на коннотативном уровнях. Показана роль реальной интерактивности музея в достижении ощущения узнаваемости, близости, актуализирующего коммеморацию советских культурных смыслов. Особое внимание уделено отображению советской государственной детской политики и советского детского опыта и их трактовке через внешне случайный набор экспонатов, переосмыслению их значения как неотъемлемой составляющей современного городского меморативного ландшафта.

Ключевые слова: меморативный ландшафт, «народная музеефикация», советское детство, культурная память, коммеморативные практики, Казань, Музей счастливого детства.

Ałła A. Salnikowa, Irina A. Malcewa
Uniwersytet Federalny w Kazaniu (Wołga)

MUZEUM SZCZĘŚLIWEGO DZIECIŃSTWA JAKO CZĘŚĆ KAZAŃSKIEGO KRAJOBRAZU PAMIĘCI

Rozdział poświęcono analizie procesu „społecznej muzeifikacji" dzieciństwa, który w ostatnim czasie aktywnie przejawia się w Rosji jako jedna z odmian współczesnych praktyk upamiętniających. Na przykładzie kazańskiego Muzeum Szczęśliwego Dzieciństwa, które uzyskało samodzielność w 2015 roku, choć istniało od 2011 roku w formie ekspozycji jednego z pierwszych rosyjskich muzeów społecznych – Muzeum Życia Socjalistycznego. Zasady konstruowania pamięci o sowieckim dzieciństwie opierają się na specjalnej metodzie selekcji, opisu i systematyzacji eksponatów, co prowadzi do powstania eklektycznych zbiorów, bardzo typowych dla swoich czasów, łatwych do intencyjnego interpretowania. Pokazuje rolę interaktywności muzeum w osiąganiu poczucia rozpoznania, bliskości, aktualizowania pamięci w zakresie sowieckich znaczeń kulturowych. Szczególną uwagę zwrócono na odzwierciedlenie polityki państwa sowieckiego wobec dzieci oraz doświadczenia dzieci sowieckich i ich interpretację rzeczywistości poprzez pozornie przypadkowy zestaw eksponatów, które na nowo opowiadają przeszłość stanowiąc integralną części współczesnego miejskiego krajobrazu pamięci.

Słowa kluczowe: krajobraz pamięci, muzeum, dzieciństwo, ZSRR, Kazań, Muzeum Szczęśliwego Dzieciństwa

Среди многочисленных оценок, высказываний, цитат, посвященных проблеме культурной памяти – проблеме, ставшей на сегодняшний день не только чрезвычайно актуальной, но, не побоимся сказать, модной у исследователей, наше внимание привлекла одна емкая и глубокая фраза, высказанная почти полтора века назад Фридрихом Вильгельмом Ницше в его знаменитом философском романе «Так говорил Заратустра» (1883): «Человек будущего – это тот, у кого самая длинная память». Такая идеальная «длинная» память в данном случае – это не только хорошо сохранившаяся «большая» память обо всем историко-культурном наследии человечества, но в не меньшей степени и «малая» автобиографическая память, вплетающая воспоминания об индивидуальном прошлом в коллективную память поколения. Особое место в структуре этой памяти принадлежит воспоминаниям о детстве.

В исследовательской литературе не раз отмечалась значимость детских воспоминаний и для формирования индивидуального психологического облика взрослого[1], и для складывания коллективной идентичности, ведь «лишь через примат индивидуального опыта можно выстраивать то общее, что “коллективно” у одного человека с другим» [Безрогов, 2002, с. 531]. Между тем, детские воспоминания в силу специфики детской памяти, как известно, избирательны, пробельны и неполны, подчас мифологичны, и в воспоминаниях взрослых о детстве предстают уже переосмысленными с позиций «взрослого» опыта и примененных к ним впоследствии коммеморативных практик [см. подробнее: Сальникова, 2007, с. 68–70]. Эти коммеморативные практики многочисленны и разнообразны, как разнообразны и многочисленны причины, факторы и силы, их породившие. В нашем случае хотелось бы остановиться лишь на одном из относительно новых, но получающих все более широкое распространение способов реального воплощения памяти о детстве – на так называемых «народных» музеях детства, становящихся сегодня все более очевидной составляющей современного российского городского меморативного ландшафта.

В СССР под «народными» (общественными) музеями понимались «культурно-просветительные учреждения, создаваемые по инициативе и при непосредственном участии населения на общественных началах» [Рыбак, 2021, с. 27]. Сегодня к «народным» музеям исследователи относят негосударственные музеи, порожденные ностальгией по советскому прошлому, материализующие его образы в импровизированных, зачастую эклектичных экспозициях, хронологически сфокусированных на последних советских десятилетиях как «террито-

[1] Особый вклад в изучение этой проблемы внесла В. В. Нуркова и ее ученики. [Нуркова, Масолова, 2009; Нуркова, 2018].

рии воспоминаний» последнего советского поколения [Абрамов, 2013, 2018; Зубкова, 2019].

Тенденция к «народной музеефикации» детства стала отчетливо проявляться в России на протяжении последнего десятилетия. На сегодняшний день такие музеи имеются в целом ряде российских городов: в Севастополе (Музей советского детства, 2010), в Калининграде (Музей советского детства, 2018), в Сергиевом Посаде (Музей советского детства, 2018) и др. Атрибуты советской культуры детства достаточно широко представлены в соответствующих монотематических музеях, таких, например, как Музей советской игрушки (Пермь, 2016; пос. Токсово Ленинградской области, 2017), Музей-магазин «Советские сладости» (Владимир, 2015), а также в музеях советского быта в Москве, Санкт-Петербурге, Екатеринбурге, Новосибирске, Воронеже, Самаре, Сочи, Рязани, Вятских Полянах и др.

Особое место в ряду этих музеев занимает казанский Музей счастливого детства, официально открытый в марте 2015 г. По существу, музей этот появился гораздо раньше: большинство его экспонатов ранее входили в состав коллекции Музея социалистического быта, открытого в Казани в 2011 г. и по праву считающегося одним из первых и наиболее ярких проектов «народного музея» советской эпохи [Зубкова, 2019]. Основателем и бессменным директором обоих музеев стал Рустам Валиахметов, фотограф и дизайнер, который еще с середины 1990-х гг. начал собирать «уходящую натуру» – артефакты советского быта, которые сам он не раз называл «горой мусора» [Чеснокова, 2016], но которые хранили в себе воспоминания о советском детстве и юности коллекционера. Первоначально цель собирателя была сугубо утилитарной – ему нужен был какой-либо антураж для фото-дизайн студии, располагавшейся в подвале одного из казанских домов. Валиахметов счел «советский дизайн» самым подходящим: ведь «советскими» вещами, в том числе и вещами, символизировавшими мир советского детства, были в то время завалены все магазины, спросом они не пользовались и распродавали их по дешевке [История музея]. В студии Валиахметова постоянно проводились квартирники, она стала неформальной творческой площадкой для музыкантов и художников. Однако вполне вероятно, что дизайн-проект Валиахметова так и остался бы андеграундным, если бы однажды сюда не заглянул Андрей Макаревич, воскликнувший: «Да ведь это уже практически готовый музей!» [Там же]. Городские власти пошли навстречу коллекционеру, и в 2011 г. выделили под музей отдельное помещение в самом центре города площадью 200 кв. м. Это была бывшая коммунальная квартира в здании, построенном еще в 1849 г. (кстати, одна из авторов статьи хорошо помнит эту квартиру, где ей когда-то пришлось побы-

вать – с обшарпанными стенами, поверхностной электропроводкой, скрипучей деревянной лестницей). Показательным явился тот факт, что музей открылся в августе 2011 г. выставкой «Советская школа» [Там же], прошедшей с аншлагом и привлекшей к себе внимание многих казанцев и гостей города. И это было не случайно. Вещественные атрибуты советской школьной жизни действительно являются одним из самых легко прочитываемых знаковых маркеров советского социокультурного пространства. Именно они в значительной степени отвечали главной идее создателя музея, который он и музеем-то не считал. По его словам, «одно время у нас висела табличка “Мир позитивных эмоций”. <…> Главные наши экспонаты – не значки и посуда, а люди, которые приходят и испытывают ностальгические эмоции» [Чеснокова, 2016].

Довольно скоро музею в пространстве бывшей коммунальной квартиры стало тесно: ведь это был подлинно «народный» музей, пополнявший свои коллекции, в том числе и тематически объединенные в блок «советское детство», не только за счет дарений известных людей, посетивших музей (например, детской гитары Иосифа Кобзона или школьного портфеля и игрушечного автомата Сергея Шнурова), но в значительной степени за счет дарений обычных горожан. В связи с этим в 2015 г. «детская» коллекция музея была выделена из основной и размещена в здании неподалеку – на той же Университетской улице, в нескольких десятках метров от здания, где был ранее открыт Музей социалистического быта. Знаковым стало название нового музея – Музей счастливого детства: понятия «счастливого» и «советского» детства были, по замыслу создателей музея, видимо абсолютно синонимичны.

Каким же путем конструировалась и продолжает конструироваться память о советском детстве в пространстве этого музея? Основным используемым методом является метод погружения, ориентированный на посетителей, представляющих разные поколения, о чем свидетельствуют стихотворные тексты, размещенные уже на входной двери в его помещения:

«Если ты подросток и в руке планшетик,
Ты купи скорее в наш музей билетик.
На машине времени с нами прокатись,
В родительское детство так просто окунись.

Ты можешь быть дряхлым и даже седым,
При этом в душе быть всегда молодым.
В музей наш Счастливого детства шагай!
И «Детство счастливое» в душу вливай!»

Музей состоит из двух частей. На первом этаже размещены предметы, реконструирующие жизнь советской школы и советского школьника: деревянные парты с откидывающейся крышкой и углублениями для чернильницы и ручек, буквари и азбуки, учебники, тетради, пеналы, портфели, счеты и калькуляторы, карандаши и краски, кубки, вымпелы и настенные плакаты с советской символикой, почетные грамоты за отличную учебу и почтовые открытки с изображением советских школьников, пионерская атрибутика и многое другое. Второй этаж – «Лабиринт жизни» − реконструирует основные этапы жизни советского человека в 1970–1980-е гг. от рождения до института. В первом зале представлено множество игрушек и настольных игр для детей разных возрастов – от новорожденных до 10-летних. Далее следуют вещи, олицетворяющие советское повседневное и досуговое пространство подросткового и юношеского возраста. Так, например, отдельный зал посвящен игровым автоматам, телевизорам и компьютерам.

Все экспонаты можно подразделить на две не соотносимые по величине группы: это вещи в самом широком понимании этого слова (то есть вещи как присвоенные предметы, и потому сюда можно отнести и школьные учебники, и детские книги, и фотоальбомы с фотографиями детей), и сравнительно немногочисленные письменные тексты, являющиеся результатами детского творчества, как, например, школьная стенгазета 1951 г. Выставленные экспонаты хронологически не упорядочены, что вообще характерно для «народных» музеев». Подавляющее большинство их относится к 1970–1980-м гг., однако есть и более ранние экспонаты – как уже упомянутая стенгазета 1951 г. или почетные грамоты за отличную учебу и примерное поведение 1944 г. Но таковые единичны и случайны, что обусловлено особенностями комплектации музейного фонда путем дарений, и потому «счастливое детство» в интерпретации создателей музея – это, по существу, детство позднесоветское. Иногда встречаются предметы, относящиеся и к более позднему периоду – к 1990-м годам.

Другой отличительной особенностью «народных» музеев, как не раз уже отмечалось исследователями, является их несистематизированность. По словам Е. Ю. Зубковой, с точки зрения организации экспозиции они скорее напоминают «лавку древностей» [Зубкова, 2019]. Это утверждение можно применить и к казанскому Музею счастливого детства: экспонаты тематически систематизированы, но довольно слабо (в качестве примера можно указать на инсталляцию-уголок «Советская квартира», где представлены посуда и другие предметы советского домашнего обихода). Но это скорее исключение. Кроме

того, к советским праздникам и памятным датам на основной площадке музея разворачиваются временные тематические выставки (например, ко Дню космонавтики выставляются советские значки и елочные игрушки с космической символикой). Заметим также, что выставленные экспонаты не атрибутированы, что также обусловлено методикой их отбора: это легко читаемые вещи и на уровне денотации, «буквального» значения, характеризующего их функциональные, утилитарные и технологические свойства, и на уровне коннотации, социокультурной ассоциации. Это вещи простые, подлинные и типичные, что немаловажно для подтверждения комплекса ожиданий посетителей музея, возвращенных или приглашенных в вещно-предметный мир советского детства. Причем такая типичность и универсальность советского детства подтверждается отсутствием в экспозиции каких-либо атрибутов детства татарского, «национального». Представленные экспонаты отражают не столько образцы локальных, региональных или национальных «детских» практик, сколько единую советскую детскую повседневность, привычные и знакомые атрибуты советской детской жизни – единые, по крайней мере, применительно к городскому ребенку.

Важной отличительной чертой Музея счастливого детства в Казани является его интерактивность, причем носящая реальный, а не коммерческий, бутафорский характер. Объявление при входе в музей гласит: «Можно: фотографировать, мерить, трогать, играть, впадать в детство». У входа на второй этаж посетителей встречает обогреватель «Крым», у которого можно погреть замерзшие руки; можно потрубить в пионерский горн, сесть за старую парту, поиграть в настольный «Хоккей» или примерить обувь советского производства. Все это еще более усиливает ощущение узнаваемости, принадлежности, близости (*belonging*) [Bauman, 1989, p. 12], актуализирующее коммеморацию советских культурных смыслов.

Таким образом, на примере казанского Музея счастливого детства можно проследить очевидные процессы трансформации прежних советских «народных» музеев в современные «ностальгические» музеи, предлагающие новые дискурсивные практики в построении и наполнении самого музейного пространства и переосмысление сути, значения и трактовки музейного экспоната как неотъемлемой составляющей городского меморативного ландшафта. Вещи, как известно, представляют собой весьма достоверный, информативный и эмоционально насыщенный мемориальный материал, мощное средство коммеморации и актуализации памяти о советском прошлом. Не следует заблуждаться по поводу того, что «ностальгические» му-

зеи детства в силу стихийности их комплектования носят деидеологизированный характер. Советский властный дискурс в отношении государственной детской политики проявляется здесь явно и четко. Иначе и не могло быть, поскольку даже, казалось бы, случайно сложившаяся коллекция вещей и предметов, принадлежащих советскому детскому миру, несет в себе отражение советских властных практик. Вопрос в том, как хотели представить этот властный дискурс создатели музейной концепции. Ведь на деле отбор экспонатов отнюдь не случаен – в коллекции нет вещей, отражающих негативный советский детский опыт. Но ведь он был или его заслонила тенденция к реабилитации «советского»? Вероятно, в данном случае имеет место одна из известных в психологии «ловушек памяти», когда эффект затухания негативных воспоминаний используется для стимуляции позитивных эмоций [Walker, Skowronsky, 2009].

Дискуссионным представляется и использование знакового «советизма» «счастливое детство», порожденного политической конъюнктурой середины 1930-х гг. и впоследствии превратившегося в распространенную советскую мифологему[2], в названии музея. Ведь хорошо известно, что советское детство предшествующего и нескольких последующих десятилетий было безоблачным и счастливым далеко не всегда и не для всех. И именно применительно к этому периоду относится уже другое символическое понятие из постсоветского времени – «детство репрессированное». Не правильнее было бы в названии музея уйти от некой предписанной заданности и дать возможность самому посетителю определить степень «счастья» советского ребенка? Показательно, что некоторые молодые и юные посетители музея, ознакомившись с его экспонатами и оценивая их с позиций современного потребительского опыта, не только не позавидовали «счастливому» детству своих родителей, бабушек и дедушек, но даже посочувствовали им, вероятно, полагая, что в названии музея заложена известная доля иронии и даже сарказма, оставив об этом соответствующие записи в Книге отзывов музея («Все сломано! Уныло!» – и в чем же тут «счастье»?).

[2] Как известно, впервые это знаковое советское понятие появилось в 1935 г. в стихотворении «Песня советских школьников» известного советского поэта, дважды лауреата Сталинской премии Виктора Гусева, переложенном впоследствии на музыку Давида Салимана-Владимирова [Гусев, 1975, с. 141–142]. На протяжении 1936−1937 гг. оно прочно утвердилось в советском семантико-семиотическом пространстве («Спасибо товарищу Сталину за наше счастливое детство!»), фиксируя не только нормативный образец, но якобы уже и реально достигнутый тип взаимоотношений власти и подрастающего поколения, и регламентируя таким образом модели его мышления и поведения.

Совершенно очевидно, что определить реальное место Музея счастливого детства (как, впрочем, и любого другого места памяти) в меморативном пространстве города невозможно без изучения такого массового источника, как оценки и впечатления его посетителей. Такие оценки сохранились в письменной книге отзывов Музея, на его *Web*-сайте, на *Web*-страницах в социальных сетях. На настоящий момент эти отзывы нами выявлены и систематизированы. В дальнейшем мы предполагаем провести анализ степени их репрезентативности и информационной отдачи как особого источника городских *memory studies*.

Абрамов А. Музеефикация советского: историческая травма или ностальгия? // Человек. 2013. № 5. С. 99–111.

Абрамов А. Ностальгические аффекты и коммодификация советского: на примере Музея советских игровых автоматов // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2018. Т. 10. № 15. С. 41–54.

Безрогов В. Г. Автобиографии и социальный опыт // Социальная история : ежегодн. 2001/2002. М.: Рос. полит. энциклопедия (РОССПЭН), 2002. С. 529–550.

Гусев В. М. Слава. Стихи, песни, пьеса. М. : Советская Россия, 1975.

Зубкова Е. Советская жизнь как предмет исторической реконструкции // Рос. история. 2019. № 5. С. 3–14. URL: https://russian-history.ru/s086956870006372-0-1/ (дата обращения: 04.08.2021).

История музея. Интервью с Рустемом Валиахметовым // Музей социалистического быта, Казань. URL: http://muzeisb.ru/about-museum.html (дата обращения 21.06.2021).

Нуркова В. В. От хаоса повседневного опыта к истории жизни: социокультурное форматирование автобиографического сознания // Исследователь / Researcher. 2018. № 3–4. С. 10–24.

Нуркова В. В., Масолова Г. Ю. Характеристики воспоминаний о детстве и психологический облик взрослого // Психол.-пед. исследования. 2009. № 4. URL: http://psyedu.ru/journal/2009/4/Nurkova_Masolova.phtml (дата обращения: 09.06.2021).

Рыбак К. Е. Роль и место общественных музеев в музейной сети. М. : Ин-т наследия, 2021.

Сальникова А. А. Российское детство в XX веке: история, теория и практика исследования. Казань : Казан. гос. ун-т, 2007.

Чеснокова Л. Гид. Частные музеи Казани // Инде. Интернет-журнал о жизни в городах Республики Татарстан. 2016. URL: https://inde.io/article/785-gid-chastnye-muzei-kazani-chast-ii (дата обращения: 21.06.2021).

Bauman Z. Modernity and the Holocaust. Ithaca, N.Y. : Cornell Univ. Press, 1989.

Walker W. R., Skowronsky J. J. The Fading Affect Bias: But What the Hell is It For? // Applied Cognitive Psychology. 2009. Vol. 23. P. 1122–1136.

УДК 004.65+069

К. Д. Трясучкина
Уральский федеральный университет

ПРОБЛЕМЫ СОЗДАНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ БАЗЫ ДАННЫХ «МУЗЕИ МАЛЫХ ГОРОДОВ РОССИИ»[1]

Музеи небольших городов включены в национальный и даже мировой музейный контекст, и в то же время являются частью городской инфраструктуры (наряду с досуговыми, образовательными и иными учреждениями). В настоящий момент в состав Российской Федерации входит 793 малых города, численность населения которых не превышает 50 тыс. жителей. В базе данных, подготовленной в рамках реализации проекта «Музей малого города: множественность культур памяти», приведены сведения по 1 083 музеям, представленным в сети Интернет. В результате удалось сформировать представительный информационный ресурс, в котором имеется информация по основным видам музейных учреждений – краеведческим, мемориальным, историческим, литературным, художественным и т. д. База данных создана с целью систематизации информации о музейной сети малых городов и может быть использована для решения поисковых и исследовательских задач.

Ключевые слова: база данных, музеи, малые города, музейные учреждения, сайты музеев, информационный ресурс, школьные музеи, частные музеи, народные музеи, государственные музеи, поисковые системы.

Ksenia D. Triasuczkina
Uralski Uniwersytet Federalny im. pierwszego prezydenta Rosji B. N. Jelcyna, Jekaterynburg

PROBLEM TWORZENIA I PERSPEKTYWY KORZYSTANIA Z BAZY DANYCH „MUZEA MAŁYCH MIAST ROSJI”

Federacja Rosyjska obejmuje 793 małych miast, których populacja nie przekracza 50 tys. mieszkańców. Baza danych przygotowana w ramach projektu „Muzeum Małego Miasta: Wielorakie Kultury Pamięci” zawiera informacje o 1083 muzeach prezentowanych w Internecie. Baza została stworzona w celu usystematyzowania informacji o sieci muzeów małych miast i może być wykorzystywana do rozwiązywania problemów poszukiwawczobadawczych. Muzea małych miast wpisują się jednocześnie w narodowy,

[1] Тема поддержана грантом РНФ 21-18-00418 «Музей малого города: множественность культур памяти (историко-социологический анализ)».

© Трясучкина К. Д., 2022

a nawet ogólnoświatowy kontekst muzealny, a jednocześnie stanowią część infrastruktury miejskiej (wraz z instytucjami rekreacyjnymi, edukacyjnymi i innymi). Przy tworzeniu bazy danych wykorzystano informacje ze strony internetowej Miasta Rosji, na której znajduje się lista wszystkich małych miast w naszym kraju wg stanu na rok 2021. Drugim źródłem informacji jest portal Museums of Russia (http://www.museum.ru/), który zawiera uporządkowane informacje referencyjne o muzeach. Wykorzystano również informacje ze strony „Prywatne i ludowe muzea Rosji" (https://privatemuseums.ru/), która zawiera elektroniczny katalog funduszu muzealnego Stowarzyszenia Prywatnych i Popularnych Muzeów Rosji. Na wskazanych stronach prezentowana jest tylko część muzeów małych miast. Praktycznie nie ma informacji o muzeach szkolnych i korporacyjnych. Aby znaleźć brakujące informacje, wykorzystano wyszukiwarki *Yandex* i *Google*, co umożliwiło znalezienie witryn muzeów i ich oficjalnych stron w sieciach społecznościowych. Dzięki temu udało się stworzyć reprezentatywny zasób informacyjny, który zawiera informacje o głównych typach instytucji muzealnych – historii lokalnej, pamięci, historii, literaturze, sztuce itp. Struktura bazy obejmuje 29 pól: nazwa, miasto, region/województwo, data założenia, data otwarcia, informacje o fundatorze muzeum, informacje historyczne; status organizacji, rodzaj muzeum; lokalizacja i charakterystyka budynku; cel powstania, status początkowy; usługi podstawowe, edukacyjne i dodatkowe; liczba pracowników; średnia liczba odwiedzających rocznie; charakterystyka funduszy; dodatkowe jednostki; coroczne imprezy; tryb pracy; źródła finansowania (sponsorzy); lokalne atrakcje, miejsce.

Słowa kluczowe: baza danych, muzea, małe miasta, instytucje muzealne, strony muzealne, źródło informacji, muzea szkolne, muzea prywatne, muzea ludowe, muzea państwowe, wyszukiwarki.

Музеи малых городов включены как в национальный, так и в мировой контекст, при этом являясь частью городской инфраструктуры; они рассматриваются наравне с досуговыми, образовательными и иными учреждениями культуры. В настоящее время под понятием «музей» подразумевается не просто учреждение, которое занимается сбором материала, его изучением и хранением, а также экспонированием произведений искусства, научных коллекций, предметов, представляющих исторических интерес [Словарь..., 1999]. Теперь, это «…многофункциональный культурный центр, где вокруг коллекции, вокруг того или иного направления, в котором музей специализируется, создаются дополнительные, необходимые сегодня активности» [Современный музей…, 2017].

Не только содержимое музея и организация его деятельности претерпевает изменения, но и сами музейные здания: это уже не просто место, где располагаются предметы коллекций, теперь это настоящий объект экспозиции (если, конечно, здания музеев не являются памят-

никами историко-культурного наследия). К тому же музеи предлагают различные дополнительные услуги, которые ориентированы на то, чтобы данные учреждения становились местами проведения досуга (например, организация кино-вечеров, осуществление встреч с интересными людьми, открытие тематических кафе и т. д.) [Ласкина, 2013].

Идеи создания современных музеев реализуются не только в крупных городах и мегаполисах, которые принято считать культурными центрами страны, но и активно внедряются в малых городах. Например, на базе музеев организовывают свою деятельность культурно-просветительские центры, которые выступают в качестве площадок для диалога специалистов различных областей (это могут быть музейные кураторы, дизайнеры, художники, архитекторы, фотографы, ученые и т. д.) [Там же]. Также музеи активно включаются в деятельность туристических фирм: музейными сотрудниками разрабатываются и внедряются новые экскурсионные маршруты, охватывающие музеи, памятники культуры и другие достопримечательности города с целью привлечения дополнительных потоков туристов [Мастеница, 2020]. Не остается без внимания и деятельность в области образования: музеи реализуют культурно-образовательные программы, которые ориентированы на потребителей музейного контента всех возрастов.

Учитывая то, что информационные технологии стремительно развиваются, а цифровизация затрагивает все сферы жизни общества, музеи должны идти «в ногу со временем» и объединяться с другими сферами культуры, устанавливая цифровое сотрудничество с целью привлечения и вовлечения все большего числа пользователей [Трофимова, 2018].

Для того, чтобы решать различные поисковые и исследовательские задачи, создаются информационные ресурсы, которые накапливают и систематизируют информацию о музейной сети городов в Интернете. Например, Государственный каталог Музейного фонда Российской Федерации [Государственный каталог...], созданный Министерством культуры РФ, представляет собой «…федеральную государственную информационную систему государственного учета музейных предметов и музейных коллекций» [О музейном фонде...].

С помощью портала «Культура.РФ» [Культура.РФ] любой человек, имеющий доступ в Интернет, может получить интересующую его информацию, касающуюся кино, музыки, театра, литературы, архитектуры, образования и, конечно же, музеев.

Еще одним поисковым ресурсом является портал «Музеи России», миссией которого является «формирование среды, нацеленной

на развитие и кооперацию интернет-ресурсов культуры; способствование развитию культурного туризма и дистанционного образования, а также единение и стандартизация информационных источников сферы культуры» [Музеи России]. Данный портал включает в себя информацию не только о музеях, расположенных на территории Российской Федерации, но и во всем мире.

Для удобства поиска на сайте представлены различные разделы, с помощью которых можно найти все необходимые сведения: музеи сортируются по названиям, по месторасположению, по типу, по музейным коллекциям. Также посетители портала могут ознакомиться с подборкой «100 лучших музеев».

С помощью сайта «Города России» [Города России] было выяснено, что в настоящий момент в Российской Федерации имеется 793 малых города с численностью населения не более 50 тыс.жителей. И практически в каждом из этих городов имеется свой музей, а порой даже не один!

Как показала практика, ни один музейный портал, располагающийся в свободном доступе, не охватывает все музеи нашей страны. Исходя из того, что наш проект нацелен на изучение музеев малых городов, было принято решение о создании собственной информационной базы музеев, которая позволяла бы систематизировать и хранить информацию – основу для дальнейших аналитических исследований. Созданная в рамках проекта база данных является «живой», поскольку может постоянно обновляться и дополняться. К тому же она проста в использовании.

Заполнение необходимых сведений осуществлялось в программе *Microsoft Excel*.

Структура базы данных включает четыре информационных блока, которые включают в себя 29 полей:

- *информация об объекте*: название, город, область/край; статус организации, тип музея, классификация, расположение, характеристика здания;
- *история музея*: дата основания, дата открытия, сведения об основателе музея, характер основания, историческая справка, цель создания, начальный статус, сайт;
- *структура и деятельность*: основные, образовательные и дополнительные услуги; количество сотрудников; среднее число посетителей в год; характеристика фондов; дополнительные подразделения; ежегодные мероприятия; режим работы; источники финансирования (спонсоры);
- *меморативное пространство города*: местные достопримечательности.

При сборе информации были использованы материалы порталов «Музеи России», «Города России», «Частные и народные музеи России», «Культура.РФ».

Всего удалось найти и описать 1 083 музея. Создание базы данных заняло достаточно длительное время, и не только из-за того, на территории нашей необъятной страны имеется большое количество малых городов, в которых находятся музеи (например, только в девяти малых городах Ярославской области функционируют 65 музеев, которых нам удалось найти!). По ходу работы было выяснено, что на портале «Музеи России», представлен далеко не полный перечень музеев. Кроме того, информация сайта может устаревать и требуется ее проверка.

Для поиска недостающих материалов и проверки имеющихся данных применялись поисковые системы *Яндекс* и *Google*, позволившие найти сайты музеев и их официальные страницы в социальных сетях. Например, информацию о среднем количестве посетителей в год или количестве единиц хранения можно уточнить из отчета о выполнении муниципального задания, который должен находиться в общем доступе в разделе официальных документов. К сожалению, у подавляющего большинства музеев, на которых распространяется данная форма отчетности, документы с интересующими нас сведениями либо отсутствуют, либо являются неактуальными (например, доступен отчет за 2016 г.).

Если говорить о частных музеях, то их сайты зачастую не содержат необходимой информации, хотя имеют хороший визуальный ряд и включают актуальную информацию для посетителей и контакты. Может быть представлена история создания музея. Но отсутствуют сведения, необходимые для заполнения полей нашей базы данных. На помощь в этом случае приходит сайт «Частные и народные музеи России» (https://privatemuseums.ru/). Данный проект был направлен на объединение владельцев частных и народных музеев с целью расширения географии внутреннего и въездного туризма. К настоящему времени в каталоге представлена информация о более чем 500 музеях, расположенных на территории Российской Федерации, и еще более 700 музеев ожидают включения в каталог.

Нам удалось найти и описать значительную часть частных музеев малых городов. Всего в базе данных собрана информация по 81 частному музею.

Наибольшие трудности связаны с поиском школьных музеев. В каждом городе имеется не одно образовательное учреждение, на базе которого гипотетически может функционировать интересующий нас музей. Опираясь на данные Федерального центра детско-юноше-

ского туризма и краеведения [Федеральный центр...], удалось сделать выборку школьных музеев, которые соответствуют задачам нашего исследования. Но она охватывает не все области страны. Например, на указанном сайте не работает ссылка на Рязанскую область, в которой, по сведениям поисковых систем, функционируют два школьных музея.

Проблема школьных музеев осложняется тем, что на сайтах образовательных учреждений отсутствует информация о музее, но есть новости о событиях и проведенных на базе музея мероприятиях. Всего было найдено и описано 38 музеев, созданных при образовательных организациях (школах, колледжах, техникумах, вузах). Можно предположить, что в дальнейшем их число в базе данных вырастет.

Таким образом, для наполнения базы данных пришлось использовать несколько информационных ресурсов, представленных в сети Интернет. Кроме них, представляют интерес публикации статей в различных журналах и в социальных сетях, видео на *YouTube*-каналах, заметки на туристических порталах.

Анализируя найденные сведения и извлекая из них необходимые данные, нужно обращать внимание на дату и год публикации, так как зачастую информация не обновляется в течение длительного времени. С данной проблемой мы столкнулись, когда сравнивали информацию на сайте «Музеи России» с опубликованной на официальных сайтах музеев. Бывали случаи, когда данные разнились не только по количественным характеристикам, но не совпадали даты основания музеев и фамилии их создателей.

Важно обеспечить доступ к информации БД других пользователей, что обеспечит ее востребованность и дальнейшее развитие [Одинцов, 2017].

В целом, созданная БД «Музеи малых городов России» характеризуется следующими чертами:

- *во-первых*, для ее создания использовались все информационные источники, имеющиеся в открытом доступе, что позволило комбинировать и дополнять информацию, формируя единую целостную картину;
- *во-вторых*, собранные данные могут быть полезны не только с точки зрения поиска, но и для углубленного изучения ситуации в разных регионах страны, анализа тенденций и факторов развития музейной сети;
- *в-третьих*, с помощью базы данных можно создавать туристические маршруты и разрабатывать новые туры.

Например, существует Национальный туристический портал, целью которого является «создание единого информационного ресурса в сфере туризма, предоставляющего доступную и полную информацию о туристических возможностях России» [Национальный туристический портал]. Этот ресурс содержит сведения о музеях страны, обеспечивая возможность самостоятельного поиска. Но портал предлагает стандартные маршруты для туризма. БД, созданная в рамках реализации проекта «Музей малого города: множественность культур памяти», будет способствовать разработке оригинальных туристских продуктов и включению в туристские маршруты новых объектов, расположенных в малых городах, в конечном счете стимулируя их развитие и благоустройство. База данных может быть использована учеными, преподавателями и студентами, работающими или просто интересующимися данной тематикой.

Города России [сайт]. URL: http://xn----7sbiew6aadnema7p.xn--p1ai/ (дата обращения: 04.09.2021).

Государственный каталог Музейного фонда Российской Федерации [сайт]. URL: https://goskatalog.ru/portal/#/ (дата обращения: 04.09.2021).

Культура.РФ [сайт]. URL: https://www.culture.ru/ (дата обращения: 04.09.2021).

Ласкина И. И. Современный музей как фактор развития // БЮДЖЕТ.РУ. 2013. № 3. URL: https://bujet.ru/article/222913.php (дата обращения: 04.09.2021).

Мастеница Е. Н. Социокультурные практики музеев малых городов России как фактор регионального развития // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2020. № 2 (55). С. 72–78. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sotsiokulturnye-praktiki-muzeev-malyh-gorodov-rossii-kak-faktor-regionalnogo-razvitiya (дата обращения: 04.09.2021).

Музеи России [сайт]. URL: http://www.museum.ru/ (дата обращения: 04.09.2021).

Национальный туристический портал [сайт]. URL: https://russia.travel/ (дата обращения: 04.09.2021).

О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации : федер. закон № 54-ФЗ от 26.05.1996 (ред. от 11.06.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу 01.07.2021). Ст. 10. Государственный каталог Музейного фонда Российской Федерации // Консультант Плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10496/92c02120a3f61c130766e4496790c2101297fc5c/ (дата обращения: 04.09.2021).

Одинцов А. В. Открытость баз данных как условие формирования «Больших данных» в социологии // Концепт. 2017. № 12. Науч.-метод. электрон. журн. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/otkrytost-baz-dannyh-kak-uslovie-formirovaniya-bolshih-dannyh-v-sotsiologii (дата обращения: 12.10.2021).

Словарь русского языка: в 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М. : Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. URL: http://feb-web.ru/ (дата обращения: 12.10.2021).

Современный музей – это многофункциональный культурный центр // Lenta.ru. Культпросвет. 2017. 8 дек. URL: https://lenta.ru/articles/2017/12/08/museums/ (дата обращения: 04.09.2021).

Трофимова Е. И. Формирование единого цифрового информационного пространства как актуальная научно-практическая задача: опыт Национальной цифровой платформы США // Культура: теория и практика. 2018. № 6 (27). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-edinogo-tsifrovogo-informatsionnogo-prostranstva-kak-aktualnaya-nauchno-prakticheskaya-zadacha-opyt-natsionalnoy (дата обращения: 04.09.2021).

Федеральный центр детско-юношеского туризма и краеведения [сайт]. URL: https://fcdtk.ru/ (дата обращения: 04.09.2021).

УДК 069(470.53)

С. А. Шевырин
Мемориальный музей-заповедник истории политических репрессий «Пермь-36», Пермь

СОХРАНЕНИЕ ПАМЯТИ О СЛОЖНЫХ ВОПРОСАХ ИСТОРИИ МУЗЕЕМ-ЗАПОВЕДНИКОМ «ПЕРМЬ-36»

Музей-заповедник «Пермь-36» хранит память о миллионах репрессированных по политическим мотивам. Эта память сохраняется не только в строениях бывшей политической колонии, но и в выставках и экспозициях. Выставки и экспозиции строятся на принципах достоверности, показа событий прошлого через судьбы людей, с привлечением фактов местной истории. Эти принципы делают выставки музея привлекательными для посетителей.

Ключевые слова: ГУЛАГ, репрессии, Пермь-36, выставка, реабилитация, лагерь, заключенный.

Siergiej A. Szewirin
Muzeum Pamięci-Rezerwat Historii Represji Politycznych „Perm-36”, Perm

UPAMIĘTNIANIE TRUDNYCH ZAGADNIEŃ HISTORYCZNYCH PRZEZ MUZEUM – REZERWAT HISTORII „PERM-36”

Muzeum – Obóz Pracy „Perm-36” powstał na terenie byłej kolonii pracy poprawczej dla więźniów politycznych. Wszystkie ekspozycje i wystawy muzeum opowiadają o trudnych momentach historii ZSRR, o których wielu chce zapomnieć. Zadaniem muzeum jest zachowanie pamięci o ofiarach represji politycznych. Historia opowiadana jest tu za pomocą materiałów archiwalnych, poprzez losy konkretnych osób. Prezentacja źródeł historycznych pozwala zagłębić się w epokę poprzez losy konkretnych osób.

© Шевырин С. А., 2022

Słowa kluczowe: GUŁAG, represje, Perm-36, wystawa, rehabilitacja, obóz, więzienie.

Музей-заповедник «Пермь-36» создан на месте бывшей исправительно-трудовой колонии для политических заключенных. Эта колония возникла еще в сталинские времена, в 1946 г. Около тысячи заключенных должны были заготовлять и сплавлять лес. В 1972 г. колония приняла первых политических заключенных. Из мордовских лагерей в Пермскую область были переведены наиболее опасные, по мнению властей, политические заключенные. Именно в это время колония получила название ВС 389/36, или Пермь-36. Рядом находились еще две подобные колонии – Пермь-35 и 37. Среди узников пермских политлагерей были авторы и распространители антикоммунистической литературы, участники правозащитных групп, религиозных, национальных и других организаций – Владимир Буковский, Сергей Ковалев, Анатолий Марченко, Юрий Орлов, Василий Стус, Натан Щаранский, Глеб Якунин и другие. В 1980 г. при ИТК ВС 389/36 был создан участок особого режима для «особо опасных государственных преступников». Из трех политлагерей, существовавших на то время на территории Пермской области, этот участок был самым жестким – заключенные содержались только в камерах за двойными металлическими дверями. Лагерь Пермь-36 был закрыт в 1988 г.

Благодаря усилиям общественности на месте заброшенной колонии ВС 389/36 был создан музей. На территории лагеря сохранились уникальные постройки сталинского времени – барак, баня, постройки времен политической зоны – барак особого режима с тесными камерами, маленькими прогулочными двориками, ШИЗО. Таким образом, имеющиеся артефакты могут наглядно рассказать и о ГУЛАГе, и о послесталинских политических репрессиях. Экспозиции и выставки музея истории политических репрессий «Пермь-36», дополняя главные экспонаты музея – здания и постройки бывшей политической колонии, раскрывают историю репрессий, ГУЛАГа, пермских лагерей и колоний советского времени.

Все экспозиции и выставки музея говорят о сложных, негативных моментах нашей истории, о которых многие просто хотят забыть или сделать вид, что этого никогда не было. Задача музея – сохранить память о репрессиях, ГУЛАГе, миллионах заключенных, многие из которых находились в исправительно-трудовых лагерях по сфабрикованным, вымышленным «делам».

Мемориальный музей истории политических репрессий раскрывает проблемные, сложные вопросы истории с помощью документально подтвержденных данных. В частности, в своей экспозиционно-вы-

ставочной деятельности музей тесно сотрудничает с архивами. Так, архивно-следственные дела ЧК, ОГПУ, НКВД и МВД, хранящиеся в Пермском государственном архиве социально-политической истории, позволяют наполнить живым содержанием экспозиции, выставки и аудиовизуальные программы музея.

В фондах ПермГАСПИ хранятся тысячи документов, раскрывающих трагические судьбы наших земляков. Содержание эпохи наиболее доходчиво раскрывается через судьбы простых людей, часто живших совсем недалеко, для многих – на соседней улице. Такая подача исторического материала позволяет максимально углубиться в изучаемую эпоху, проникнуться сопереживанием по отношению к конкретному человеку, почувствовать, прикоснуться к тому времени через подлинные документы, фотографии и судьбы.

Одним из первых опытов сотрудничества музея и архива стала передвижная выставка «Прикамье. Репрессии. 30–50-е годы», созданная в январе 2000 г. Архивные документы и фотографии рассказывали о судьбах репрессированных пермяков, о пермских «островах ГУЛАГа». Выставка была построена в хронологическом порядке и отображала основные вехи истории репрессий на материалах Пермского края. За семь лет активной работы выставка экспонировалась в сотнях школ Пермского края, объехав большинство его районов. Только за первые три года выставку увидели 25 тыс. человек.

Школьники г. Добрянка в 2001 г. написали в журнале отзывов:

> «Нам кажется, что все репрессии от нас далеко. Но, смотря на эти фотографии и фильм, осознаешь, что это совсем близко нас касается. Все это очень страшно. Все должны знать это и видеть, чтобы не повторять ошибок прошлого».

Для того чтобы сделать материалы выставки еще ближе посетителям, на одном из стендов были представлены материалы из архивно-следственных дел на людей из конкретного населенного пункта, в котором экспонировалась выставка. Часто это были соседи и родственники посетителей. Узнав своих родных, посетители часто рассказывали их дальнейшую судьбу, показывали уникальные фотографии. На основе такого общения, сотрудничества рождались новые экспозиционно-выставочные проекты. Так, в татарском селе Кояново на выставку пришли старожилы, которые рассказали о репрессиях 1930-х гг. в селе. Показали памятник репрессированным жителям села у мечети. Впоследствии, благодаря помощи сотрудников ПермГАСПИ, были найдены и другие архивно-следственные дела кояновцев. Особенно поразило дело председателя колхоза «Передовик» Галимзяна Максудова. В 1937 г. Максудов был обвинен в создании антисоветской

террористической организации, ставившей свой целью вооруженное свержение советской власти. 15 ноября 1937 г. тройка приговорила Максудова и еще шесть жителей села Кояново к десяти годам ИТЛ. Из писем Максудова можно узнать, как велись следственные действия:

> «...Допрос был организован таким образом: раздели до белья и в холодной комнате посадили на чугунный стул, продержали на нем – 1,5 суток, затем 3 суток держали стоя, отчего ноги опухли и стали как бревна, ... нелепость его (обвинения. – *С. Ш.*) для меня была совершенно очевидна, и я категорически отказался признать себя виновным, несмотря на меры принуждения, о которых я упомянул выше». «…один раз допрашивали без всякого перерыва в течение 3 суток без сна и пищи. Допрашивали меня несколько следователей. ... на каждом допросе подвергали жестоким избиениям, в результате которых я неоднократно лишался сознания. Избивали меня кулаками, рукоятками наганов. Таких издевательств я перенести не мог, и чтобы прекратить свои страдания подписал протоколы» [ПермГАСПИ, ф. 641/1, оп.1, д. 6857, т. 1, л. 124–125, 216 об.].

На основании этих архивно-следственных дел и помощи жителей села в 2004 г. совместно с московской студией «Диасфера» под руководством художника-дизайнера и режиссера Юрия Васильевича Решетникова был создан слайд-фильм «Судьбы жителей села Кояново». Этот фильм демонстрировался в стилизованном кинозале в помещении старого штаба.

Совместная работа с студией «Диасфера» продолжилась созданием слайд-фильмов «Социально опасные дети» и «Судьба священника» (о священнике Култаевской церкви Козьмине, расстрелянном в 1937 г.). Для их создания были изучены десятки архивно-следственных дел. Так, в основу фильма «Социально опасные дети» легли архивно-следственные дела заключенных – воспитанников детской колонии в Кунгуре. В тюремных анкетах заключенных кунгурской трудовой колонии у многих было написано «родители репрессированы за контрреволюционную деятельность органами НКВД» [ПермГАСПИ, ф. 643/2, оп. 1, д. 26867, л. 78]. Это так называемые «социально опасные дети осужденных», которые «в зависимости от их возраста, степени опасности и возможности исправления» подлежали заключению в лагеря или исправительно-трудовые колонии НКВД. За такими детьми велось особое наблюдение и за малейшие провинности могло быть заведено уголовное дело. Так, в 1938 г. нескольких воспитанников обвинили в «террористических намерениях». Они «..:ночью собирались, вели разговоры о тайге, о прочитанных книгах, о возможности построения гиперболоида системы инженера Гарина, … при помощи которого можно бы было уничтожить работников НКВД» [ПермГАСПИ, ф. 641/1, Оп. 1, д. 4772, л. 8 об].

Школьники всегда с особым вниманием смотрели этот слайд-фильм, рассказывающий о судьбе их сверстников в сталинскую эпоху.

Летом 2003 г. была открыта крупная экспозиция «ГУЛАГ, история, труд и быт». Эта экспозиция разместилась в одном из залов бывшего барака для заключенных, построенного еще в сталинское время. Экспозиция раскрывает историю исправительно-трудовых лагерей Советского Союза – от первых концлагерей 1918 г., в том числе пермских, Соловецкого лагеря особого назначения к огромной, охватывающей многие отрасли народного хозяйства системе трудовых лагерей. Среди уникальных экспонатов, представленных в экспозиции – чудом сохранившихся деревянных нар, одежды и обуви заключенного, всегда обращают на себя внимание стенды с документами из рассекреченных дел НКВД. Эти следственные дела рассказывают посетителю, за что мог человек в то время попасть на долгие годы в невероятно тяжелые лагерные условия жизни и труда. Морской офицер Д. Ф. Котельников воевал во время первой мировой войны (в деле сохранилась фотография Котельникова в кителе со множеством орденов и медалей), ученый-гидрограф, изобретатель. Обвинен в том, что служил в белогвардейской армии Колчака, был личным другом Колчака (по совместной службе до революции на флоте). Котельников в колчаковской армии занимал должность Директора маяков и лоций, должность не столько военную, сколько научную. В деле имеются доносы, где сослуживцы пишут, что он не любил Советскую власть и при упоминании этой власти говорил: «Извините за выражение, Советская власть». И даже однажды пришел с царскими орденами, надетыми на красноармейскую морскую форму. В 1930 г. арестован и осужден на 10 лет за антисоветскую пропаганду и агитацию. Отправлен на Беломоро-Балтийский канал [ПермГАСПИ, ф. 641, оп. 1, д. 33076].

Материалы, содержащиеся в архивно-следственных делах, также раскрывают картину быта, взаимоотношений администрации и заключенных в лагерях и колониях, располагавшихся на территории современного Пермского края. Среди материалов, хранящихся в ПермГАСПИ, имеется более 1 500 дел заключенных лагерей и колоний.

Так, прибывшие в 1930 г. в Вишерский лагерь заключенные отказались работать, мотивируя это тем, что «…они осуждены к отбытию наказания в исправдоме не работать, а сидеть, а потому работать категорически отказываются». Некоторые заявляли, что «работать на власть антихриста они не будут» [ПермГАСПИ, ф. 642/1, оп.1, д. 12820, л. 4 – 5 об.]. Также в деле имеются фото заключенных этого лагеря, и даже материалы допроса в качестве свидетеля Варлама Шаламова.

Среди осужденных – Радчук Моисей Дмитриевич, 1897 г. р., закончивший учительские курсы, народный учитель. Осужден по ст. 58-10 на три года. Есть материалы на Фарфаровского Владимира Дмитриевича, закончившего духовную академию. До революции он работал священником, после – учителем в школе 2-й ступени, с 1922 г. – сельский священник; осужден за антисоветскую агитацию по ст. 58-10 на пять лет.

Осенью 1941 г. в г. Молотов судили 24 женщин, заключенных ОЛП № 1, по обвинению в саботаже. Они систематически не выходили на работу. На суде все они заявили, что им нечего было надеть – «постирано и не высохло», «у меня нет одежды в чем бы я могла работать. Я имею юбку и кофту на себе и больше у меня ничего нет». Всем был добавлен срок.

В другом подобном деле 1943 г. приведен арматурный список вещевого довольствия женщины-заключенной (табл. 1):

Таблица 1

Список вещевого довольствия женщины-заключенной

Наименование	Штук	Срок службы, лет
Шапка	1	1
Телогрейка	1	1
Брюки ватные	1	2
Брюки летние	1	2
Рубаха нательная	1	2
Трусы	1	2
Юбка	1	2
Платье	1	2
Кофта	1	2

[ПермГАСПИ, ф. 643/2, оп.1, д. 86097, л. 17].

Осенью 2016 г. в Мемориальном комплексе политических репрессий была открыта выставка «Долгое возвращение», посвященная реабилитации, тому непростому пути, который прошли жертвы репрессий к своему оправданию – от признания, что власть может ошибаться, до понимания преступных действий организаторов репрессий и масштабных реабилитационных мероприятий. В работе над выставкой использовалась уникальная база данных на репрессированных жителей Пермского края, которая наглядно показывает

динамику арестов и освобождений. Пик арестов пришелся на 1937 г. (8 тыс. чел.). В конце 1938 г. аресты пошли на убыль и начались освобождения. Власть признала, что эти люди были арестованы и репрессированы без состава преступления. Но это еще не было реабилитацией. Освобожденные давали подписку о неразглашении и часто молчали о своем аресте и методах ведения упрощенного следствия всю жизнь. Особой экспозиционной выразительностью обладают письма родственников репрессированных с просьбой сообщить о судьбе своих родных. Так, например, Атемьева Пелагея Ефимовна в 1958 г. все еще ждала своих расстрелянных в 1937 г. сыновей:

> «В 1937 году два моих сына по неизвестной мне причине в августе месяце были арестованы и осуждены на 10 лет без права переписки со своей семьей. … Я, как мать, прожившая 80 лет, прошу разыскать сыновей. Из всей семьи осталась одна я и дочь 60 лет. Теперь не имею никакой материальной поддержки, никто не оказывает помощи» [ПермГАСПИ, ф. 641/1, оп.1, д. 14313, л. 3 – 3 об.].

В мае 2017 г. в Мемориальном комплексе политических репрессий была открыта выставка «Вещдок». Вещественные доказательства – молитвенник, портрет императора, записки или письма с критикой советской власти, книги и брошюры, где упоминались недавние лидеры государства – Троцкий, Зиновьев, Каменев и др. Несколько архивно-следственных дел связаны с портретами действовавших деятелей большевистской партии и Советского государства. Некоторые портреты разорваны, другие – исчерканы, проткнуты. Все это – «вещдоки».

Вот портрет Сталина в журнале «Огонек», изорванный Южаковой Ларисой Петровной из-за того, что, по ее словам, «Все дорого купить, одеть нечего – вот ведь до чего довел наш правитель…». За это действие Линейный суд Пермской железной дороги приговорил Л. П. Южакову к 10 годам заключения. Достаточно частым основанием для ареста становились критические высказывания граждан в адрес государства, власти, правительства. Эти высказывания могли быть в виде песен и частушек, анекдотов, листовок.

«Мы колхозники, трудимся и работаем,
А хлеба нет, кормиться нечем.
Нет виновников,
Если колхозник не обеспечен.
Неужели голод скосит?
Председатель хлеб не просит.
Он не пишет никуда,
Его семья, видно, сыта…».

За эти стихи Никита Васильевич Леканов в сентябре 1937 г. был приговорен тройкой при УНКВД Свердловской области к расстрелу. В вину ему ставилась «махровая контрреволюционная пропаганда» [ПермГАСПИ, ф. 641/1, оп. 1, д. 17012].

Василий Иванович Лаищев в 1945 г. написал «Воззвание партии “Народной воли”», в котором критиковал внутреннюю политику советского государства. За это был осужден по ст. 58, ч. 10 к десяти годам лишения свободы. Уже из тюрьмы он передал на волю вышитый платок, который также стал «вещдоком» [ПермГАСПИ, ф. 641/1, оп. 1, д. 17012].

Все дела, основанные на подобных уликах и «вещдоках» после XX съезда партии, осудившего массовые репрессии, были пересмотрены и получили завершение в виде реабилитирующего постановления с пометкой «за отсутствием состава преступления».

Еще один аспект раскрытия эпохи репрессий и террора через судьбы людей заключается в том, что в рассказ вносятся позитивные смыслы для восприятия отечественной истории: ведь многие наши соотечественники, несмотря на страшные испытания, сумели сохранить человеческое достоинство, мужество, честь. Школьница из села Верхнее-Калино, посмотрев выставку и слайд-фильм, написала:

> «Я горжусь теми людьми, которые вынесли годы мучений и страданий, которые не сломались. Это трогает до слез. Вы храните нашу историю» [Книга отзывов...].

Благодаря многолетнему продуктивному сотрудничеству Мемориального комплекса политических репрессий и Пермского государственного архива социально-политической истории создаются очень интересные, документально подтвержденные и в то же время эмоционально наполненные выставки и экспозиции, слайд- и видеофильмы. Эти выставки и экспозиции, повествуя о самых острых проблемах XX в., не позволяют забыть ошибки прошлого и способствуют формированию нового гражданского общества, для которого важны демократические идеалы.

Книга отзывов мемориального музея «Пермь-36». Рукопись.

Пермский государственный архив социально-политической истории (ПермГАСПИ). Ф. 641. Архивные уголовные дела на лиц, снятых с оперативного учета в ИЦ УВД Пермского облисполкома.

УДК 069:004.9+711.435

О. Н. Шихова
Уральский государственный педагогический университет
Уральский федеральный университет
Екатеринбург

РОЛЬ ВИРТУАЛЬНОГО МУЗЕЯ В ПЕРЕОСМЫСЛЕНИИ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ МАЛОГО ГОРОДА[1]

Цифровизация культуры обусловила появление виртуальных вариаций «мест памяти». Музеи малых городов включаются в данные процессы, при этом небольшие поселения в большей мере проявляют аутентичность историко-культурного ландшафта в силу меньшей изменчивости топонимического пространства. Виртуализация музейного пространства повлияла на восприятие коммеморативный среды в развлекательном, игровом виде и на данный момент этот вопрос нуждается в прикладном изучении. Ментальный опыт современных посетителей в условиях коммуникативно-медийной культуры соотносится с пространственными характеристиками, такими как место, дистанция, характер взаимодействия с историческими предметами и экскурсоводами. С одной стороны, виртуальный музей лишается не только физического пространства – исторического места, но и сложившихся основ взаимодействия между посетителем и экскурсоводом. С другой стороны, изменяется логика приобщения посетителей к культурной и коллективной памяти, где индивид рассматривается как носитель культурных ценностей, а не пассивный объект, территория в онлайн-формате наделяется адресно-ориентированными смыслами, сконструированными на основе историко-культурной памяти малого города.

Ключевые слова: виртуальный музей, виртуальное музейное пространство, аутентичность экспонатов, малый город, историко-культурная память, коллективная память, места памяти, культурное наследие, «оцифровка» памяти, пространственный «поворот» в культуре.

Olga N. Szichowa
Uralski Państwowy Uniwersytet Pedagogiczny
Uralski Uniwersytet Federalny
im. pierwszego prezydenta Rosji B. N. Jelcyna
Jekaterynburg

ROLA WIRTUALNEGO MUZEUM W KSZTAŁTOWANIU KRAJOBRAZU PAMIĘCI MAŁEGO MIASTECZKA

Praca jest socjologicznym spojrzeniem na zjawisko wirtualizacji muzeów. Autorka porusza kwestię autentyczności nowoczesnego muzeum

[1] Тема поддержана грантом РНФ 21-18-00418 «Музей малого города: множественность культур памяти (историко-социологический анализ)».

© Шихова О. Н., 2022

w przestrzeni internetowej. Przedstawia wyniki badania wstępnego, w ramach którego wyznaczono sobie następujące cele: poznanie sposobu postrzegania wirtualnych wycieczek przez przedstawicieli różnych grup społecznych, badanie zjawisk zachodzących na linii „zwiedzający – eksponat", rozpoznanie oddziaływania komunikacji elektronicznej w wirtualnej przestrzeni muzeum i analizowanie jej wpływu na praktyki budowania pamięci.

Słowa kluczowe: wirtualne muzeum, wirtualna przestrzeń muzealna, autentyczność eksponatów, małe miasto, pamięć historyczna i kulturowa, pamięć zbiorowa, miejsca pamięci, dziedzictwo kulturowe, „digitalizacja" pamięci, przestrzenny „zwrot" w kulturze.

Малая родина, родной край, родная земля – это типичные образы-описания, рождающиеся в сознании представителей небольших территорий, население которых не превышает 50 тыс. человек. Малые города – это уникальные культурные пространства, где единство природы, общности и истории создают неповторимый меморативный ландшафт, и вместе с этим «из столиц и крупнейших российских городов их малые братья выглядят как обломки затонувшей цивилизации, занесенные песком времени, деградировавшие, но хранящие удивительное наследие прошлого» [Вендина, 2014]. Разрушение социальной, производственной, транспортной инфраструктуры и низкий уровень жизни населения являются типичными проблемами малых поселений [Малые города…, 2019, с. 157]. На этом фоне происходит устойчивое снижение числа культурно-досуговых учреждений. Так, за последние 25 лет зафиксировано сокращение числа подобного типа учреждений более чем на 40 % [Статистика культуры…, 2016, с. 122].

Одним из хранителей культур памяти малого города является музей. Он аккумулирует в своем пространстве историю местности, воспроизводит практики приобщения подрастающего поколения к культурному наследию и будоражит воспоминания о прошлом у старших поколений. Поэтому родные места рождают в сознании человека ощущение ментальной связи с предыдущими поколениями, чувство принадлежности к общности, гордости за социальный и культурный капитал территории. Казалось бы, в условиях экономической нестабильности, инфраструктурного разрушения и неопределенного будущего, характерного для малого поселения музею становится еще сложнее, ведь подчас функции директора, экскурсовода, хранителя фондов совмещает один работник. Однако в современных реалиях музей пытается по-новому осознать ценностно-смысловую нагрузку места в географическом пространстве посредством активного освоения виртуального пространства. Политика по сохранению памяти, техни-

ческие ресурсы сети Интернет и потребность музейных работников в развитии практик краеведческого просвещения обусловили процесс виртуализации культурной и социальной памяти. Возможность размещения информации о своей деятельности, установления коммуникаций с представителями разных возрастных групп, создания виртуальных экскурсий в Интернете позволили музеям переосмыслить историко-культурный капитал своей территории. Благодаря выходу музея в публичное пространство культурная память стала ближе и доступнее посетителю из любого уголка страны и даже мира.

Человеческой натуре свойственна привязанность к родным местам и интерес к незнакомым территориям, где сохраняются сакральность, духовность, первозданность. Малые города в большей мере обладают аутентичностью историко-культурного ландшафта в силу меньшей изменчивости топонимического пространства. Устойчивая, доверительная и тесная социальная связь между жителями влияет на воспроизводство коммеморативных практик, рожденных локально, территориально и исторически. В тоже время, по мнению О. Вендиной, траектории развития малых городов зависят от сложившихся в местных сообществах отношений между обществом и властью, от того, были ли забыты достижения предыдущих поколений или они стали ресурсом развития территории [Вендина, 2014]. Места памяти, пишет П. Нора, принадлежат двум царствам, что придает им и интерес, и сложность одновременно: они простые и двусмысленные, естественные и искусственные, немедленно открывающиеся самому непосредственному чувственному опыту и в то же время пригодные для самого абстрактного анализа [Нора, 1999, с. 40]. Следовательно, каждый малый город выступает как самостоятельный кейс культур памяти, а виртуализация музейного пространства может стать своеобразным показателем степени консолидации сообщества. Социокультурные процессы, происходящие за последнее десятилетие в области дигитализации музейного дела, привлекают внимание к изучению пространственных характеристик места (дистанции, близости) и времени. Кроме этого, интерес вызывают конструкты «коллективной памяти», «историко-культурной памяти» в условиях пространственных изменений музея. В данном аспекте «пространственный поворот» в социально-гуманитарном знании позволяет расширить представления о феномене виртуализации музейного пространства с точки зрения понимания места памяти как социального конструкта.

Как указывает И. Ксенофонтова, «…в России процесс «оцифровки» памяти идет уже давно, и появление всякого рода виртуальных мемориалов в сети Интернет уже не редкость, но создание и функционирование таких форм памяти пока еще находятся в категории

потенциальных тем для исследования» [Ксенофонтова, 2011]. В рамках политики по сохранению памяти развивается сеть интернет-ресурсов, позволяющих познакомиться с культурным наследием страны. В коллекции портала «Культура РФ» (https://www.culture.ru/s/virtualnye-progulki) представлены виртуальные прогулки и трехмерные панорамы музеев, художественных галерей и архитектурных ансамблей страны. Кроме того, ознакомиться с различными экспонатами позволяет цифровой Государственный каталог Музейного фонда Российской Федерации (https://goskatalog.ru/portal/#). Также любой посетитель может получить новый опыт и впечатления от посещения музея и побывать на индивидуальной экскурсии благодаря приложению «Artefact» – гиду по музеям России с технологией дополненной реальности [Артефакт...]. На сайте Министерства культуры Свердловской области можно найти виртуальные проекты музеев, 4 % из которых – экскурсии из малых городов [Виртуальные проекты]. К коммеморативным практикам в виртуальном пространстве можно отнести проект Тамбовской области «От малой родине к большой России» [От малой родины…], где усилиями жителей городов, музейных работников, школьников собран медиа материал о родном крае. С 2018 г. на базе Новгородского государственного университета реализуется платформа «Виртуальная реальность культурно-исторических центров малых городов России» [Виртуальная реальность…] на примере водонапорной башни города Старая Русса. Для самих музеев малых городов востребованными ресурсами являются социальные сети, веб-сайт, где реализуется возможность установления диалога с посетителями по поводу предлагаемых культурных практик.

Таким образом, благодаря музею как узлу культур памяти территория в информационном пространстве становится привлекательной для разных посетителей. В 2016 г. для оценки деятельности учреждений культуры официально был запущен рейтинг информационной активности культурной жизни регионов на платформе «PRO. Культура. РФ» [Итоги рейтинга...]. Показатели данной оценки свидетельствуют о расширении просветительской деятельности музеев, коммуникативной открытости в Интернет-пространстве. По данным исследования ВЦИОМ от 18 мая 2020 г. «О практиках посещения музеев в условиях пандемии» каждый пятый россиянин, пользующийся Интернетом, имеет опыт посещения виртуального музея [О практиках...].

Вместе с тем, в научном сообществе усилилась дискуссия на предмет аутентичности виртуального музея в аспекте поверхностного, игрового приобщения посетителей к историко-культурному наследию. В условиях «…невероятной информационной избыточности затрудняется процесс встраивания памятников наследия в систему

ценностей человека и общества, вырабатыванию бережного отношения к наследию, воспитания чувства гордости за те тексты и памятники, которые принадлежат отечественной и мировой культуре в целом и ее отдельным регионам» [Шапинская, 2016, с. 30].Отметим, что вопрос о роли влияния интернет-пространства на человека на данном этапе развития общества и культуры является весьма неоднозначным, требующим комплексных и глубинных исследований.

На основе вышеизложенных рассуждений сформировался непростой исследовательский вопрос о том, какие изменения на уровне культур памяти происходят в процессе виртуализации музейного пространства.

Д. А. Аникин при изучении исторической памяти в сетевом сообществе ставит вопрос об истоках и формах проявления ее репрезентативности, указывая, что виртуализация визуальных практик исторической памяти способствует размыванию границ социальной идентичности [Аникин, 2017, с. 32–39]. Т. Л. Каминская, акцентируя внимание на парадигме постмодернизма как множественности репрезентаций событий прошлого, отмечает усиливающуюся роль коммуникативных практик в процессе коммеморации [Каминская, 2019, с. 280–291]. Идеи А. Ю. Вязинкина и И. В. Двухжиловой указывают на то, что виртуальные реконструкции памятных объектов можно рассматривать как переописание (перекартографирование) пространства-территории, позволяющие задать обновленные (либо принципиально новые) смыслы объектам в соответствии с курсом на восстановление исторической памяти [Вязинкин, Двухжилова, 2020].

В основе виртуализации, пишет П. Штомпка, лежит базовая для человека способность к воображению, идеализации, интеллектуальной деятельности, основанной на продуцировании абстрактных моделей и образов [Штомпка, 2007, с.9]. Цифровизация мест памяти позволила иначе осмысливать их пространственные характеристики. Время и пространство в виртуальной реальности приобретают другие параметры, они уже не привязаны к реальным географическим местам, но сохраняют с ними связь с точки зрения репрезентации культурно-исторического ландшафта.

Указанные тенденции актуализируют изучение отношения музейных работников малых городов к процессам виртуализации прошлого и их влиянию на историческую, коллективную память. В проведенном разведывательном исследовании использован метод полуформализованного интервью с музейными работниками из пяти малых городов Свердловской области: Богданович, Ирбит, Карпинск, Красноуфимск, Сухой Лог. Выборка производилась методом случайного отбора.

Результаты исследования

В традиционном понимании музей является продуктом географического и социокультурного пространства, при этом ритуал встречи с прошлым привязан к конкретной территории. Привычная меморативная практика включает в себя атмосферу места, где экскурсовод при взаимодействии с посетителем приводит в движение экспонаты с точки зрения наделения их значением и смыслом. Пространственные характеристики реального музея малого города интересны в рамках представлений о социальном пространстве немецкого социолога Г. Зиммеля [Simmel, 2000, с. 137–174]. Он считал, что определенная территория является местом взаимодействия людей, при этом физическое пространство влияет на характер связей между индивидами, особенности формирования социальных групп и в целом на процесс социализации. Именно взаимодействующие индивиды придают социальные смыслы физическому пространству. Место – это концентрация социальной энергии. Поэтому дистанцированность от места влечет за собой оторванность от социального единства.

В контексте идей Г. Зиммеля виртуальный музей лишается не только физического пространства (места), но взаимодействия между посетителем и экскурсоводом. Рассмотрим данный аспект подробнее.

Исследователи в качестве базового элемента виртуального пространства выделяют виртуальный объект как аналог реального или сконструированный в сети и не существующий в действительности. Другим элементом являются коммуниканты – люди, чья активность приводит в движение виртуальные объекты [Минина, Василькова, 2019, с. 1–15]. К виртуальным объектам мы относим экспонаты музея, коммуниканты – это посетители и экскурсоводы.

По мнению информантов, развитие онлайн музея повлияло на изменение роли *экскурсовода*:

> «Начнем с такой позиции, как аудиогид. Да, хорошо, но если ты попадаешь в начало этого аудиогида и идешь из точки А в точку В, то у тебя нет возможности переключиться на более интересный предмет. Если ты повторно пришел, то нет возможности сократить часть пути, потому что это запрограммировано. Это робот, он не будет с тобой сотрудничать, вряд ли придаст эмоциональности в общении, создаст атмосферу гостеприимства. Если есть возможность переключаться и есть аудиогиды, которые адаптированы на подобную ситуацию, то да – это хорошо, все зависит от возможностей музея. Живой человек в живой ситуации увлечет больше, чем запрограммированная технология» (Красноуфимск).

Технологическое развитие музея с точки зрения появления цифровых аналогов экскурсоводов имеет ограничение в аспекте отсут-

ствия эмоциональности, «живого взаимодействия», воспитания культуры восприятия экспонатов посетителями.

Процесс оцифровки *экспонатов* вызывает у музейных работников неоднозначные оценки:

> «Государственный каталог – это и плюс, и минус. Плюс в том, что люди могут познакомиться с произведениями искусства, особенно те, кто живет в отдаленных уголках. Но мы можем со временем потерять документы – их надписи, что-то вообще приходит в негодность. Минус в том, что есть люди, которые посмотрят виртуально и подумают: "зачем видеть реально". Часть аудитории теряется. К тому же больше предметов становятся публичными. Есть также и те, кто посмотрит экспонаты виртуально, а потом захочет их увидеть реально. В глубинках иногда есть очень интересные экспонаты» (Карпинск).

Еще в начале XX в. немецкий философ Вальтер Беньямин в своей книге «Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости» писал: «Даже в самой совершенной репродукции отсутствует один момент: здесь и сейчас произведения искусства – его уникальное бытие в том месте, в котором оно находится. На этой уникальности и ни на чем ином держалась история, в которую произведение было вовлечено в своем бытовании» [Беньямин, 1996, с. 20–21]. Речь идет о том, что техника выводит репродуцируемый предмет из сферы его традиции, лишая его ауры. Аура – это восприятие подлинности предметов искусства, которая постигается во времени и физическом пространстве. На наш взгляд, данные процессы обусловливают и социальные изменения – размывается традиционная основа практик постижения исторической ценности экспоната.

Доступность музея в онлайн формате повлияла на разнообразие стратегий *посетителей*:

> «Сам по себе виртуальный проект не увеличил число посетителей. О виртуальных проектах узнают в социальных сетях. Интернет позволил усилить общение с широким кругом интересующихся за пределами нашего города. Это позволяет выстраивать диалог с посетителями и без привязки к географии. Обращаются с вопросами по историческим темам, кто-то ищет, просят детализировать информацию по экспонатам» (Ирбит).

Фактически доступность онлайн-музея породила ситуацию выбора для потенциальных посетителей: прийти или не прийти в реальный музей. Следовательно, для привлечения посетителей музею необходимо инициировать коммуникативную деятельность в социальных сетях, смоделировать привлекательные образы малого города, исходя из имеющегося культурно-исторического капитала. В этом аспекте становится очевидно, что увеличение количества посещений

онлайн-музея может сводиться к поверхностным просмотрам в Интернете и далеко не являться свидетельством культурного просвещения людей и приобщения к коммеморативным практикам. Кроме того, музейные работники отмечают:

> «… первоначально был некий страх, что мы сейчас всем обо всем расскажем и к нам, в принципе, никто и никогда не поедет, а зачем? Получается такая ситуация, что человек вроде бы и не был, вроде бы уже и был. Прежде чем выехать на территорию, [он] изучает возможности территории и когда уже приезжает, у него возникает такое чувство, что вроде бы он информацию-то уже и получил. Мы тоже понимаем, что одно дело на фотографии посмотреть тот же самый виадук – это мостовое сооружение, которым гордится Красноуфимский район и совсем другое – прийти и соотнести свои возможности и высоту этого моста. Может наступить разочарование, что практически ничего нового не получил. Важно, что ты сам побывал здесь, и получил эмоции» (Красноуфимск).

Что же может сподвигнуть и воодушевить человека на встречу с реальным местом памяти? По мнению американского исследователя Мэттью Зука, сторонника изучения информационного общества в географическом контексте, любая инновация (будь то глиняные дощечки или Интернет) настолько же изменяет место, к которому она привязана, насколько это место изменяет природу самой инновации [Zook, 2007, p. 53–78].Обосновывается мысль о том, что технологии и практики структурируются в рамках давних социально-пространственных процессов и направлены на их реконструкцию. Города, в том числе и малые поселения, становятся игроками в информационном обществе, поскольку формируют цифровое представление о месте. Тем самым на восприятие культурного ландшафта влияет доступность интернет-пространства и комментарии о местах.

Вместе с тем, доступность материалов музея повлияла на развитие исследовательских практик со стороны *посетителей:*

> «Мы больше стали получать электронные письма – люди стали искать своих родственников, целенаправленную информацию» (Богданович).
>
> «Люди заходят на сайт, на страницу в контакте и видят, что есть такие-то материалы и связываются с нами» (Ирбит).
>
> «У нас были случаи, что нашу виртуальную экскурсию смотрели, потом нам звонили и говорили: “А вот мы из того-то города – можно мы запишемся и приедем посмотреть?”» (Карпинск).

Данные реплики свидетельствуют о роли виртуального музея в контексте активизации коммуникативной функции, привлечении посетителей. «Сегодня коллективная память в большей мере рассма-

тривается в медийно-коммуникативном аспекте. Это своеобразная серия актов коммуникации по поводу прошлого, в ходе которых используются средства создания, хранения и передачи информации» [Васильев, 2014, с. 166]. А виртуальный музей становится «не памятником, а коммуникативным очагом, обеспечивающим открытый доступ каждому человеку к новым территориям знания, опыта и выражения» [Могилевская, 2000, с. 214–217].

Вместе с расширением коммуникативной функции музея увеличивается нагрузка на музейных работников в области оцифровки культурного наследия:

> «Работы больше по сравнению с тем, что мы оформили экскурсию и проводим ее. Времени тратится больше. Ведется подбор экспонатов, потом – выставка, затем это все нужно сфотографировать, зафиксировать, обработать все эти материалы, красиво скомпоновать. Очень много работы – монтаж, съемка. Но плюс в том, что все это сохраняется. Если реальные экспозиции мы собрали, потом убрали и забыли, то виртуально возможностей больше. Наши посетители этот материал могут использовать. Нам надо привлечь молодежь и детей. Важно, чтобы дети, развлекаясь, потом увидели старину и глубину» (Карпинск).

Большинство музейных работников солидарны в том, что перевод экспонатов в цифровой формат позволяет сохранить исчезающие предметы прошлого, «но в тоже время музей становится более развлекательным» (Богданович). И в этом смысле возрастает ответственность музейных работников за характер представления исторических материалов:

> «Мы начали такую деятельность в прошлом году, когда пандемия нас всех охватила. Стало больше посетителей в онлайн. Мероприятия остаются на сайте и в социальных сетях. Мы представляем фотографии, материалы о людях. Мы подняли письма, фотографии о людях – о наших ветеранах Великой Отечественной войны и представили виртуально. Виртуальную экскурсию делали по патефонам, потом делали по Мамину-Сибиряку (Карпинск)».

Представители музея с особым трепетом относятся к истории местности и стремятся поделиться рассказом о своей территории:

> «Нам хотелось рассказать о нашем районе. У нас уникальный район. Город Сухой Лог – на дне кораллового моря и потухших вулканов. Наш район исторически расположен на вулканах и нам об этом хотелось рассказать людям. Вообще у нас красивые места. У нас один из крупнейших в России цементных заводов, большие залежи известняка. Есть ролики по скале Три Сестры, по Шатскому водопаду, скале Жандарм, и еще пещера Гебауэра – это место бытования древних людей, это доказано, так как раскопки проводились Горным институтом. Главе города хочется гостям рассказать, какой красивый и уникальный у нас край и,

пожалуйста, – виртуальную экскурсию посмотрели. Очень красивые съемки – было снято коптером. Даже местные жители, посмотрев видео, не знали, что у нас такой уникальный край» (Сухой Лог).

С развитием онлайн-музея происходят изменения в реальном музее:

«Сейчас есть тенденция к тому, чтобы музей стал центром культуры, по типу модельных библиотек – чтобы не зацикливаться на одной функции. Сохранение, изучение и экспонирование – это далеко не полный перечень функций, который выполняет современный музей (Красноуфимск).

На примере виртуального музея видно, как формируется новое понимание музейного пространства, где в центре внимания оказывается взаимодействие с разными посетителями, быстрая реакция на динамику общественных процессов. Посетитель рассматривается как субъект, носитель культурных ценностей и установок:

«Виртуальный музей должен социализироваться в экскурсионные проекты» (Красноуфимск).

«К нам приходят посетители с различными интересами, поэтому виртуальные проекты только в помощь. Любое новое всегда дает возможность сделать шаг в развитии, но не стирая и не уничтожая сам музей. Все-таки наш досуг должен оставаться интеллектуальным» (Богданович).

Если рассматривать влияние виртуального музея на развитие малого города, то информанты отмечают следующее:

«Судьба малых городов и судьба музеев в малых городах очень интересна. Наш краеведческий музей занимался вопросом, насколько музей может влиять на продвижение территории. Мы понимаем, что в постиндустриальный период все в принципе поменялось, поменялись различные акценты. Поскольку территория мало производит, выживать надо, идет поиск различных способов выживания в данной ситуации, в том числе через продвижение территории, через привлечение туристов» (Красноуфимск).

Информатизация подтолкнула музеи к своеобразной борьбе за выживание методом капитализации культурного потенциала. Если рассматривать данный процесс в рамках методологии П. Бурдье, то, вероятно, позиция музея в интернет-пространстве определяется его властью над множественностью культур памяти и способностью к их актуализации в разных коммуникативных практиках с потенциальными посетителями.

Вывод

В результате разведывательного исследования виртуальный музей представляется музейным работникам как феномен, который не

заменяет и не вытесняет реальный музей, а является его дополнением. Онлайн-музей на данном этапе рассматривается как способ обеспечения сохранности редких экспонатов, моделирования новых экскурсий, развития адресных и вариативных коммуникаций с посетителями, вариант визуальной репрезентации культурно-исторического капитала территории. С точки зрения пространственных характеристик виртуальный музей лишается физического пространства, реального взаимодействия посетителя и экскурсовода, но при этом способствует развитию исследовательской функции, формированию потребности посетить реальный музей. Учитывая многообразие практик по оцифровке культурного наследия, можно предположить, что создание виртуального музея является источником консолидации социальных сил малого города.

Благодарности

Автор выражает признательность Наталье Вадимовне Веселковой, кандидату социологических наук, доценту кафедры прикладной социологии УрФУ за ценные советы при организации исследования, а также музейным работникам из малых городов Свердловской области, выступившим в роли информантов.

Аникин Д. А. Визуализация исторической памяти в сетевом сообществе: методологические основания исследования // Logos et praxis. 2017. Т. 16. № 3. С. 32–39.

Артефакт – гид по музеям России // Artefact. URL: https://ar.culture.ru (дата обращения: 10.10.2021).

Васильев А. Г. Воплощенная память: коммеморативный ритуал в социологии Э. Дюркгейма // Социол. обозрение. 2014. Т. 13. № 2. С. 141–167.

Вендина О. Малые города России: сходство исторических судеб и различия траекторий развития // Демоскоп. 2014. № 611–612. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/2014/0611/analit01.php (дата обращения: 04.10.2021).

Виртуальная реальность культурно-исторических центров малых городов России // Фонд содействия инновациям. URL: https://fasie.ru/press/fund/podderzhka-tsmit-platforma-virtualnoy-realnosti-kulturno-istoricheskikh-tsentrov-/ (дата обращения: 20.11.2021).

Вязинкин А. Ю., Двухжилова И. В. Проблема виртуальных реконструкций «мест памяти» в свете пространственного культурного поворота // Урбанистика. 2020. № 3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problema-virtualnyh-rekonstruktsiy-mest-pamyati-v-svete-prostranstvennogo-kulturnogo-povorota (дата обращения: 09.10.2021).

Итоги рейтинга активности региона в 2019 году // PRO. Культура. РФ. URL: https://pro.culture.ru/new/ratings/regions?population=more2m&sort=importanceYear&date=10.2021 (дата обращения: 04.10.2021).

Каминская Т. Л. Современные коммуникативные практики и процесс коммеморации // Коммуникативные исследования. 2019. Т. 6. № 2. С. 280–291.

Ксенофонтова И. Виртуализация мемориальных практик: интернет-сайт как «Книга памяти» // INTER. 2011. № 6. С. 133–144. URL: https://cyberleninka.ru/

article/n/virtualizatsiya-memorialnyh-praktik-internet-sayt-kak-kniga-pamyati (дата обращения: 04.10.2021).

Малые города в социальном пространстве России : моногр. / [А. Ю. Ардальянова, П. В. Бизюков, Р. Г. Браславский и др.]; отв. ред. В. В. Маркин, М. Ф. Черныш. М. : ФНИСЦ РАН, 2019. URL: https://www.isras.ru/index.php?page_id=1198&id=7751 (дата обращения: 5.10.2021).

Минина В. Н., Василькова В. В. От социального пространства к пространству онлайн социальных сетей: исследовательские подходы и вызовы // Соц. пространство. 2019. № 5 (22). С. 1–15.

Могилевская Т. Искусство в Интернете. Динамика в России // Взгляд с Востока. М : MediArtLab, 2000. С. 214–217.

Нора П. Проблематика мест памяти // Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. : Винок; СПб. : Изд-во СПбГУ, 1999. С. 17–50.

О практиках посещения музеев в условиях пандемии // ВЦИОМ. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/den-muzeev-onlajn (дата обращения: 10.10.2021).

От малой родины к большой России // Виртуальная карта проекта. URL: https://www.sites.google.com/site/virtualexkursion/opisanie-proekta (дата обращения: 5.10.2021).

Статистика культуры. 2016. Ежегодное справочное издание о состоянии культуры Российской Федерации в цифрах. М. : Мин-во культ. РФ, 2017.

Шапинская Е. Н. Культура в эпоху «цифры»: трансформация культурных форм и эстетических ценностей // Медиа. Информация. Коммуникация. 2016. № 19. С. 15–34.

Штомпка П. Визуальная социология. Фотография как метод исследования : учебн. / пер. с польск. Н. В. Морозовой, авт. вступ. ст. Н. Е. Покровский. М. : Логос, 2007.

Simmel G. The Sociology of space // Simmel on Culture / Frisly D., Featherstone M. (eds.). London : Sage Publication, 2000. P. 137–174.

Zook M. The geographies of the Internet // Annual review of information science and technology (ARIST) / B. Cronin (ed.). Vol. 40. Hoboken, NJ : John Wiley & Sons, 2007. P. 53–78.

УДК 069(438)

Janusz Szczepański
Akademia Finansów i Biznesu VISTULA
Filia Akademia Humanistyczna im. Aleksandra Gieysztora
Pułtusk

SPOŁECZNE MUZEUM ZIEMI GĄBIŃSKIEJ IM. SŁAWOJA FELICJANA SKŁADKOWSKIEGO W GĄBINIE

Jednym z najważniejszych muzeów społecznych funkcjonujących na obszarze Mazowsza jest Społeczne Muzeum Ziemi Gąbińskiej im. Sławoja Felicjana Składkowskiego w Gąbinie (powiat płocki). Powstało ono w 1999 r. z inicjatywy Towarzystwa Miłośników Ziemi Gąbińskiej oraz miejscowego

© Szczepański J., 2022

Związku Piłsudczyków. Mieści się w kamienicy, gdzie urodził się Sławoj Felicjan Składkowski (1885–1962), doktor medycyny, generał, bliski współpracownik Józefa Piłsudskiego, ostatni premier II RP. Najważniejszą część zbiorów Społecznego Muzeum Ziemi Gąbińskiej, liczących ponad 1 tys. eksponatów, stanowią pamiątki i literacka spuścizna po Sławoju Felicjanie Składkowskim, przekazane w 1995 r. do Gąbina przez wdowę po generale i premierze. Pozostałe działy muzeum odzwierciedlają najważniejsze okresy w bogatych dziejach Gąbina, miasteczka zachodniego Mazowsza. Społeczne Muzeum Ziemi Gąbińskiej im. Sławoja Felicjana Składkowskiego w Gąbinie prowadzi prężną działalność na rzecz umacniania tożsamości lokalnej, m.in. poprzez promocję wielokulturowości mieszkańców dawnego Gąbina (społeczność żydowska i ewangelicko-augsburska). Różnorodne, innowacyjne formy działalności muzeum stanowią znakomity przykład badania przestrzeni pamięci historycznej mieszkańców na prowincji.

Słowa kluczowe: działalność edukacyjna, eksponaty, publikacje, Społeczne Muzeum Ziemi Gąbińskiej im. Sławoja Felicjana Składkowskiego w Gąbinie, tożsamość lokalna, wystawy czasowe.

Я. Щепаньски
Академия финансов и бизнеса VISTULA,
Филиал гуманитарной академии им. А. Гейштора,
Пултуск

ОБЩЕСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ ГОМБИНСКОЙ ЗЕМЛИ ИМ. СЛАВОЯ ФЕЛИЦЯНА СКЛАДКОВСКОГО В ГОМБИНЕ

Один из самых важных общественных музеев, действующих в Мазовии – Общественный музей Гомбинского края имени Славоя Фелициана Складковского в Гомбине. Он был основан в 1999 г. по инициативе Общества любителей Гомбинского края и местного общества Пилсудских. Он расположен в многоквартирном доме, где родился Славой Фелицян Складковский (1885–1962), доктор медицины, генерал, близкий соратник Юзефа Пилсудского, последнего премьер-министра Второй Польской республики. Самой важной частью коллекции Общественного музея Гомбинского края, насчитывающей более тысячи экспонатов, являются мемориальные вещи и литературное наследие Славоя Фелицяна Складковского, подаренные в 1995 г. Гомбину вдовой генерала и премьер-министра. Остальные разделы музея отражают наиболее важные периоды богатой истории Гомбина – города в западной Мазовии. Музей активно участвует в формировании локальной идентичности, в том числе продвигая мультикультурализм среди жителей бывшего Гёбина (еврейская и евангелическо-аугсбургская общины). Разнообразные новаторские формы деятельности музея – отличный пример исследования пространства исторической памяти жителей провинции.

Ключевые слова: просветительская деятельность, экспонаты, публикации, социальный музей Гомбинского края имени Славоя Фелициана Складковского в Гомбине, местная самобытность, временные выставки.

Jednym z ważniejszych muzeów społecznych funkcjonujących na obszarze Mazowsza jest Społeczne Muzeum Ziemi Gąbińskiej im. Sławoja Felicjana Składkowskiego w Gąbinie – miasteczku o bogatej przeszłości, leżącym na zachodnim Mazowszu, obecnie w administracyjnych granicach województwa mazowieckiego i powiatu płockiego.

Zadania kultywowania dziejów Gąbina i okolic, prowadzenia działalności regionalnej, gromadzenia dokumentów, zdjęć, opracowań, eksponatów dotyczących Ziemi Gąbińskiej, ale też oddziaływania na jej kulturalną teraźniejszość, podjęło się powołane w 1975 r. Towarzystwo Miłośników Ziemi Gąbińskiej (TMZG). Jego pierwszym prezesem był mgr Zbigniew Łukaszewski – nauczyciel języka polskiego Liceum Ogólnokształcącego w Gąbinie [Łukaszewski, 2006; Szczepański, 2013].

Już w pierwszym okresie istnienia regionalna działalność Towarzystwa Miłośników Ziemi Gąbińskiej była dostrzegana przez władze państwowe i administracyjne. W maju 1983 r. TMZG został wręczony dyplom honorowy Ministra Kultury i Sztuki „za osiągnięcia w dziedzinie upowszechniania kultury" W latach 1984–1986 zarząd TMZG otrzymywał dyplomy uznania i medale pamiątkowe Mazowieckiego Towarzystwa Kultury „za zasługi dla rozwoju kultury na Mazowszu" [25 lat Towarzystwa..., 2000].

Do 1988 r. TMZG nie miało własnej siedziby, korzystało z gościnności Urzędu Miasta i Gminy, Gminnego Ośrodka Kultury, Ochotniczej Straży Pożarnej, dyrekcji gąbińskich szkół. W styczniu 1989 r. Naczelnik Miasta i Gminy w Gąbinie – Jan Ciastek przekazał Zarządowi TMZG dwa pokoje, mieszczące się w zabytkowej kamienicy z 1809 r. przy Starym Rynku. Zostały one wyremontowane i wyposażone przez kilka gąbińskich instytucji [Kultura i jej instytucje..., 1998].

Członków Towarzystwa Miłośników Ziemi Gąbińskiej szczególnie interesowały wiadomości o znanych Polakach, którzy kiedyś urodzili się w Gąbinie. Należał do nich, urodzony 20 lipca 1830 r. w rodzinie szlacheckiej Franciszek Dobrowolski – dwukrotny członek Rządu Narodowego z okresu Powstania Styczniowego. Jego patriotycznej działalności poświęcił artykuł Lech Łukaszewski, syn pierwszego prezesa TMZG [Łukaszewski, 1988].

W Gąbinie, w dniu 9 czerwca 1885 r. urodził się także Sławoj Felicjan Składkowski – ostatni premier II RP., doktor medycyny, generał, minister spraw wewnętrznych, bliski współpracownik Marszałka Józefa Piłsudskiego [Sioma, 2005] .

W styczniu 1992 r. Zarząd TMZG wystąpił, z przyjętym przez władze miasta Gąbina wnioskiem, o zmianę nazwy jednej z najważniejszych ulic miasteczka – ulicy Świerczewskiego na ulicę Składkowskiego. Sukcesem zakończyła się także walka, wraz z rozprawą sądową w Naczelnym Sądzie Administracyjnym, o ocalenie przed zabudową skweru przy Starym Rynku, przylegającego do kamienicy – miejsca urodzin Sławoja Felicjana Składkowskiego [25 lat Towarzystwa..., 2000].

Szczególne zainteresowanie osobą Sławoja Felicjana Składkowskiego, Zarząd TMZG wykazywał jesienią 1995 r., w 100 rocznicę jego urodzin. W dniu 21 września 1995 r. w Gąbinie zorganizowano sesję popularno-naukową „Sławoj Felicjan Składkowski jako polityk, mąż stanu i obywatel" z udziałem członków jego rodziny. Prelekcje wówczas wygłosili: dyrektor Archiwum Akt Nowych w Warszawie – dr Tadeusz Krawczak oraz znany publicysta dr Bohdan Urbankowski [25 lat Towarzystwa..., 2000].

W październiku 1995 r. w wyniku starań przedstawicielki Zarządu TMZG – mgr Anny Ostrowskiej, która odwiedziła w Londynie wdowę po ostatnim premierze II RP – panią Jadwigę z Dołęga – Mostowiczową Składkowską, Towarzystwo Miłośników Ziemi Gąbińskiej otrzymało cenny dar – 10 dużych paczek zawierających spuściznę po Sławoju Felicjanie Składkowskim. Głównym punktem gąbińskich obchodów 73-rocznicy odzyskania niepodległości w dniu 11 listopada 1995 r. było wmurowanie i poświęcenie tablicy, informującej o miejscu urodzin S.F. Składkowskiego [25 lat Towarzystwa..., 2000; Ostrowska i in. 2015].

Należy zaznaczyć, że wdowa po gen. Sławoju Felicjanie Składkowskim pani Jadwiga z Dołęga – Mostowiczowa przekazała TMZG pieniądze. Dzięki nim można było wyremontować mieszkanie**,** w którym się on urodził i urządzić stałą ekspozycję poświęconą ostatniemu premierowi z czasów II RP. Wspomniane fakty zainspirowały władze miasta Gąbina do przekazania we wrześniu 1996 r. na cele regionalne kolejnej izby w najstarszej zachowanej kamienicy w mieście [30 lat Towarzystwa, 2006..., s. 4].

Pomysł utworzenia muzeum w Gąbinie zrodził się wśród członków Towarzystwa Miłośników Ziemi Gąbińskiej oraz miejscowego Związku Piłsudczyków (prezesem Zdzisław Nowakowski) dopiero wiosną 1999 r. z chwilą całkowitego wyremontowania i wyposażenia w gabloty Sali Sławoja Felicjana Składkowskiego. Stała się ona główną ekspozycją otwartego uroczyście w dniu 12 maja 1999 r. Społecznego Muzeum Ziemi Gąbińskiej im. Sławoja Felicjana Składkowskiego w Gąbinie (w organizacji), ul. Stary Rynek 6 [25 lat Towarzystwa..., 2000; Folga-Januszewska, 2011, s. 155].

Ostatnia partia pamiątek po ostatnim premierze II RP dotarła do Gąbina w 2005 r. Miało to miejsce zgodnie z jej testamentem zmarłej w 2003 r. wdowy po gen. F. S. Składkowskim – Jadwigi z Dołęga-Mostowiczowej. Zostały one przekazane do Społecznego Muzeum Ziemi Gąbińskiej

im. Sławoja Felicjana Składkowskiego przez jej bratanice; Emilię Mostowicz i Małgorzatę Podporę [Relacja Anny Ostrowskiej].

Zbiory związane ze Sławojem Felicjanem Składkowskim, liczące 248 pozycji, stanowią jeden z największych działów Społecznego Muzeum Ziemi Gąbińskiej. Wśród nich są liczne dokumenty, zdjęcia z albumu rodzinnego, odznaczenia generała, jego rysunki i książki, korespondencja oraz pamiętnik z zapiskami Sławoja Felicjana Składkowskiego z lat 1940-1958, a nawet nagrany na taśmie głos ostatniego premiera II RP [Sprawozdanie, 2020].

Przekazanie wielu cennych pamiątek po premierze Sławoju Felicjanie Składkowskim do Społecznego Muzeum Ziemi Gąbińskiej wzbudziło wielkie zainteresowanie mediów i środowiska historyków dziejów najnowszych Polski. 7 kwietnia 1998 r. do Gąbina przyjechała ekipa Telewizji Polskiej z red. Dariuszem Baliszewskim. Jego reportaż poświęcony Społecznemu Muzeum Ziemi Gąbińskiej im. Sławoja Felicjana Składkowskiego w Gąbinie telewidzowie mogli obejrzeć 14 kwietnia 1998 r. Ze zbiorów przekazanych do Gąbina często korzystał mgr Marek Sioma z Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej w Lublinie, autor przygotowywanej rozprawy doktorskiej „Sławoj Felicjan Składkowski – biografia polityczna", a obronionej w 2002 r. w Instytucie Historycznym UMCS [30 lat Towarzystwa..., 2006] .

W 2005 r. w 120 rocznicę urodzin ostatniego premiera II RP staraniem TMZG i Społecznego Muzeum Ziemi Gąbińskiej oraz Urzędu Miasta i Gminy Gąbin udało się wybić medal poświęcony gen. Sławojowi Felicjanowi Składkowskiemu. 21 października 2005 r. w Gąbinie miała miejsce sesja popularno-naukowa „Sławoj Felicjan Składkowski jako lekarz, generał, premier", z udziałem m. in. dra hab. Marka Siomy – autora wartościowej monografii *Sławoj Felicjan Składkowski (1885–1962) Żołnierz i polityk*. Podobna konferencja naukowa, przy współudziale Społecznego Muzeum Ziemi Gąbińskiej im. Sławoja Felicjana Składkowskiego w Gąbinie, odbyła się 9 czerwca 2015 r,. tym razem w Archiwum Państwowym w Płocku [Ostrowska i in., 2015, s. 11].

Towarzystwo Miłośników Ziemi Gąbińskiej oraz Społeczne Muzeum Ziemi Gąbińskiej im. Sławoja Felicjana Składkowskiego nie zapominały także o rocznicach śmierci ostatniego premiera II RP. W 50.rocznicę jego śmierci, przypadająca we wrześniu 2012 r., zorganizowano w Gąbinie obchody połączone z otwarciem wystawy i konkursami poświęconymi pamięci Sławoja Felicjana Składkowskiego [Relacja Anny Ostrowskiej].

Interesującą formę popularyzacji zasług premiera Sławoja Felicjana Składkowskiego stanowią wystawy wyjazdowe. Pierwsza z nich, prezentująca pamiątki po gen. F. S. Składkowskim miała miejsce we wrześniu 2010 r. w Kielcach, gdzie uczęszczał on do Męskiego Gimnazjum Rządowego i w trakcie nauki angażował się w wystąpienia skierowane przeciwko rusyfikacji [Łukaszewski, 2016].

Sześć lat później, we wrześniu 2016 r. „gąbińskie" pamiątki po premierze F. S. Składkowskim mieli okazję obejrzeć mieszkańcy miasta Turek. Były one prezentowane w miejscowym Muzeum im. Józefa Mehoffera. Wystawie „gąbińskich" pamiątek towarzyszyła sesja popularno-naukowa, podczas której referaty wygłosili m. in.: dr hab. Marek Sioma – „Sławoj Składkowski – polityk w żołnierskim mundurze. Turkowskie aspekty z gen. Składkowskim w tle" oraz dr n. med. Jerzy Krzewicki – „Lekarz – gen. dyw. Sławoj Felicjan Składkowski" [Łukaszewski, 2016, s. 38].

Należy zaznaczyć, że z Turkiem była rodzinnie związana Żęrmina Składkowska – druga żona ostatniego premiera II RP, która przyczyniła się do założenia w Turku parku miejskiego (obecnie im. Żerminy Składkowskiej) zaś on sam okazał się prawdziwym „dobrodziejem" tego miasta. Przyczynił się m. in. do budowy budynku Urzędu Miasta i Starostwa Powiatowego, Domu Katolickiego, wykonania polichromii miejscowego Kościoła NSPJ, rozwoju infrastruktury miasta. Sławoj Felicjan Składkowski został Honorowym Obywatelem miasta Turek [Łukaszewski, 2016].

Godny uwagi jest fakt, iż Społeczne Muzeum Ziemi Gąbińskiej im. Sławoja Felicjana Składkowskiego oraz Muzeum im. Józefa Mehoffera w Turku wymieniają się doświadczeniami w zakresie działań, by postać ostatniego premiera II P stała się wizytówką wspomnianych miast. Warto przypomnieć, iż generał Sławoj Felicjan Składkowski, jako ówczesny minister spraw wewnętrznych, przyczynił się do tego, że w Gąbinie, gdzie się urodził, została zakończona w 1938 r. budowa Domu Ludowego, zwanego też Domem Strażaka [Tygodnik Gostyniński, 1929; Szczepański, 2013, s. 306].

Należy zaznaczyć, że w dn. 20 marca – 20 kwietnia 2017 r. zbiory Społecznego Muzeum Ziemi Gąbińskiej im. Sławoja Felicjana Składkowskiego, dotyczące postaci generała i ostatniego premiera II RP można było oglądać w salach Biblioteki Uniwersyteckiej w Toruniu. Było to efektem współpracy z Muzeum Emigracji w Toruniu, popularyzującym różne formy polskiej emigracji politycznej po II wojnie światowej [Olszewski, 2017 (a), s. 47].

Delegacja Towarzystwa Miłośników Ziemi Gąbińskiej oraz Społecznego Muzeum Ziemi Gąbińskiej im. Sławoja Felicjana Składkowskiego była zapraszana do miast kultywujących pamięć o ostatnim premierze II RP. Tak było na przykład w maju 2017 r. w Pomiechówku, gdzie zostały zainaugurowane obchody 15-lecia Gimnazjum im. Sławoja Felicjana Składkowskiego [Olszewski, 2017 (b), s. 47].

Priorytetem osób związanych z działalnością Społecznego Muzeum Ziemi Gąbińskiej było systematyczne czczenie pamięci o Marszałku Józefie Piłsudskim, którego gen. Sławoj Felicjan Składkowski był bliskim współpracownikiem, zwłaszcza w okresie rządów sanacji (1926–1935),

a następnie kontynuatorem jego myśli politycznej (1935–1939).Wystarczy chociażby wspomnieć o przypominaniu zasług Józefa Piłsudskiego dla odzyskania niepodległości przez państwo polskie . 11 listopada 1997 r. w Gąbinie zostały zorganizowane uroczystości poświęcenia Głazu – Pomnika ku czci Marszałka Józefa Piłsudskiego [30 lat Towarzystwa..., 2006, s. 5].

Społeczne Muzeum Ziemi Gąbińskiej im. Sławoja Felicjana Składkowskiego, jako klasyczne muzeum regionalne gromadzi także wszelkie pamiątki dotyczące bogatej przeszłości Gąbina i okolic. Znaczną część zbiorów stanowią darowizny od mieszkańców Gąbina i okolic [Ostrowska i in. 2015, s. 12] .

Zbiory Społecznego Muzeum Ziemi Gąbińskiej zostały zakwalifikowane do 15 działów, według stanu na 17 sierpnia 2021 r. posiadające następującą ilość zarchiwizowanych eksponatów:

1. Archeologia – 115.
2. Gąbin od czasów najdawniejszych do końca XVIII w. – 21.
3. Gąbin w XIX w. – 46.
4. Franciszek Dobrowolski – 59.
5. Gąbin w latach 1901–1918 – 41.
6. Okres międzywojenny – 176.
7. Wojna obronna i okupacja niemiecka – 258.
8. Gąbin po II wojnie światowej – 504.
9. Liceum Ogólnokształcące w Gąbinie – 134.
10. Sztuka ludowa i rzemiosło – 23.
11. Wsie gminy Gąbin – 103.
12. Parafia rzymsko-katolicka – 201.
13. Judaica – 112.
14. Ewangelicy – 86.
15. Sławoj Felicjan Składkowski – 248 [Sprawozdanie, 2020].

Jeden z działów Społecznego Muzeum Ziemi Gąbińskiej jest poświęcony dawnemu mieszkańcowi Gąbina – Franciszkowi Dobrowolskiemu (1830–1896) – członkowi dwóch rządów w okresie powstania styczniowego, a później po powrocie z syberyjskiego zesłania, niezwykle zasłużonym dla Wielkopolski. TMZG uczciło jego pamięć organizując sesje popularno-naukowe, zamawiając w 1989 r. w Mennicy Państwowej kilkaset medali w brązie i posrebrzanych medali Franciszka Dobrowolskiego. Syn pierwszego prezesa TMZG – Lech Łukaszewski, obecny wiceprezes Towarzystwa, bardzo zaangażowany w opracowanie zbiorów Społecznego Muzeum Ziemi Gąbińskiej, przed laty swoją pracę magisterską poświęcił biografii Franciszka Dobrowolskiego [30 lat Towarzystwa..., 2006; Ostrowska i in., 2015, s. 10].

Spośród polskich zrywów narodowowyzwoleńczych okresu porozbiorowego najbardziej czczone przez Towarzystwo Miłośników Ziemi Gąbińskiej oraz Społeczne Muzeum Ziemi Gąbińskiej jest Powstanie Styczniowe. W 1863 r. w okolicach Gąbina, charakteryzujących się wysokim stopniem zalesienia, stoczono wiele krwawych potyczek z wojskami rosyjskimi. Ogół społeczeństwa Ziemi Gąbińskiej, poza kolonistami narodowości niemieckiej, udzielał wsparcia walczącym powstańcom, niejednokrotnie płacąc swoim życiem lub zsyłką na Sybir [Chudzyński, 1963].

Jeden z bogatszych w eksponaty dział Społecznego Muzeum Ziemi Gąbińskiej gromadzi pamiątki związane z wojną obronną 1939 r. i okupacją niemiecką. Towarzystwo Miłośników Ziemi Gąbińskiej oraz Społeczne Muzeum Ziemi Gąbińskiej im. Sławoja Felicjana Składkowskiego, poza gromadzeniem eksponatów z okresu II wojny światowej są bardzo zaangażowane w obchody rocznic wybuchu tej wojny. Tak było m. in. 1 września 2019 r. w Gąbinie. O godzinie 4:45, w chwili gdy 80 lat temu niemieckie jednostki przekraczały polską granicę, w całym mieście zawyły syreny. Na gąbińskiej nekropolii odbył się capstrzyk, podczas którego przedstawiciele władz i społeczeństwa Gąbina samorządowych oddali hołd pod kwaterą wojskową poległych we wrześniu 1939 roku. W parku miejskim pojawiły się grupy rekonstrukcyjne nawiązujące do walk nad Bzurą, na których obrzeżu znajdował się często bombardowany Gąbin. Uczestnicy rajdu rowerowego i Stowarzyszenia „Gąbin Biega" złożyli kwiaty na mogiłach żołnierzy poległych we wrześniu 1939 r. w okolicach Gąbina [Olszewski (b), 2019].

Ważnym punktem gąbińskich obchodów 80. rocznicy wybuchu II wojny światowej było otwarcie w Społecznym Muzeum Ziemi Gąbińskiej im. Sławoja Felicjana Składkowskiego wystawy pt. „Gąbin i okolice we wrześniu 1939 roku" [Olszewski (b), 2019].

Jedną z płaszczyzn działalności Społecznego Muzeum Ziemi Gąbińskiej jest kultywowanie pamięci o martyrologii mieszkańców Gąbina i okolic podczas niemieckiej okupacji lat 1939–1945. Dotyczy to przede wszystkim przekazywania i przypominania, zwłaszcza miejscowemu młodemu pokoleniu, informacji o egzekucji 10 rozstrzelanych w dniu 15 czerwca 1941 r. pod murem gąbińskiego kościoła [Ostrowska, 2016].

Staraniem Towarzystwa Miłośników Ziemi Gąbińskiej, Społecznego Muzeum Ziemi Gąbińskiej, a także Oddziału Związku Piłsudczyków w Gąbinie, 5 września 1999 r. w gąbińskim kościele odsłonięto i poświęcono tablicę ku czci parafian gąbińskich zamordowanych w obozach koncentracyjnych Dachau i Mauthausen. Rok później nastąpiło uroczyste odsłonięcie i poświęcenie tablicy ku czci parafian gąbińskich zamordowanych wiosną 1940 r. na terenie byłego ZSRR. Ostatniej uroczystości towarzyszyło otwarcie w Społecznym Muzeum Ziemi Gąbińskiej wystawy „Katyń –

Polska Golgota Wschodu" – ze zbiorów Zdzisława Nowakowskiego [30 lat Towarzystwa..., 2006, s. 6; Szczepański, 2013].

W centrum uwagi Społecznego Muzeum Ziemi Gąbińskiej znajduje się martyrologia społeczności żydowskiej, która zamieszkiwała Gąbin od czasów staropolskich. Należy zaznaczyć, że prześladowania tutejszej ludności żydowskiej rozpoczęły się wraz z wybuchem II wojny światowej. 25 września 1939 r. Niemcy zgromadzili na Nowym Rynku żydowskich mężczyzn, którzy zostali brutalnie pobici. W tym samym czasie podpalono gąbińską zabytkową synagogę. Spłonęła także część dzielnicy żydowskiej. W sierpniu 1941 r. władze hitlerowskie utworzyły w Gąbinie dla ludności żydowskiej getto, w którym uwięziono ponad 2 tys. osób. Zostało ono zlikwidowane w kwietniu 1942 roku. Większość gąbińskich Żydów została wywieziona do niemieckiego obozu zagłady w Chełmnie nad Nerem, gdzie poniosła męczeńską śmierć. Całkowitemu zniszczeniu uległ cmentarz żydowski [Borysiak, 1992; Krzewińska, 2000].

W połowie lat dziewięćdziesiątych Zarząd TMZG, wspomagany przez Stowarzyszenie Historyczne i Genealogiczne Żydów Gąbińskich podjął udaną inicjatywę renowacji gąbińskiego kirkutu oraz upamiętnienia obeliskiem gąbińskich Żydów zamordowanych w Chełmnie nad Nerem. Efektem tej współpracy zbiory TMZG wzbogaciły się o przekazane przez Stowarzyszenie Historyczne i Genealogiczne Żydów Gąbińskich cenne dokumenty, zdjęcia, a nawet unikalny film Sama Rafela z 1937 r ., przedstawiający gąbińskich Żydów. Umożliwiło to wyodrębnienie w zbiorach TMZG działu judaiców [30 lat Towarzystwa..., 2006, s. 11; Szczepański, 2013].

W działalności programowej Społecznego Muzeum Ziemi Gąbińskiej, wspieranej przez Muzeum Etnograficzne w Warszawie, a ukazującej bogactwo etniczne i kulturowe dawnej ziemi gąbińskiej, pamięć o holokauście gąbińskich Żydów wpisuje się w tzw. „Spotkania z wielokulturowością". Warto wspomnieć, ze począwszy od XIX w. Gąbin zamieszkiwała także liczna grupa mieszkańców wyznania ewangelicko-augsburskiego, potomków dawnych kolonistów niemieckich, zaś w wioskach gąbińskiego Powiśla zamieszkiwali menonici [Szczepański, 2017].

Na łamach „Echa Gąbina" (nr 2/3/4 z 2016 r.) czytamy:

> „Wielokulturowy, dawny Gąbin ożył w dniu 25.09.2016 r. […] miało miejsce wydarzenie, które przywołało wspomnienia dawnych lat. Faktem jest, że Gąbin w swojej wielowiekowej historii był wielonarodowościowy. Żyli tu obywatele polscy, niemieccy, rosyjscy i żydowscy. Najwięcej wspomnień z przeszłości dotyczyło społeczności żydowskiej […] W parku spotkali się potomkowie gąbińskich Żydów, którzy wraz z mieszkańcami naszego miasta rozpoczęli spacer ulicą Kilińskiego, przy której niegdyś znajdowała się synagoga, cmentarz żydowski (otwarcie odbudowanego odbyło się w 1999 roku), cmentarz ewangelicki i na koniec miejsce, gdzie znajdował się zbór,

> pastorówka. Wspomnieniami z niedawnej przeszłości podzieliło się kilku mieszkańców Gąbina […] Następnym punktem programu była projekcja dwóch filmów wspomnieniowych. Licznie zgromadzeni mieszkańcy Gąbina mogli zobaczyć na nich swoich nieżyjących już bliskich (film Sama Rafela z 1937 r. o gąbińskich Żydach. – *J. S.*). Wywoływało to wiele emocji i sentymentalnych wzruszeń. Z kolei film pana Wojciecha Wasilewskiego przedstawił wizualizację gąbińskiej synagogi uznanej za najładniejszą budowlę sakralną w Europie. Spotkanie było również okazją do wysłuchania wierszy poetki – Rajzli Żychlińskiej, urodzonej w Gąbinie" [Ostrowska, 2016, s. 35].

W ramach „Spotkań z wielokulturowością" Towarzystwo Miłośników Ziemi Gąbińskiej oraz Społeczne Muzeum Ziemi Gąbińskiej podejmowało w dniu 12 sierpnia 2018 r. potomków gąbińskiej społeczności żydowskiej zamieszkałych w Stanach Zjednoczonych, zaś 19 maja 2019 r. – wycieczkę gąbińskich Żydów z Izraela i Stanów Zjednoczonych. Mieli oni okazję wysłuchać wspomnień najstarszych żyjących gąbinian na temat martyrologii mieszkańców Gąbina wyznania mojżeszowego, uczestniczyć w projekcji dokumentalnych filmów przedstawiających przedwojenny Gąbin. Ważnym punktem wspomnianych wycieczek było odwiedzenie dawnego cmentarza żydowskiego i odmówienie „kadisz" – modlitwy za zmarłych przodków, pochowanych na ziemi gąbińskiej [Olszewski (a), 2019].

Trudno sobie wyobrazić funkcjonowania Społecznego Muzeum Ziemi Gąbińskiej im. Sławoja Felicjana Składkowskiego bez wsparcia ze strony władz Miasta i Gminy Gąbin na czele z burmistrzem mgrem Krzysztofem Jadczakiem. Świadectwem jego zaangażowania w kultywowanie pamięci o bogatej przeszłości Ziemi Gąbińskiej było sfinalizowanie w 2013 r. wydania drukiem obszernej, liczącej ponad 900 stron, monografii Janusza Szczepańskiego *Dzieje Gąbina i okolic.*

Systematyczny udział Zarządu Towarzystwa Miłośników Ziemi Gąbińskiej w organizowaniu obchodów świąt narodowych i wielu imprez społeczno-kulturalnych, a zwłaszcza Dni Gąbina, stanowił okazję do budowanie bardzo dobrych relacji z władzami Miasta i Gminy Gąbin, działaczami samorządowymi, społeczno-politycznymi, a także z mediami. Wspomniane relacje zwiększyły także w gąbińskim środowisku lokalnym krąg potencjalnych partnerów TMZG oraz przyjaciół Społecznego Muzeum Ziemi Gąbińskiej im. Sławoja Felicjana Składkowskiego. Okazały się pomocne przy podejmowaniu decyzji władz miejskich odnośnie dalszego wspierania działalności Towarzystwa Miłośników Ziemi Gąbińskiej [30 lat Towarzystwa..., 2006, s. 7].

Decyzją władz Miasta i Gminy Gąbin, Społeczne Muzeum Ziemi Gąbińskiej im. Sławoja Felicjana Składkowskiego otrzymało swoją siedzibę w wyremontowanej i zaadaptowanej na cele kulturalne, najstarszej ka-

mienicy w mieście z 1809 r., w której przyszedł na świat ostatni premier II RP. Warto nadmienić, że Zarząd TMZG został zwolniony z obowiązku ponoszenia kosztów związanych z oświetleniem, ogrzewaniem i sprzątaniem siedziby Społecznego Muzeum Ziemi Gąbińskiej [Ostrowska, 2016].

W latach 2018–2019 wspólnym wysiłkiem udało się też pozyskać znaczne środki finansowe w wysokości 2 mln 636 tys. zł (w tym z Unii Europejskiej – 1 mln 141 tys. zł), przeznaczone na rewitalizację gąbińskiej Starówki, gdzie znajduje się siedziba Społecznego Muzeum Ziemi Gąbińskiej. W 2019 r. w ramach unijnego programu „Aktywni razem" część pozyskanych przez Towarzystwo Miłośników Ziemi Gąbińskiej oraz Społeczne Muzeum Ziemi Gąbińskiej im. Sławoja Felicjana Składkowskiego pieniędzy przeznaczono na zakup nowoczesnego sprzętu wystawienniczego [30 lat Towarzystwa..., 2006].

Wyrazem wspierania działalności merytorycznej Społecznego Muzeum Ziemi Gąbińskiej im. Sławoja Felicjana Składkowskiego przez władze Miasta i Gminy Gąbin jest zatrudnienie w 2018 r. na pół etatu dwóch osób (mgra Lecha Łukaszewskiego i mgr Alicji Lodzińskiej) do prac związanych z archiwizacją gąbińskich zbiorów muzealnych. Należy zaznaczyć, że najwięcej kłopotów sprawia opis wielu niezidentyfikowanych zdjęć ze zbioru pamiątek po gen. Sławoju Felicjanie Składkowskim. Zadaniem osób zaangażowanych w archiwizację eksponatów jest także oprowadzanie odwiedzających Społeczne Muzeum Ziemi Gąbińskiej wycieczek szkolnych i indywidualnych turystów. Duży udział w udostępnianiu zwiedzającym zbiorów gąbińskiego muzeum ma także prezes Towarzystwa Miłośników Ziemi Gąbińskiej – mgr Anna Ostrowska [Relacja Alicji Lodzińskiej].

Oczekując, że Społeczne Muzeum Ziemi Gąbińskiej im. Sławoja Felicjana Składkowskiego przejmie na własność Urząd Miasta w Gminy w Gąbinie, zarząd Towarzystwa Miłośników Ziemi Gąbińskiej niechętnie odnosi się do pomysłu, aby Społeczne Muzeum Ziemi Gąbińskiej stało się filią Muzeum Mazowieckiego w Płocku. W podobnych kategoriach odbierany jest pomysł, aby najcenniejszy eksponat gąbińskiego społecznego muzeum – pamiętnik gen. Sławoja Felicjana Składkowskiego, przekazać do Archiwum Emigracji Uniwersytetu Mikołaja Kopernika w Toruniu w celu jego wydania drukiem [Ostrowska, 2016; Muzea regionalne..., 2010; Folga-Januszewska, 2011].

Społeczne Muzeum Ziemi Gąbińskiej im. Sławoja Felicjana Składkowskiego stanowi istotny element działalności kulturalnej i przedmiot dumy władz i mieszkańców Gąbina. Prowadzi prężną działalność na rzecz umacniania tożsamości lokalnej, m. in. poprzez promocję wielokulturowości mieszkańców dawnego Gąbina. Formy działalności Społecznego Muzeum Ziemi Gąbińskiej im. Sławoja Felicjana Składkowskiego oraz jego założyciela – Towarzystwa Miłośników Ziemi Gąbińskiej są prezentowane

m.in. na założonej w 2013 r. stronie internetowej. Były one także popularyzowane w polskim społeczeństwie dzięki reportażom telewizyjnym „Kuriera Warszawy i Mazowsza" [Ostrowska i in., 2015, s. 10; Folga-Januszewska, 2011, s. 155].

Podczas przygotowywania niniejszego artykułu do druku, 17 września 2021 r. w Gąbinie została zorganizowana sesja naukowa poświęcona ostatniemu premierowi II RP pt. „Sławoj Felicjan Składkowski (1885 Gąbin – 1962 Londyn). Lekarz, Generał, Premier". Poza Burmistrzem Miasta i Gminy Gąbin, Towarzystwem Miłośników Ziemi Gąbińskiej, organizatorami konferencji były: Wojskowa Izba Lekarska i Okręgowa Izba Lekarska w Płocku. Jeden z referatów, poświęcony „Związkom Sławoja Składkowskiego z Gąbinem" wygłosiła mgr Anna Ostrowska – prezes TMZG. Wiele miejsca w dyskusji poświęcono wkładowi Sławoja Felicjana Składkowskiego w działania mające na celu polepszenie stanu zdrowia żołnierzy Wojska Polskiego i społeczeństwa II RP. Miłym akcentem współpracy z Okręgową Izbę Lekarską w Płocku podczas organizacji konferencji naukowej było użyczenie Społecznemu Muzeum Ziemi Gąbińskiej im. Sławoja Felicjana Składkowskiego gablot wystawienniczych [Relacja Anny Ostrowskiej].

Różnorodne, innowacyjne formy działalności Społecznego Muzeum Ziemi Gąbińskiej im. Sławoja Felicjana Składkowskiego, stanowią znakomity przykład badania przestrzeni pamięci historycznej mieszkańców na prowincji.

25 lat Towarzystwa Miłośników Ziemi Gąbińskiej / oprac. Łukaszewski L. Gąbin–Płock : Towarzystwo Miłośników Ziemi Gąbińskiej, 2000.

30 lat Towarzystwa Miłośników Ziemi Gąbińskiej / oprac. Łukaszewski L. Gąbin : Towarzystwo Miłośników Ziemi Gąbińskiej, 2006.

Borysiak J. Prześladowanie i zagłada ludności żydowskiej w Gąbinie // Notatki Płockie. 1992. Nr. 4. S. 37–38.

Chudzyński M. Powstanie styczniowe w powiecie gostynińskim // Notatki Płockie. 1963. Nr. 25. S. 10–13.

Ekonomia muzeum / red. D. Folga-Januszewska, B. Gutowski. Warszawa : Wyd-wo Universitatis, 2010.

Folga-Januszewska D. 1000 muzeów w Polsce. Przewodnik. Warszawa : Wyd-wo BOSZ, 2011.

Krzewińska H. Zagłada Żydów gąbińskich (cz. II) // Notatki Płockie. 2000. Nr. 4. S. 18–32.

Kultura i jej instytucje w województwie płockim w latach 1975–1998. Próba bilansu / red. B. Konarska-Pabiniak. Płock : Towarzystwo Naukowe Płockie, 1998.

Łukaszewski L. Franciszek Dobrowolski, członek dwóch „czerwonych" rządów narodowych w powstaniu styczniowym // Notatki Płockie. 1988. Nr. 3. S. 22–26.

Łukaszewski L. Towarzystwo Miłośników Ziemi Gąbińskiej w Turku // Echo Gąbina. 2016. Nr. 2/3/4. S. 38.

Muzea regionalne. Jaka przyszłość? / red. K. Łukawski. Pułtusk : Wyższa Szkoła Humanistyczna im. Aleksandra Gieysztora w Pułtusku, 2010.

Olszewski W. Kolejna wizyta społeczności żydowskiej w Gąbinie // Echo Gąbina. 2019. Nr. 2. S. 16–17. (a)

Olszewski W. Obchody 80 rocznicy wybuchu II wojny światowej w Gąbinie // Echo Gąbina. 2019. Nr. 3. S. 26–27. (b)

Olszewski W. TMZG z wystawą w Toruniu // Echo Gąbina. 2017. Nr. 1. S. 47. (a)

Olszewski W. Towarzystwo Miłośników Ziemi Gąbińskiej w Pomiechówku // Echo Gąbina. 2017. Nr 2. S. 47. (b)

Ostrowska A. Olszewska M., Łukaszewski L. Jubileusz 40-lecia Towarzystwa Miłośników Ziemi Gąbińskiej // Echo Gąbina. 2015. Nr. 4. S. 12.

Ostrowska A. Spotkania z wielokulturowością // Echo Gąbina. 2016. Nr 2/3/4. S. 35.

Relacja Alicji Lodzińskiej.

Relacja Anny Ostrowskiej.

Sioma M. Sławoj Felicjan Składkowski (1885–1962). Żołnierz i polityk. Lublin : Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej w Lublinie, 2005.

Sprawozdanie z działalności Towarzystwa Miłośników Ziemi Gąbińskiej za 2020 r.

Szczepański J. An allem ist der Krieg schuld. Haulandeer im Gostyninier Lande (vom 18. Jh. bis zum Zweiten Weltkrieg // Erlebte und erinnerte Geschichte. Deutsch-polnische Biographien, Teil II. Pszczółkowski T. G., Czejarek K., Schmidt-Godelitz A. Pułtusk : Akademia Humanistyczna im. Aleksandra Gieysztora w Pułtusku, 2017. S. 411–431.

Szczepański J. Dzieje Gąbina i okolic, Akademia Humanistyczna im. Aleksandra Gieysztora w Pułtusku, Gąbin – Warszawa : Akademia Humanistyczna, 2013.

Tygodnik Gostyniński. 1929. Nr. 9. S. 4; Nr. 22. S. 4; Nr. 29. S. 4.

Раздел 3.
РОЛЬ АРХИВОВ В ФОРМИРОВАНИИ МЕМОРАТИВНОГО ПРОСТРАНСТВА МАЛОГО ГОРОДА

УДК 930.25(438)

Dariusz Wajs
Katolicki Uniwersytet Lubelski
Kraśnickie Towarzystwo Regionalne
Archiwum Społeczne Dawny Zakrzówek i okolice
Lublin

ARCHIWUM SPOŁECZNE DAWNY ZAKRZÓWEK I OKOLICE ORAZ IZBA PAMIĘCI I TRADYCJI REGIONALNEJ W ZAKRZÓWKU JAKO INSTYTUCJE PAMIĘCI

Celem artykułu jest przedstawienie dwóch instytucji pamięci działających na terenie gminy Zakrzówek w powiecie kraśnickim i województwie lubelskim, które zajmują się kultywowaniem pamięci i mikrohistorią tej niewielkiej społeczności.

Dawny Zakrzówek i okolice to założone archiwum społeczne działające od lipca 2017 roku. Od grudnia 2020 znalazło się w bazie archiwów społecznych prowadzonej przez Centrum Archiwistyki Społecznej w Warszawie. Archiwum gromadzi fotografie i dokumenty związane z gminą Zakrzówek w dawnych i obecnych granicach terytorialnych, a także relacje i wspomnienia osób żyjących na tym terenie. Poprzez wpisy na stronie i artykuły w prasie lokalnej archiwum przypomina postacie związane z nasza gminą i historyczne wydarzenia, które miały miejsce na terenie gminy Zakrzówek. Archiwum obecnie nie posiada własnej siedziby, ale czynione są starania aby stało się nią przyszłe muzeum komplementarne swoimi celami statutowymi z archiwum społecznym.

© Wajs D., 2022

Izba Pamięci i Tradycji Regionalnej w Zakrzówku powstała w 1995 roku z inicjatywy nauczycielki historii w miejscowym Liceum Ogólnokształcącym Pani Wiesławy Sochal. Wspólnie z uczniami liceum udało się stworzyć izbę muzealną, gdzie uczniowie mogli uczestniczyć w żywych lekcjach historii. Wśród eksponatów należy wymienić przedmioty codziennego użytku, militaria, dewocjonalia czy judaika oraz dokumenty. Wraz z likwidacją Liceum Ogólnokształcącego pojawiła się groźba rozproszenia zbiorów. W 2018 roku stowarzyszenie U Źródła rozpoczęło starania o wyłączenie Izby Pamięci jako osobnej instytucji pod jego nadzorem oraz poszukiwania nowej siedziby. Latem 2018 roku siedzibą Izby stała się stara plebania przy kościele w Zakrzówku, gdzie urządzono 3 sale ekspozycyjne poświęcone etnografii, dewocjonaliom, numizmatyce i militariom czy życiu codziennemu. W planach jest także przygotowanie Sali poświęconej historii Liceum Ogólnokształcącego w Zakrzówku.

Słowa kluczowe: archiwistyka społeczna, instytucje pamięci, Archiwum społeczne Dawny Zakrzówek i okolice, Izba Pamięci i Tradycji Regionalnej, Zakrzówek.

Д. Вайс
Католический университет в Люблине
Красникское региональное общество
Социальный архив «Старый Закшувек и окрестности»

ОБЩЕСТВЕННЫЙ АРХИВ «СТАРЫЙ ЗАКШУВЕК И ОКРЕСТНОСТИ», А ТАКЖЕ ПАЛАТА РЕГИОНАЛЬНОЙ ТРАДИЦИИ В ЗАКШУВЕКЕ КАК ИНСТИТУТЫ ПАМЯТИ

Целью статьи является представление двух институтов памяти, существующих на территории гмины Закшувек (повят Красник, Люблинское воеводство).

«Старый Закшувек и окрестности» – это общественный архив, созданный в июле 2017 г. С декабря 2020 г. он находится в составе общественного архива при Центре общественной архивистики в Варшаве. Архив собирает фотографии и документы, связанные с гминой Закшувек в ее прежних и нынешних территориальных границах, а также сообщения и воспоминания людей, связанных с этим местом. В публикациях на сайтах и в статьях в прессе архив сообщает о людях, связанных с гминой и о произошедших здесь исторических событиях. Кроме того, архив занимается сбором письменных свидетельств о прошлом и звукозаписей. У архива еще нет собственного места, но в будущем предполагается организация музея, цели которого будут совпадать с заявленными при создании архива.

Палата региональной традиции в Закшувеке была основана в 1995 г. Вместе с учениками лицея удалось создать музейную комнату, где они принимали участие в живых уроках по истории. Среди экс-

понатов – предметы повседневного обихода, религиозного культа, документы, материалы по истории евреев. С закрытием лицея возникла угроза утраты коллекции. Летом 2018 г. местом размещения Палаты стал старый пресвитерий в церкви в Закшувеке, где были устроены три выставочных зала, посвященных этнографии, религии, нумизматике, военному делу и повседневной жизни. Также планируется подготовить комнату, посвященную истории средней школы в Закшувеке.

Ключевые слова: социальная архивистика, институты памяти, Общественный архив «Старый Закшувек и окрестности, Палата памяти и региональных традиций, Закшувек.

Truizmem jest stwierdzenie, że badania nad regionalistyką przeżywają po okresie stagnacji swój renesans. Historia i pamięć zbiorowa to jeden z ważnych czynników cementujących daną wspólnotę i wyróżniającą ją od innych wspólnot. Inny kapitał pamięci posiada miasto wielkości Lublina, inny miasto średnie jak Kraśnik, a jeszcze inny gmina wiejska. Coraz częściej są prowadzone badania nad historią danego skupiska ludności np. dzielnic miasta, dawniej stanowiących wsie lub miasteczka okalające większe skupisko miejskie. Przykładem może być projekt z okazji 700-lecia przywileju lokacyjnego Władysława Łokietka dla miasta Lublina pod nazwą *Lublin. Historia dzielnic*. Lubelscy historycy i archeolodzy opracowali krótkie zarysy dziejów poszczególnych dzielnic Lublina [Lublin..., 2017]. Truizmem jest również stwierdzenie, że badania nad regionalistyką przeżywają po okresie stagnacji swój renesans. Nie inaczej jest w przypadku Gminy Zakrzówek, leżącej w powiecie kraśnickim i województwie lubelskim, gdzie od lat swoje badania nad dziejami okolicy prowadzi dr Henryk Krawiec, obecnie już emerytowany nauczyciel historii [Krawiec, 1998; 2000; 2016; 2018; 2020]. Działalność w zakresie ochrony pamięci prowadzą Centrum Kultury i Biblioteki (wcześniej działające osobno jako Gminny Dom Kultury w Zakrzówku i Gminna Biblioteka Publiczna w Zakrzówku), szkoły na terenie Gminy Zakrzówek oraz dwie instytucje społeczne – Archiwum społeczne Dawny Zakrzówek i okolice oraz Izba Pamięci i Tradycji Regionalnej w Zakrzówku. Przykładową publikacją wydaną przez Gminną Bibliotekę Publiczną jest album *Gmina Zakrzówek w Dolinie Bystrzycy* [Gmina Zakrzówek, 2014]. Ówczesna Gminna Biblioteka Publiczna w Zakrzówku była współwydawcą publikacji Jana Aleksandra Sagana, byłego lekarza i fotografa amatora pochodzącego z Rudnika Drugiego [Sagan, 2017]. Do momentu powstania Gminnego Domu Kultury w 2012 roku to GBP w Zakrzówku była wydawcą gazety „Wieści Zakrzowieckie", gdzie obecna była tematyka historii lokalnej oraz dziedzictwa historyczno-kulturowego Gminy Zakrzówek.

Archiwum Społeczne Dawny Zakrzówek i okolice powstało w 2017 roku z inicjatywy autora niniejszego artykułu. Pierwotnie powstało jako witryna na portalu społecznościowym Facebook (jako tzw. fanpage). Pierwsze materiały prezentowane na stronie pochodziły z prywatnych zbiorów autora i były to stare fotografie przedstawiające członków jego rodziny. Z czasem jednak mieszkańcy okolicy zaczęli dzielić się swoimi rodzinnymi fotografiami, których liczba zaczęła zwiększać się wraz z poszerzeniem kręgu odbiorców strony. W grudniu 2020 roku Dawny Zakrzówek i okolice został wpisany do bazy archiwów społecznych prowadzonej przez Centrum Archiwistyki Społecznej w Warszawie. Centrum służy archiwom społecznym fachową pomocą w postaci webinarów i filmów szkoleniowych m.in. na temat digitalizacji i archiwizacji fotografii czy też aspektów prawnych prowadzenia archiwum społecznego. Cenną pomocą jest podręcznik do archiwistyki społecznej opracowany przez Ośrodek „Karta" – pioniera archiwistyki społecznej w Polsce [Archiwistyka społeczna, 2012].

Co znajduje się w zasobie archiwum społecznego? Kolekcja archiwalna otrzymała nazwę Pracownia Dokumentacji Dziejów Gminy Zakrzówek. W jej skład wchodzą przede wszystkim fotografie przedstawiające Gminę Zakrzówek i jej mieszkańców na przestrzeni lat. Zagadnienia interesujące archiwum to życie codzienne, uroczystości kościelne, ludowe i państwowe; sport, społeczność żydowska, ludzie zasłużeni dla naszej społeczności, parafie na terenie naszej gminy, zabytki. Szczególne zainteresowanie dotyczy dorobku fotograficznego miejscowych fotografów-amatorów. Udaje się pozyskiwać pojedyncze prace fotografów działających w Zakrzówku jeszcze przed II wojną światową: Władysława Hanaja (już po wyjeździe do Bychawy w 1930 roku zdał egzamin mistrzowski u samego Ludwika Hartwiga) i Kazimierza Serwackiego. Dużo większy zasób zajmuje dorobek fotografów pracujących w Zakrzówku po wojnie – uratowany od zniszczenia w czasie rozbiórki zakładu fotograficznego zestaw prac Wacława Furmagi, a także działającego obecnie Stefana Stypułkowskiego, który dygitalizuje obecnie efekty swojej kilkudziesięcioletniej pracy i chętnie dzieli się nimi z archiwum społecznym. Najcenniejsze pozyskane fotografie dotyczą wystroju kościoła w Zakrzówku z lat 50/60. XX wieku, cukrowni w Zakrzówku (gmach główny w latach 30. XX wieku, budowa kolejki wąskotorowej do Gałęzowa w 1928 roku), społeczności żydowskiej w okolicy, okresu międzywojennego (m.in. fotografia konduktu pogrzebowego z ciałem ks. Albina Jędrzejewskiego w 1929 roku czy budowa szkoły w Zakrzówku w latach 30. XX wieku) oraz życia codziennego w okresie PRL (m.in. rozbudowa szkoły w Zakrzówku w latach 1957–1965; budowa szkoły w Bystrzycy, życie kulturalne, sport itd.). Bardzo cenne są także pozyskiwane od 2018 roku pamiątki w postaci fotografii i dokumentów weteranów II wojny światowej czy też fotografie dokumentujące historię nieistniejącego już Liceum Ogól-

nokształcącego w Zakrzówku [Dziadosz, 1995]. Archiwum cyklicznie apeluje o dzielenie się rodzinnymi fotografiami, co przynosi skutki w postaci zwiększenia zasobu archiwalnego. Wśród zgromadzonych dokumentów warto wymienić m.in. rękopis przemówienia wygłoszonego w dniu poświęcenia kaplicy w Sulowie 5 sierpnia 1990 roku przez dyrektora miejscowej szkoły.

Archiwum próbuje pozyskiwać także wspomnienia i relacje m. in. wspomnienia z dzieciństwa na Kresach oraz okresu okupacji niemieckiej Zakrzówka spisała i przekazała jedna z mieszkanek. Archiwum cały czas pracuje nad pozyskiwaniem relacji od osób pamiętających ważne wydarzenia z historii lokalnej.

Archiwum społeczne nie posiada w chwili obecnej własnej siedziby, dlatego też zbiory można oglądać głównie online w postaci skanów oraz ilustrowanych pozyskanym materiałem wpisów na temat historii lokalnej lub w publikacjach na łamach prasy lokalnej np. „Wieści Zakrzowieckich" i „Regionalisty".

Działalność archiwum nie polega tylko na gromadzeniu i dokumentowaniu historii okolicy. Autor artykułu od września 2018 roku jest sekretarzem zarządu Kraśnickiego Towarzystwa Regionalnego oraz sekretarzem redakcji wydawanego przezeń czasopisma „Regionalista". Wspólnie z kolegami i koleżankami regionalistami przeprowadzono szereg działań, w które zaangażowane było także archiwum społeczne. Autor niniejszego artykułu publikuje na łamach „Regionalisty" artykuły będące rezultatem działań archiwalnych. Kolejnym wspólnym przedsięwzięciem była wystawa „Gmina Zakrzówek w okresie okupacji niemieckiej 1939–1944" sfinansowana w całości ze środków Urzędu Gminy Zakrzówek, będąca częścią obchodów 80. rocznicy wybuchu II wojny światowej. Kraśnickie Towarzystwo Regionalne od 2019 roku organizuje kwesty z których środki są przeznaczone na renowację zabytkowych nagrobków na cmentarzu w Zakrzówku, a autor uczestniczy w zbieraniu środków, pozyskiwaniu wolontariuszy do kwestowania oraz wyborze nagrobków do odnowienia. Dzięki kweście z 2019 roku zostały w 2020 roku odnowione dwa nagrobki. Środki zebrane w 2020 roku pozwolą w tym roku na odnowienie jednego zabytkowego nagrobka. Autor artykułu jest jednym z autorów biogramów wchodzących w skład Słownika Biograficznego Ziemi Kraśnickiej, którego pierwszym tom ukazał się pod koniec 2020 roku [Wajs, 2020]. W tej chwili autor opracowuje biogramy do kolejnych tomów słownika, które ukażą się w przyszłości. Autor wygłasza także referaty na środowiskowych i ogólnopolskich konferencjach naukowych oraz publikuje artykuły naukowe poświęcone historii regionalnej i dziedzictwu historycznemu [Wajs, 2018 (a)].

Od początku partnerem archiwum społecznego jest samorząd w postaci Urzędu Gminy Zakrzówek. Autor artykułu jest proszony o przygoto-

wywanie odczytów i referatów na tematy związane z historią Zakrzówka i okolic, skierowanych do mieszkańców Gminy Zakrzówek. W 2020 roku autor artykułu opracował tablicę informacyjną, która zostanie ustawiono obok pomnika upamiętniającego 21 mężczyzn z Zakrzówka Wilkołaza, Urzędowa i Modliborzyc rozstrzelanych w Zakrzówku na łące przy ul. Wójtowicza (przed wojną i krótko po Marszałka Józefa Piłsudskiego, w okresie okupacji niemieckiej Viktoria Strasse) w dniu 25 października 1943 roku. Archiwum społeczne współtworzyło także kartki pocztowe promujące Gminę Zakrzówek w lecie 2021 roku, a autor niniejszego artykułu opracował koncepcję szlaku turystycznego śladami historii Zakrzówka, który zaprezentował we wrześniu 2021 roku.

Archiwum społeczne współpracuje ze szkołami. W okresie od marca do listopada 2018 roku założyciel archiwum był jednym z konsultantów historycznych projektu „100 na 100. Sto wydarzeń na Stulecie Odzyskania Niepodległości" i przeprowadził w szkołach w Bystrzycy, Zakrzówku, Majdanie-Grabinie, Sulowie i Rudniku Drugim lekcje poświęcone historii lokalnej. Od września 2018 roku autor artykułu pracuje w Publicznej Szkole Podstawowej w Bystrzycy jako nauczyciel historii. Wspólnie z Dyrektor, Gronem Pedagogicznym, pracownikami obsługi, rodzicami i uczniami udało się także dokonać wielu działań w zakresie pamięci. Wystarczy wymienić utworzenie Sali historycznej poświęconej bohaterom i ważnym osobom pochodzącym z Bystrzycy. Są to: legioniści Jan Kawęcki i Jan Jędrasik, ks. Jan Wronka, weterani II wojny światowej: Jan Jędrasik (brat stryjeczny legionisty), Feliks Walczak, Marcin Kawęcki i Stanisław Kania. Szkoła jest od 2018 roku organizatorem Międzyszkolnego Konkursu Literackiego „Historia sprzed lat" (w pierwszej i drugiej edycji „Historia rodzinna"], który od edycji II zyskał patrona merytorycznego w postaci Kraśnickiego Towarzystwa Regionalnego, który od tegorocznej, IV edycji (rok szkolny 2021/2022) jest współorganizatorem konkursu, dzięki czemu urósł on od skierowanego do uczniów z terenu gminy Zakrzówek do rangi konkursu skierowanego właściwie do każdego mieszkańca powiatu kraśnickiego. Ważnym wydarzeniem była wieczornica historyczna, która miała miejsce w dniu 18 listopada 2019 roku w ramach akcji Ministerstwa Edukacji Narodowej „Szkoła Pamięta". W jej czasie autor artykułu przygotował tekst apelu pamięci poświęconego bohaterom wojennym z terenu Gminy Zakrzówek oraz zaprezentował wspomnianą wystawę poświęconą okupacji niemieckiej Gminy. Regularnie wraz z uczniami i nauczycielami uczestniczymy także w porządkowaniu grobów dyrektorów szkoły i weteranów wojennych pochodzących z Bystrzycy, co cieszy się z dużym entuzjazmem i odzewem ze strony uczniów.

Archiwum współpracuje także z Gminną Radą Kobiet (odczyty, oprowadzanie wycieczek), Izbą Pamięci i Tradycji Regionalnej w Zakrzówku

i prowadzącym ją Stowarzyszeniem „U Źródła", Fundacją Hereditas (inwentaryzacja miejsc pamięci w okolicy). W trakcie realizacji są dwa projekty tworzone przez Fundację Semper Adiuvent. Na ukończeniu jest renowacja dwóch nagrobków – ks. Albina Jędrzejewskiego i ks. Władysława Frankowskiego, a fundacja pracuje nad utworzeniem Muzeum Wsi Zakrzowieckiej, gdzie znaleźć ma swoją siedzibę także archiwum społeczne Dawny Zakrzówek i okolice. Archiwum chętnie współpracuje także z parafiami znajdującymi się na terenie gminy. Ważne także dla archiwum są spotkania z rodzinami osób, których historię dzięki pracy archiwalnej poznajemy. Takim wydarzeniem była wizyta rodziny sierżanta pil. Piotra Bartysia, w tym jego dwóch córek, we wrześniu 2019 roku.

Drugą z omawianych w artykule instytucji pamięci jest Izba Pamięci i Tradycji Regionalnej w Zakrzówku. Powstała ona w 1995 roku z inicjatywy nauczycielki miejscowego liceum Pani Wiesławy Sochal. Zaczęła ona zachęcać uczniów do przynoszenia do szkoły eksponatów związanych z historią okolicy. Od czasu powstania do 2018 roku służyła ona głównie celom dydaktycznym i nauce historii w szkole, z naciskiem na historię małej ojczyzny. Wśród eksponatów można było wyróżnić działy: numizmatyka, militaria, dzieje szkoły, źródła pisane. Izba zgromadziła pokaźny zbiór starych żelazek oraz innych przedmiotów codziennego użytku [Liceum Ogólnokształcące, 2015; Nowosad, 1999; Stankiewicz, 2002]. Siedzibą Izby Pamięci był m.in. budynek dawnego internatu. W 2015 roku z okazji VI Zjazdu Absolwentów zakupiono nowe gabloty i półki szklane. Niepokój wzbudzał stan ówczesnej siedziby, którą był budynek nieczynnego już internatu, służącego uczniom Liceum do 2000 roku. W budynku m.in. przecieka dach, co stanowiło niebezpieczeństwo dla zgromadzonych eksponatów.

Wraz ze spadkiem zainteresowania nauką w Liceum nad Izbą Pamięci zawisła groźba likwidacji oraz rozproszenia zbiorów i ich wywozu poza Zakrzówek. W lutym 2018 roku grupa entuzjastów Izby na czele z Panią Haliną Kawęcką-Rachoń założyła Stowarzyszenie „U Źródła" i rozpoczęła rozmowy ze Starostwem Powiatowym w Kraśniku w celu wydzielenia zbiorów ze szkoły i przekształcenia Izby Pamięci w odrębną społeczną placówkę zarządzaną przez wspomniane stowarzyszenie. Stowarzyszenie znalazło także miejsce, gdzie Izba miała mieć swoją siedzibę. Po rozmowie z ks. Dariuszem Ziółkowskim przyszłą siedzibą Izby miała zostać nieużytkowana stara plebania pochodząca z 1844 roku. Od maja do sierpnia 2018 roku członkowie stowarzyszenia oraz wolontariusze (w tym autor tego artykułu) przeprowadzili remont wnętrza budynku, wykonując większość prac własnymi rękami: wyrównywali ściany, malowali ściany i okna. Warto zaznaczyć, że pomysłodawcą wykorzystania starej plebanii jako siedziby dla Izby był zmarły nagle w 2017 roku Antoni Rachoń [Wajs, 2018 (b)].

W ciągu dwóch pierwszych dni nową siedzibę odwiedziło kilkuset mieszkańców gminy Zakrzówek oraz miejscowości ościennych.

Uroczyste otwarcie nowej siedziby Izby Pamięci i Tradycji Regionalnej w Zakrzówku miało miejsce 25 sierpnia 2018 roku. Budynek poświęcił bp Józef Wróbel, który gościł wówczas w Zakrzówku na uroczystościach religijnych.

Ekspozycja Izby Pamięci składa się z czterech pomieszczeń. W niewielkim korytarzu prezentowane są stare książki, w tym księgozbiór pierwszego dyrektora Liceum w Zakrzówku Jerzego Rozmeja, oraz zabytki techniki w postaci gramofonu, adaptera, starego telewizora oraz płyt winylowych. Jest także słynny kołchoźnik.

Pomieszczenie drugie poświęcone jest życiu codziennemu i etnografii. W jednej części znajduje się umeblowany pokój (dwa kredensy, stół, łóżko, kołyska itd.). W drugiej części znajdują się różnego typu narzędzia rzemieślnicze: stolarskie, rymarskie, a nawet fryzjerskie. W tym pomieszczeniu zwiedzający dowiedzą się o życiu codziennym na zakrzowieckiej wsi dawniej. Goście mogą zobaczyć m.in. słomiane buty, w wersji rozwojowej, bo podbite starą oponą znalezioną wśród szpargałów przez ich pierwotnego właściciela.

Pomieszczenie trzecie wypełniają stare żelazka, butelki, naczynia, numizmaty, dokumenty i militaria. Izba Pamięci zgromadziła pokaźną kolekcję monet i banknotów polskich oraz zagranicznych (szczególnie tych z bloku komunistycznego m.in. z Czechosłowacji, Węgier, Rumunii). Wśród żelazek znajdują się żelazka z tzw. duszą, na węgiel oraz elektryczne. Eksponowane są także naczynia szklane, gliniane (m.in. te naprawiane przez tzw. druciarza) i ceramiczne. Można także zobaczyć kilka wag, od takich stosowanych w handlu obnośnym po wagi sklepowe, łącznie z często spotykaną wagą sklepową z Lubelskiej Fabryki Wag. Wśród militariów warto wymienić hełmofon, hełmy, mundury, czapkę pilotkę z goglami, łuski, bagnety. Cennym eksponatem jest notes ze szkolenia z obsługi radiostacji wojskowej, który należał do uczestnika II wojny światowej i walk w 1944/1945 Jana Stępnia. Najcenniejszym eksponatem znajdującym się w tej Sali jest jednak fragment Księgo Sędziów, pochodzący z bożnicy znajdującej się w Zakrzówku.

Pokój czwarty zajmuje sfera sacrum. Jedynymi niepasującymi do nich eksponatami są elementy krat służących do utwardzenia pasa startowego sowieckiego lotniska polowego, które działało w Studziankach w 1944/1945 roku. Wyeksponowano tutaj krzyże metalowe, które porzucone na zakrzowieckim cmentarzu znajdował Zbigniew Nasiłowski, artysta plastyk i nauczyciel plastyki w Zakrzówku oraz dyrektor szkoły w Majdanie-Grabinie. Dzięki żonie artysty, pani Joannie, trafiły one do zbiorów

Izby, a po oczyszczeniu i zabezpieczeniu antykorozyjnym zawisły na jednej ze ścian. Na innych ścianach znajdują się stare obrazy o tematyce religijnej, a na stole dewocjonalia (kantyczki, książeczki do nabożeństwa, różańce i medaliki). Cennymi eksponatami są trzy tabla po ks. Stanisławie Kiełboniu, przedostatnim proboszczu, który mieszkał w plebanii (nową pobudował jego następca ks. Edward Szeliga). Znalezione w przedsionku w czasie prac remontowych zostały umieszczone w ważniejszym miejscu. Wśród nich są tableau z okresu nauki w Gimnazjum w Leżajsku, tableau alumnów seminarium duchownego w Lublinie z 1936 roku oraz zdjęcie rocznika ks. Kiełbonia z bł. biskupem Władysławem Goralem. W Sali stoi także figura Chrystusa stojąca niegdyś w zakrzowieckim kościele.

Izba zgromadziła także wiele dokumentów – świadectw, kenkart, dokumentów z okresu okupacji dotyczących odbioru płodów rolnych, fotografii oraz wielu innych.

Działania Izby koncentrują się wokół lekcji muzealnych dla młodzieży szkolnej. Takie lekcje odbywali uczniowie z Zakrzówka, Majdanu-Grabiny, Rudnika Drugiego, Sulowa, Bystrzycy, Kraśnika czy Annopola. Zwiedzać Izbę przyjechali także m.in. europoseł Krzysztof Hetman, biskupi Artur Miziński i Mieczysław Cisło czy Joel Baumann, będący potomkiem przedwojennych zakrzowieckich Żydów. Izba organizowała także w 2019 roku koncert kolęd zespołu Bystre Nutki z PSP w Bystrzycy oraz konkurs bożonarodzeniowy na szopkę i ozdoby choinkowe. Pani Halina Kawęcka-Rachoń była bardzo aktywna także jako wolontariuszka podczas wspomnianych kwest organizowanych przez Kraśnickie Towarzystwo Regionalne na rzecz renowacji zabytkowych nagrobków na cmentarzu w Zakrzówku.

W Izbie pracują jako wolontariuszki Halina Kawęcka-Rachoń i Beata Łukasik, które oprowadzają regularnie gości oraz dbają o wystrój i porządek w siedzibie. Współpracownikiem autor niniejszego artykułu, który pomaga w digitalizacji zbiorów oraz w pracach nad rozwojem ekspozycji w miarę potrzeb i możliwości finansowych, a także społecznie oprowadza gości. Pomaga także w pracach porządkowych.

W okresie pandemii aktywność Izby w postaci odwiedzin gości osłabła, ale na facebookowym profilu placówki przez całą pandemię były publikowane cyfrowe kopie najciekawszych dokumentów oraz zdjęcia eksponatów, co cieszyło się zainteresowaniem i dużym odbiorem. Izba Pamięci w 2018 roku przygotowała stoisko na dożynki gminne, gdzie prezentowała swoją odnowioną siedzibę i ciekawsze z eksponatów.

Archiwum Społeczne Dawny Zakrzówek i okolice oraz Izba Pamięci i Tradycji Regionalnej w Zakrzówku to dwie instytucje pamięci na terenie gminy Zakrzówek o charakterze społecznym, które powstały dla uzupełnienia działań pozostałych instytucji z terenu Gminy. Obie zajmują się hi-

storią lokalną oraz popularyzowaniem jej wśród mieszkańców gminy oraz sąsiednich miejscowości. Obie także są zaangażowane w szeroko rozumianą działalność społeczną na rzecz lokalnej społeczności. Skutkiem tej działalności jest wzrost wiedzy na temat historii lokalnej oraz ochrona pamięci zbiorowej miejscowej społeczności. Wymiernym skutkiem są m.in. odnawiane zabytki zakrzowieckiego cmentarza.

Archiwistyka społeczna / red. K. Ziętal K. Warszawa : Karta, 2012.

Dziadosz K. 50 lat Gimnazjum i Liceum Ogólnokształcącego w Zakrzówku. Zakrzówek : Towarzystwo Ziemi Zakrzowieckiej, 1995.

Gmina Zakrzówek w Dolinie Bystrzycy / red. T. Stankiewicz. Zakrzówek : Gminna Biblioteka Publiczna w Zakrzówku, 2014.

Krawiec H. Dobra Zakrzówek w okresie zaborów 1795–1915. Zakrzówek : Stowarzyszenie na rzecz rozwoju Gminy Zakrzówek, 2016.

Krawiec H. Gmina Zakrzówek w okresie niewoli narodowej i odrodzonej Rzeczypospolitej (1866–1939). Zakrzówek : Fundacja Mozaika, 2018.

Krawiec H. Gmina Zakrzówek w latach 1864–1939. Historyczno-kulturowy obraz społeczności lokalnej. Zakrzówek : Fundacja Mozaika, 2020.

Krawiec H. Gmina Zakrzówek w okresie staropolskim. Zakrzówek-Kielce : Nakład własny autora, 1998.

Krawiec H. Szkoła Podstawowa im. Jana Kochanowskiego w Zakrzówku 1899–1999. Zarys dziejów. Zakrzówek : Nakład własny autora z dotacją Gminy Zakrzówek i Starostwa Powiatowego w Kraśniku), 2000.

Liceum Ogólnokształcące im. Stefana Żeromskiego 1945–2015 / red. M. Taczalska i in. Zakrzówek : Towarzystwo Ziemi Zakrzowieckiej, 2015.

Nowosad R. Izby tradycji i pamięci narodowej w powiecie kraśnickim (cz. 1) // Regionalista. 1999. Nr. 13.

Sagan J. A. Wieś lubelska Jasia Wędrowniczka. Cz. 2. 60 lat później. Opole–Kędzierzyn–Zakrzówek : GBP w Zakrzówku, 2017.

Stankiewicz T. Tradycja i kultura w gminie Zakrzówek // Regionalista. 2002. Nr. 18.

Wajs D. Bartyś Piotr (1916–1975) // Słownik Biograficzny Ziemi Kraśnickiej. T. 1 / red. J. S. Kamyk-Kamieński, M. Surdacki. Kraśnik : Kraśnickie Towarzystwo Regionalne, 2020.

Wajs D. Dziedzictwo historyczno-kulturowe Gminy Zakrzówek perspektywa rozwoju turystycznego gminy wiejskiej na przykładzie Gminy Zakrzówek // Spojrzenie na współczesną turystykę / red. P. Gryszel. Jelenia Góra : Ad Rem, 2018. (a)

Wajs D. Nowa siedziba Izby Pamięci i Tradycji Regionalnej w Zakrzówku // Regionalista. 2018. Nr. 24. (b)

Z dziejów parafii na terenie Gminy Zakrzówek / red. H. Krawiec. Zakrzówek : Fundacja Mozaika, 2017.

УДК 930.25(438):304.4

Andrzej Wróbel
Archiwum Państwowe
w Piotrkowie Trybunalskim
Tomaszów Mazowiecki

ROLA ARCHIWUM PAŃSTWOWEGO W PIOTRKOWIE TRYBUNALSKIM ODDZIAŁ W TOMASZOWIE MAZOWIECKIM W GROMADZENIU I OCHRONIE ŚWIADECTW HISTORII MAŁYCH OJCZYZN

Celem artykułu jest ukazanie dziejów oraz roli jaką odgrywa Archiwum Państwowe w Piotrkowie Trybunalskim Oddział w Tomaszowie Mazowieckim w gromadzeniu i zabezpieczaniu materiałów archiwalnych dotyczących historii regionalnej. Placówka powstała w 1950 r. jako Oddział Archiwum Państwowego w Łodzi. Początkowo swoim zasięgiem objęła miasto Tomaszów Mazowiecki i powiat brzeziński. W 1952 r. obszar działania powiększył się o powiat rawski. Obecnie zasięgiem działania obejmuje powiat tomaszowski oraz większość gmin powiatów opoczyńskiego i łódzkiego wschodniego. Archiwum od początku działalności gromadzi archiwalia. Aby zabezpieczyć materiały archiwalne przed zniszczeniem kierownik Włodzimierz Rudź przeprowadzał co miesiąc kontrolę składnic tzw. „odpadów". W ten sposób uratowano przed zniszczeniem najcenniejsze dokumenty rodu Ostrowskich z Ujazdu. Archiwum prowadziło również liczne kontrole i wizytacje archiwów zakładowych urzędów i instytucji. W 2008 r. uruchomiona została pracownia mikrofilmowa, która sporządzała mikrofilmy zarówno z zasobu Oddziału, jak i centrali w Piotrkowie. Zbliżone cele ma digitalizacja, które archiwum realizuje przez firmy zewnętrzne.

Słowa kluczowe: archiwum państwowe, mała ojczyzna, dokumentacja, źródła historyczne.

А. Врубель
Государственный архив в г. Петркуве Трыбунальском,
Томашув-Мазовецкий

РОЛЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА В г. ПЕТРКУВЕ-ТРЫБУНАЛЬСКОМ (ФИЛИАЛ В г. ТОМАШУВ-МАЗОВЕЦКИЙ) В СБОРЕ И ЗАЩИТЕ СВИДЕТЕЛЬСТВ ИСТОРИИ МАЛЫХ СТРАН

Целью статьи является рассмотрение роли архива в Томашове-Мазовецком по сбору и сохранению материалов по истории родного края. Учреждение было основано в 1950 г. как отделение государственного архива г. Лодзь. Изначально архив осуществлял сбор документов в г. Томашув-Мазовецкий и Бжезинском районе. В 1952 г. зона деятельности была расширена и в настоящее время распространяется на район Томашув, а также на большинство муниципалитетов районов Опочно

© Wróbel A., 2022

и Лодзь Восточная. Архивные материалы откладываются в учреждении с момента его основания. Ведется работа по сохранению документов от уничтожения. Регулярно проводятся проверки архивов предприятий и государственных учреждений. В 2008 г. началась работа по созданию микрофильмов из материалов, хранящихся в архиве в г. Томашув-Мазовецкий и в государственном архиве г. Петркув-Трыбунальский. Цифровизация проводится силами приглашеных архивом внешних фирм.

Ключевые слова: государственный архив, «малая родина», документация, исторические источники.

Celem artykułu jest ukazanie dziejów oraz roli jaką odgrywa Archiwum Państwowe w Piotrkowie Trybunalskim Oddział w Tomaszowie Mazowieckim (dalej: APTM) w gromadzeniu, zabezpieczaniu materiałów archiwalnych dotyczących historii regionalnej.

Ważne znaczenie w historii miasta miało powołanie w 1950 roku przez Wydział Archiwów Państwowych Oddziału w Tomaszowie Mazowieckim Archiwum Państwowego w Łodzi [Kotewicz, 1992, s. 2]. Zostało utworzone na mocy Zarządzenia Ministra Oświaty z dnia 21 lipca 1950 roku o utworzeniu Oddziałów Powiatowych Wojewódzkich Archiwów Państwowych. Jego zorganizowaniem zajął się Włodzimierz Rudź, którego Naczelny Dyrektor Archiwów Państwowych Rafał Gerber powołał 15 września tego roku na stanowisko kierownika oddziału. Sprawował on tę funkcję do stycznia 1991 roku. Jego następcami byli: Andrzej Kędzierski (1991), Czesław Ogórek (1991–1995), Teresa Kaczmarek (1995–1997) i Andrzej Wróbel (1997 – do chwili obecnej) [Wróbel, 2020].

Początkowo tomaszowska placówka archiwalna swoim zasięgiem objęła miasto Tomaszów Mazowiecki i powiat brzeziński [Kotewicz, 1992, s. 2]. W 1952 roku otrzymała status Powiatowego Archiwum Państwowego (dalej: PAP). W tym też roku zasięg jego działania powiększony został o powiat rawski.

Kolejna zmiana w strukturze archiwów państwowych nastąpiła w 1976 roku w związku z reformą administracyjną kraju. Na mocy Zarządzenia nr 4 Ministra Nauki, Szkolnictwa Wyższego i Techniki z dnia 21 stycznia 1976 roku w sprawie utworzenia wojewódzkich archiwów państwowych [Sierpowski, Matelski, 1988, s. 200] doszło do utworzenia Wojewódzkiego Archiwum Państwowego w Piotrkowie Trybunalskim, którego ekspozyturą stała się tomaszowska placówka [Matuszak, 2017, s. 34]. Ekspozytura była najniższą jednostką w strukturze archiwalnej, pełniąc jedynie rolę magazynu. Była czynna tylko przez dwa dni w tygodniu (w środy i soboty) [Tobiański, 1976, s. 1]. Włodzimierz Rudź w pozostałe dni pracował w centrali w Piotrkowie, najpierw jako starszy archiwista, a od 1 października 1976 roku na stanowisku kierownika oddziału materiałów archiwalnych [APPT 1]. Sprze-

ciwiał się on decyzji o zdegradowaniu tomaszowskiego archiwum do rangi ekspozytury. W maju 1976 roku wystosował pismo do Naczelnej Dyrekcji Archiwów Państwowych, w którym przedstawił osiągnięcia tomaszowskiej placówki archiwalnej oraz uzasadniał potrzebę jej istnienia [APTM 1]. Jego stanowisko poparły władze miasta Tomaszowa Mazowieckiego oraz łódzkie środowisko naukowe[Wróbel, 2019, s. 322]. Dzięki tym staraniom od 1 stycznia 1980 roku na mocy zarządzenia Naczelnego Dyrektora Archiwów Państwowych tomaszowskie archiwum zostało podniesione do rangi Oddziału Archiwum Państwowego w Piotrkowie Trybunalskim [APPT 2], którą posiada do dzisiaj [Matuszak, 2019, s. 29]. Obecnie APTM swoim zasięgiem obejmuje powiat tomaszowski, oraz gminy: Białaczów, Mniszków, Opoczno, Paradyż, Poświętne, Sławno i Żarnów z powiatu opoczyńskiego oraz gminę Koluszki z powiatu łódzkiego wschodniego [Wróbel, 2020, s. 55].

Pierwszym zadaniem, przed którym stanął W. Rudź jako kierownik tomaszowskiej placówki archiwalnej, było pozyskanie odpowiedniego lokalu. Prezydium Miejskiej Rady Narodowej w Tomaszowie Mazowieckim przydzieliło archiwum lokal o powierzchni 88 m2 przy ul. św. Antoniego 21/23 [Zielińska, 2007, s. 35]. Były to pomieszczenia po sklepie. Dwa z nich, przypominające magazyny, znajdowały się w zawilgoconych piwnicach, a to z parteru pełniło rolę biura. Kierownik z pomocą woźnego przeprowadził remont pomieszczeń [Wróbel, 2019, s. 307]. Wkrótce zwiększenie zasobu archiwalnego wymusiło przeniesienie akt do pomieszczenia suterenowego przy ul. św. Antoniego 1/3. Na potrzeby placówki przyznano również stosunkowo obszerny lokal przy ul. Tkackiej 2. Tam też zlokalizowano siedzibę PAP. Następnie pozyskano pomieszczenie przy ul. Tkackiej 4. Zasób archiwalny był przechowywany w pomieszczeniach suterenowych znajdujących się w trzech odrębnych budynkach. Taki stan lokalowy istniał do końca lat siedemdziesiątych XX w., kiedy to trzeba było opuścić pomieszczenia przy ul. św. Antoniego 1/3 w związku z rozbiórką tego budynku. Kierownik podjął wówczas usilne starania o pozyskanie nowych pomieszczeń. Dzięki jego zabiegom pozyskano lokal o powierzchni 211 m^2 przy ul. Tkackiej 17. Do niego w 1985 roku przeniesiono siedzibę Oddziału [Kotewicz, 1992, s. 5].

Kłopoty lokalowe tomaszowskiego archiwum skończyły się na początku 1992 roku. Dzięki staraniom dyrektora Archiwum Państwowego w Piotrkowie Trybunalski dr. hab. Ryszarda Kotewicza popartych przez władze miasta Tomaszowa oraz dyrekcję Zakładów Włókien Chemicznych „Wistom" przekazano archiwum budynek po byłym przedszkolu zakładowym przy ul. Spalskiej 120. Budynek ten o powierzchni użytkowej 936,0 m^2 adaptowano na cele archiwalne. Można było pomieścić w nim cały zasób oraz przejąć zaległą dokumentację z urzędów, zakładów prze-

mysłowych i instytucji. W latach 1998–2020 przeprowadzono szereg prac remontowych. Urządzono pracownię naukową na sześć stanowisk, której w 2011 roku nadano imię W. Rudzia. Ważne było oddanie do użytku sali do popularyzacji zasobu. Od tej pory wystawy, konferencje naukowe, odczyty odbywały się w siedzibie Oddziału. Wyremontowanie magazynów, ocieplenie budynku i remont dachu przyczyniły się do poprawy warunków przechowywania materiałów archiwalnych. Założenie monitoringu oraz instalacji zagrożenia pożarem poprawiło bezpieczeństwo udostępniania i przechowywania materiałów archiwalnych [Wróbel, 2020, s. 57].

W pierwszych kilkudziesięciu latach swojego istnienia tomaszowska placówka archiwalna działała na podstawie Dekretu z 29 marca 1951 roku o archiwach państwowych [Dekret..., 1951; Sierpowski, Matelski, 1988, s. 117]. Obecnie oddział funkcjonuje na podstawie Ustawy z 14 lipca 1983 roku o narodowym zasobie archiwalnym i archiwach [Ustawa..., 1983; Łysiak, 1987]. Była ona wielokrotnie nowelizowana [Konstankiewicz, 2014]. Stała się najważniejszym aktem prawnym, a zarazem podstawą polskiego prawa archiwalnego, pod którym to pojęciem należy rozumieć „zespół norm prawnych regulujących zasady i tryb postępowania z dokumentacją oraz określający działalność archiwalną i kompetencje organów administracji rządowej w tym zakresie" [Borodij, 2009, s. 244]. Oba wymienione akty prawne zaliczają: gromadzenie, przechowywanie, opracowywanie, zabezpieczanie i udostępnianie materiałów archiwalnych należących do ich zasobu archiwalnego do ważnych zadań archiwów państwowych.

Tomaszowskie archiwum od początku swego istnienia przejmowało akta miast, gmin, organów administracji państwowej, zakładów przemysłowych oraz stowarzyszeń i organizacji społecznych. Tylko w 1951 roku zgromadziło ok. 65 mb [APTM 2]. akt, natomiast w 1954 roku ok. 150 metrów bieżących (dalej: mb.) akt [APTM 3]. Zasób APTM systematycznie się powiększał i na koniec 1975 roku składał się z 220 zespołów zawierających 55 875 jednostek archiwalnych (dalej: j. a.) co stanowiło 1050,50 mb [APTM 4]. W okresie ekspozytury przejęcia materiałów archiwalnych wpisywano do księgi nabytków Wojewódzkiego Archiwum Państwowego w Piotrkowie Trybunalskim. Po odzyskaniu statusu oddziału archiwum wznowiło przejmowanie dokumentów z urzędów, zakładów oraz instytucji państwowych. Najwięcej materiałów archiwalnych wpłynęło na przełomie XX i XXI w. Przyczyniły się do tego zmiana ustroju w Polsce oraz upadek przemysłu. Oddział przejmował akta miejskich i gminnych rad narodowych, urzędów miast i gmin sprzed reformy samorządowej oraz zlikwidowanych zakładów przemysłowych. W ostatnich latach zmniejszyła się liczba przejmowanych materiałów archiwalnych. Było to spowodowane wyczyszczeniem przedpola archiwalnego we wcześniejszym okresie [Wróbel, 2020, s. 58].

Duży wpływ na zasób Oddziału Archiwum Państwowegow Tomaszowie Mazowieckim miało także przekazywanie materiałów archiwalnych między archiwami. W 1991 roku przekazano akta szczebla powiatowego oraz miast i gmin, które weszły w skład województwa skierniewickiego do Oddziału Archiwum Państwowego Miasta Stołecznego Warszawy w Rawie Mazowieckiej. Z kolei tomaszowska placówka otrzymała z tegoż oddziału akta szczebla powiatowego oraz miast i gmin z powiatu brzezińskiego [Kotewicz, 1992, s. 5]. W 2017 roku w ramach scalania zespołów tomaszowski Oddział przekazał do Archiwum Państwowego w Łodzi zespół Zbiór Suffczyńskich z Ossy z lat 1803–1934 w ilości 24 j. a., co stanowi 0,30 mb. Z Archiwów Państwowych w Łodzi i Warszawie Oddział w Tomaszowie Mazowieckim otrzymał ogółem 183 j. a. 3,84 mb [APTM 5]. W następnym roku Oddział przekazał do Archiwum Państwowego w Warszawie 8 zespołów liczących 1237 j. a. 14,71 mb. Natomiast tomaszowska placówka otrzymała dopływy do 23 zespołów liczących 2487 j. a., 25,46 mb. Te materiały przekazały Archiwa Państwowe w Radomiu i Kielcach [APTM 6]. Zasób tomaszowskiego archiwum stale się powiększał i na koniec 2020 roku wynosił 660 zespołów liczących 144 883 j. a., co stanowi 2064,57 mb [APTM 7] (tab. 1).

Tabela 1. Przejęcia materiałów archiwalnych w latach 1951–2020.

Lp.	Rok	Ilość zespołów	Ilość jednostek	Ilość metrów
1	1951	10	brak danych	75
2	1959	3	brak danych	100
3	1969	3	brak danych	13,5
4	1990	8	5560	47,0
5	2000	3	5131	60,40
6	2010	2	911	7,53
7	2020	2	144	1,38

[APTM 9].

Aby zabezpieczyć materiały archiwalne przed zniszczeniem, kierownik W. Rudź przeprowadzał co miesiąc kontrolę składnic makulatury. W ten sposób uratował przed zniszczeniem najcenniejsze dokumenty rodu Ostrowskich z Ujazdu. Ze względu na ich unikatową wartość historyczną przekazano je do Wojewódzkiego Archiwum Państwowego w Łodzi [APTM 10]. Archiwum przeprowadzało liczne kontrole i wizytacje w archiwach zakładowych instytucji szczebla powiatowego i niższego, znajdujące się na terenie objętym zasięgiem tomaszowskiej placówki. Ich celem było dopilnowanie prawidłowego opracowania, przechowywania i przekazywania akt do archiwum lub na makulaturę [Wróbel, 2018, s. 197] (tab. 2). W 1995 roku decyzją dyrektora Archiwum Państwowego w Piotrkowie Trybunalskim nadzór został przeniesiony do centrali w Piotr-

kowie Trybunalskim, a oddział zaprzestał przeprowadzania kontroli i ekspertyz.

Tabela 2. Kontrole i wizytacje przeprowadzone w latach 1951–1995.

Lp.	Rok	Kontrole urzędów i instytucji	Kontrole składnic makulatury
1	1951	87	29
2	1955	6	40
3	1960	20	25
4	1966	92	12
5	1970	80	12
6	1975	54	6
7	1985	8	2
8	1990	31	–
9	1995	7	–

[APTM 11; APTM 12].

W początkowym okresie funkcjonowania przejmowane do archiwum akta były w bardzo złym stanie, ponieważ znajdowały się wcześniej na strychach, w szopach, w zawilgoconych piwnicach, niekiedy zalane, ze śladami pleśni, pogniecione czy rozerwane. Kierownik pieczołowicie czyścił je z zabrudzeń, osuszał i prostował zagniecenia. W tej dziedzinie tomaszowska placówka przodowała wśród wszystkich powiatowych archiwów podległych Archiwum Państwowemu w Łodzi [Bandurka, 1961, s. 92]. Oddział do dzisiaj nie posiada jednak pracowni konserwacyjnej. Konserwacja sprowadza się do drobnych prac introligatorskich, odkurzania akt oraz ich paginacji, przekładania ich do teczek wiązanych oraz pudeł z tektury bezkwasowej.

Aby zabezpieczyć akta przed zniszczeniem, w 2008 roku w oddziale została uruchomiona pracownia do mikrofilmowania, która sporządzała mikrofilmy zarówno z zasobu tomaszowskiej placówki, jak również centrali w Piotrkowie. Do końca 2017 roku zmikrofilmowano wszystkie zespoły Urzędów Stanu Cywilnego z lat 1806–1906 oraz pierwszą najstarszą serię Akt miasta Tomaszowa Mazowieckiego z lat 1817–1867 (ponad 220 tys. stron) [Ordak, 2016, s. 141] (tab. 3). Sporządzane w oddziale mikrofilmy negatywowe przesyłano do Narodowego Archiwum Cyfrowego w Warszawie w celu obróbki chemicznej, kontroli technicznej oraz sporządzenia zabezpieczającego mikrofilmu pozytywowego oraz kopii właściwej, która była zwracana do archiwum [Ordak, 2016, s. 138–139]. Mikrofilmowanie akt napotykało wiele problemów. Wiązało się to z częstymi awariami kamery, którą Oddział otrzymał z Archiwum Państwowego w Łodzi, co znacznie utrudniało pracę. W 2017 roku na mocy pisma Naczelnego Dyrektora Archiwów Państwowych zaprzestano mikrofilmowania.

Tabela 3. Mikrofilmowanie w latach 2008–2017.

Lp.	Rok	Ilość klatek
1	2008	94 601
2	2009	135 073
3	2010	78 590
4	2011	101 134
5	2012	94 969
6	2013	96 955
7	2014	100 159
8	2015	84 449
9	2016	42 861
10	2017	33 622
	Razem:	*862 413*

[APTM 13].

Zbliżone cele do mikrofilmowania ma digitalizacja materiałów archiwalnych. Tomaszowski Oddział Archiwum Państwowego wykonuje ją przez zlecanie ich firmom zewnętrznym. W ten sposób zabezpieczono: podania o dowody osobiste z lat 30. ubiegłego wieku dotyczące mieszkańców Tomaszowa, księgi ludności stałej powiatu brzezińskiego, akta miasta Brzezin i Strykowa, Rady Opiekuńczej w Brzezinach, Komitetu Miejskiego Stronnictwa Demokratycznego w Tomaszowie Mazowieckim oraz akta gminy Niesułków. Zmikrofilmowane i zdigitalizowane skany zamieszczono w serwisie szukajwarchiwach.gov.pl (ogółem 67 790 skanów). Dzięki mikrofilmowaniu i digitalizacji najczęściej zamawiane w czytelni dokumenty są ogólnodostępne [Wróbel, 2018, s. 197].

Archiwum Państwowe w Piotrkowie Trybunalskim Oddział w Tomaszowie Mazowieckim spełnia ważną rolę w gromadzeniu, zabezpieczaniu i opracowywaniu dokumentacji archiwalnej, zapewniając odpowiednie warunki jej przechowywania. Uczestniczy w digitalizacji własnego zasobu. Dzięki temu jeden z największych zespołów w zasobie – Akta miasta Tomaszowa Mazowieckiego – zachował się niemal kompletnie i jest unikalnym w skali kraju. Podobnie uratowano Akta rodu Ostrowskich z Ujazdu, które ze względu na wartość historyczną znajdują się obecnie w Archiwum Głównym Akt Dawnych w Warszawie. Archiwum prowadzi również aktywną działalność naukową oraz popularyzatorską, promując swój zasób. Wszystkie te zadania realizuje bardzo skromny kadrowo zespół pracowników. Na dzień 30 września 2021 roku zatrudnionych było trzech pracowników merytorycznych.

APPT – Archiwum Państwowe w Piotrkowie Trybunalskim:

APPT 1 – Archiwum Państwowe w Piotrkowie Trybunalskim, sygn. II/116, bp., Pismo dyrektora Wojewódzkiego Archiwum Państwowego w Piotrkowie Trybunalskim z dnia 1 października 1976 r.

APPT 2 – Archiwum Państwowe w Piotrkowie Trybunalskim, sygn. II/1, bp., Organizacja własnej jednostki.

APTM – Archiwum Państwowe w Tomaszowie Mazowieckim:

APTM 1 – Powiatowe Archiwum Państwowe w Tomaszowie Mazowieckim, sygn. IV/1, bp., Pismo Włodzimierza Rudzia z 18.05.1976 r.

APTM 2 – Powiatowe Archiwum Państwowe w Tomaszowie Mazowieckim, sygn. I/8, s.44, Sprawozdanie z działalności w 1951 r.

APTM 3 – Powiatowe Archiwum Państwowe w Tomaszowie Mazowieckim, sygn. I/11, 69, Sprawozdanie z prac wykonanych przez kierownika w 1954 r.

APTM 4 – Powiatowe Archiwum Państwowe w Tomaszowie Mazowieckim, sygn. I/32, bp., Sprawozdanie z wykonania prac archiwalnych 1975 r.

APTM 5 – Kancelaria własna, Sprawozdanie z działalności Archiwum Państwowego w Piotrkowie Trybunalskim Oddział w Tomaszowie Mazowieckim za rok 2017.

APTM 6 – Kancelaria własna, Sprawozdanie z działalności Archiwum Państwowego w Piotrkowie Trybunalskim Oddział w Tomaszowie Mazowieckim za rok 2018.

APTM 7 – Kancelaria własna, Sprawozdanie z działalności Archiwum Państwowego w Piotrkowie Trybunalskim Oddział w Tomaszowie Mazowieckim za rok 2020.

APTM 8 – Powiatowe Archiwum Państwowe w Tomaszowie Mazowieckim, sygn. I/8-33; Sprawozdania z działalności archiwum za lata 1951–1969.

APTM 9 – Kancelaria własna, Sprawozdania z działalności za lata 1990–2020.

APTM 10 – Powiatowe Archiwum Państwowe w Tomaszowie Mazowieckim, sygn. I/48, *Księga nabytków,* s. 2, 4.

APTM 11 – Powiatowe Archiwum Państwowe w Tomaszowie Mazowieckim, sygn. I/8-33; Sprawozdania z działalności archiwum za lata 1951–1969.

APTM 12 – Kancelaria własna, Sprawozdania z działalności za lata 1985–1995.

APTM 13 – Kancelaria własna, Sprawozdania z działalności za lata 2008–2017.

Bandurka M. Dziesięć lat działalności archiwów powiatowych na terenie województwa łódzkiego // Archeion. 1961. Nr. 35. S. 89–103.

Borodij E. Kancelaria i archiwum zakładowe. Podręcznik. Warszawa : Stowarzyszenie Archiwistów Polskich, 2009.

Dekret z 29 marca 1951 roku o archiwach państwowych // Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej. 1951. Nr. 19. Poz. 149.

Konstankiewicz M. Trzydzieści lat obowiązywania ustawy z 1983 r. o narodowym zasobie archiwalnym i archiwach // Archiwista Polski. 2014. Nr. 2. S. 61–69.

Kotewicz R. Archiwum Państwowe w Tomaszowie Mazowieckim 1950–1992. Tomaszów Mazowiecki : Archiwum Państwowe w Piotrkowie Trybunalskim Oddział w Tomaszowie Mazowieckim, 1992.

Łysiak Ł. Nowe polskie prawo archiwalne // Archeion. 1987. T. 82. S. 7–27.

Matuszak T. Dzieje Piotrkowa Trybunalskiego w źródłach archiwalnych. Piotrków Trybunalski : Archiwum Państwowe w Piotrkowie Trybunalskim, 2017.

Matuszak T. Z dziejów Archiwum Państwowego w Piotrkowie Trybunalskim // W 100-lecie działalności Archiwum Państwowego w Piotrkowie Trybunalskim. Księga

jubileuszowa / red. T. Matuszak T. Piotrków Trybunalski : Archiwum Państwowe w Piotrkowie Trybunalskim, 2019. S. 13–33.

Ordak M. Reprografia materiałów archiwalnych jako forma ochrony dóbr kultury w państwowej sieci archiwalnej // Ochrona dóbr kultury. Aktualne wyzwania / red. M. Różański i N. Kasperek. Łódź : Archidiecezjalne Wydawnictwo Łódzkie, 2016. S. 135–143.

Sierpowski S., Matelski D. Dzieje archiwistyki polskiej. Wybór źródeł. Poznań : Wydawnictwo Naukowe UAM, 1988.

Tobiański Z. Wojewódzkie Archiwum Państwowe w Piotrkowie Trybunalskim. Piotrków Trybunalski : Archiwum Państwowe w Piotrkowie Trybunalskim, 1976.

Ustawa z 14 lipca 1983 roku o narodowym zasobie archiwalnym i archiwach // Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej. 1983. Nr. 38. Poz. 173.

Wróbel A. Siedem dekad tomaszowskiego archiwum // Dzieje Tomaszowa Mazowieckiego w źródłach archiwalnych zaklęte / red. A. Wróbel. Piotrków Trybunalski : Archiwum Państwowe w Piotrkowie Trybunalskim, 2020. S. 53–68.

Wróbel A. Troska o ochronę dóbr kultury w regionie na przykładzie Archiwum Państwowego w Piotrkowie Trybunalskim Oddział w Tomaszowie Mazowieckim // Troska o zachowanie dóbr kultury / red. M. Różański M. i A. Dzikowski. Olsztyn : Uniwersytet Warmińsko-Mazurski. Wydział Prawa i Administracji, 2018. S. 192–202.

Wróbel A. Włodzimierz Rudź – propagator archiwistyki w wymiarze regionalnym // Oblicza archiwów i współczesne wyzwania archiwistyki : studia archiwistyczne // red. P. A. Czyż, D. Magier. Siedlce : Wydawnictwo Naukowe UPH, 2019. S. 301–324.

Zielińska Z. Włodzimierz Rudź (1925–2002). Zarys biografii // Badania nad Dziejami Regionu Piotrkowskiego. Z. 6. Piotrków Trybunalski : Biblioteka Archiwum Państwowego i Muzeum w Piotrkowie Trybunalskim, 2007.

УДК 930.25(438):304.4

Dariusz Magier
Uniwersytet Przyrodniczo-Humanistyczny w Siedlcach
Archiwum Państwowe w Siedlcach

KLASZTOR ŚW. LEIBOWITZA, CZYLI ARCHIWUM JAKO CENTRUM LOKALNEGO UNIWERSUM PAMIĘCI

Rola prowincjonalnego archiwum państwowego stanowi przedmiot dyskusji od lat. Związana jest ona z wizją całej polskiej sieci archiwów państwowych: stanowić ma placówkę administracji państwa w terenie – ów dychotomiczny na poły urząd na poły placówka naukowa – czy też jeszcze inny byt niźli archiwum metropolitarne. Dzisiaj te dylematy powracają na nowo wraz z próbami centralizacji archiwów państwowych i tym samym próbą marginalizacji (a może nawet likwidacji) komórek terenowych. Artykuł jest przeglądem literatury archiwalnej dotyczącej tego zagadnienia od lat 40. XX w. do dnia dzisiejszego, który autor uczynił podstawą do przedstawienia własnej wizji regionalnej roli archiwum państwowego, stanowiącego niejednokrotnie

© Magier D., 2022

jedyną instytucję pamięci na wyjałowionej kulturowo i naukowo prowincji. W tej wizji są niczym klasztor św. Leibowitza na kulturowej pustce postapokaliptycznego świata ze słynnej książki *Kantyczka dla Leibowitza* Waltera Millera jr.

Słowa kluczowe: administracja, archiwum, kultura, pamięć, urząd.

Д. Магер
Естественно-гуманитарный университет,
Государственный архив
Седльце

МОНАСТЫРЬ СВ. ЛЕЙБОВИЦА, ИЛИ АРХИВ КАК ЦЕНТР ЛОКАЛЬНОЙ ВСЕЛЕННОЙ ПАМЯТИ

Роль провинциального государственного архива обсуждалась в течение многих лет. Это связано с существовавшей официальной позицией властей по вопросу статуса всей сети польских государственных архивов: предполагалось, что на местах это должны быть госучреждения, выполняющие два вида работ – «офисную» и «полевую». В настоящее время вновь идут дискуссии, а также предпринимаются попытки централизовать государственные архивы и, таким образом, маргинализировать (и, возможно, даже ликвидировать) «полевые» ячейки. Статья представляет собой обзор исследований по данной проблеме с 1940-х гг. до наших дней, который автор положил в основу собственного видения региональной роли государственного архива, иногда единственного мемориального учреждения в области, где других культурных и научных учреждений нет. С этой точки зрения архив подобен монастырю Св. Лейбовица из знаменитой книги Вальтера Миллера-младшего *Кантичка для Лейбовица* о культурной пустоте постапокалиптического мира.

Ключевые слова: администрация, архивы, культура, память, офис.

Rola prowincjonalnego archiwum państwowego stanowi w Polsce przedmiot dyskusji od lat. Związana jest ona z wizją całej sieci archiwów państwowych: stanowić ma placówkę administracji państwa w terenie – ów dychotomiczny na poły urząd na poły placówka naukowa – czy też jeszcze inny byt niźli archiwum metropolitarne. Dzisiaj w Polsce te dylematy powracają na nowo wraz z próbami centralizacji działania archiwów państwowych i tym samym marginalizacji (a w niektórych przypadkach może nawet likwidacji) komórek terenowych. Artykuł jest przeglądem literatury archiwalnej dotyczącej tego zagadnienia od lat 40. XX w. do dnia dzisiejszego, który stanowi podstawę (pretekst) do przedstawienia własnej wizji re-

gionalnej roli archiwum państwowego, stanowiącego niejednokrotnie jedyną instytucję pamięci na na wyjałowionej kulturowo i naukowo prowincji. W tej wizji jest ono niczym klasztor św. Leibowitza na pustkowiu postapokaliptycznego (w naszej rzeczywistości można by rzec – postmodernistycznego) świata ze słynnej książki *Kantyczka dla Leibowitza* Waltera Millera jr.:

> „Jej [wspólnoty zakonnej założonej przez Izaaka Leibowitza. – *przyp. aut.*] utajonym zadaniem było przechowywanie historii ludzkiej dla praprawnuków prostaków, którzy chcieli tę historię zniszczyć. […] Jej członkowie byli albo »tropicielami książek«, albo »memorystami«, zależnie od wyznaczonych zadań. Tropiciele przemycali książki na południowo-zachodnie pustynie i zakopywali w baryłkach. Memoryści powierzali własnej pamięci całe woluminy historii, świętych ksiąg, literatury i nauki na wypadek, gdyby jakiś tropiciel książek został schwytany i torturami zmuszony do wydania miejsca ukrycia baryłek. Jednocześnie inni członkowie nowego zakonu odkryli źródło jakieś trzy dni drogi od skrytki z książkami i przystąpili do budowy klasztoru. W ten sposób zaczęto wprowadzać w życie plan, którego celem było uratowanie resztek ludzkiej historii z rąk resztek ludzkości pragnącej zniszczyć to, co ocalało" [Miller, 2009, s. 84].

W latach 50. i 60. XX w. wielokrotnie podkreślano kulturotwórczą rolę najniższego szczebla archiwów państwowych i akcentowano, że badania regionalne i prace kulturalno-oświatowe przez nie prowadzone, są ich – równoprawnym ze wszystkimi innymi – zadaniem. Powinny być zaś realizowane przez akcję popularyzacyjną w postaci pogadanek, odczytów, wystaw i współpracy z lokalnymi instytucjami, organizacjami [Młodzianowski, 1955, s. 74]. Celem tej popularyzacji miało być uświadomienie społeczeństwa, że zasób archiwalny to zabytki kultury narodowej, zaś archiwa to instytucje sprawujące nad nimi pieczę. Ich zadanie widziano w ukształtowaniu tych prowincjonalnych placówek ogólnopolskiej sieci w aktywny element życia kulturalnego kraju, kryjący się pod ówczesnym określeniem jednostek prowadzących działalność kulturalno-oświatową [Pańków, 1964, s. 139]. Oznaczało to czynną pozycję archiwów w stosunku do wszelkich poczynań z zakresu oświaty i kultury. Chodzi bowiem nie tylko o stwierdzenie, że archiwa są, istnieją, ale i o podkreślenie, że są potrzebne, jako element twórczy w kształtowaniu się świadomości społecznej [Pańków, 1964, s. 140]. Toteż konstatowano, że to właśnie prowincjonalne oddziały zamiejscowe archiwów regionalnych bardziej niż ich centrale są ośrodkami działalności kulturalnej [Pańków, 1964, s. 141], zaś ich personel nie może ograniczać się tylko do prac nad opracowaniem zasobu i nadzoru archiwalnego, gdyż archiwum takie powinno stać się inspiratorem i ośrodkiem prac nad poznaniem historii i kultury lokalnej i popularyzować wyniki badań prowadzonych w tym zakresie [Popiołek, 1966, s. 62]. Dyskusje na temat rzeczywistej roli archiwum prowincjonalnego w drugiej połowie lat 60.

XX w., pogodzenia różnych sfer jego działalności, podsumował Mieczysław Bandurka podkreślając, że powinny zabezpieczać i gromadzić zasób z terenu swego działania, dobrze go opracowywać i udostępniać, gromadzić bibliotekę oraz szeroko popularyzować poprzez referaty, artykuły, wystawy i inicjatywy kulturalne [Bandurka, 1968, s. 26].

W drugiej połowie lat 70. i w latach 80. XX w. można było obserwować odwrót od „kulturalno-oświatowego" zaangażowania archiwów państwowych. Później na zjawisko to nałożyły się przekształcenia ustrojowe związane z formalnym końcem PRL i upadkiem dotychczasowych formżycia społeczno-gospodarczego. Przełomowy pod tym względem rok 1989 zderzył archiwa z płynącym z Zachodu postmodernizmem [Magier, 2009, s. 216]. Jeszcze jeden element totalitarnego państwa stanął przed nowymi wyzwaniami społecznymi. Z wolna odkrywano potrzebę wyjścia poza dotychczasowy schemat wykonywanych zadań. Spontanicznie zrodziła się fala niosąca nadzieję na przekształcenie zaskorupiałych w urzędowaniu i wiecznym kryzysie gospodarczym ostatniej dekady rządów komunistów archiwów w placówki naukowo-kulturalne oraz regionalne centra informacyjne w zakresie źródeł historycznych dotyczących lokalnej przeszłości. W wielu prowincjonalnych miejscowościach, które po reformie admiracyjnej wprowadzonej 1 stycznia 1999 r. stały się miastami powiatowymi, oddziały terenowe archiwów państwowych jawiły się jedynymi placówkami, które – dzięki łączeniu funkcji administracyjnych i naukowych – mogły stanowić ośrodki życia kulturalno-oświatowego. W prowincjonalnych miasteczkach, które nie posiadały placówek muzealnych, ze słabo zaopatrzonymi bibliotekami wypełnionymi ideologicznym księgozbiorem, archiwa często przejmowały część ich funkcji lub nawiązywały z nimi współpracę w celu uzupełniania form działalności. Dzięki zasobowi, obejmującemu zwykle dokumentację wytworzoną na terenie kilku powiatów, swoim istnieniem nobilitowały stolicę lokalnej jednostki administracyjnej. Podejmowano współpracę z komórkami zajmującymi się promocją, np. poprzez umożliwianie ich pracownikom pogłębienie wiedzy z zakresu lokalnej przeszłości, archiwistyki i charakteru przechowywanych na miejscu źródeł historycznych, co skutkowało włączeniem archiwów do sieci obiektów życia kulturalnego i turystycznego. Poza tym przynosiło wspólne inicjatywy, co świetnie wpisywało się w archiwalne statutowe zadania popularyzacji zasobu i archiwów państwowych [Magier, 2009, s. 219–221]. Poza tym kontakty naukowe, które pracownicy archiwów posiadali, lub byli w stanie nawiązać, z okolicznymi ośrodkami akademickimi i instytutami badawczymi, mogły mieć poważny wpływ na życie prowincji. Dzięki posiadaniu zbioru źródeł archiwalnych, przyciągających badaczy (pracowników naukowych, doktorantów i studentów), a także osobistym znajomościom pracowników, absolwentów uniwersyteckich instytutów historycznych, prowincjo-

nalne archiwa mogły zaproponować miejscowym partnerom otwarcie się na nowe, interesujące obszary współpracy, takie jak rubryki historyczne w miejscowej prasie czy nawet wydawanie czasopisma historycznego, organizowanie konferencji popularno-naukowych, warsztatów genealogicznych lub heraldycznych. Współpracę podejmowały nie tylko z administracją samorządową, ale również organizacjami społecznymi, a przede wszystkim ze szkołami i nauczycielami. Zaowocowało to wycieczkami uczniów do archiwum i lekcjami archiwalnymi w szkołach, co stanowi zjawisko nie do przecenienia w kontekście kształtowania nowych pokoleń w szacunku dla dziedzictwa narodowego i kultury kancelaryjnej [Magier, 2001, s. 70–71].

Należy jeszcze raz podkreślić, że wszystkie w/w działania były spontanicznym, oddolnym odruchem archiwistów, doskonale odczytującym (bez dyrektyw „z góry" i specjalnych szkoleń) zarówno sytuację społeczną, nowe prądy w nauce, jak i zapotrzebowanie lokalnych społeczności. Niestety, z wolna zaczęły jednak dawać o sobie znać efekty włączenia pracowników merytorycznych archiwów państwowych do korpusu służby cywilnej w 1996 r. [Ustawa..., 1996] Co prawda z akceptacją przyjęli oni podwyższenie zarobków, jednak na niekorzystne następstwa tego kroku, czyli przekształcanie archiwów w urzędy administracji, nie trzeba było długo czekać. W pierwszej kolejności ofiarą padła działalność naukowa w archiwach [Magier, 2019 (a), 98–99], następnie pojawiło się zjawisko wyraźnej centralizacji działań całej sieci, które zaczęło wygaszać oddolne działania kulturalno-oświatowe, co ostatecznie wywarło bardzo negatywny wpływ także na kadrę archiwalną [Magier, 2019 (b), 118–120]. Było ono tym większe, że działalność popularyzatorska, należała do grupy ulubionych zadań wykonywanych w archiwum [Magier, 2019 (b), s. 114]. Nie należy także zapominać o pojawieniu się po raz pierwszy w latach 90. XX w. obciążenia prawnego różnych form udostępniania, bez którego działalność popularyzatorska archiwów nie jest właściwie możliwa, czyli o ochronie danych osobowych [Grot, 2015, s. 221–214].

Obecnie w archiwach państwowych odbywa się rywalizacja przedstawicieli różnych wizji oblicza archiwów, w wielu aspektach ich działalności. W kontekście omawianej tematyki o to, czy utrzymają się jako prowincjonalne centra promieniujące kulturą na lokalne otoczenie. Wydaje się, że rzeczywistość przedstawia się o wiele gorzej niźli na przełomie XX i XXI wieku, którą opisywałem wcześniej. W czasie, gdy archiwa państwowe zajmowały się sobą (akcje: inwentaryzacyjna, retrokonfersyjna) i urzędniczeniem [Marep, 2020, c. 485–487], rolę literackich klasztorów św. Leibowitza zaczęły przejmować biblioteki publiczne i muzea, nie posiadające ani ambicji (obciążeń) urzędniczych, ani merytorycznej smyczy wyznaczającej kierunki ich merytorycznych działań. Oczywiście archiwa państwowe podejmują działania mieszczące się w sferze popularyzacji, zadanie to znajduje

się w ich statutach opartych na ustawie archiwalnej [Obwieszczenie, 2020], jednak centralizacja i zwiększająca się biurokratyzacja działań powoduje jej wyraźne osłabienie. Na szczęście rzeczywistość archiwalna jest dziś o tyle lepsza, niźli przed dekadą, że życie społeczno-kulturalne wzbogaciło się w tym czasie o nowy element archiwalny, jakim są archiwa społeczne – społeczne ośrodki dokumentacyjne, podejmujące oddolne działania, stanowiąc niezależne archiwa historyczne [Wiśniewska-Drewniak, 2019, s. 66–67]. Pozbawione biurokratycznego obciążenia i ogranicznika w postaci centralnego planowania, mogą wesprzeć archiwa państwowe w zakresie budowania instytucji pamięci na polskiej prowincji. Warto obserwować sytuację, by za jakiś czas wrócić do zasygnalizowanej problematyki, i przekonać się, w którym kierunku się rozwinęła.

Bandurka M. Zagadnienie organizacji i pracy archiwów powiatowych // Archeion. 1968. T. 58. S. 25–35.

Grot D. Ku przyszłości otwartej. Dostępność archiwów państwowych w Polsce w latach 1918–2014. Warszawa : Naczelna Dyrekcja Archiwów Państwowych, 2015.

Магер Д. Эволюция или революция? Государственные архивы в Польше на рубеже XX–XXI в. // Документальное наследие и историческая наука / под ред. Л. Н. Мазур. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2020.

Magier D. Klątwa Bogdana Krolla. Pracownicy naukowi i działalność naukowa w polskich archiwach państwowych w świetle literatury archiwalnej z XX i XXI w. // Archeion. 2019. T. 120. S. 89–107. (a)

Magier D. Oddział terenowy archiwum państwowego w środowisku lokalnym // Archiwista Polski. 2001. Nr. 2 (22). S. 69–71.

Magier D., Pracownicy archiwów państwowych w 100-lecie ich istnienia. Próba portretu zbiorowego // Archiwa–Kancelarie–Zbiory. 2019. Nr. 10. S. 111–121. (b)

Magier D. Regionalna rola archiwum państwowego w epoce postindustrialnej // Toruńskie Konfrontacje Archiwalne. T. I: Archiwistyka na uniwersytetach, archiwistyka w archiwach // red. W. Chorążyczewski, A. Rosa. Toruń : Wydawnictwo Naukowe UMK, 2009. S. 213–224.

Miller jr. W. M. Kantyczka dla Leibowitza. Warszawa : Fronda, 2009.

Młodzianowski T. Z doświadczeń archiwisty powiatowego w zakresie badań regionalnych i prac kulturalno-oświatowych w terenie // Archeion. 1955. T. 24. S. 74–86.

Obwieszczenie Marszałka Sejmu Rzeczypospolitej Polskiej z dnia 13 grudnia 2019 r. w sprawie ogłoszenia jednolitego tekstu ustawy o narodowym zasobie archiwalnym i archiwach // Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej. 2020. Poz. 164.

Pańków S. Działalność popularyzatorska archiwów państwowych w Polsce Ludowej // Archeion. 1964. T. 41. S. 139–148.

Popiołek S. Rola i miejsce kierownika powiatowego archiwum państwowego w pracy regionalnej // Archeion. 1966. T. 44. S. 61–71.

Ustawa o służbie cywilnej // Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej. 1996. Nr 89. Poz. 402.

Wiśniewska-Drewniak M. Inaczej to zniknie. Archiwa społeczne w Polsce – wielokrotne studium przypadku. Toruń : Wydawnictwo Naukowe UMK, 2019.

УДК 94(470.54).084.8/9:930.25

Е. В. Огуренко
Государственный архив
Свердловской области
Уральский федеральный университет
Екатеринбург

АРХИВНЫЕ ВЫСТАВКИ В МЕМОРАТИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ГОРОДА В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД (НА ПРИМЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ)[1]

В статье рассматривается проблема формирования меморативного пространства на примере деятельности региональных архивных учреждений, в частности, Государственного архива Свердловской области в послевоенный период (1945 – начало 1960-х гг.). Объектом изучения выступает деятельность по использованию архивных документов для экспозиционных целей. Архивные выставки способствовали укреплению единого нарратива о коллективном прошлом граждан СССР. Выставочные мероприятия рассматриваются как важное звено в формировании региональной идентичности, средство управления исторической памятью. Исследование выполнено на основе отчетных документов архивных учреждений Свердловской области.

Ключевые слова: историческая память, меморативное пространство, архивное дело, музеи Урала, архивы Урала, использование документов, выставки.

Jegor W. Ogurenko
Archiwa państwowe obwodu Swierdłowskiego
Uralski Uniwersytet Federalny
im. pierwszego prezydenta Rosji B. N. Jelcyna
Jekaterynburg

WYSTAWY ARCHIWALNE W PRZESTRZENI PAMIĘCI MIASTA W OKRESIE POWOJENNYM (NA PRZYKŁADZIE ARCHIWUM PAŃSTWOWEGO OBWODU SWIERDŁOWSKIEGO)

Praca jest analizą problemu powiązań między Archiwum Państwowym Obwodu Swierdłowskiego a instytucjami muzealnymi na przestrzeni lat 40. i 60. XX wieku. Przedmiotem badań są działania popularyzatorskie i wystawiennicze. Pozwalają one przeprowadzić analizę praktyk wdrażania sowieckiej polityki pamięci w regionach, ocenę roli archiwów w tej działalności oraz scharakteryzować stopień zaangażowania materiałów archiwalnych w sowiecką politykę kulturalną okresu powojennego.

[1] Тема поддержана грантом РНФ 21-18-00418 «Музей малого города: множественность культур памяти (историко-социологический анализ)».

© Огуренко Е. В., 2022

Słowa kluczowe: pamięć historyczna, przestrzeń pamięci, archiwizacja, muzea Uralu, archiwa Uralu, wykorzystanie dokumentów, wystawy.

В современном обществе нарастает интерес к проблемам памяти, прежде всего культурной. Источником наших представлений о прошлом является документальная историческая память (в силу своей материальности, «осязаемости») [Козлов, 2017, с. 132–134], ее актуализация – одна из целей деятельности институтов памяти, например, музеев или архивов [Мазур, 2018, с. 16]. Непосредственное соприкосновение с документами позволяет рассматривать архив как один из институтов формирования историко-культурной памяти.

В рамках работ по использованию[2] документов в культурно-просветительских целях архивоведческая наука сформулировала несколько методов актуализации документальной исторической памяти. Наиболее эффективный из них – проведение выставок архивных документов. Под выставкой документов понимают художественно оформленную подборку документов, предназначенную для их публичной демонстрации [Бурова, 2012 с. 387; Основные правила работы…, 1983]. Относительно недавно определение выставки документов в отечественной нормативно-законодательной базе было обновлено. Документальная выставка – экспонирование архивных документов или их копий в специальном, приспособленном для этого помещении или на интернет-сайте [ГОСТ Р 7.0.8-2013..., с. 16]. Оба эти определения не конфликтуют между собой, что позволяет говорить об их взаимодополняемости. Демонстрация (экспонирование) ценных, редких или малоизученных документов позволяет ознакомить общественность с историко-культурным наследием архива, что способствует повышению внимания к документальной исторической памяти.

Выставки подразделяются на несколько видов: по уровню проведения (международные, городские), по масштабу (крупномасштабная, локальная) по способу демонстрации (стационарная, передвижная), по времени функционирования (постоянная, долго- и кратковременная), по тиражированию (однокомплектная, многокомплектная) и форме демонстрации (традиционные, электронные). Если подготовка путеводителей и сборников документов занимала много времени, требовала привлечения значительного числа сотрудников (как научных, так и архивно-технических работников) и создания научно-справочного аппарата издания, то проведение выставки было менее времязатратным, служило свидетельством научной работы архива и притягивало внимание со стороны руководящих органов и граждан. Эффект вы-

[2] Под использованием понимается применение информации, содержащейся в архивных документах в культурных, научных, политических, экономических целях.

ставки для задач формирования исторической памяти во много раз превосходил издание сборника документов за счет визуализации (использования, помимо документов, фотографий и схем), единой тематики экспозиции и, более всего, за счет того, что они привлекали внимание массового зрителя.

Из истории проведения архивных выставок в Свердловской области

Несмотря на то, что первое официальное определение понятия «архивная выставка» появилось в 1983 г., их проведение относится еще к дореволюционной архивной практике. Однако после 1918 г. выставочная деятельность приобрела иные масштабы [см. напр.: Горшкова, 2008, с. 24–30]. В 1920–1930-е гг. под руководством Центрархива РСФСР проводились выставки по истории Октябрьской революции, Гражданской войны, Красной армии, истории фабрик и заводов [Ковальчук, 1958, с. 39]. Например, Центрархив РСФСР при содействии разных архивов проводил следующие выставки: «К 200-летию Академии наук», «100-летие восстания декабристов», «Восстание в Москве в 1905 году» (1925 г.), «Подпольная техника и работа охранки», «К XIV съезду ВКП(б)» (1926 г.), «К 10-летию Февральской революции», «К 10-летию Октябрьской революции» (1927 г.), «Ко II-му съезду РСДРП» (1928 г.), «К 10-летию разгрома Врангеля» (1930), «К 15-летнему юбилею Октябрьской революции» (1932 г.), «15 лет Красной армии» (1933 г.), ко дню Конституции (1933 г.), «Большевистская печать» (1935 г.) и по истории ВКП(б) за период с 1907–1917 гг. (1937 г.) [История Государственного архива…, 2010, с. 103, 117–118, 165, 180].

Как можно заметить, большинство из упомянутых выставок проводились к юбилейным датам и политическим мероприятиям. Особым масштабом отличалась выставка, посвященная Октябрьской революции, которая должна была пройти по всей стране. Были подготовлены специальные инструкции Центрархива РСФСР [Архивы и власть…, 2018, с. 619–621; Инструкция…, 1927, с. 73–74]. Вероятно, это была самая крупная выставка в советской довоенной практике, охватившая широкую аудиторию.

На Урале выставочная деятельность длительное время была затруднена из-за нехватки помещений, средств, неучтенности фондов и нехватки сотрудников. В 1929 г. была проведена выставка «К 10-летию освобождения Урала от Колчака». В 1935 г. состоялась выставка к XVI Всероссийскому съезду Советов. В 1938 г. Свердловским областным архивов была организована выставка к 20-летию ВЛКСМ «Архивы на службе науки и социалистического строительства».

Выставка проходила при поддержке Облисполкома. Количество посетителей оценивалось в 4 тыс. человек. Все выставки проходили на внешних площадках – вне помещений архивных учреждений. Так, антирелигиозная выставка проходила в Свердловском доме крестьянина [Архивная служба…, 2004, с. 55, 60]. После 1939 г. выставочная деятельность в ГАСО прерывается, сначала по причине реорганизации архивных учреждений в связи с переходом в подчинение НКВД, затем – из-за Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.).

В январе 1944 г. была проведена выставка в Свердловской государственной филармонии, посвященная 65-летию писателя П. П. Бажова. Госархив предоставил для экспозиции книги автора, городские и районные газеты, содержавшие упоминания об общественной и литературной деятельности писателя. Количество посетителей оценивалось в 1 тыс. человек [ГАСО, ф. Р-1139, оп. 1, д. 48, л. 21, 28, 45, 57]. Единственной крупной экспозицией за время войны была областная выставка «25 лет архивного дела на Урале», она проводилась с 1 июня по 1 июля 1943 г. Облисполкомом было выделено 6 тыс. руб. на ее проведение, а подготовка к проведению заняла более трех месяцев. В Свердловске в доме культуры им. Ф. Э. Дзержинского (ныне там размещается Музей истории и археологии Урала) демонстрировались уникальные документы, хранящиеся в ГАСО, а также статистические сведения о работе архивных органов области за четверть века. Выставка была приурочена к 25-летию принятия декрета «О реорганизации и централизации архивного дела в РСФСР» от 1 июня 1918 г. (также называемого в советской архивоведческой историографии «Ленинским декретом») [Там же, ф. Р-88, оп. 1, д. 5157, л. 99; ф. Р-1139, оп. 1, д. 49, л. 39]. В рамках советской традиции это была основополагающая дата для архивного дела[3]. Выставка являлась частью серии мероприятий по празднованию 25-летнего юбилея советского архивного дела, крупнейшим из которых была Всесоюзная конференция историков-архивистов в Москве 1–3 июня 1943 г. [Цаплин, 1993, с. 43–44]. По мнению исследователей отечественного архивного дела, это был самое представительное собрание архивных работников с 1929 г. (когда 25 мая – 1 июня проходил II съезд архивных работников РСФСР) [Хорхордина, 1994, с. 148]. Начиная с 25-летнего юбилея, представительские мероприятия сопровождали каждый юбилей архивной отрасли.

[3] В современной России «юбилейная» дата для архивной отрасли – 10 марта (по старому стилю – 28 февраля). Она связана с подписанием Петром Великим «Генерального регламента» 1720 г., официально вводившего в состав государственных учреждений архивы и должности заведующих ими «архивариусов».

Выставки ГАСО в послевоенный период

Возрождение выставочной работы приходится на послевоенный период [Ковальчук, 1958, с. 38–39]. В декабре 1945 г. циркулярным письмом Главархива НКВД СССР архивные учреждения обязывались включать в планы работ архивных органов «организацию выставок документальных материалов в машинописных и фотографических копиях» [ГАСО, ф. Р-316, оп. 1, д. 750, л. 2–3]. В 1945 г. ГАСО помог Областному краеведческому музею выявить документы для постоянной выставки «Екатеринбург – Свердловск». Было передано 150 фотокопий. По просьбе Уральского горно-металлургического техникума была организована подборка документов по истории учебного заведения, приуроченная к его 100-летию [Там же, д. 785, л. 5]. В 1947 г. документы были предоставлены Уральскому индустриальному институту им. С. М. Кирова. Материалы по теме «Выплавка меди и работа химической промышленности за 1915–1936 гг.» демонстрировались в рамках областной промышленной выставки по черной и цветной металлургии и химической промышленности в доме техучебы Уралмашзавода, приуроченной к 30-й годовщине Октября [Там же, оп. 1, д. 850, л. 29; оп. 4, д. 29, л. 16]. В 1948 г. были предоставлены документы для проведения выставок по темам: «225 лет Екатеринбург – Свердловск» и «30 лет архивного строительства в СССР» [Там же, оп. 4, д. 29, л. 8]. Последняя проводилась как часть празднования очередного юбилея архивной отрасли. При содействии Архивного отдела УМВД 17 июня 1948 г. прошла Областная научная конференция в честь 30-летия архивного строительства в СССР, участники которой посетили эту выставку [Там же, д. 35, л. 6].

Так же, как и в 1943 г., была проведена всесоюзная конференция, хотя и спустя месяц, 16–17 июля 1948 г., был проведен II Всесоюзный съезд историков-архивистов [Хроника…, 1968, с. 49]. После этого съезда выставочная активность затихает вплоть до 1958 г. Во многом это было связано с переориентацией ГАУ МВД СССР архивных учреждений на проблемы учета и комплектования архивов. С 1952 г. работа по использованию документов и, в частности, выставочная деятельность вновь нарастает. В 1953 г. по запросу Пышминского рудоуправления были выявлены документы и сделаны фотокопии об открытии Пышминско-Ключевского рудника. Аналогичная работа была проведена для оформления экспозиции Магнитогорского краеведческого музея о строительстве на реке Белой железного завода и пильной мельницы в 1762–1766 гг. [ГАСО, ф. Р-316, оп. 4, д. 80, л. 108].

С принятием 7 февраля 1956 г. постановления Совета министров СССР № 246 «О мерах по упорядочению режима хранения к лучшему

использованию архивных материалов министерств и ведомств», начался процесс рассекречивания части фондов, «ранее необоснованно засекреченных документальных материалов» [Там же, оп. 1, д. 1680, л. 79]. В широком смысле постановление послужило толчком к активизации работы по использованию архивных документов в СССР [Боброва, 2008, с. 92], в том числе и в Свердловской области. В 1956 г. Красноуфимский филиал ГАСО предоставил местному краеведческому музею 98 дел для фотокопирования и использования их в выставке «Подготовка и проведение Великой Октябрьской социалистической революции» и «Восстановление народного хозяйства в Красноуфимском районе» [ГАСО, ф. Р-316, оп. 1, д. 1674, л. 75].

Год 40-летия Октября – 1957 – оказался особенно насыщен выставками. По запросам юбилейных комиссий ГАСО передал документы для проведения юбилейных выставок газет «Уральский рабочий» (50 лет) и «Тюменская правда» (40 лет); промышленных предприятий – Полевского криолитового завода (50 лет), Первоуральского динасового (25 лет), Баранчинского электромеханического (215 лет), Кыштымского металлургического (200 лет), Иваново-Копсавского металлургического завода, Челябинского угольного бассейна (50 лет разработки) и Верхотурской МТС.

Для постоянной выставки по истории Свердловского горно-металлургического техникума им. И. И. Ползунова (110 лет) было изготовлено 57 фотокопий документов. По запросу были направлены материалы об А. С. Попове для музея его имени при Ленинградском электротехническом институте и Красноуфимскому музею, а также для выставки в Институте истории естествознания и техники Академии наук СССР.

Характерной чертой 1950-х гг. стало применение новых технологий. К 40-летию Октября для областного телевидения был подготовлен репортаж из партархива с демонстрацией большевистских листовок 1917 г. [Там же, д. 1695, л. 70, 71].

1 июня 1958 г. широко отмечался очередной юбилей советского архивного строительства. 21 ноября 1957 г. Главархив МВД РСФСР разослал циркулярное письмо о разработке плана торжественных мероприятий в архивных службах республик, краев и областей СССР. Отдельным пунктом стояло требование «организовать выставку документов, посвященную 40-летию архивного строительства. На выставках представить фотокопии наиболее ценных документов, хранящихся в государственных архивах» [Там же, д. 1693, л. 57, 58]. Выставка архивных документов в Свердловске была развернута в ДК им. Дзержинского. Там же состоялось торжественное заседание Научного совета Архивного отдела УМВД области. Выставку также

посетили участники Межобластной конференции по истории Урала и гости научной дискуссии при Научном отделе в Уральском государственном университете им. А. М. Горького, посвященной дате основания Екатеринбурга [Там же, д. 1712, л. 58]. Последняя проходила 11 декабря 1958 г., что позволяет говорить, о том, что выставка длилась, по меньшей мере, с июня по декабрь 1958 г., то есть, полгода [Черноухов, Пундани, 2009, с. 385, 393].

В 1959 г. Красноуфимским филиалом ГАСО местному краеведческому музею было передано 22 копии документа для выставки по истории коллективизации. ГАСО предоставил документы о разгроме войск Колчака (листовки и плакаты) Уральскому военному округу для организации музея боевой славы в Окружном доме офицеров [ГАСО, ф. Р-316, оп. 1, д. 1730, л. 40–41].

В 1960 г. в здании УВД области была проведена выставка документов в честь 90-летия со дня рождения В. И. Ленина и 75-летия со дня рождения Я. М. Свердлова. Реставрационной мастерской Архивного отдела УВД была начата работа по составлению фотолетописи Екатеринбурга (Свердловска). Для этого в фондах краеведческих музеев было выявлено более 100 фотографий дореволюционного Екатеринбурга, с которых сняты копии. По просьбе отдела главным архитектором Свердловска был предоставлен список улиц города, которые будут перестраиваться в текущей семилетке, для поквартальной фотосъемки. Мероприятия были проведены в рамках подготовки фотовыставки по истории города, одним из разделов которой был посвящен семилетке (1959–1965 гг.) [Там же, д. 1794, л. 35–36].

В 1961 г. совместно с кафедрой истории СССР УрГУ им. А. М. Горького была подготовлена выставка по теме «Значение документальных источников», где были представлены копии наиболее интересных документов, хранящихся в ГАСО. В начале года Нижнетагильским филиалом ГАСО совместно с Нижнетагильским краеведческим музеем была проведена выставка «100 лет со дня отмены крепостного права». В связи с празднованием 150-летия со дня Бородинского сражения в августе 1962 г. была проведена выставка документов, посвященная этой битве.

Не только исторические события были поводом для организации выставок, они сопровождали политические мероприятия, в частности, выборные кампании. Архивным отделом УВД готовилась фотовыставка по истории Свердловска к выборам в Верховный совет СССР [Там же, д. 1812, л. 32]. Однако неизвестно, была ли она проведена. Более определенно можно сказать о проведении 18 марта 1962 г. выставки документов «Как выбирали в Государственную Думу», развер-

нутой на одном из избирательных участков на выборах в Верховный совет СССР 6-го созыва.

Активно развивалось взаимодействие с музейными учреждениями. Так, например, в ноябре 1962 г. совместно с Областным краеведческим музеем была организована выставка рукописей сочинений Д. Н. Мамина-Сибиряка в честь 110-летия со дня рождения писателя. Нижнетагильский и Ирбитский филиалы ГАСО совместно с местными краеведческими музеями провели выставки, посвященные участию Урала в Отечественной войне 1812 г. Серовским филиалом ГАСО предоставлены документы для выставки в экспозиции Краеведческого музея по темам: «Борьба за мир» и «Социалистическое соревнование на предприятиях города Серова в 1941–1945 гг.». Фотокопии документов были переданы Металлургическому комбинату им. А. К. Серова для выставки, посвященной 45-летию национализации предприятий Богословского горного округа.

При праздновании 50-летия Свердловского театра оперы и балета им. А. В. Луначарского по областному телевидению демонстрировались фотодокументы ГАСО [ГАСО, ф. Р-316, оп. 1, д. 1830, л. 18; д. 1831, л. 54–55]. В середине 1962 г. Архивный отдел УВД вместе со всей архивной системой области был напрямую переподчинен Областному исполнительному комитету. С этого времени органы внутренних дел перестают влиять на политику использования документов.

Выводы

Рассматривая проведенные выставки, можно сделать ряд выводов о роли архивов в формировании меморативного пространства советского города в послевоенный период. Считалось, что архивы «могут и должны отзываться на текущие вопросы политической и общественной жизни» [Митяев, с. 244], что делало архивные документы особенно важными для агитационно-пропагандистской деятельности. Часто поводом к проведению выставки или экспонирования являлись юбилеи промышленных и образовательных организаций, которые за счет обращения к прошлому формировали собственную идентичность. В то же время, ввиду сложности обеспечения контроля над сохранностью документов при содействии заинтересованных учреждений проводилось их фотокопирование.

Из-за отсутствия собственных площадей ГАСО оказывал услуги по подбору документов для выставок, но экспонировались они на внешних площадках – в музеях, учебных заведениях и на промышленных предприятиях. В результате укреплялось взаимодействие между архивом и областными учреждениями культуры и образования.

По масштабам большинство выставок были городскими и лишь в редких случаях – региональными. По срокам – выставки работали от нескольких дней до нескольких недель. С начала 1950-х гг. расширяется география проведения выставок – они вывозились в районы и соседние области. С середины 1950-х гг. о выставках можно было узнать из телепередач.

Тематически все представленные выставочно-экспозиционные мероприятия допустимо классифицировать на три вида:

а) историко-партийные (юбилеи Октября, комсомола, В. И. Ленина, в т. ч. юбилеи архивной службы);
б) краеведческие (выставки о знаменитых уральцах и Урале);
в) индустриальные (юбилеи промышленных предприятий).

В соответствии с идеологическими установками считалось, что «выставка должна отличаться политически заостренной глубиной содержания, высоким идейно-теоретическим уровнем на основе марксистско-ленинской методологии» [Ковальчук, 1958, с. 40]. Следовательно, всякая выставка являлась агитационно-пропагандистским мероприятием. В меньшей степени это касалось выставок, посвященных краеведению и истории города, в большей степени – современности, т. е. актуальным событиям и процессам. Выставки служили наглядной демонстрацией достижений советской власти, усиливая в зрителях сопричастность к социальным и экономическим преобразованиям в обществе. Позитивные картины настоящего (иногда будущего) способствовали легитимации советского политического режима. Посетителями выставок могли быть люди всех возрастов, профессий и социального статуса, но в контексте монолитного советского информационного пространства послевоенного периода, выставки подкрепляли официальный нарратив. Выставки служили инструментом выстраивания так называемого «советского регионализма» – формирования идентичности региона на основе хозяйственной специализации (находящихся на его территории промышленных предприятий), которая укреплялась «советским патриотизмом», помещающим региональную идентичность в контекст истории «Родины пролетариата».

Таким образом, на примере деятельности архивных учреждений Свердловской области видно, что процесс включения документальной памяти в культурную память общества – длительный и противоречивый. Активизация выставочной деятельности в послевоенный период и укрепление связей между архивными учреждениями, музеями и библиотеками позволяет сделать вывод о процессе формирования единого информационного пространства Свердловской области. За счет особого статуса архива он становится центром в организации процессов сохранения культурного наследия.

Архивная служба Свердловской области: 85 лет. Екатеринбург : Реал-Медиа, 2004.

Архивы и власть: Первое послереволюционное десятилетие. Протоколы и журналы заседаний руководящих органов управления архивной отраслью за 1918–1928 гг. : сб. док.: в 2 т. Т. 2. 1921–1928 гг. М. : Кучково поле, 2018.

Боброва В. С. «Оттепель» в архивном деле в Сибири // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер. История. Филология. 2008. № 1. Т. 7. С. 86–96.

Бурова Е. М. Архивоведение (теория и методика). М. : Изд. дом МЭИ, 2012.

ГОСТ Р 7.0.8-2013 Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Делопроизводство и архивное дело. М. : Стандартинформ, 2013.

Горшкова Л. Я. Архивные выставки, съезды, конференции музейно-архивных деятелей Северо-Кавказского краевого архивного бюро (Крайархбюро) // Донской архив. 2008. Вып. 4. С. 24–30.

Государственный архив Свердловской области (ГАСО).

Ф. Р-88. Исполнительный комитет Свердловского областного совета депутатов-трудящихся.

Ф. Р-316. Управление архивами Свердловской области Правительства Свердловской области.

Ф. Р-1139. Государственный архив Свердловской области.

Инструкция по организации выставки архивных документов к 10-летию Октября // Архивное дело. 1927. № 13. С. 73–74.

История Государственного архива Российской Федерации. Документы. Статьи. Воспоминания. М. : РОССПЭН, 2010.

Ковальчук Н. А. Организация и использование документальных материалов в государственных архивах СССР. М. : МГИАИ, 1958.

Козлов В. П. Документальная память в архивоведческом знании. М. : Архив РАН; Древлехранилище, 2017.

Мазур Л. Н. Документальная память: свойства, структура, проблемы актуализации // Архив в социуме – социум в архиве: материалы региональной научно-практической конференции. Челябинск : ОГАЧО, 2018. С. 13–17.

Митяев К. Г. Теория и практика архивного дела. М.: МГИАИ, 1946.

Основные правила работы государственных архивов СССР. М. : ВНИИДАД, 1983. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_11845.htm (дата обращения : 05.09.2021).

Хорхордина Т. И. История Отечества и архивы (1917 – 1980-е гг.). М. : Изд-во Рос. гос. гум. ун-та., 1994.

Хроника архивного строительства в СССР (1918–1968 гг.) // Сов. архивы. 1968. № 3. С. 46–52.

Черноухов А. В., Пундани В. В. К дате основания Екатеринбурга (эпизод из жизни А. Г. Козлова) // Документ. Архив. История. Современность. Вып. 10. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2009. С. 382–384.

Цаплин В. В. Конференция историков-архивистов СССР в Москве 1–3 июня 1943 г. // Отеч. архивы. 1993. № 5. С. 42–55.

Раздел 4.
ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ МУЗЕЕВ И АРХИВОВ МАЛЫХ ГОРОДОВ

УДК 94(470.54):02+908

Е. С. Гусева
Н. А. Пуголовкина
Л. А. Сарабанская
Библиотека № 17 МАУК ЦБС, Каменск-Уральский

СОЦИАЛЬНЫЕ ПАРТНЕРЫ БИБЛИОТЕКИ В СФЕРЕ СОХРАНЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ МАЛОЙ РОДИНЫ

В статье рассматривается опыт взаимодействия библиотеки № 17 г. Каменска-Уральского Свердловской области со своими социальными партнерами: архивами разных ведомств, городским краеведческим музеем, образовательными организациями, краеведами-любителями и т. п. Подробно излагаются пути сотрудничества с каждым партнером, приводятся результаты успешной совместной работы в сфере сохранения исторического наследия малой родины – поселка им. Чкалова, одного из городских микрорайонов.

Ключевые слова: библиотека, поселок Чкалова, краеведение, архив, музей, школа, колледж, сотрудничество, краеведческий сайт, проект.

Jewgienija S. Gusjewa
Natalja A. Pugołowkina
Ludmiła A. Sarabańskaja
Scentralizowany system biblioteczny Okręgu Miejskiego Kamieńsk-Uralski

PARTNERZY SPOŁECZNI BIBLIOTEKI W ZAKRESIE ZACHOWANIA DZIEDZICTWA HISTORYCZNEGO MAŁEJ OJCZYZNY

Praca analizuje doświadczenia interakcji między Biblioteką nr 17 Miasta Kamieńsk Uralski w obwodzie swierdłowskim z partnerami społecznymi: ar-

© Гусева Е. С., Пуголовкина Н. А., Сарабанская Л. А., 2022

chiwami różnych instytucji, muzeum miejskim, organizacjami społecznymi, regionalistami itp. Szczegółowo nakreślono sposoby współpracy z każdym z partnerów, przedstawiono jej wyniki w zakresie zachowania dziedzictwa historycznego wsi Czkałow.

Słowa kluczowe: biblioteka, osada Czkałow, lokalna historia, archiwum, muzeum, szkoła, kolegium, współpraca, lokal historyczny, projekt.

Библиотека № 17 г. Каменска-Уральского на протяжении всей своей деятельности старалась поддерживать добрые дружеские отношения со всеми своими партнерами. Особенно это стало важным во время реализации краеведческого библиотечно-волонтерского проекта «Они были первыми». Он посвящен сбору, сохранению и тиражированию информации по истории одного из микрорайонов города Каменска-Уральского – поселка им. Чкалова. В связи с этим были установлены партнерские отношения с теми организациями, которые имеют возможность постоянно пополнять запасы краеведческой информации. Среди них архивы разных ведомств, расположенные как на территории города, так и за его пределами, городской краеведческий музей им. И. Я. Стяжкина, образовательные организации, редакция газеты «Металлург». Кроме того, нашими партнерами стали депутат городской Думы, начальник бюро по социальной работе ОАО «Каменск-Уральский металлургический завод» (КУМЗ) И. А. Окулова, индивидуальный предприниматель И. В. Квашнин, краеведы-любители Е. В. Румянцева, Т. П. Лукьянова, Н. И. Васильева, Д. М. Анчугов, А. П. Лысков и многие другие.

Государственный архив Свердловской области (ГАСО) имеет свой филиал в нашем городе, который возглавляет Т. В. Судакова. Ее сотрудники – заведующая отделом использования архивных документов и научно-справочного аппарата Т. Г. Сахарных и главный архивист Ю. А. Четыркина – оказали нам неоценимую помощь в поиске и получении архивных документов и фотодокументов из своих фондов.

В краеведческом фонде библиотеки появились такие документы, как приказы директора завода № 268 Ф. Т. Маленка (именно этот завод дал жизнь поселку им. Чкалова), «Список работников завода № 268, награжденных медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», приказы начальника Управления строительства каменских заводов (УСКЗ) П. А. Герасимова, «Список работников треста № 20, награжденных медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» и т. п. А фотографии, копии которых также предоставил нам архив, никто не видел на протяжении многих лет (на листе документов, который крепится на оборот титула дела, не было ни одной подписи). Среди них оказались

фотографии первых жилых домов и первых общественных учреждений поселка, а также планы их размещения на территории. Следует сказать, что копии всех запрошенных нами документов были получены бесплатно благодаря помощи начальника городского Управления культуры С. В. Казанцевой и специалиста этого же управления Е. В. Беляевой.

Кроме поиска документов, библиотекари самостоятельно работают в читальном зале архива, внося в компьютеры найденную информацию, а затем распечатывая ее для сохранения в бумажном варианте. Для удобства пользователей эти же документы хранятся и в электронном формате.

В результате сотрудничества с библиотекой работники архива получили возможность использовать ее книжные фонды для организации собственных выставок. Например, для выставки-инсталляции, посвященной жизни города в годы Великой Отечественной войны, были использованы редкие книги из фонда библиотеки, такие как «Мемуары Карло Гольдони», «Русская сказка. Избранные мастера», «И. И. Ползунов» В. Данилевского и другие. А еще мы помогаем друг другу в организации и проведении массовых мероприятий. Например, выставок архивных документов в архиве и библиотеке, краеведческих конференций Каменск-Уральского отделения Уральского историко-родословного общества (УИРО), «Стяжкинских чтений», «Каменских чтений» и других; заседаний городского краеведческого общества, экскурсий по интересным местам города и т. п.

Кроме ГАСО, мы получили возможность разместить свои материалы на сайте еще одного областного архива – Государственного архива административных органов Свердловской области (ГААОСО). Сначала мы отправили свои работы на конкурс «Моя история». Их было две: «Анатолий Мальгин. История в фотообъективе» (составители Л. А. Сарабанская и Н. Н. Пермякова [Пермякова, Сарабанская] и «История семьи в истории завода (о работниках завода № 268, п/я № 4, КУМЗа)» И. С. Гусевой [Гусева]. Обе они появились на сайте архива. Затем была подготовлена работа волонтера, студента Каменск-Уральского техникума торговли и сервиса (КУТТС) И. С. Червякова «Незаметные герои той войны», которая также была опубликована [Червяков].

Сотрудничество с закрытым архивом Каменск-Уральского металлургического завода, которым заведует Н. Е. Таланова, также вылилось в совместное проведение выставок фотопортретов, выставок-инсталляций, создание различных электронных презентаций. Копирование личных дел первых работников завода № 268, будущего КУМЗа, их обработка и тиражирование посредством библиотечно-краеведческого блога «Поселок имени Чкалова. 1942 – наши дни»

(http://posyolokchkalova.blogspot.com/) привлекло и в библиотеку, и на электронный ресурс много посетителей. Одни захотели узнать информацию, связанную с родственниками, другие решили прочитать что-то новое по истории поселка им. Чкалова, а кто-то принес документы и фотографии из своего личного архива, чтобы пополнить ими наш электронный архив.

Особенно большим поток пользователей стал после проведения выставок архивных документов и фотографий «Поколение победителей завода № 268», «75 лет поселку Чкалова» и других. На открытии первой выставки работнику КУМЗа Ю. А. Косминину были нами вручены найденные и отсканированные документы его родственника, кузнеца М. М. Михайлова, работавшего с 7 июля 1941 г. А семья Соболевых не только нашла своих родных – трех братьев Алексея, Федора и Николая Степановичей Соболевых, но и предоставила библиотеке дополнительные материалы о своей семейной трудовой династии.

Кроме закрытого, на заводе есть и открытый архив. Его долгие годы собирал бывший главный энергетик завода, Почетный гражданин г. Каменска-Уральского Д. Ф. Родкин. Благодаря помощи начальника бюро по социальной работе завода И. А. Окуловой мы получили доступ к этому архиву и сейчас занимаемся оцифровкой, обработкой и тиражированием информации, которая в нем хранится.

Так на страницах нашего блога появились фотографии первых директоров и инженеров завода, работников разных служб, документы о разработке и строительстве многих общественных зданий на территории поселка, копии личных дел тех людей, кто внес огромный вклад в становление и развитие поселка им. Чкалова. К примеру, личное дело «народного» директора завода К. Н. Михайлова включает документы разных цехов (по производству товаров народного потребления, литейного, энергослужбы и т. п.), материалы по строительству детского городка «Берендеевка» и новогодних городков у дворца культуры «Металлург» и др.

А партнерские отношения с городским краеведческим музеем им. И. Я. Стяжкина начались тогда, когда мы собирали материалы для создания библиографического указателя «Поселок имени Чкалова в публикациях газеты “Каменский рабочий” (1942–1949)». Сотрудники музея – директор И. Н. Постников, старший научный сотрудник Л. В. Зенкова, главный хранитель музейных экспонатов Е. А. Матусевич и другие – предоставили нам возможность поработать с имеющимися у них экземплярами городской газеты «Каменский рабочий» за 1940-е гг. После этого мы участвовали во многих мероприятиях музея («Ночь музеев», экскурсии наших читателей на выставки, фестиваль «Музы и пушки»), а музейщики выступали на наших мероприятиях

(лекции для школьников, доклады на краеведческих конференциях, передвижные выставки-инсталляции).

С образовательными учреждениями – школами и колледжем, расположенными на территории поселка, – сотрудничество в области краеведения длится уже не первый десяток лет. Но наиболее тесно мы стали работать после того, как начали воплощать в жизнь уже упомянутый проект «Они были первыми». Формы партнерства самые разные. С нашей стороны это организация и проведение массовых мероприятий краеведческой тематики (квесты, квизы, *open-air* и виртуальные экскурсии, видеолектории, краеведческий *Non Stop* и т. п.). Со стороны наших партнеров – это работа волонтеров в библиотеке (помощь в проведении массовых мероприятий, совместная работа в архивах, редакциях газет, музеях, участие в ремонтных работах и субботниках, обучение серебряных волонтеров навыкам поисково-исследовательской деятельности и публичных выступлений и т. п.).

Сотрудники редакции газеты «Металлург», которая издается на КУМЗе с 1982 г., А. Н. Котлов и С. Е. Давыдова всегда открыты для общения и помощи в поиске нужного документа или фотографии. Подшивки этой газеты, хранящиеся в архиве редакции, помогают библиотекарям восполнять лакуны в имеющейся краеведческой информации. В то же время газетчики с удовольствием публикуют на своих страницах наши материалы по истории поселка им. Чкалова.

А вот краеведы-любители города стали нашими партнерами не так давно, но их помощь поистине неоценима. В архивах разной ведомственной принадлежности активно работали и продолжают работать Е. В. Румянцева, Т. П. Лукьянова и А. П. Лысков. Их находки – это настоящий родник краеведческой информации. Причем Антон Павлович создал свой собственный блог, где размещает те материалы, которые разыскивает в архивах [Лысков].

Существенный вклад в сохранение краеведческой «копилки» вносит и индивидуальный предприниматель И. В. Квашнин, на чьи средства печатаются сборники краеведческих конференций и копируются документы и фотографии.

Вся найденная информация постепенно размещается на страницах библиотечно-краеведческого блога «Поселок имени Чкалова 1942 – наши дни», который был создан в июле 2017 г. В его разделах можно увидеть все те документы и фотографии, что были получены из разных архивов и музея. Посещается блог достаточно хорошо. К примеру, на 4 ноября 2021 г. было свыше 18 200 посещений из 58 стран.

Партнерское взаимовыгодное сотрудничество со всеми вышеперечисленными учреждениями и отдельными людьми продолжается, краеведческий фонд пополняется новыми находками. Промежуточ-

ный итог нашего сотрудничества – проект «Они были первыми», о котором было сказано в самом начале. В заключение отметим, что в 2019 г. он был удостоен премии Губернатора Свердловской области и вошел в топ-10 лучших проектов гражданско-патриотической направленности Всероссийского конкурса «Доброволец России – 2019». В 2020 г. он стал полуфиналистом Всероссийских конкурсов «Доброволец России – 2020» и «Моя страна – моя Россия», в 2021 г. – полуфиналистом конкурса «#МыВместе».

А подпроект «Ч. И. П. – SV (Чкалов. История. Поселок – *Silver Volunteers*)» в 2020 г. также стал финалистом Всероссийского грантового конкурса «Молоды душой».

Но участие в конкурсах – это не главное! Главное то, что накопленная и постоянно увеличивающаяся краеведческая информация по истории небольшого микрорайона города Каменска-Уральского – поселка им. Чкалова – доступна любому пользователю в любое время суток. Библиотека в содружестве со своими партнерами не только находит и сохраняет ее, но и тиражирует всеми возможными способами, учит любить и беречь свою малую родину.

Гусева И. С. История семьи в истории завода (о работниках завода № 268, п/я № 4, КУМЗа) // Гос. архив адм. органов Свердл. обл. URL: https://гаасо.рф/?p=7246 (дата обращения: 19.02.2021).

Лысков А. П. Вокруг Каменска. URL: https://vokrugkamenska.livejournal.com/ (дата обращения: 18.02.2021).

Пермякова Н. Н., Сарабанская Л. А. Анатолий Мальгин. История в фотообъективе // Гос. архив адм. органов Свердл. обл. URL: https://гаасо.рф/?p=6262 (дата обращения: 24.01.2021).

Червяков И. Незаметные герои той войны // Гос. архив адм. органов Свердл. обл. URL: https://гаасо.рф/?p=8133 (дата обращения: 24.01.2021).

УДК 94(470.54):02:069+908

Н. М. Демина
Централизованная библиотечная система Первоуральск

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ БИБЛИОТЕКИ И МУЗЕЕВ ГОРОДСКОГО ОКРУГА ПЕРВОУРАЛЬСК В ФОРМИРОВАНИИ И СОХРАНЕНИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ ГОРОДА: ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ ЦЕНТРА КРАЕВЕДЕНИЯ ПМБУК «ЦБС» (г. ПЕРВОУРАЛЬСК)

Особенностью Первоуральска, четвертого по численности населения города в Свердловской области является отсутствие городского

© Демина Н. М., 2022

краеведческого музея. В XX–XXI вв. предпринималось несколько попыток создания такого учреждения. Однако, как в случае с краеведческим, так и с другими видами музеев проблемой является не сбор артефактов и коллекций, а их сохранение. По официальной информации, в городском округе функционирует 22 музея; фактически музеев (музейных экспозиций) больше. Активным участником и объединяющим звеном сохранения памяти об истории Первоуральска является Центр краеведения Централизованной библиотечной системы города. В Центре краеведения аккумулируются письменные, аудио и визуальные материалы о городе, в том числе воспоминания первоуральцев. Учреждение проводит краеведческие конференции, по итогам которых издаются сборники. В 2010 г. в результате проведенной совместной работы краеведов, работников музеев, библиотекарей, учителей географии школ Первоуральска записан и размещен в открытом доступе *DVD*-диск «Первоуральск: диалог поколений». Материалы на диске систематизированы по разделам «История», «Литература», «Виртуальные экскурсии».

В исследовании представлен опыт взаимодействия Центра краеведения с музеями разных типов (ведомственными, школьными, общественных организаций).

Ключевые слова: взаимодействие библиотеки и музея, краеведение, Первоуральск

Nadieżda M. Demina
Centrum Lokalnych Studiów Lore,
Scentralizowany system biblioteczny
Pervouralsk

INTERAKCJA BIBLIOTEKI I MUZEÓW OKRĘGU MIEJSKIEGO PIERWOURALSKA W KSZTAŁTOWANIU PAMIĘCI HISTORYCZNEJ MAŁEGO MIASTA: Z DOŚWIADCZEŃ CENTRUM STUDIÓW REGIONALNYCH W PIERWOURALSKU

Cechą Pierwouralska, czwartego pod względem liczby mieszkańców miasta w obwodzie swierdłowskim, jest brak lokalnego centrum pamięci. W XX–XXI w. podejmowano próby powołania takiej instytucji. Jednak zarówno w przypadku muzeów historycznych, jak i innych, problemem nie jest gromadzenie zbiorów, ale zapewnienie im niezbędnych zabiegów konserwatorskich.

Według oficjalnych informacji, w okręgu swierdłowskim funkcjonują 22 muzea (samych ekspozycji muzealnych jest w rzeczywistości jeszcze więcej). Głównym podmiotem zachuwującym pamięć historyczną Pierwouralska jest Centrum Studiów Regionalnych, gromadzące zapisy informacji różnego rodzaju (aktowe, dźwiękowe, wizualne), w tym wspomnienia mieszkańców. Instytucja organizuje lokalne konferencje historyczne, które przyczyniają

się do publikowania źródeł. W 2010 r. w wyniku współpracy historyków, muzealników, bibliotekarzy, nauczycieli nagrano i udostępniono film DVD „Pierwouralsk: dialog pokoleń". Zawartość płyty została usystematyzowana według działów: „Historia", „Literatura", „Wirtualne wycieczki".

Praca przedstawia efekty współpracy Centrum Studiów Regionalnych z muzeami różnego typu (państwowymi, szkolnymi, społecznymi).

Słowa kluczowe: muzea, biblioteki, historia lokalna, Pierwouralsk, współpraca

Меморативный ландшафт территории формируется столетиями и тысячелетиями. Факторы формирования могут быть разные, один из них – человеческий. Люди, жившие и живущие на конкретной территории – невольные активные или пассивные участники его формирования. Музейные и библиотечные работники, сотрудники архивов по своей профессиональной деятельности призваны бережно сохранять историческую память региона. Результат их деятельности может быть успешным только при моральной и материальной поддержке руководства конкретной территории.

Особенность Первоуральска, четвертого по величине города Свердловской области – отсутствие городского краеведческого музея. Справедливости ради надо отметить, что попытка создания музея предпринималась дважды. Первый раз краеведческий музей открыл свои двери для посетителей в 1936 г. Эта дата приведена в «Паспорте Первоуральского краеведческого музея на 1950 год». Там же указаны название учреждения – Первоуральский краеведческий музей, адрес – г. Первоуральск, пл. К. Маркса и дата основания – 1936 г. В 1950 г. в штате музея числились директор, научный сотрудник и техничка.

В 1950 г. экспозиция музея состояла из двух отделов: социалистического строительства и природы. В отделе социалистического строительства были представлены пятилетний план развития города, история Первоуральска, стенды крупных заводов (хромпиковый, динасовый, Старотрубный и Новотрубный), а также Промкомбината, швейной артели и др. В отделе природы были выставлены чучела хищников, грызунов и птиц. Живой уголок уже не действовал (он был закрыт в июне 1949 г.). Музей работал с 12 до 17 часов. В 1950 г. его посетили 3 129 человек. Были проведены экскурсии: для учащихся средних школ – 29, для учащихся школ ФЗО – 3, для рабочих – 5; прочитано 8 лекций. За отчетный период на учет в фонды было поставлено 78 образцов труб, 20 фотографий лучших людей завода, 28 экспонатов руд. В библиотеке музея имелось 948 книг.

Научный сотрудник Невьянского краеведческого музея А. Н. Карфидов цитирует отчет о работе музея за 1953 г.:

> «За второе полугодие 1953 г. в связи с постановкой вопроса Областным отделом культпросветработы о закрытии городского музея, собирательская работа почти прекращена, так как организации и предприятия узнали об этом намерении и отказывались продолжать пополнение экспонатами своих стендов.
>
> Здание музея не приспособлено, очень холодное. Одна комната ремонтировалась, две комнаты пустовали и требовали капитального ремонта. Все экспонаты размещались в одном большом зале... Если не будет решен вопрос о закрытии музея, то потребуется на капитальный ремонт не менее 19 000 руб., а также на приобретение экспонатов не менее 10 000 руб., так как в течение последних лет экспонатов приобретено крайне мало» [Карфидов].

В итоге музей закрылся.

Во второй половине 1990-х гг. в связи с банкротством производственного объединения «Хромпик» администрация города, пытаясь сохранить музей боевой и трудовой славы предприятия и в надежде иметь городской краеведческий музей, приняла музей предприятия на бюджетное финансирование. В справочнике «Музеи Свердловской области», изданном в Екатеринбурге в 2006 г., музей значится как исторический музей г. Первоуральска по адресу: 623104, Свердловская область, г. Первоуральск, ул. Карбышева, 1. Однако предполагаемых значительных изменений в экспозиции музея, с одновременным бережным сохранением коллекции предыдущего музея, не произошло. Городского краеведческого музея в Первоуральске по-прежнему нет. Не работает и музей предприятия. К чести бывшего руководителя музея Л. А. Поповой и руководства предприятия «Русский хром – 1915», экспонаты сохраняются и при необходимости выполняются запросы по истории предприятия. Функции городского краеведческого музея частично выполняют музей Новотрубного завода и другие музеи города (ведомственные и школьные) (рис. 1).

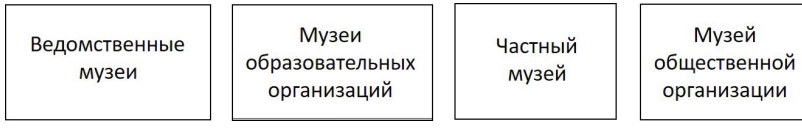


Рис. 1. Структура музейной сети г. Первоуральска, 2021 г.

Согласно информации Управления культуры и спорта ГО Первоуральск в муниципальном образовании функционируют 22 музея [Подбуртная, 2010]. Фактическое количество музеев (музейных экс-

позиций) больше. Например, несколько лет назад, в День библиотек 40 сотрудников Централизованной библиотечной системы посетили частный музей в дер. Каменка Новоуткинского сельского территориального управления. Экспонаты собраны в населенных пунктах территориального управления (Каменка, Нижнее Село, Старая Трёка). Они прекрасно воссоздают культуру и быт жителей прежней Уткинской волости Екатеринбургского уезда в XIX – начале XX вв. Особенность работы этого музея – то, что он принимает посетителей только в летнее время по предварительной записи.

Имеются музейные экспозиции в военно-спортивном клубе «Пограничник» в УВД по г. Первоуральск, в городской больнице № 3, в клубе «Лукоморье» при МАОУ СОШ № 2.

Важно не только сформировать, но и сохранить историческую память города. К сожалению, сберечь накопленные фонды нередко оказывается сложнее, чем собрать. Примером могут служить несколько музеев Первоуральска, которые прекратили свое существование. Причины были разные. Чаще всего они связаны с финансовыми проблемами, а в случае с Музеем уральской поэзии школы № 1 и музеем школы № 22 помещения были переданы под классные комнаты. Справедливости ради следует отметить, что экспонаты Музея уральской поэзии сохраняются, школа ждет строительства нового здания, где музей вновь получит отдельное помещение. Похожая ситуация с музеем школы № 22. Запланировано строительство нового помещения для школы, а пока музейные экспонаты переданы в Билимбаевское сельское территориальное управление по договору аренды.

Особенностью деятельности клуба любителей поэзии А. С. Пушкина «Лукоморья» было обязательное внесение краеведческой составляющей в экскурсионную и в другую массовую работу. Совместно со школой № 15 и при участии сотрудников Центральной библиотеки проведен праздник улицы Пушкина, на которой расположена школа. Состоялось знакомство гостей праздника с историей улицы, с замечательными людьми, проживавшими или проживающими на этой улице.

Архивы, музеи, библиотеки всегда выступали хранителями исторического прошлого на конкретной территории, запечатленного в документах, предметах быта, книгах, письменных и устных воспоминаниях современников и их предков. Чем шире круг музеев, архивов, библиотек и чем теснее их взаимодействие, тем полнее история населенного пункта.

Рассмотрим подробнее деятельность Центра краеведения Централизованной библиотечной системы Первоуральска. Фонд отдела «Центр краеведения» состоит из книг, периодических изданий, карт, наборов открыток о городе, видео и аудио-материалов, записей воспо-

минаний первоуральцев разных поколений о родном городе, поселке, селе, расположенных на территории городского округа Первоуральск, сборники материалов конференций, которые много лет проводятся в городе. Среди постоянных можно выделить следующие мероприятия:

- городская научно-практическая конференция «Шайтанские чтения» (ежегодная);
- региональная научно-практическая конференция «Строгановские чтения» (проводится один раз в пять лет);
- региональная научно-практическая конференция «Никитинские чтения» (проводится два раза в пять лет).

Фонд отдела ежегодно пополняется изданиями Центра краеведения, произведениями местных писателей, посвященных городу, истории отдельных предприятий, изданиями о знаменитых людях города.

Девять лет подряд Центр краеведения совместно с абонементом Центральной библиотеки, Управлением образования и Управлением социальной политики по г. Первоуральск проводит городской конкурс «Семейная реликвия». Среди его участников были и сотрудники музеев города. Материалы нескольких конкурсов изданы и пополнили фонд отдела [Пряхина, 2019].

С музеями ведется активное сотрудничество также при подготовке и проведении конференций. Неоднократными участниками конференции «Шайтанские чтения» были музеи школ №№ 2, 3 и 5; участниками «Строгановских» и «Никитинских» чтений были музеи школ №№ 22 и 26. Малые «Строгановские чтения» проводили в п. Новоуткинске совместно с музеем школы № 26 и в п. Кузино совместно с музеем школы № 36.

В 2010 г. по инициативе отдела краеведческой литературы Свердловской областной универсальной научной библиотеки им. В. Г. Белинского совместно с городским объединением краеведов, работниками музеев, библиотекарями, учителями-географами школ Первоуральска велась работа над сбором исторических, географических и литературных материалов. Результатом большой кропотливой работы стал *DVD*-диск «Первоуральск: диалог поколений». Это электронное издание в полном объеме выставлено на сайте ПМБУК и стало доступно не только первоуральцам, но и широкому кругу интернет-пользователей (http://old.prv-lib.ru/nash-gorod/pervouralsk-dialog-pokolenii). Информация на диске распределена по трем разделам: «История», «Литература», «Виртуальные экскурсии». Пользователи могут воспользоваться текстами, в том числе книгой «О Васильевско-Шайтанском заводе», написанной в 1892 г. А. А. Топорковым, священником Петропавловской церкви. Видеоматериа-

лами, включенными в содержание диска, пользуются библиотеки, учителя истории, литературы и географии, реализующие элективный курс «История Первоуральска» (модули: литература, география, история). Диск отмечен дипломом Российской библиотечной ассоциации.

Меморативный ландшафт Первоуральска составляют музеи, мемориальные комплексы, памятники, кладбища. К примеру меморативный ландшафт микрорайона Динас представлен следующими объектами: Памятник у завода сантехизделий, Музей трудовой и боевой славы «ДИНУР», Мемориальный комплекс у центральной проходной «ДИНУР», Мемориальный комплекс в честь первостроителей Динасового завода, Музей истории школы № 15, Музей в горбольнице № 3, кладбище первостроителей «ДИНУР».

Социальными партнерами Центра краеведения являются музеи города. В зависимости от типа музея различаются формы взаимодействия. Так, ведомственные музеи принимают участие в краеведческих конференциях, проводимых Центром краеведения, оказывают помощь в выполнении запросов читателей, участвуют в проведении массовых мероприятий, к примеру, городского вечера солдатских вдов и детей войны и др., преподносят в дар книги по истории предприятий. Музеи образовательных учреждений (в том числе Центр детского творчества) также участвуют в краеведческих конференциях, городском конкурсе «Семейная реликвия», в подготовке к изданию третьей Книги памяти Первоуральска «В сердцах и в памяти». Музеи предоставляют во временное пользование экспонаты для выставок в выставочном зале Центральной библиотеки Первоуральска. Музей общественной организации Совета ветеранов также участвует в краеведческих конференциях и заседаниях городского объединения краеведов.

Сотрудники Центра краеведения активно сотрудничают с ведомственными музеями при подготовке к изданию третьей Книги памяти, для которой среди прочего использовались материалы многотиражной газеты Новотрубного завода «Уральский трубник».

За годы работы у Центра краеведения сложились добрые отношения не только с музеями Первоуральска, но и области. В конференциях Центра краеведения принимали участие сотрудники Екатеринбургского музея медицины, Свердловского областного краеведческого музея, Невьянского краеведческого музея и Тавдинского музея леса и деревообрабатывающей промышленности, Сысертского краеведческого музея и Ильинского краеведческого из Пермского края, где когда-то находилась контора майоратного имения графов Строгановых – хозяев Билимбаевского завода.

Особое направление в работе Центра краеведения – сотрудничество с городским архивом. Его работники помогают в поиске документов при подготовке к конференциям, сами участвуют в них. Например, на региональной конференции «Никитинские чтения» выступила директор архива Н. В. Логиновских и рассказала о работе Северского леспромхоза. Для молодого поколения первоуральцев стал открытием тот факт, что когда-то поселок Северка, находящийся на территории Екатеринбурга, относился к Первоуральску. Соответственно, Северский леспромхоз работал на территории Северского поселкового совета Первоуральска.

Ведется сотрудничество с Государственным архивом административных органов Свердловской области». Знакомство состоялось, когда сотрудники архива в выставочном зале Центральной библиотеки презентовали выставку «37-й на Урале».

Отдельно отметим работу Центра краеведения с музеем народного образования (МАОУ СОШ № 5). Во-первых, ведется совместная исследовательская работа по истории народного образования в Шайтанке; во-вторых, проводятся совместные встречи с ветеранами педагогического труда Первоуральска; в-третьих, сотрудники Центра принимают участие в конференции «Шайтанские чтения» по итогам исследовательской работы, связанной с историей начальной школы № 5; в-четвертых, ежегодно проводится вечер Солдатских вдов и детей войны; в-пятых, экспонаты музея используются в выставочной работе библиотеки (по договору); в-шестых, фонд Центра краеведения используется для разработки методических материалов по краеведению для учащихся начальной школы и т. д.

По мнению А. В. Луначарского, «музей – грандиозная памятная книга человечества». Задача библиотеки – сделать ее доступной для читателей. Музей располагает экспонатами, а библиотека – книгами, раскрывающими историю экспонатов. Отмечено, что «около 15–20 % библиотек России в той или иной мере занимаются музейной деятельностью. Музейная деятельность библиотек выполняет важную миссию – осуществляет связь времен, способствует сохранению культурного наследия, воспитанию патриотизма и толерантности» [Кузнецова, 2010]. Библиотеки, активизируя краеведческую деятельность, изучая историю своих районов и свою собственную, начинают собирать, наряду с письменными документами, предметы материальной культуры. Такой опыт имеется в библиотеке № 6 Централизованной библиотечной системы г. Первоуральска.

Известный библиотековед С. Г. Матлина отмечает, что создание самобытных музеев становится престижным, способствует созданию

положительного имиджа библиотеки, способствует росту ее авторитета в конкретном населенном пункте, а также на уровне района и области [Матлина, 2007].

Используя в работе элементы музейной деятельности, библиотеки создают новый творческий стиль и библиотечный имидж, более привлекательный для пользователей, повышая тем самым свой социальный статус и в целом способствуя поступательному развитию отечественной культуры.

Очень важно не только сохранение, но и передача социальной памяти. Благодаря упорядочению и продвижению уникальных документов и предметов, по крупицам разыскиваемых энтузиастами-библиотекарями, сбору свидетельств очевидцев событий, привлечению личных коллекций жителей в библиотеках появляются музейные экспозиции.

В подготовительной работе по организации музея в библиотеке особое место отводится поисковой, исследовательской работе, в частности, написанию летописей населенных пунктов. Сегодня летописи – неотъемлемая часть работы библиотек, предмет большой ответственности и вместе с тем гордости за то, что такая сложная работа выполняется библиотекарями. Сбор воспоминаний старожилов, изучение материалов семейных архивов, обобщение полученных сведений позволяют восстановить, сохранить историю населенных пунктов и пополнить фонд краеведческой литературы.

Карфидов А. Н. Необходимо немедленно организовать в районе центральный краеведческий музей…». Из истории Первоуральского краеведческого музея (1936–1954 годы) // Урал. 2021. № 9. URL: https://magazines.gorky.media/ural/2021/9/neobhodimo-nemedlenno-organizovat-v-rajone-czentralnyj-kraevedcheskij-muzej.html (дата обращения: 22.11.2021).

Кузнецова Т. В. Музейная деятельность публичных библиотек. О Всероссийской научно-практической конференции // Библиотечное дело. 2010. № 21 (135). С. 20–25.

Матлина С. Г. Нужны ли библиотекам музейные подразделения? О библиотеках-музеях и мемориальных библиотеках // Библиотечное дело. 2007. № 18 (66). С. 2–6.

Подбуртная Н. А. Собиратель памяти веков // Вечерний Первоуральск. 2010. 28 дек. С. 3.

Пряхина Е. Семейная реликвия со времен войны // Новости Первоуральска. 20.04.2019. URL: https://www.pervomedia.ru/19144/ (дата обращения: 22.11.2021).

УДК 550.8+912.648

А. А. Ефимов
Уральский федеральный университет
Екатеринбург

ГЕОКЕШИНГ КАК ИНСТРУМЕНТ ПОИСКА МУЗЕЕВ[1]

В статье автор вводит понятие и дает определение геокешинга. Описываются некоторые практики исследования. Приводятся промежуточные результаты.

Ключевые слова: Геокешинг, музей, туризм, геолокация, сервис, сообщество, карты Google.

Aleksander A. Jefimow
Uralski Uniwersytet Federalny
im. pierwszego prezydenta Rosji B. N. Jelcyna
Jekaterynburg

GEOCACHING JAKO NARZĘDZIE DO WYSZUKIWANIA MUZEÓW

W artykule autor prezentuje pojęcie geocachingu i podejmuje próbę jego definicji. Opisuje niektóre praktyki badawcze w zakresie geocachingu i prezentuje ich wstępne wyniki.

Słowa kluczowe: Geocaching, muzeum, turystyka, geolokalizacja, usługa, społeczność, mapy Google

Изменение ограничений на точность систем глобального позиционирования для обычных пользователей в 2000 г. повлияло на ситуацию на рынке продуктов и услуг. Появились как пользовательские устройства, специализированные, либо интегрированные в телефоны, портативные компьютеры и пр.) так и сервисы, существование которых ранее, до изменения ограничений было бы бессмысленно [GPS Accuracy]. Сервисы поддерживались корпорациями, сообществами и даже конкретными разработчиками, позволяя обмениваться данными, связанными с координатами на местности, и анализировать их.

Тема геокешинга как тактической игры – поиска кладов, ловли покемонов и пр. (см. geocaching.com) выходит за рамки данной статьи, тем не менее, геокешинг в контексте сервисов, представляемых такими ресурсами как geocaching.com и geocaching.su, может занять достойное место в наборе «рабочих инструментов» небольшого музея или иного учреждения культуры.

[1] Тема поддержана грантом РНФ 21-18-00418 «Музей малого города: множественность культур памяти (историко-социологический анализ)».

© Ефимов А. А., 2022

В рамках данной статьи под геокешингом будет пониматься системное и последовательное нанесение на карту групп объектов разных типов, создание достоверных описаний, обогащение их мультимедийным контентом (фотографии, видеофрагменты, панорамы). Базовой платформой для фиксации результата стали «Карты Google» (Google Maps) в рамках проекта «Местные эксперты» (Local Guides). Проект подразумевает начисление баллов за подтвержденные и опубликованные изменения, вручение виртуальных наград и пр., т. е. соревновательный элемент здесь все же есть, но система спроектирована так, что не провоцирует пользователя на накрутку баллов, скорее наоборот, поощряет вдумчивую и качественную работу «местного эксперта».

Исследователь, ведущий какую-то системную работу с использованием определенных инструментов и определенной формы отчетности, обычно работает в соответствующем формате. Он разделяет исследование на этапы, формализует их, основываясь на опыте, делает выводы, оптимизирует свою деятельность и в итоге начинает работать достаточно эффективно. Эффективность работы в данном направлении очень важна, так как речь обычно идет о больших территориях, по которым нужно перемещаться и которые, возможно, не удастся оперативно посетить снова.

Например, можно построить велосипедный маршрут длиной около 130 километров по дорогам трех районов Свердловской области, который включает порядка двадцати сел и два города. Такой маршрут рассчитан на 6–8 часов и позволяет собрать информацию о таких типах объектов, как медицинские (фельдшерско-акушерские пункты, общие врачебные практики, районные больницы, аптеки), социальные (школы и детские сады, сельские клубы и дома культуры, сельские библиотеки), административные (территориальные органы местного самоуправления и пр.) учреждения, а также о таксофонах, церквях, мемориалах участникам войн, памятниках Ленину и т. п., и, конечно же, о сельских музеях. Продовольственные магазины и сельские столовые также находятся в приоритете. Понятно, что подобный маршрут является обзорным и позволяет наметить цели для дальнейшего, более серьезного изучения, а также нанести на карту до сотни новых объектов, актуализировать их списки, отразить изменения в режимах работы объектов, добавленных ранее, в том числе закрытие объектов.

Подобная информация может быть полезна как местным жителям, так и туристам, посещающим данные территории целенаправленно или проезжающим их транзитом. Ведь логичнее остановиться на отдых в селе, в котором есть ФАП (фельдшерско-акушерский

пункт), аптека, музей, библиотека, школа, несколько небольших достопримечательностей и магазинов, чем в населенном пункте, у которого на карте есть только название. А если на ФАПе есть мемориальная доска в честь сельского врача, у мемориала павшим воинам есть несколько панорам, которые демонстрируют его отличное состояние, в профиле магазина есть фотографии ассортимента, терминала оплаты и хорошие отзывы, а у музея есть даже приложение для социальных сетей – это повод съехать с трассы на пять километров и остановиться на отдых или обед именно в таком селе, особенно, если еще есть парковка и маленький парк со скамеечками и урнами, тоже отраженные на карте.

Отдельно хотелось бы отметить вопрос о наличии на картах объектов Министерства здравоохранения (учреждения ОВП (общей врачебной практики), ФАП, аптеки), крупных государственных организаций (Почта России, Ростелеком, Сбербанк). В каких-то случаях после обращения в министерство (областное) информация появлялась на картах централизованно и очень быстро, в других – компании исторически всегда присутствовали на картах, а в каких-то помочь делу может только сообщество, так как компания либо вообще не работает в данном направлении, либо работает только с одной системой «Карт». «Карты Google» игнорируются крупными отечественными компаниями и министерствами чаще всего.

Обычно поездки по дорогам Свердловской области происходят летом в течение отпуска (2–3 недели), длина дневного маршрута составляет от 30 до 150 км и многие дороги уже изучены. Работать на количество, находя новые объекты, уже нет возможности, так что остается работа на качество. И если раньше на картах был только адресный план объекта, входная дверь, да табличка с расписанием, то теперь добавляются фото внутреннего интерьера, а порой даже панорамное изображение объекта внутри и снаружи. Так же панорамными фотографиями в сервисах «Карты Google» и «Просмотр улиц Google» обзавелись многие достопримечательности, которые в основном представлены мемориалами, установленными в честь разных событий и руинированными церквями. Некоторые панорамы сделаны на рассвете, чтобы в кадре не было людей. Подобные особенности накладывают еще больше ограничений на планируемый маршрут и заставляют действовать в жестком формате. Начальная точка поездки всегда одна – поселок Молтаево, Алапаевского района Свердловской области. Конечная точка – та же, что и начальная. Расположение поселка позволяет в течение дня добраться до Алапаевска, либо Режа, либо Артемовского разными дорогами, посетив все населенные пункты по пути, и вернуться обратно. По ощущениям, материала для геокешин-

га хватит как минимум на пару лет, после чего можно будет расширять географию, либо «глубже» заходить в небольшие города.

В августе 2021 г. было принято решение нанести на карту сельские дома культуры. Так был обнаружен существующий фактически, но не имеющий официального статуса «Музей русского быта и истории села Мироново» (https://goo.gl/maps/ewBBk7hecQGQC56o6), расположенный в с. Мироново Артемовского района Свердловской области. Несколько слов о селе: здесь имеются школа, детский сад, работают несколько магазинов, есть таксофон. Фельдшерско-акушерский пункт большой, на стене пункта установлена мемориальная доска в честь сельского врача Н. А. Панова. Рядом – небольшой парк его имени. Так же в селе есть небольшой, но ухоженный «Парк победы», большой мемориал односельчанам, погибшим в годы Великой Отечественной войны, пожарная часть, функционирующая церковь, сельский клуб и многое другое. А вот почтовое отделение временно закрыто. Все изменения отражены на «Картах Google».

Найти музей иначе, чем «прочесывая» местность, было трудно, так как официально музея в составе сельского клуба нет. Тем не менее за 15 лет здесь собрана достойная экспозиция и сформирован профессиональный коллектив. Музей работает на базе сельского клуба и состоит из нескольких залов:

«*История села*» – фактически два зала, один иллюстрирует раннюю историю села, второй – советское время и Великую Отечественную войну.

«*Горница*» – не классическая сельская горница с печью, лавкой и люлькой, а собирательный образ всего того, что в разное время находилось в сельской горнице. Хранители музея сетовали на отсутствие профессиональной подготовки, но то, как гармонично выглядит горница, позволяет утверждать, что экспозиция удалась! Экспонатов много, но расположены они удачно, поэтому ощущения склада нет.

«*Мастерская*» – помещение, совмещающее экспозицию, посвященную историческим промыслам жителей деревни, предметы декоративно-прикладного искусства и инструменты для их создания, а так же пространство для занятий, мастер-классов и пр.

«*Двор*» – внутренний двор клуба, обустроенный для проведения мероприятий на открытом воздухе, а также экспозиция предметов, которые трудно выставлять в здании – крупных сельскохозяйственных инструментов, саней и пр.

Сотрудники клуба с пониманием отнеслись к геокешингу и позволили сделать панорамные фотографии всех залов музея

и некоторых помещений клуба, а также разместить эти материалы в профиле организации на «Картах Google» (https://goo.gl/maps/siaEmHaYzQJf7piJ8). Параллельно было создано мобильное приложение для социальной сети *ВКонтакте*, использующее контент «Карт Google» для реализации простого *3D*-тура по музею (https://vk.com/services?w=app7938458_42326604). Аналогичные действия были проведены в Арамашевском краеведческом музее, расположенном в с. Арамашево Алапаевского района (https://vk.com/services?w=app7939349_42326604). К моему удивлению, сотрудники музея в с. Арамашево очень давно не были у коллег из Мироново, а сотрудники Мироновского музея не были в музее Арамашево. Между селами 15 километров прямой хорошей дороги, но это разные районы. В итоге соседи познакомились друг с другом заочно, и теперь появился повод съездить в гости.

С окончанием отпуска период «полевого» геокешинга завершается. Обрабатываются полученные материалы – загружаются фотографии, вносятся правки, которые по каким-то причинам не были внесены ранее, исправляются ошибки. Созданы прототипы приложений для социальных сетей с расчетом на то, что «до ума» их доведут сельские школьники при посильной поддержке сотрудников клубов / музеев и учителей. Пока память о поездках еще свежа, строятся планы на будущее. Укрепляются и личные контакты с сотрудниками музеев – один из музеев передал на оцифровку часть фонда (фотопленки), с другим ведется обсуждение работы с источниками для одного проекта и обсуждение проблем получения официального статуса музея. Все фото и видео материалы, а также исходные данные для создания панорам переданы сотрудникам музеев.

Говорить об устойчивой тенденции превращения пользователей «Карт Google» в посетителей музеев пока рано, к этому вопросу можно будет вернуться через год. Пока же хочется надеяться, что положительный опыт геокешинга сельских продовольственных магазинов и медицинских объектов распространится и на сельские учреждения культуры. Сельские фельдшеры подтверждают, что количество городских посетителей, которые обращаются, чтобы «снять клеща», увеличилось кратно. А сотрудники сельских магазинов говорят, что стало заметно больше транзитных покупателей, которые интересуются тем, чего нет в магазинах на заправках. Посмотрим, что скажут через год сотрудники музеев.

GPS Accuracy // Official U. S. government information about the Global Positioning System (GPS) and related topics. URL: https://www.gps.gov/systems/gps/performance/accuracy/ (дата обращения: 14.11.2021).

УДК 069(470.56)

Т. М. Капшанов
Музей истории Оренбурга
Оренбург

ОБНОВЛЕННАЯ ЭКСПОЗИЦИЯ ДОМА-МУЗЕЯ ИМЕНИ ЮРИЯ И ВАЛЕНТИНЫ ГАГАРИНЫХ

Цель исследования – раскрыть преимущества полноценного погружения в судьбу Юрия Алексеевича Гагарина в обновленном музее, особенно во время проведения экскурсий для детей и подростков. В статье акцентируется внимание на экспозиции музея, которая восходит к 1970-м гг. и окончательно оформилась в 2021 г., к 60-й годовщине первого полета в космос. Молодые посетители музея с энтузиазмом воспринимают обновленную частью экспозиции, включающую интерактивное оборудование, подлинные экспонаты, принадлежавшие Ю. А. Гагарину и современным космонавтам**.** Научная новизна заключается в применении методических рекомендаций по воспитанию в детях и подростках чувства гордости за отечественную космическую отрасль, в возможности погружения в историческое прошлое, использования игровой формы познания через интерактивные экспонаты.

Ключевые слова: Оренбург, музей, Ю. А. Гагарин, В. И. Гагарина, космические исследования, интерактивные технологии.

Timur M. Kapszanow
Muzeum Historii Orenburga
Orenburg

ODNOWIONA EKSPOZYCJA MUZEUM DOMU JURIJA I WALENTYNY GAGARINÓW

Celem opracowania jest ukazanie korzyści płynących z pełnego poznania losów Jurija Gagarina w odnowionym muzeum, dla obsługi wycieczek dzieci i młodzieży. Artykuł skupia się na ekspozycji muzeum, której początki sięgają lat 70-tych XX w., ostatecznie ukształtowanej w 2021 roku z okazji 60. rocznicy pierwszego lotu w kosmos. Młodsze pokolenie z wielkim entuzjazmem odbiera zaktualizowaną część ekspozycji, która obejmuje sprzęt interaktywny, oryginalne eksponaty należące do Gagarina i współczesnych kosmonautów. Nowością jest nacisk na wychowanie patriotyczne dzieci i młodzieży, wywołanie poczucia dumy z rodzimego przemysłu kosmicznego, zapoznawanie z historią poprzez zabawę z interaktywnymi eksponatami. Wyniki badań potwierdzają skuteczność tego typu działań.

Słowa kluczowe: Orenburg, Jurij Gagarin, Walendyna Gagarin, kosmos, technologia, muzeum.

© Капшанов Т. М,, 2022

Хотя Музей истории Оренбурга и его структурные подразделения не являются учебными заведениями, большинство наших посетителей – это дети и подростки школьного возраста. Ю. А. Гагарин – идеальный пример для подражания всем мальчишкам, а его супруга – образец нравственности и верности, сумевшая после гибели мужа достойно воспитать своих детей и внуков. Музейные сотрудники серьезно подошли к методической части создания обновленной экспозиции, учитывая возрастные особенности посетителей, начиная с младшего школьного возраста. В этой статье будет рассказано о том, как создавалась новая обновленная экспозиция, теперь уже в отреставрированном Доме-музее им. Юрия и Валентины Гагариных.

История дома-музея восходит к 1971 г. В то время в здании на ул. Чичерина, 35 располагалась школа-интернат для детей-инвалидов, а на втором этаже, рядом с комнатами, где прежде жили Валентина Ивановна и Юрий Алексеевич Гагарины, все еще проживали их соседи. За 50 лет здание пережило немало невзгод, оно постепенно разрушалось от времени. Комнаты, в которых жили молодожены Гагарины, отошли Музею истории Оренбурга в 2000 г. В 2001 г. музей получил часть экспонатов, собранных организатором школьного музея М. Мингазовым, другая часть была отправлена в Губернаторский музей. В 2016 г. здание было признано аварийным и выкуплено городом. За прошедшие пять лет его полностью отремонтировали, заменив перекрытия, крышу, окна и т. п. Вновь музей был открыт 12 апреля 2021 г., к 60-летию первого полета в космос.

Имея до ремонта в своем распоряжении только две комнаты на втором этаже, музейные сотрудники были сильно ограничены в построении экспозиции. За годы реконструкции была разработана новая концепция экспозиции музея. Теперь первый этаж посвящен этапам биографии Ю. А. Гагарина. На втором этаже представлены те самые две мемориальные комнаты, в которых жили Юрий Алексеевич с Валентиной Ивановной, интерьер коммунальной квартиры с общей кухней и зал советского кинотеатра.

Ведущим разработчиком концепции обновленного музея – глава экспозиционного отдела Музея истории Оренбурга Л. А. Верховых. Именно благодаря ей с 2001 г. существует мемориальная часть второго этажа. Под ее руководством Музей-квартира Гагариных работал на протяжении 15 лет. После того, как на время ремонта экспонаты переехали в хранилище основного музея, Людмила Николаевна с помощью других сотрудников решала судьбу первого этажа (со вторым этажом все было ясно изначально). Было предложено немало идей, начиная от макетов ракет и посадочной капсулы и заканчивая планетарием, с соблюдением канонов музейной деятельности, предполага-

ющих наличие полноценных витрин с экспонатами. Площадь первого этажа невелика и поделена на несколько секторов. Для удобства посетителей было выделено место для гардероба, смотрители получили комнаты для хранения инвентаря. Окончательно для экспозиции было выделено два зала. В первом из них по периметру расположены восемь пристенных витрин, центральная витрина и информационный киоск – широкоэкранный планшет-компьютер. Второй зал стал целиком интерактивным – он рассчитан на школьников младшего и среднего возраста.

Существует немало музеев, посвященных биографии Ю. А. Гагарина, и строить очередной музей такого рода в наши планы не входило. «Многое дал мне Оренбург – и семью, и власть над самолетом», – сказал когда-то Юрий Алексеевич, поэтому первая витрина посвящена его оренбургскому периоду жизни, когда он был курсантом летного училища, и его поездке в Оренбург после космического полета. Витрина разделена на две части. В верхней части – фотокопии, на которых курсант Гагарин в военной форме после принятия присяги (1956 г.), он же вместе с другими курсантами на фоне памятника В. П. Чкалову на Набережной, на фоне Драматического театра имени М. Горького и на борту самолета МИГ-15. В нижней части витрины – триумфальное возвращение в Оренбург после космического полета, фотография Ю. А. Гагарина на фоне своего самолета МИГ-15 (он сейчас стоит напротив бывшего 2-го корпуса летного училища по адресу ул. Челюскинцев, 17), фото встречи с курсантами летного училища. Все они датированы 1962 г. Ключевым экспонатом витрины является синяя летная куртка Гагарина (МИО КП ОФ 2730), которую он привез с собой в Оренбург и подарил Комнате боевой славы летного училища (современный Музей-космонавтики, структурное подразделение Музея истории Оренбурга). Об учебе в летном училище напоминает журнал, раскрытый на той странице, где указаны отметки о парашютных прыжках, совершенных курсантом Гагариным (МИО НВФ 842). Недавно музей смог договориться с Оренбургским ЗАГсом о передаче копии страницы из регистрационной книги 1957 г. с записью о заключении брака между Юрием Гагариным и Валентиной Горячевой. Юрию в то время было 23 года, а Валентине – 22. Свадьбу они сыграли на втором этаже здания, где сейчас расположен музей (этот факт обыгрывается во время костюмированных экскурсий).

Вторая и третья витрины повествуют об истории ЧВАУЛ (Чкаловского военного авиационного училища летчиков). Здесь выставлены личные вещи генерал-майора В. Х. Макарова (МИО НВФ 913), вручавшего Гагарину диплом об окончании училища. В этой же части экспозиции – диплом А. А. Быкова (МИО НВФ 1727), однокурсника Гагарина, посвятившего всю свою жизнь авиации.

Во время экскурсии делается особый упор на значимости музейного здания. Семья Гагариных жила в нем недолго, всего около недели. Но что еще может дать Оренбург своим жителям и гостям города? Улицы, по которым ходил Гагарин, памятник ему и наш отреставрированный музей.

Четвертая витрина рассказывает посетителям музея о северном периоде жизни Гагариных. В витрине стоит манекен с зимней экипировкой летчика (МИО КП ОФ 3081). После отъезда из Оренбурга Гагарин стал служить в Заполярье, под Мурманском. Здесь же показывается, как развивалась космическая отрасль до полета Гагарина. Выставлены фотографии С. П. Королева и К. Э. Циолковского, тренировок Гагарина в составе отряда первых космонавтов.

Пятая витрина демонстрирует день полета ракеты-носителя «Восток». Коллекция фотокопий показывает взлет ракеты и посадку модуля, встречу первого космонавта на Земле. Центральные экспонаты витрины – земля с «гагаринского старта» в стеклянной колбе, подлинный экземпляр газеты от 13 апреля 1961 г. (МИО НВФ 1851). Космическая еда (тубы, консервы и сублимированная пища в пленке) с большим интересом рассматривается посетителями любого возраста.

После демонстрации пятой витрины сотрудники музея делают плавный переход к современным экспонатам. Музей истории Оренбурга идет в ногу со временем, любая наша экскурсия – это не просто описание экспонатов, но полноценный рассказ, погружение в эпоху. СССР определил вектор дальнейшего развития космической отрасли, сделав возможным создание орбитальных станций, полеты космических аппаратов на Луну и к другим планетам, приблизив создание интернета и спутникового телевидения. Без сомнения, подвиг Гагарина многое дал науке, достижения которой прочно вошли в современный повседневный обиход.

Последующие витрины содержат в себе подлинные вещи, принадлежащие современным космонавтам. Демонстрируются личные вещи космонавтов О. В. Новицкого и А. Н. Овчинина (футболка (МИО ВП 254), термозащитное белье (МИО ВП 272-272/2), шапочка (МИО ВП 268) использовались на борту МКС). Тренировочный костюм А. Н. Овчинина (МИО КП ОФ 3103) – с той самой миссии на МКС МС-10, которая закончилась аварийным сбросом модуля МС-10, так и не долетев до МКС (после этого неудачного полета закончилась эпоха ракеты-носителя Союз ФГ, ей на смену пришла более надежная ракета Союз-2). Представлены современная космическая еда, подлинные фотографии экипажей МКС с их персональными автографами. Экспонаты, которые посетители могут потрогать своими руками – остатки ступеней ракеты-носителя Союз ФГ (воздушная турбина (МИО КП ОФ 3068), люки (МИО КП ОФ 3034, 3035).

Своеобразный итог космических достижений – витрина с юбилейным планшетом, на котором собраны все значки миссий на МКС с 1998 по 2018 гг. Здесь же экспонаты, предоставленные музею НПО им. Лавочкина – макеты летающих в космос телескопов и метеорологических станций (МИО НВФ 1797, 1798, 1799, 1800). Следует отметить, что многие современные экспонаты были подарены музею неравнодушными горожанами.

Особые эмоции вызывает тренировочный скафандр Ю. А. Гагарина (МИО КП ОФ 2732, 2733, 2734, 2735, 2736, 2737, 2738). Для него отведена подсвеченная лампами центральная витрина зала первого этажа. Со скафандром связана печальная история – Гагарин использовал его, готовясь к своему предполагаемому второму полету в космос, которому не суждено было состояться. После гибели летчика скафандр привезла в Оренбург В. И. Гагарина.

Позади витрины со скафандром на широкоэкранном планшете-компьютере установлены *3D*-симулятор космоса «Celestia» и Google Earth. Обычно им пользуются одиночные посетители.

В среднем экскурсия по первому залу занимает около 20–30 мин. в зависимости от возраста посетителей.

После информативной насыщенности первого зала второй зал предназначен для максимального отдыха. Дети и подростки успевают усвоить полученную информацию, насытиться новыми яркими эмоциями перед посещением второго этажа. На стенах зала – фотообои с изображением поверхности Марса, Луны, Юпитера. На потолке расположилось звездное небо – два проектора транслируют анимированные изображения звезд, галактик, космических кораблей.

Посетителям особенно нравятся «Космические весы». Программа ведет расчет веса любого вставшего на напольные весы человека и конвертирует эти данные с поправкой на силу тяжести на разных планетах Солнечной системы. Например, человек, вес которого на Земле составляет 80 кг, увидит, что на Юпитере он будет весить 240 кг.

Не менее интересна закрепленная на тумбе полусфера. Внутри нее находится 25 кг жидкого мыла, и при вращении разные по плотности слои мыла образуют подобие обволакивающих Землю воздушных потоков. Чем быстрее вращается полусфера, тем интенсивнее потоки. «Черная дыра» дает возможность наблюдать вращение шаров, пропадающих в центре полусферы. По своим свойствам она напоминает раковину, но таков принцип действия реальной «черной дыры» – поглощать любые объекты.

Экспонат «Земная ось» позволяет увидеть, что наша планета не является абсолютно круглой – у полюсов она немного сплюснута. «Перчатки космонавта» дают представление об ощущениях космо-

навта, которому в условиях отсутствия гравитации необходимо с помощью специального ключа отвернуть или закрутить гайку.

Как уже было сказано, экспозицию второго этажа было решено представить в стиле советской коммунальной квартиры. Если с комнатами Горячевых все было понятно с самого начала – мы просто вернули на место экспонаты, стоявшие там с 2001 г., то другие комнаты наполнялись постепенно. На протяжении года, предшествовавшего открытию музея, в рамках акции «Сохраним историю вместе» экспонаты нам несли простые жители Оренбурга. Комнаты соседей Горячевых наполнились мебелью, посудой и аксессуарами середины XX в. Особый интерес представляет общая коммунальная кухня.

Один из залов второго этажа стилизован под советский кинотеатр. В нем стоят деревянные стулья 1960-х гг. Эта часть экспозиции навеяна историей знакомства Юрия и Валентины. В 1956 г., когда Гагарин был еще курсантом летного училища, они познакомились на танцах, которые устраивались в 1-м корпусе училища на ул. Советской, 1. В Оренбурге существовал кинотеатр «Искра», который располагался в бывшей усадьбе купца Мякинькова на улице Пионерской – в него будущий космонавт и водил свою невесту. Сидя на стульях нашего кинотеатра, посетители слушают, как складывалась судьба самой знаменитой пары Советского Союза. В кинозале демонстрируются старые советские фильмы и мультфильмы.

Наиболее важная часть экспозиции второго этажа – комнаты Горячевых и общая кухня. Многие удивляются, каким образом семь человек могли разместиться в двух небольших комнатах. Производят впечатление и подлинные экспонаты, подаренные музею В. И. Гагариной – покрывало (МИО НВФ 800), занавеска (МИГО 1809), салфетки (МИГО 1850, 1850/1, 1850/2) – все они выполнены ею вручную.

Подводя итог, хотелось бы вновь упомянуть о проделанной колоссальной работе. Коллектив Музея истории Оренбурга прошел через все стадии ремонта, успев открыть Дом-музей в срок. Были сохранены все предметы старой экспозиции, их возвратили на свое законное место. Выставляются и новые экспонаты. Сама экспозиция стала хронологически цельной и последовательной. Учитываются возрастные особенности слушателей экскурсии. Судя по Книге отзывов, посетители довольны увиденным. В музей приходят люди, которые прежде видели только мемориальные комнаты, учителя приводят школьников целыми классами, а гости города узнают о связи Ю. А. Гагарина с Оренбургом.

УДК 930.25(470.55)+069

Г. Н. Кибиткина
Объединенный государственный архив Челябинской области
Челябинск

ИНТЕГРАЦИЯ АРХИВОВ, МУЗЕЕВ И БИБЛИОТЕК. ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ ОБЪЕДИНЕННОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ

В последнее время архивы начинают играть все более заметную и активную роль в музейном деле. Так, например, г. Челябинск не имеет своего музея города, но при этом существует Объединенный государственный архив Челябинской области, где на хранении находятся не только документальные источники прошлого, но и разные предметы – мебель, посуда, детские игрушки, головные уборы и многое другое. В условиях отсутствия нормативных оснований (архивы не занимаются комплектованием и хранением предметов) и по инициативе работников архив осуществляет различные выставки и пытается сохранять и транслировать историческую память.

Ключевые слова: архив, историческая память, музей, библиотека, интеграция, выставки.

Galina N. Kibitkina
Wspólne Archiwa Państwowe Obwodu Czelabińskiego
Czelabińsk

INTEGRACJA ARCHIWÓW, MUZEÓW I BIBLIOTEK. Z DOŚWIADCZEŃ PAŃSTWOWEGO ARCHIWUM ZBIORCZEGO OBWODU CZELABIŃSKIEGO

W rozdziale przedstawiono doświadczenia archiwum w zakresie współpracy z muzeami i bibliotekami, a także doświadczenia w tworzeniu ekspozycji muzealnych w archiwum i przestrzeni publicznej. Analizie poddano problemy przyjmowania, przechowywania i księgowania eksponatów muzealnych w archiwum oraz możliwe sposoby ich opracowania.

Słowa kluczowe: archiwum, pamięć historyczna, muzeum, biblioteka, integracja, wystawy.

Одной из актуальных задач по укреплению основ национального самосознания граждан России является сохранение исторической памяти. Музеи, библиотеки и архивы являются равноценными, взаимодополняющими друг друга институтами единой системы исторической памяти. По определению и фактически, музеи, библиотеки

© Кибиткина Г. Н., 2022

и архивы являются основными хранителями исторической памяти, оставаясь таковыми на протяжении всей истории человечества. Они имеют единые задачи комплектования, хранения и использования исторической памяти (предмет – книга – документ), но при этом и свои специфические черты, находящие отражение в характере и организации их деятельности. Они осуществляют важные научные и культурно-просветительские функции. Архивы, в отличие от библиотек и музеев, являются еще и гарантом права, подтверждая юридические основания, социальные гарантии историческими документами.

Архивы, музеи и библиотеки в настоящее время активно сотрудничают. Это проявляется в совместных выставках, публикациях, массовых мероприятиях, информационных проектах. Возможно, наступит такое время, когда возникнут хранилища, имеющие статус архивов-музеев или архивов-музеев-библиотек. В 1920-х гг. такая идея уже выдвигалась. Например, в центре Челябинска собирались построить здание, где под одной крышей размещались бы архив, музей и библиотека. И сегодня эта идея продолжает витать в научной среде, имеет поклонников и противников. Из несомненных плюсов интеграции институтов памяти – участие в развитии информационных потребностей общества, создание современного культурного пространства.

Несмотря на отсутствие соответствующих нормативных актов, процесс стихийно развивается, в большей степени по инициативе «снизу». Он находит выражение в комплектовании архивов и библиотек артефактами прошлого, а музейное пространство наполняется визуальными документами, в том числе фотографиями. Сотрудничество между музеями, библиотеками и архивами сопровождается заключением договоров. Так, многолетнее сотрудничество Объединенного государственного архива Челябинской области (ОГАЧО) с Государственным историческим музеем Южного Урала (Областным краеведческим музеем) и Челябинской областной универсальной научной библиотекой в последнее десятилетие стало более широким. К уже традиционным совместным выставкам, подготовкам Календаря памятных и знаменательных дат, презентациям различных изданий добавились научно-практические конференции, чтения, круглые столы на исторические темы, обмен информационными базами и собственными изданиями и другие мероприятия.

Остановимся подробнее на особенностях и проблемах создания музейного фонда в архиве и на причинах, побудивших архивистов собирать материальные свидетельства прошлого. Объединенный государственный архив Челябинской области, хранящий более 2,5 млн дел и являющийся одним из самых крупных региональных архивов России, был образован 17 мая 1999 г. из двух архивов – Государствен-

ного архива Челябинской области и Центра документации новейшей истории (бывший архив Челябинского обкома КПСС). В 2004 г. был открыт специализированный отдел по личному составу. Таким образом, сегодня архив имеет три здания, и в двух из них располагаются выставочные залы.

Выставочная деятельность, как известно, – традиционная форма работы архивов всех уровней практически с момента их образования. И ОГАЧО не исключение. Выставки документов в архиве проводили и в 1920-е гг., и даже во время войны. Конечно, выставки советского периода были политизированы и несколько однообразны. Но, например, выставку по истории Великой Октябрьской революции, подготовленную к ее десятилетию совместно с краеведческим музеем, за один месяц посетило более 27 тыс. человек. Даже в наши дни эта цифра впечатляет.

Что же мы имеем сегодня? В здании бывшего партийного архива пятнадцать лет назад был открыт выставочный зал с переменными экспозициями, посвященными истории региона советского периода. За это время сменилось более десяти выставок, каждая из которых экспонировалась в течение года. Среди них выставки «От уездного города до мегаполиса» об истории архитектуры города, «Вехи времени и лики истории» о первых руководителях области, «Агитация и пропаганда в годы войны», «Обожгла наше детство война» и др. К 100-летию Государственной архивной службы России и архивной службы Челябинской области открылась выставка «Архивный мир». В 2016 г. к 280-летию основания г. Челябинска в здании архивохранилища № 1 (Свердловский проспект, 30а) открылась постоянная историко-документальная экспозиция «Челяба. Путешествие в прошлое». Это оригинальное и индивидуальное произведение экспозиционного творчества архивистов. Тема по истории областного центра выбрана неслучайно. Дело в том, что Челябинск – единственный из городов с миллионным населением, не имеющий своего музея города (уже 25 лет он находится в стадии формирования). Дизайн-проект выставки разработан самими архивистами. В отдельных случаях на безвозмездной основе в качестве экспертов и дизайнеров привлекались друзья архива – ученые и краеведы. Все работы от концепции до монтажа выставки были проведены сотрудниками архива.

Сегодняшнему молодому поколению неинтересны историко-документальные выставки, состоящие из одних копий документов, какими бы ценными они не были. Нужен предметный ряд – экспонаты. Их необходимость мы ощутили еще при создании первой выставки в 2005 г. Обратились в музей, и после долгой бумажной волокиты нам выдали во временное пользование отдельные предметы, объяснив, что огромное новое здание музея тоже нуждается в предметах для до-

полнительных экспозиций. Вот тогда перед нами и встала задача: как создать современную, интересную и креативную выставку без единого предмета? В это время у нас еще не было планшетных выставок, которые сейчас размещены в Центральном парке культуры и отдыха и на пешеходной улице областного центра. Тогда, в 2005 г., мы решили сами собирать свой музейный фонд. Дело было совсем новое, даже в правилах работы архивов об этом не было написано ни слова. Противников, в том числе в среде коллег и руководства, было немало, поскольку деятельность архивов обычно ассоциируется только со сбором, хранением и использованием документов. Предметами должны заниматься музеи. Первоначальный этап убеждения был в основном завершен только через десять лет.

Какими путями в архив поступают предметы? Во-первых, с документами личного происхождения с последующим формированием в фонды и коллекции. Еще на стадии договоренности с возможными фондообразователями архив заявляет о приеме на государственное хранение не только документов на бумажной основе и фотографий, но и личных предметов – картин, письменных приборов, перьевых ручек, печатных машинок, часов, очков и многого другого, что всесторонне характеризует личность человека. Как правило, фондообразователи, наряду с документами, охотно передают предметы в свой фонд.

Во-вторых, в 2005 г. в связи с введением профессионального праздника Дня архивов нами для жителей Южного Урала была объявлена акция «Пополни Историю». Акция стала постоянной, и уже в течение 16 лет мы принимаем разнообразные предметы и даже целые коллекции. Среди них книги, пособия, инструменты для технических специалистов 1920–1930-х гг. (они обычно используются в экспозициях по истории индустриализации). Коллекции ваз для цветов и флаконов духов 1950-х гг. были использованы в проекте «Вещи века» новостного портала «74 RU». Коллекция детских игрушек советского времени – на выставке «Мы будем жить!», организованной в лицее № 11. Предметы быта военного времени экспонируются в подшефной школе № 137 на выставке «Дети войны», и т. д. У нас даже есть масштабная работающая домашняя фотолаборатория! Использование предметов осуществляется в нескольких направлениях:

- в выставочной деятельности архива, в том числе совместно со школами, вузами, музеями, библиотеками, общественными организациями;
- при создании старинных реконструкций на площадках проведения мероприятий как самого архива (во время акции «Пополни Историю»), так и многочисленных организаций в связи с их юбилеями.

За это время собрано около 10 тыс. предметов, включая значки и награды. Учет поступивших артефактов ведется не по музейным правилам, а по архивным. В соответствии с «Правилами организации хранения, комплектования, учета и использования документов архивного фонда…», музейные предметы, принятые в составе архивного фонда, учитываются в его составе как единицы хранения [Правила..., 2020, ст. 34.1]. Этот же раздел «Правил» (XXXIV) определяет учет музейных предметов, поступивших в составе документов архивного фонда в Музейный фонд Российской Федерации. В практике работы архива ситуация обстоит таким образом, что на каждую передачу музейных предметов сначала составляется запись в инвентарной книге с указанием дарителя, его данных, описанием предмета, легенды или истории о предмете, степени его сохранности. Принимается личное заявление дарителя о безвозмездной передаче предметов в архив. Впоследствии составляется отдельная опись к личному фонду или коллекции, копия которой хранится вместе с предметами, в нее внесенными. После составления описи на каждом предмете проставляется архивный шифр, например, «ОГАЧО. Ф. П-771. Оп. 6. Ед. хр. 56». Музейные предметы в составе архивных фондов, а вернее, информация о них, вносится в систему научно-справочного аппарата архива. Включать данные предметы в Музейный фонд страны не следует. Это то, что касается учета.

Хранение музейного фонда возможно в общем архивохранилище отдельно, а также в составе личного фонда или коллекции на архивных полках. Поскольку у нас есть объемные предметы, включая мебель, для хранения музейного фонда выделено отдельное помещение. Для оперативной работы по поиску предметов для выставок, а также для экскурсий хранение музейного фонда архива сделано открытым. В краеведческих музеях предметы систематизируются по типам источников, коллекциям, видам материала, видам искусства, технике, назначению. В случае с архивом будущие экспонаты систематизированы и классифицированы по предметно-тематическому признаку. Например, посуда (самовары, стаканы и подстаканники, чугунки), техника (радиоприемники, часы, печатные машинки, фотоаппараты, телефоны), одежда, обувь и головные уборы, мебель (комод, этажерка, шкаф), детские игрушки, елочные игрушки, картины, бюсты, награды, значки, монеты и т. д.

Как было обозначено выше, комплектование и хранение предметов не относится к основной деятельности архива. В связи с этим неизбежны проблемы с приемом, хранением и учетом. Они связаны между собой. С одной стороны, для руководства неплохо, что выставки без особого труда получаются красочными и информативными, что поль-

зователи с желанием и интересом посещают экскурсию в открытое хранение музейного фонда. С другой – эта деятельность не обозначена ни в государственных заданиях, ни в основных показателях работы архива, ни даже в Уставе архива. Архив испытывает большие сложности с выполнением основных показателей при малой штатной численности сотрудников. Поэтому работа с музейным фондом (комплектование, описание, хранение) осуществляется сотрудниками практически на добровольных началах при обязательном выполнении всех основных показателей, определяемых должностными инструкциями. Помогают студенты вузов во время архивной практики, волонтеры из православной гимназии.

Как известно, на протяжении всей истории развития архивов им всегда не хватало кадров и архивных площадей. Каждый метр свободной площади в архиве предназначен для хранения документов. В архивохранилищах создаются все необходимые условия для обеспечения сохранности документов – но не предметов. Разместить в архиве музейный фонд невозможно. У нас для хранения музейного фонда с большим трудом было выделено подвальное помещение площадью 25 кв. м. Условия для хранения многочисленных ценных предметов, безусловно, не оптимальны: нет возможности соблюдать температурно-влажностный режим, площади слишком малы. Выход находится в предоставлении архивом предметов музейного фонда во временное пользование школам и общественным организациям. В настоящее время предметы архива экспонируются в пяти местах.

Время идет вперед, стремительно меняется все, в том числе и в архивной отрасли. В региональных и городских архивах открываются выставочные залы и небольшие музеи. Архивисты-энтузиасты собирают предметы и, пока идет процесс комплектования, нередко хранят их в шкафах в своих рабочих кабинетах. Несмотря на все трудности, работа с музейным фондом продолжается, главным образом для того, чтобы на историко-документальных выставках официальные и внешне скучные документы дополнялись яркими выразительными музейными экспонатами, придающими экспозиции художественную законченность.

Правила организации хранения, комплектования, учета и использования документов Архивного фонда Российской Федерации и других архивных документов в государственных и муниципальных архивах, музеях и библиотеках, научных организациях : утв. приказом Росархива № 24 от 2.03.2020 // Федеральное архивное агентство. URL: https://archives.gov.ru/documents/rules/pravila-2020.shtml (дата обращения: 24.11.2021).

УДК 069.015(470.56):902

Л. А. Краева
Оренбургский государственный педагогический университет

РОЛЬ УНИВЕРСИТЕТСКОГО МУЗЕЯ АРХЕОЛОГИИ В УЧЕБНОМ ПРОЦЕССЕ

Музей археологии Оренбургского государственного педагогического университета открылся в 2004 г. Музей играет значительную роль в учебном процессе университета. В экспозиции представлена история Оренбургского края в каменном, бронзовом и раннем железном веках, а также в эпоху средневековья. Посетив музей, можно получить наглядное представление о том, как выглядел древний человек, чем он занимался в разные эпохи.

Самые древние экспонаты относятся к VIII тыс. до н. э., а самые поздние – к периоду Золотой Орды (XIV в.). Несомненным украшением музея является кираса сарматского воина. Посетители также знакомятся с современными методами археологических исследований, новыми находками и открытиями.

Музей выполняет учебную, хранительскую и научно-исследовательскую функции. Музей археологии посещают студенты, школьники и ученые из разных городов России, ближнего и дальнего зарубежья.

Ключевые слова: музей, археология, экспонаты, каменный век, бронзовый век, ранний железный век, средневековье, Оренбургская область.

Ludmiła A. Krajewa
Państwowy Uniwersytet Pedagogiczny w Orenburgu

ROLA UNIWERSYTECKIEGO MUZEUM ARCHEOLOGICZNEGO W PROCESIE EDUKACYJNYM

Muzeum Archeologiczne Państwowego Uniwersytetu Pedagogicznego w Orenburgu zostało otwarto w 2004 r. Ekspozycja odzwierciedla główne etapy rozwoju laboratorium archeologicznego, prezentując materiały wykopaliskowe z wypraw. Ciekawe znaleziska, rekonstrukcje i fotografie przedstawiono w 13 gablotach. Eksponaty obrazują historię regionu Orenburga w epoce kamienia, brązu i wczesnego żelaza, a także w średniowieczu. Wizualizują one losy człowieka różnych epok dziejów świata. Najstarsze eksponaty pochodzą z 8 tys. p.n.e., a najnowsze – z okresu Złotej Ordy. Niewątpliwą ozdobą muzeum jest kirys sarmackiego wojownika. Zwiedzający zapoznają się również z nowoczesnymi metodami badań archeologicznych, najnowszymi znaleziskami i odkryciami. Co roku Muzeum Archeologiczne odwiedza

© Краева Л. А., 2022

ponad 800 studentów, uczniów i naukowców z różnych miast Rosji oraz z zagranicy. Muzeum odgrywa znaczącą rolę w procesie edukacyjnym uczelni.

Słowa kluczowe: muzeum, archeologia, eksponaty, epoka kamienia, epoka brązu, wczesna epoka żelaza, średniowiecze, region Orenburg.

Музей археологии Оренбургского государственного педагогического университета (ОГПУ) открылся 11 ноября 2004 г. по инициативе ректора В. С. Болодурина. В создании музея под руководством заведующей археологической лабораторией доктора исторических наук Н. Л. Моргуновой участвовали сотрудники лаборатории: Л. А. Краева, Д. В. Мещеряков, М. В. Халяпин, И. В. Матюшко и художники – А. Г. Краев и М. В. Туманов.

Целью создания музея явилось повышение уровня учебного процесса [О создании..., 2004] и знакомство посетителей с открытиями Оренбургской археологической экспедиции, работающей в стенах ОГПУ с 1977 года [Моргунова, 2001; 2007, Евгеньев, 2007].

Известно, что археология интересная и занимательная наука, но изучение профессиональных тонкостей часто с трудом дается даже студентам-историкам, так как дисциплина имеет свои особенности и не изучается в средней школе, поэтому база и навыки для легкого запоминания отсутствуют. В связи с этим именно музей, созданный в стенах самого учебного заведения, активно помогает в учебном процессе при изучении дисциплин «Археология» и «Музееведение» на историческом факультете.

К сожалению, запутанность законодательства и трудности в «легализации» вузовских музеев ограничивают нормальное функционирование таких учреждений.

Проблемы не обошли стороной и наш музей. С 2006 г. музей вошел в структуру учебной археологической лаборатории ОГПУ [Об изменении..., 2006]. В 2009 г. он был переименован в учебно-методический кабинет по археологии [О преобразовании..., 2009] и только с 1 января 2020 г. стал официально Музеем археологии Оренбургского государственного педагогического университета (ОГПУ) [О внесении изменений..., 2019], куда помимо экспозиционного зала вошли фонды археологической лаборатории ОГПУ, которые насчитывают более 20 тыс. единиц хранения. Музей в настоящий момент является структурным подразделением археологической лаборатории ОГПУ, в его штат входят два сотрудника (заведующий музеем и хранитель).

С марта 2020 г. музей осуществляет централизованный учет в Госкаталоге Музейного фонда Российской Федерации (https://goskatalog.ru/portal/#/museums?id=4153).

Научная инвентаризация и систематизация археологических коллекций Музея производится на базе автоматизированной информационной системы «Музей» (ГИВЦ Министерства культуры РФ) [Хмелевская, 2019, с. 214].

Экспозиция музея оформлена в современном стиле и отражает основные этапы развития археологической лаборатории ОГПУ, представленные материалами раскопок экспедиций разных лет [Моргунова, 2014; Евгеньев, 2016; Евгеньев и др. 2020]. Особенностью музея является существование возможности свободного доступа к экспонатам для исследования в связи со специальной конструкцией витрин.

Несмотря на небольшие размеры помещения, музей вместил в себя много интересных экспонатов (более 800), которые раскрывают историю Оренбургского края в каменном, бронзовом и раннем железном веках, а также в эпоху средневековья.

Открывает экспозицию карта Оренбургской области, где отмечены места проведения археологических экспедиций ОГПУ в разные годы.

Активное участие в работе экспедиции всегда принимали студенты исторического факультета, чье практическое знакомство с полевой археологией начинается после первого курса с археологической практики. Именно увлечение археологией в студенческие годы стало для многих ребят решающим фактором при выборе профессии после окончания университета.

Самые древние находки, относящиеся к VIII–IV тыс. до н. э. (кремневые пластины, каменные орудия труда, фрагменты богато орнаментированной керамики), выставлены в витринах, посвященных исследованию памятников эпох мезолита, неолита и энеолита у с. Ивановка в Красногвардейском районе Оренбургской области, работы на которых велись с 1977 по 1982 г., а также в 2014–2015 гг. [Моргунова, 1980; 1983; 2011; Моргунова и др., 2017]. Посетители также могут увидеть реконструкции наконечника копья и серпа человека каменного века, изготовленные во вкладышевой технике.

Наглядное представление о том, как выглядит стратиграфия раскопанного древнего поселения, дает макет культурных слоев Ивановского поселения, выполненный художниками.

В бронзовом веке на территории Оренбуржья проживали разные народы. Когда в Древнем Египте фараонам возводились пирамиды, здесь над погребениями ямной культуры (конец IV – III тыс. до н. э.) [Моргунова, 2014] стали насыпаться курганы. В экспозиции представлены керамика, а также орудия труда и оружие «ямников», сделанные из бронзы. Медь для этого сплава добывали в том числе и в Каргалинских рудниках [Черных, 2018], фотография которых размещена в витрине. Наглядное представление об

облике человека древнеямной культуры дает реконструкция погребенного из Болдыревского кургана, сделанная известным археологом и антропологом Л. Т. Яблонским [Моргунова, 2014, с. 69]. В экспозиции можно увидеть фотографию древнейшего колеса, найденного при раскопках у с. Шумаево [Моргунова и др., 2003, с. 12].

Материалы среднего и позднего бронзового века представлены в четырех витринах, посвященных поселенческим и погребальным памятникам, раскопанным у сел Тамар-Уткуль, Покровка, Герасимовка, Свердлово, Кузьминки, Васильевка, Буланово, Родниковка, Малоюлдашево и Шумаево [Порохова, 1989; 1992; Халяпин, 1998; Моргунова и др., 2001; Халяпин, 2001; Купцова, Файзуллин, 2012; Купцова, 2014; Евгеньев и др., 2016]. Экспозиция знакомит с основными занятиями, бытом и погребальным обрядом племен разных археологических культур, проживающих на территории Оренбургской области в период III–II тыс. до н. э.

В витринах по раннему железному веку размещены материалы из раскопок Бердянских [Моргунова, Мещеряков, 1999; Краева и др., 2000] и Шумаевских курганов IV–II вв. до н. э. [Моргунова и др., 2003]. Поражают взор искусно сделанные сарматские украшения, оружие, разнообразная по форме керамическая посуда. Несомненным украшением музея является железная кираса сарматского воина, изготовленная в оружейной мастерской государства Селевкидов или Греко-Бактрийского царства [Дедюлькин и др., 2019]. Заинтересуют посетителей и наборы вооружения «сарматских амазонок», найденные в Шумаевском могильнике. О широких культурных связях сарматов со Средней Азией, Кавказом, Индией и Северным Причерноморьем рассказывают импортные вещи из сарматских курганов. Безусловно, привлечет внимание и реконструкция облика позднесарматской женщины с искусственно деформированным черепом (II–III вв. н. э.) из курганного могильника «Черный Яр», выполненная В. К. Филипповым [Краева и др., 2009; Краева и др., 2018].

Материалы, выставленные в витрине по средневековью, представлены в основном половецкими древностями. В музее можно познакомиться с боевым снаряжением половцев и других поздних кочевников; получить представления о различиях в погребальном обряде в домонгольский (IX–XIII вв.) и золотоордынский (вторая половина XIII – XIV вв.) периоды [Матюшко, 2011; 2015], а также узнать о раскопках уникального захоронения мумифицированного средневекового воина [Матюшко, 2008; Доде, 2019].

В одной из витрин помещены разновременные случайные находки и материалы из раскопок разных лет: костяной гарпун каменного века[1],

[1] Костяной гарпун был передан в дар музею учителем истории школы с. Ероховка Грачевского района Оренбургской области В. Н. Корниловым.

бронзовое навершие из знаменитых Филипповских курганов [Лылова, Моргунова, 2000] и множество других интересных предметов.

О работе и быте археологов рассказывают фотографии, расположенные на стендах музея.

Центральная витрина ежегодно обновляется и знакомит посетителей с новыми находками и открытиями последних лет.

Музей археологии ОГПУ выполняет учебную, хранительскую (охранную) и научно-исследовательскую функции.

Музей посещают школьники, студенты и ученые из разных городов России, ближнего и дальнего зарубежья. Музей открыт для широкого посещения общественности во время проведения в стенах педагогического университета ежегодного мероприятия «Ночь науки» и пользуется большой популярностью. Важное значение музей имеет как площадка для профессиональной ориентации школьников и студентов при выборе учебного заведения для поступления и будущей профессии.

Помимо экскурсионной и просветительской деятельности, сотрудники музея ведут большую работу по учету и хранению старых коллекций и новых поступлений из археологической лаборатории ОГПУ, а также занимаются научными исследованиями [Краева, 2008; 2017; 2019; 2021; Хмелевская, 2019; 2020a; 2020b и др. работы].

Музей археологии играет значительную роль в учебном процессе университета и помогает понять и полюбить историю древности.

Дедюлькин А. В., Каюмов И. Ф., Мещеряков Д. В. Эллинистические железные кирасы из Южного Приуралья // Stratum. Война и пир в кочевой степи. 2019. № 3. С. 51–88.

Доде З. В. Ртутный странник: об исследовании одного средневекового погребения // Генуэзская Газария и Золотая Орда. Казань–Кишинев, 2019. Т. 2. С. 521–546.

Евгеньев А. А. 40 лет Оренбургской археологической экспедиции: основные направления и достижения деятельности // Археолог. памятники Оренбуржья. Оренбург : Изд. центр ОГУ, 2007. Вып 13. С. 4–26.

Евгеньев А. А. Вклад Оренбургской археологической экспедиции в исследование сарматских памятников Южного Приуралья // Проблемы сарматской археологии и истории : материалы IX Междунар. науч. конф. Оренбург : Изд-во ОГПУ, 2016. С. 84–92.

Евгеньев А. А., Купцова Л. В., Мухаметдинов В. И., Рослякова Н. В., Усачук А. Н., Файзуллин И. А., Хохлов А. А. Поселение Малоюлдашево I эпохи неолита и поздней бронзы в Западном Оренбуржье. Оренбург : Изд. центр ОГУ, 2016.

Евгеньев А. А., Краева Л. А., Крюкова Е. А., Купцов Е. А., Купцова Л. В., Моргунова Н. Л., Файзуллин А .А., Файзуллин И. А., Харламов П. В. Новейшие итоги полевых исследований Оренбургской археологической экспедиции (2010–2018) // X Большаковские чтения. Оренбургский край как историко-культурный феномен. Т. 2. Оренбург : Изд-во ОГПУ, 2020. С. 178–184.

Краева Л. А. Гончарство ранних кочевников Южного Приуралья в VI – I вв. до н. э.: автореф. дис. … канд. ист. наук: 07.00.06. М., 2008.

Краева Л. А. Гончарство сарматских племен Западного Казахстана. Алматы : Ин-т археолог. им. А. Х. Маргулана, 2017.

Краева Л. А. Заимствования и подражания в гончарстве сарматских племен Южного Приуралья и Западного Казахстана // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н. э. – V в. н. э). Т. V. Симферополь : ООО «Фирма “Салта” ЛТД», 2019. С. 136–146.

Краева Л. А. Гончарные традиции ранних кочевников Западного Казахстана VI–I вв. до н.э. // Электрон. науч.-образоват. журн. «История». Т. 10. Вып. 1 (75). URL : https://history.jes.su/s207987840002566-1-1/ (дата обращения: 18.11.2021).

Краева Л. А. Трасология и экспериментальное изучение сарматских курильниц // Вестн. «История керамики». Вып. 3. М. : ИА РАН, 2021. С.144–163.

Краева Л. А., Мещеряков Д. В., Моргунова Н. Л. Одиночный курган у с. Благословенка // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 4. Оренбург : ООО «Оренбургская губерния», 2000. С. 186–194.

Краева Л. А., Крюкова Е. А., Шутелева И. А., Щербаков Н. Б. Место археологического памятника в методике выделения археологического микрорайона на примере могильника «Черный Яр» (Южное Приуралье) // Археологические микрорайоны Северной Евразии. Омск : Изд-во «Апельсин», 2009. С. 78–82.

Краева Л. А., Радивоевич М., Равич И. Г., Черникова Л. П., Шутелева И. А., Щербаков Н. Б. Китайское зеркало из позднесарматского комплекса «Черный Яр» // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2018. Т. 23. № 3. С. 176–188.

Купцова Л. В., Файзуллин И. А. Родниковое поселение позднего бронзового века в Западном Оренбуржье // Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург : Изд-во ОГПУ, 2012. С. 70–100.

Купцова Л. В. Погребальные памятники срубной культуры Западного Оренбуржья с применением камня: специфика, культурные связи, периодизация и радиокарбонная хронология // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 11. Оренбург : Изд-во ОГПУ, 2014. С. 177–195.

Лылова Е .В., Моргунова Н. Л. Бронзовые навершия Филипповских курганов // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 4. Оренбург : ООО «Оренбургская губерния», 2000. С. 180–185.

Матюшко И. В. Захоронение бальзамированного воина XIII—XIV веков на левобережье Иртека // Степи Европы в эпоху средневековья. Золотоордынское время. Донецк : ДонНУ, 2008. Т. 6. С. 141–156.

Матюшко И. В. Средневековые мавзолеи в Оренбургской области // Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург : Изд-во ОГПУ, 2011. С. 146–155.

Матюшко И. В. Погребальный обряд кочевников степного Приуралья IX–XIV вв. Оренбург : Изд-во ОГПУ, 2015.

Моргунова Н. Л. Ивановская стоянка эпохи неолита-энеолита в Оренбургской области // Энеолит Восточной Европы. Куйбышев : Изд-во КГПИ, 1980. С. 104–125.

Моргунова Н. Л. Старо-Токская мезолитическая стоянка // Древние памятники на территории Восточной Европы. Воронеж : Изд-во ВГПИ, 1983 С. 28–40.

Моргунова Н. Л. История и библиография археологических исследований Оренбургского края // Оренбург : Изд-во ОГПУ, 2001. Вып V. С. 5–19.

Моргунова Н. Л. Вклад Оренбургской археологической экспедиции в изучение истории Южного Урала за последнее 30-летие // Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург : Изд-во ОГПУ, 2007. Вып VIII. С. 4–14.

Моргунова Н. Л. Энеолит Волжско-Уральского междуречья. Оренбург : Изд-во ОГПУ, 2011.

Моргунова Н. Л. Приуральская группа памятников в системе волжско-уральского варианта ямной культурно-исторической области. Оренбург : Изд-во ОГПУ, 2014.

Моргунова Н. Л. Археология Оренбуржья. Оренбург : ООО «Руссервис», 2014.

Моргунова Н. Л., Мещеряков Д. В. «Прохоровские» погребения V Бердянского могильника // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 3. Оренбург : Печатный дом «ДИМУР», 1999. С. 124–146.

Моргунова Н. Л., Халяпин М. В., Халяпина О. А. II Кузьминковское поселение эпохи бронзы // Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург : Изд-во ОГПУ, 2001. С. 99–125.

Моргунова Н. Л., Гольева А. А., Краева Л. А., Мещеряков Д. В., Турецкий М. А., Халяпин М. В., Хохлова О. С. Шумаевские курганы. Оренбург : Изд-во ОГПУ, 2003.

Моргунова Н. Л., Васильева И. .Н., Кулькова М. А., Рослякова Н. В., Салугина Н. П., Турецкий М. А., Файзуллин А. А., Хохлова О. С. Турганикское поселение в Оренбургской области. Оренбург : Изд. центр ОГАУ, 2017.

О внесении изменений в организационно-штатную структуру университета : приказ № 2055 от 06.12.2019 // Архив археологической лаборатории ОГПУ.

О создании музея : приказ № 448-а от 01.11.2004 // Архив археологической лаборатории ОГПУ.

О преобразовании музея археологии : приказ № 2 от 08.01.2009 // Архив археологической лаборатории ОГПУ.

Об изменении штатного расписания : приказ № 18 от 18.01.2006 // Архив археологической лаборатории ОГПУ.

Порохова О. И. II Герасимовский курганный могильник в Оренбургской области // Древняя история населения Волго-Уральских степей. Оренбург : Изд-во ОГПИ, 1992. С. 92–107.

Порохова О. И. Срубно-алакульское Покровское поселение в Западном Оренбуржье // Материалы по эпохе бронзы и раннего железа Южного Урала и Нижнего Поволжья. Уфа : Изд-во БНЦ УрО АН СССР, 1989. С. 60–71.

Халяпин М. В. Курганы срубной культуры у с. Свердлово // Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург : Печатный дом «ДИМУР», 1998. С. 57–86.

Халяпин М. В. Раннеалакульский курган у с. Васильевка на юге Оренбургской области // Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург : Изд-во ОГПУ, 2001. С. 49–74.

Хмелевская О. Е. Музейные фонды археологической лаборатории Оренбургского государственного педагогического университета: специфика, проблемы, векторы развития // Вестн. Музея археологии и этнографии Пермского Предуралья, 2019. Вып. 9. С. 21–25.

Хмелевская О. Е. Практические вопросы хранения археологических коллекций // Труды VI (XXII) Всерос. археолог. съезда в Самаре. Т. 3. Самара : СГСПУ, 2020.С. 196–198. (a)

Хмелевская О. Е. Опыт социокультурной практики Оренбургской археологической экспедиции ОГПУ в профориентации школьников и студентов // Труды VI (XXII) Всерос. археолог. съезда в Самаре. Т. 3. Самара : СГСПУ, 2020. С. 198–199. (b)

Черных Е. Н. Каргалы – забытый мир. Оренбург : Оренбургская книга, 2018.

УДК 069(470.54)

А. С. Негатина
Богдановичский краеведческий музей
Центр современной культурной среды
городского округа Богданович

ОПЫТ СОЗДАНИЯ ВЫСТАВКИ «ЛИЧНОСТИ В ИСТОРИИ БОГДАНОВИЧА»

В статье представлен опыт создания выставки «Личности в истории Богдановича». Проект Богдановичского краеведческого музея победил в конкурсе на государственную поддержку муниципальных музеев Свердловской области. Идея проекта – путешествовать по карте времени, отражающей историю молодого города. Реализация проекта с использованием современного мультимедийного оборудования позволила виртуально расширить музейное пространство. Краеведческий музей превратился из хранилища материалов в место встречи истории и современности.

Ключевые слова: музей, виртуальные выставки, г. Богданович, люди в истории.

Anna S. Niegatina
Muzeum Krajoznawczego Bogdanowicz,
Centrum Współczesnego Środowiska Kulturowego
Okręgu Miejskiego Bogdanowicz

DOŚWIADCZENIE TWORZENIA EKSPOZYCJI „OSOBOWOŚCI W HISTORII MIASTA BOGDANOWICZ”

Referat przedstawia doświadczenia związane z tworzeniem ekspozycji „Osobowości w historii Bogdanowicza”. Projekt Muzeum Krajoznawczego Bogdanowicza zwyciężył w konkursie na udzielanie wsparcia państwowego muzeom miejskim obwodu swierdłowskiego. Ideą projektu jest podróż po mapie czasowej odzwierciedlającej historię młodego miasta. Realizacja projektu, przy pomocy nowoczesnego sprzętu multimedialnego, umożliwiła wirtualną rozbudowę przestrzeni muzeum. Lokalne muzeum historyczne przekształciło się ze składnicy materiałów w miejsce spotkania historii i nowoczesności.

Słowa kluczowe: muzeum, wystawy wirtualne, Bogdanowicz, ludzie w historii.

Что такое город? Это не просто дома, строения и предприятия, но самостоятельный многоликий и цельный организм. Город – это арена общественных отношений, отражающих социальную структуру общества. Он является не просто скоплением архитектурных и инженерных сооружений, обеспечивающих жизнь населения, но также

© Негатина А. С, 2022

служит центром развития искусства и ремесел, технических достижений, местом, где население занимается деятельностью, направленной на развитие всей страны.

В масштабах России Богданович – небольшой город, но его девиз – «Город больших возможностей и достижений» – говорит о ярком историческом пути города, о вкладе живущих в нем людей в процветание России. Здесь расположены современные промышленные предприятия и передовые сельские хозяйства, уникальные природные ландшафты соседствуют с рукотворными карьерами. История Богдановича – это история страны и людей, которые строили и прославляли город.

Статус города был присвоен Богдановичу только в 1947 г., но территория района осваивалась по крайней мере в течение последних четырех веков, в которые вместились тысячи историй жизни простых людей, неразрывно связанных с достижениями великого государства.

Идея проекта, предпринятого Богдановичским краеведческим музеем – путешествие по карте времени, отражающей историю города и района.

Главное событие проекта – виртуальная выставка «Личности в истории Богдановича» – представляет материалы из архивов краеведческого музея. Ранее они хранились в музейных запасниках, и ограниченное экспозиционное пространство музея не позволяло представить экспозицию для широкой зрительской аудитории.

Реализация проекта с помощью современного мультимедийного оборудования позволила виртуально расширить пространство музея. Краеведческий музей из хранилища материала превратился в место встречи истории с современностью.

Проект «Люди маленького города в истории большой страны» предполагает знакомство с оцифрованными документами и фотографиями, а компьютерная программа позволяет пользователю виртуальной выставки самостоятельно ознакомиться с выставкой «Личности в истории Богдановича».

Богдановичский краеведческий музей планирует включить в каталог выставки более 5 тыс. разнообразных экспонатов (фотографий, газетных публикаций разных исторических периодов, воспоминаний современников и других документов).

Проект был реализован совместно с молодой креативной командой «Кочубей Медиа», которая неравнодушно отнеслась к поставленной задаче.

Виртуальная выставка «Личности в истории Богдановича» состоит из восьми разделов.

Самый большой раздел – *«Отвага и мужество»* – включает информацию об участниках и героях Гражданской и Великой Отечественной войн, военного конфликта на территории Демократической Республики Афганистан, чеченских войн.

Большая группа экспонатов входит в подраздел «Великая Отечественная война» – это учетные карточки участников войны, истории жизни не вернувшихся с фронта героев – жителей нашего района.

Кроме того, любой желающий имеет возможность сообщить о своем герое, заполнив электронную карточку и направить ее в музей через Интернет.

Раздел *«Ответственность и управление»* включает информацию о партийных секретарях, председателях исполкомов районного и городского Советов, мэрах и главах администраций, а также депутатах разных созывов.

Каждый из представленных в разделе внес личный вклад в историю и развитие нашей территории.

Самым ярким представителем из персонажей этого раздела является Михаил Иванович Ситников.

> Его молодость и время взросления пришлись на военные годы, когда он вместе с другими подростками испытал всю тяжесть сельского труда. После школы и ФЗО М. И. Ситников работал на шахте, затем занимался комсомольской работой, став секретарем комитета комсомола огнеупорного завода. В 1953 г. Ситников был избран первым секретарем Богдановичского райкома комсомола. Без отрыва от производства он получил среднее образование, поступил в высшую партийную школу, после чего был направлен на партийную работу в Богдановичский район.
>
> С 1962 по 1988 гг. занимал должности председателя исполкома районного и городского Советов, проявив себя как человек неиссякаемой энергии. В 1988 г. Михаил Иванович вышел на заслуженный отдых, но сидеть без дела не умел. Был помощником депутата Государственной думы, членом партийного комитета КПРФ, вел активную работу в качестве члена городского совета ветеранов.
>
> За свою жизнь М. И. Ситников был награжден большим количеством наград, среди которых три ордена Трудового Красного Знамени. Звание «Почетный гражданин городского округа Богданович» было ему присвоено в 1989 г.
>
> Учитывая вклад М. И. Ситникова в социально-экономическое развитие городского округа, 26 февраля 2016 г. Думой ГО Богданович было принято решение об увековечении его памяти путем установки мемориальной доски на здании Администрации ГО.

Раздел *«Почет и слава»*. В Богдановиче есть добрая традиция – присваивать звание «Почетный гражданин ГО Богданович». Обычно очередное решение о присвоении принимается накануне Дня города.

Традиция длится с 1982 г. Первым этой чести были удостоены Герой Советского союза П. М. Перепечин, Герой Социалистического труда В. П. Руднева и директор Богдановичского огнеупорного завода В. Д. Бондаренко.

Кроме упомянутых, выставка включает следующие разделы:

«Экономика и развитие» – о людях, внесших вклад в развитие предприятий города и района;

«Культура, знания, здоровье и спорт» – о людях, представляющих социальную сферу;

«Творческая интеллигенция» – о поэтах, писателях, художниках – уроженцах Богдановича.

«Сотрудничество и благотворительность» – о богдановичцах, оказавших поддержку Краеведческому музею; добровольцах, участвующих в формировании базы данных виртуальной выставки.

«Современники» – о молодых жителях Богдановича, достигших значительных успехов в какой-либо сфере деятельности.

Виртуальная выставка – отличный способ популяризации музейных коллекций «Документы» и «Фотография», дающая новые возможности для их изучения, описания и систематизации.

Проект «Люди маленького города в истории большой страны», как и виртуальная выставка, подготовленная в его рамках, безусловно, будут способствовать более активному участию жителей городского округа в пополнении фондов музея фотографиями, документами, историями жизни своих родных и близких.

В условиях ограниченного пространства данное решение позволяет показать большее количество экспонатов без занятия отдельного помещения в музее. Интерактивные мультимедийные технологии позволяют предоставить посетителям более широкий спектр информации и улучшить общее впечатление от посещения музея.

УДК 069.12

Э. Г. Самохина
Фонд социальной активности «Идея»
Полевской

МОЖНО ЛИ ОЖИВИТЬ ЛОКАЛЬНУЮ ИДЕНТИЧНОСТЬ?: ИНСТРУМЕНТЫ, РЕСУРСЫ, ИДЕИ

В статье характеризуется опыт работы некоммерческой организации «Фонд социальной активности “Идея”» г. Полевского по реализации проектов по созданию инновационной городской среды, поддержанных

© Самохина Э. Г., 2022

грантами. Сегодня НКО могут стать драйверами развития территории малых городов. Благодаря проектам НКО, в решение проблем города вовлекаются люди, они участвуют в формировании и актуализации исторических и культурных кодов территории, меняя ее меморативный ландшафт. Такая активность способствует укреплению локального патриотизма и сохранению человеческого капитала города.

Ключевые слова: Полевской, социальный проект, общественный фонд, проектная деятельность, бренд территории.

Elmira G. Samochina
Fundusz na rzecz Działalności Społecznej „Idea”
Polewskoj

CZY MOŻNA OŻYWIĆ LOKALNĄ TOŻSAMOŚĆ?: NARZĘDZIA, ZASOBY, POMYSŁY

Rozwój terytoriów jest bezpośrednio związany z aktualizacją kodów kulturowych i historycznych, z eliminacją „białych plam” o historii miejsca w świadomości mieszkańców, z formowaniem się w nich lokalnego patriotyzmu. Z reguły przedstawiciele władz angażują się w ten proces z inicjatywy działaczy społecznych i ogólnej agendy federalnej (regionalnej). Jednak zmiana wiedzy mentalnej mieszkańców, ich samostanowienie w nowej agendzie historycznej, wpływa na konsolidację ludzi na tym terenie, rozwój atrakcyjności turystycznej i inwestycyjnej, twórczej przestrzeni miast i osiedli. Federalne mechanizmy wspierania organizacji pozarządowych (np. Prezydencki Fundusz Inicjatyw Kulturalnych itp.) wpływają na tworzenie pozytywnych trendów rozwoju poprzez zaangażowanie mieszkańców w proces zarządzania terytorium, z zachowaniem jego unikalnych walorów, zmniejszając negatywne postrzeganie bieżących wydarzeń. Aktywizacja organizacji pozarządowych, w tym asygnowanie środków na wsparcie projektów z udziałem mieszkańców i ekspertów, pomaga budować prawidłowe mechanizmy działania organizacji publicznych, czynić z nich centra sztuki ludowej, budować szacunek dla tożsamości lokalnej. Im więcej ludzie dowiaduje się o wyjątkowych właściwościach swojego miasta, o jego historii, tym większe rodzi doń przywiązanie obywatela.

Słowa kluczowe: Polewskoj, projekt społeczny, fundusz publiczny, działania projektowe, marka terytorium.

Специфика моногорода родом из горнозаводской цивилизации, подобного Полевскому Свердловской области, определяется несколькими факторами – особенностями его развития и историческими обстоятельствами его рождения. Географическое деление территории Полевского городского округа на две части – южную и северную, включение в него несколько сельских поселений, объединенных историческими корня-

ми, экономическими и природными характеристиками, определяет его специфику и особенности развития каждой территории.

Объединить пространство можно через идентификацию и актуализацию культурных и исторических кодов, которые зачастую соотносятся с лубочными представлениями. Забвение собственной истории в малых городах приводит к оттоку населения, снижению конкурентных преимуществ территории, к потере такого важного чувства как локальный патриотизм.

Еще в 2016 г. тема регионального бренда города в Екатеринбурге, как и в Свердловской области в целом, казалась не столь востребованной и реальной. Сейчас, с развитием внутреннего туризма, городского патриотизма, с реализуемым правом людей на поиск идентичности и осознания себя, своего места в пространственно-временном ощущении все чаще возникает тема социальной активности, сохранения материального и нематериального историко-культурного наследия – как общественного, так и личного, тесно связанных и взаимозависимых.

В этом контексте необходимо рассматривать влияние на процесс регионального брендирования различного рода общественных объединений, в том числе НКО, которые становятся драйверами развития территории. Как однажды высказался режиссер Эмир Кустурица, «чтобы ваш город стал живым, найдите его основную идею». Именно люди, их инициативы становятся инструментом формирования новых смыслов и новых идей развития города на принципах коммуникации, доверия и кооперации.

Фонд социальной активности «Идея» был создан в апреле 2017 г. с целью содействия формированию бренда территории Полевского городского округа для продвижения его положительного имиджа, поиска новых идей, объединяющих местные сообщества, способствующих снижению темпов маргинализации населения и росту осознания своей идентичности. На данный момент реализуется несколько проектов. Каждый из них имеет свой отряд амбассадоров – экспертов и волонтеров из числа местных жителей.

1. *«Хлеб жизни»* – проект, рассказывающий о национальных традициях хлебопечения [Самохина]. Стартовал на Кипре, затем в него были вовлечены побратимы из г. Полоцк. В 2019 г. Фонд «Идея» побывал с этим проектом в Пшине и Кракове (Польша). Здесь состоялась встреча с генеральным консулом РФ в Республике Польша, установлены творческие и дружественные связи с Союзом художников г. Краков. Сейчас проект реализуется при поддержке руководителей национальных объединений Полевского городского округа и Свердловской области (марийцы, татары, узбеки и др.).

Описание проекта. По приглашению Фонда люди разных национальностей и представители разных стран собираются на аутентичной площадке, оформленной в национальной стилистике – представителей народа – хозяина площадки, и в течение дня выпекают хлеб по традициям того или иного народа (в этот день – распорядителя праздника и организатора). Знакомятся с культурой народа, его национальными костюмами. Как правило, гости имеют возможность услышать и увидеть концерт с национальными песнями и танцами. Хлеб – символ объединения, начала жизни, общности людей (рис. 1).

Рис. 1. Хоровод. Фото автора.

2. Проект *«Диалог башен».* Три художника из Кракова и Варшавы – Барбара Франкевич, Томаш Адвенчик и Джоана Балак – побывали по приглашению Фонда «Идея» в Полевском и других городах Свердловской области, где есть уникальные башни, связанные с темой горнозаводской цивилизации. В 2019 г. состоялось открытие выставки в Кракове, в галерее Технологического университета. Сейчас по предложению польской стороны обсуждается продолжение проекта под названием «Диалог мостов» [Полевская делегация…].

Описание проекта. Темой выставки стали башни, построенные в разные времена и ставшие центром архитектурного пространства города. Для Свердловской области – это Наклонная башня в Невьянске, знаменитая водонапорная башня в центре Екатеринбурга, а также ее близнецы – башни в Станционном-Полевском и Верхней Пышме. Теперь художники готовы рисовать мосты, соединяющие берега разных рек, служащие символами диалога между людьми, городами и странами. Первый пленэр планируется на берегу главной уральской реки Чусовой в пос. Станционном-Полевском. Мост получил название «Мост Моне», поскольку при участии Фонда и волонтеров приобрел цвета знаменитого моста с кувшинками Клода Моне, а желтые кувшинки в Чусовой дополняют живописное пространство и придают схожесть со знаменитым произведением Моне.

3. Проект *«Евразийский сад».* Сад был заложен в 2020 г. на границе Европы и Азии, в селе Мраморское Свердловской области, вокруг

скульптуры из мрамора. Автор – Тани Премингер (Израиль) [Нет границ мира].

Описание проекта. Люди разных национальностей и представители разных стран высаживают деревья как символ общности евразийского пространства. Проект реализуется при участии воспитанников Детской художественной школы г. Полевской. Все работы проводятся с привлечением партнеров проекта и волонтеров. В одной части сада высаживаются растения из европейской части света, с другой – азиатской. В 2021 г. здесь появился новый арт-объект «Круг Мира».

4. Международный арт-проект *«“Мраморная миля”: форум идентичности»* [Полевской арт-проект…]

Описание проекта. Проект реализуется с 2018 г. в с. Мраморское. Здесь 255 лет назад началась первая промышленная разработка мрамора. История села связана с именами генерал-майора Я. И. Данненберга – лучшего минеролога эпохи Екатерины Великой, всемирно известного скульптора С. Д. Эрьзи, писателя П. П. Бажова. Был создан туристический маршрут «Мраморная миля», объединивший объекты из мрамора, созданные в XVIII–XXI вв., в том числе знаменитые солнечные часы XVIII в.

Скульпторы их разных стран мира создают свои работы из мрамора (рис. 2). Здесь, по словам румынского скульптора Чиприана Хопыртиана, «рай для скульпторов», особенно для тех, кто работает в области современного искусства. В 2018 г. свои работы создали Катя Сесфонтес (Швеция) и Таня Премингер (Израиль). Обе работы установлены в Полевском. В 2019 г. получена поддержка Фонда Президентских грантов. В фестивале приняли участие Чиприан Хопыртиан (Румыния), Таня Премингер (Израиль), Арутюн Карапетян (Армения), Куракава Тору (Япония). Три скульптуры из мрамора установлены в Екатеринбурге, одна – в Полевском.

Рис. 2. Лука Радович (Сербия) за работой. Фото автора.

В 2021 г. под общим названием «Мраморная миля – форум идентичности» была проведена школа народной дипломатии. Проект по-

лучил поддержку Фонда Президентских грантов. В рамках фестиваля проведены мастер-классы для студентов УрГАХУ и ЕАСИ – будущих скульпторов и дизайнеров, круглые столы по теме международного сотрудничества, проектной деятельности в области гуманитарного сотрудничества и культуры как основы общественной дипломатии. При поддержке партнера проекта – предприятия «Уральский мрамор» – началось проектирование Парка культуры народов Мира, где предусмотрена установка скульптур, выполненных авторами из разных стран мира, создание коворкингцентра, определены точки входа малого бизнеса в проект и роли местного сообщества в его развитии.

5. *День мраморной музыки* – концерт на 46-метровой глубине действующего мраморного карьера, напоминающего собой греческий амфитеатр или ступенчатые египетские пирамиды [«Мраморная миля»…].

Описание проекта. В 2019 г. симфонический оркестр В-А-С-Н (г. Екатеринбург) выступил на аутентичной концертной площадке, расположенной на глубине 46 м. В 2020 г. на карьере и на двух других площадках прозвучал квартет саксофонистов под управлением Алексея Захарова (г. Екатеринбург), квартет духовной музыки Евгения Галоши. Во время концерта проходил пленэр художников «Море, которого мы никогда не видели». В 2021 г. состоялись выступление этномузыкантов и пленэр художников. В январе 2021 г. прошла выставка художницы Кристины Косьянковской в резиденции губернатора Свердловской области.

Ведутся переговоры с г. Каррара (Италия) и с общественными организациями в области культурных проектов (Париж) для того, чтобы в День мраморной музыки, одновременно (с учетом часовых поясов) исполнить одну и ту же мелодию. Техническую поддержку осуществляет провайдер связи – компания СЕВЕНКОМ. Концерт посвящен 145-летию со дня рождения С. Д. Эрьзи.

6. *«Меняем эго на эко»* – проект посвящен теме формирования экологической культуры и культуры потребления [Презентация эко-проекта…].

Описание проекта. В рамках проекта создается экспозиция работ юных художников «Красная книга Свердловской области», проводятся мастер-классы по изготовлению экосумок, изготовлению предметов из отслуживших свой срок вещей. В 2021 г. были проведены экскурсии на предприятия, связанные со вторичной переработкой мусора. В рамках проекта проводятся экоарт акции: сбор стекла от разбитых бутылок на знаменитой, благодаря сказам П. П. Бажова, Дум-

ной горе и создание из него сувенирной продукции; сбор пластиковых бутылок и создание из них объектов для общественных пространств; изготовление из металлолома арт-объекта на берегу Верхнего пруда – энергетического и исторического начала города, связанного с именами основателей Полевского и Екатеринбурга В. Н. Татищева и В. Г. Генина, уральского промышленника А. Ф. Турчанинова, писателя П. П. Бажова.

В заключение хочется напомнить, что первым бренд-менеджером Урала стал уральский писатель П. П. Бажов. Его знаменитый цикл полевских сказов «Малахитовая шкатулка» стал символом самобытности и локальной идентичности этой территории. Благодаря ему на территории Полевского городского округа разработаны несколько туристических маршрутов («По следам Серебряного копытца», «Детские годы Паши Бажова в Полевском», «Золотой след в Косом Броду»), которые ассоциативно связывают нас с мифами и легендами, получившими мировое признание и ставшими народным достоянием территории. Бажов и сегодня является навигатором, определяющим культурные коды территории, в поисках местной идентичности.

«Мраморная миля»: необыкновенный концерт // Euronews. 27.07.2021. URL: https://ru.euronews.com/2021/07/27/nc-5-russia-quarry-concert (дата обращения: 2.11.2021).

Нет границ мира. Есть стороны света // Культура Екатеринбурга. URL: http://культура.екатеринбург.рф/common_content/item/city_post/230 (дата обращения: 2.11.2021).

Полевская делегация вернулась из Польши с совместными планами на дальнейшее общение // ПроПолевской : инф. портал. URL: https://propolevskoy.ru/culture/item/2906-polevskaya-delegatsiya-vernulas-iz-polshi-s-sovmestnymi-planami-na-dalnejshee-obshchenie (дата обращения: 2.11.2021).

Полевской арт-проект «Мраморная миля» – площадка для развития народной дипломатии // ПроПолевской : инф. портал. URL: https://propolevskoy.ru/culture/item/4468-polevskoj-art-proekt-mramornaya-milya-ploshchadka-dlya-razvitiya-narodnoj-diplomatii (дата обращения: 2.11.2021).

Презентация экопроекта «Меняем “эго” на “эко”» в Полевском // Информационный портал Свердловской области. URL: https://www.xn--b1ag8a.xn--p1ai/smi/announcement/2554 (дата обращения: 2.11.2021).

Самохина Э. «Хлеб жизни» – народные традиции в межнациональном проекте // Русское географическое общество. URL: https://www.rgo.ru/ru/article/hleb-zhizni-narodnye-tradicii-v-mezhnacionalnom-proekte (дата обращения: 2.11.2021).

УДК 069.12+908

Р. В. Сырчин
Уральский федеральный университет
ГАУК СО «Инновационный культурный центр»,
г. Первоуральск

ИНТЕРАКТИВНОЕ МУЗЕЙНОЕ ЗАНЯТИЕ КАК ФОРМА КРАЕВЕДЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ: ОПЫТ РАБОТЫ ИННОВАЦИОННОГО КУЛЬТУРНОГО ЦЕНТРА (г. ПЕРВОУРАЛЬСК)

В статье описана возможность повышения эффективности обучения краеведению за счет применения интерактивных педагогических технологий в организации музейного занятия. Музейное занятие рассматривается как форма краеведческого образования, а краеведение – как неотъемлемая часть патриотического воспитания подрастающего поколения. Автором предпринята попытка выявления роли меморативного ландшафта в патриотическом воспитании учащихся. Представлен опыт проведения интерактивных музейных занятий в Инновационном культурном центре г. Первоуральска.

Ключевые слова: патриотическое воспитание, краеведческое образование, меморативный ландшафт, музей, педагогическая технология, интерактивное обучение.

Roman W. Syrczin
Uralski Uniwersytet Federalny
im. pierwszego prezydenta Rosji B. N. Jelcyna
Innowacyjne centrum kultury
Pierwouralsk

INTERAKTYWNA LEKCJA MUZEALNA JAKO FORMA EDUKACJI LOKALNEJ: DOŚWIADCZENIE INNOWACYJNEGO CENTRUM KULTURY W PIERWOURALSKU

Artykuł opisuje możliwość zwiększenia efektywności nauczania historii lokalnej poprzez wykorzystanie interaktywnych technologii pedagogicznych w ramach organizacji lekcji muzealnej, stanowiącej część edukacji patriotycznej młodego pokolenia. Autor podjął próbę określenia roli pejzażu pamięci w wychowaniu patriotycznym uczniów. Przedstawiono doświadczenia z prowadzenia interaktywnych zajęć muzealnych w Innowacyjnym Centrum Kultury Pierwouralsk.

Słowa kluczowe: edukacja patriotyczna, edukacja lokalna, krajobraz pamięci, muzeum, technika pedagogiczna, uczenie interaktywne.

Знаменитый педагог Я. А. Коменский в «Великой дидактике» писал: «Тогда лишь наступило бы счастливое состояние в делах част-

© Сырчин Р. В., 2022

ных и общественных, если бы все прониклись желанием действовать в интересах общего благополучия» [Коменский, 1955, с. 159]. Эта мысль неразрывно связана с идеями патриотического воспитания как формирования социального чувства причастности к истории родной страны, желания действовать во имя общего блага. В современных общественных представлениях о патриотизме превалируют идеи «безусловной любви» к своей стране. Согласно исследованиям ВЦИОМ 2020 г., доля тех, кто считает, что патриотизм – это «любить свою страну» – 47 %, а тех, кто считает, что это «работа и действия ради процветания страны» – 44 % [Полякова, 2020]. Первая установка опасна тем, что порождает риск снижения возможностей критического мышления, осмысления ошибок и неудач в истории своей страны, тогда как вторая кажется более жизнеспособной, так как желание работать и действовать ради процветания страны – одно из условий успешного будущего. Формирование чувства ответственности за положение дел в стране, желание работать во имя общего светлого будущего – одна из важных задач патриотического воспитания.

Патриотическое воспитание является к тому же одним из важнейших направлений современной педагогики. Это следует и из программы «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации», и из ФГОС основного общего образования – центрального нормативно-правового документа, регламентирующего содержание подготовки обучающихся. Устанавливая личностные результаты освоения программы общего образования, ФГОС закрепляет патриотическое воспитание в качестве одного из основных направлений воспитательной деятельности. Более того, подчеркивается важность формирования интереса к изучению родного языка, истории, культуры Российской Федерации, своего края, народов России [Об утверждении…, 2021]. Таким образом, в документе получила отражение и краеведческая составляющая патриотического воспитания.

Понятие «краеведение» современные исследователи определяют достаточно четко: как всестороннее изучение своего края населением, проживающим на данной территории. Под всесторонним изучением понимается изучение истории, культуры и быта, географии, природы, хозяйства, населения края; под территорией – определенный административный субъект: республику, край, область.

То же содержание вкладывает в понятие «краеведение» и географ А. С. Барков, считающий, что это «комплекс научных дисциплин, различных по содержанию и частным методам исследования, но ведущих в своей совокупности к научному и всестороннему познанию края» [Барков, 1961, с. 80].

Важную роль краеведческого образования в воспитании патриотизма отмечают многие исследователи и педагоги. Характеризуя кон-

солидирующую роль краеведения и его значимость в формировании гражданственности, А. Л. Деев пишет: «Край – это не только географическое образование. Это то общее, что объединяет людей разных национальностей в единую территориальную общность, делает его жителей представителями единого округа – горожанами, односельчанами. Любовь к Родине, чувство ответственности за судьбу родного края, потребность в "нравственной оседлости" не возникают сами по себе, а воспитываются. И здесь курс краеведения обладает уникальной возможностью объединить население края, и прежде всего молодых людей, на общечеловеческой и гуманистической основе с помощью собранных краеведческих ресурсов и средств» [Деев, 2005].

Идеи патриотизма неразрывно связаны и с культурным ландшафтом местности, с ландшафтом памяти. Память, как социально-культурный феномен, является хранилищем опыта и смыслов, которые помогают чувствовать связь с историей. Память играет важную роль в самоидентификации и самосознании человека, в формировании чувства долга через осознание себя как части общества, части истории.

Помимо индивидуальной памяти, важную миссию в межпоколенческой передаче исторического знания играют музеи, выступая в качестве хранилищ социального опыта. Музеи занимают одно из ведущих мест в формировании меморативного ландшафта территории. Чрезвычайно важным в этой работе является выявление уникального характера местности, поиск ее позиционирования. Условно говоря, речь идет о создании историко-культурного «бренда», который поможет закрепить за территорией определенные узнаваемые символы. В этом процессе краеведение играет ведущую роль. По словам Д. С. Лихачева, «краеведение придает местности, не имеющей "авторского происхождения", историзм, открывает в его прошлом, хотя бы и очень недавнем, что-то совершенно новое, ценное. Когда мы узнаем, кто жил в том или ином доме, какая жизнь протекала в нем, что в нем было создано, дом этот для нас уже особый. Он наполняется духовным содержанием, преобразуется. Преобразуется и город, чью историю мы познаем. Преобразуется ландшафт, если мы знаем, какие события в нем происходили, какие битвы тут разыгрывались, чьи судьбы решались» [Лихачев, 1990, с. 9].

Понятно, что особую миссию в процессе формирования памяти выполняют исторические, краеведческие музеи, а также музеи с ярко-выраженной региональной спецификой. Реализуя образовательно-просветительскую функцию, такие музеи принимают непосредственное участие в краеведческом образовании населения.

В малых городах насущными проблемами подобных учреждений являются посещаемость и отсутствие интереса населения к познава-

тельной деятельности. Краеведческое знание само по себе уникально и ценно, но не менее значимо формирование интереса к этому знанию. При этом важны как содержание, так и форма подачи информация, которые должны учитывать особенности аудитории.

Так, для детей младшего и среднего школьного возраста (приблизительно от 7 до 14 лет) необходимы педагогические технологии, позволяющие удерживать внимание, выводить на диалог и увлекать ребенка на протяжении всего занятия. Увлекательность процесса получения знаний является одним из условий результативности обучения, поскольку заинтересованность ребенка – прямой мотив к познавательной деятельности. Л. Н. Толстой подчеркивал, что ученик хорошо учится тогда, когда он учится охотно, для чего необходимо создавать следующие условия развития интереса на уроке: естественную, свободную атмосферу, которая вызывает подъем душевных сил ребенка; доступность преподавания, его занимательность, которая «отвечает опыту» ребенка, обеспечивает эмоциональный подъем и увлеченность; бережное отношение к индивидуальности [Толстой, 1989, с. 289–292].

Для выполнения этих условий, позволяющих сделать занятие эффективным, возможно использование интерактивных педагогических технологий. Интерактивное обучение – это процесс познания, предполагающий активную совместную деятельность через диалог или полилог учащихся между собой и учителем. В интерактивном обучении происходит постоянная смена режимов деятельности: игр, дискуссий, работы в малых группах, исследований и т. п., что позволяет удерживать внимание ребенка и увлекать его. Такое обучение предполагает иную, отличную от привычной логику образовательного процесса: не от теории к практике, а от формирования нового опыта к его теоретическому осмыслению через применение. При интерактивном обучении у ребенка есть возможность высказаться, проявить себя, что «подогревает» его интерес, позволяет чувствовать себя важным звеном всего процесса обучения.

Е. В. Коротаева характеризует интерактивное обучение как многомерное явление, которое одновременно решает три задачи:

1) учебно-познавательную (предельно конкретную);

2) коммуникационно-развивающую (связанную с общим, эмоционально-интеллектуальным фоном процесса познания);

3) социально-ориентационную (результаты которой проявляются уже за пределами учебного времени и пространства) [Коротаева, 2003, с. 103].

А С. Б. Ступина выделяет следующие маркеры эффективности интерактивного обучения:

- интенсификация процесса понимания, усвоения и творческого применения знаний при решении практических задач за счет более активного включения обучающихся в процесс не только получения, но и непосредственного (здесь и теперь) использования знаний;
- повышение мотивации и вовлеченности участников в решение обсуждаемых проблем, что дает эмоциональный толчок к последующей поисковой активности участников, побуждает их к конкретным действиям;
- обеспечение не только прироста знаний, умений, навыков, способов деятельности и коммуникации, но и раскрытие новых возможностей обучающихся, что является необходимым условием для становления и совершенствования компетентностей через включение участников образовательного процесса в осмысленное переживание индивидуальной и коллективной деятельности для накопления опыта, осознания и принятия ценностей;
- изменение не только опыта и установок участников, но и окружающей действительности, так как интерактивные методы обучения являются имитацией интерактивных видов деятельности [Ступина, 2009, с. 20].

Все это применимо и к музейной педагогике. Музейные занятия – особые по форме способы музейной коммуникации, предполагающие отличные от экскурсии маршрут, логику и динамику осмотра экспозиции в соответствии с темой, целями и задачами занятия. Такое занятие требует предварительной тщательной подготовки музейного сотрудника, проходит по определенному сценарию и должно иметь конечный результат.

Использование интерактивных педагогических технологий повышает аттрактивность музейного занятия для ребенка, а значит, повышает результативность обучения. Интерактивность в процессе музейного занятия позволяет более эффективно и эффектно преподнести ребенку новую информацию, пробудить у него интерес к познавательной деятельности, погрузиться в атмосферу изучаемых явлений, развивать навыки ведения диалога, настроить коммуникацию между ребенком и культурно-историческим наследием.

Постоянную работу по проведению интерактивных музейных занятий ведут специалисты Инновационного культурного центра в г. Первоуральск. Инновационный культурный центр (ИКЦ) – госу-

дарственное автономное учреждение культуры, крупный общественный, культурный и образовательный центр областного значения.

В арсенале центра – постоянная экспозиция «Музей горнозаводской цивилизации» и несколько выставочных пространств и залов. Музей горнозаводской цивилизации – проект, реализованный совместно с Уральским региональным институтом музейных проектов, ставящий своей целью раскрытие сущности и популяризацию феномена горнозаводской цивилизации музейными средствами. Экспозиция музея представляет собой рассказ о горных уральских заводах XVIII–XIX вв., работавших на территории современной Свердловской области. В экспозиции используются подлинные образцы металлургической продукции, найденные на территории заводов, образцы минералов, обширный комплекс копий с изобразительных материалов – акварельных рисунков, литографий, фотографий, живописных работ, макеты Невьянской башни, водобойного колеса, горы Благодать.

Горнозаводская цивилизация – понятие, введенное в 1920-е гг. профессором П. С. Богословским. Позднее эту научную концепцию поддержала пермский культуролог Н. И. Тюленева, выразив следующую мысль: «Потребность в разработке концепции культурного ландшафта определяется как необходимость осознания и сохранения самобытности регионов в качестве условия единства российского государства. Исследование региона с позиций концепции культурного ландшафта позволяет связать истоки идентичности региона, историю его территории и общеисторического процесса России. Концепция служит инструментом для утверждения региона в качестве уникального явления в единстве целого… Исследования обусловлены интересом, который вызывает территория Урала в качестве локальной цивилизации, “пояса” между Европой и Азией, “хребтом России”...» [Тюленева, 2015, с. 3–4.]. Эта мысль вновь подводит нас к тезису о том, что необходимость изучения и осознания самобытности региона – один из ключей к успешному патриотическому воспитанию, к осознанию уникальности региона в единстве целого, в связи с общеисторическим процессом России.

Сам нарратив экспозиции, рассказывающей об уникальности региона с акцентом на особый духовно-нравственный облик уральского человека, на его ценностях и мировоззрении, располагает к формированию чувства сопричастности к истории земляков, желания творить во имя общего блага, для улучшения положения дел в своем городе и крае. По словам писателя-публициста А. Иванова, поддерживающего концепцию горнозаводской цивилизации, для уральцев работа важнее свободы [Иванов, 2018]. Подобное утверждение, достаточно спорное, тем не менее дает представление о значимости труда для на-

селения Урала, о значимости общего дела, что, как мы выяснили ранее, важно для патриотического воспитания.

Вышеописанные идеи и интерактивные технологии находят отражение в музейных занятиях по экспозиции «Музей горнозаводской цивилизации». На постоянной основе проводятся несколько интерактивных занятий: «Краеведческая азбука», «Урал мастеровой», «Шестое чувство», «Здравствуй, музей!», «Песчинки времени», «Минерал, я тебя съем!», «Научно-исследовательская экспедиция» и др.

Расскажем подробнее о некоторых из них.

Занятие *«Краеведческая азбука»* представляет собой игру, в которой детям предлагается отправиться в путешествие по горнозаводскому Уралу: проникнуть в недра земли, отправить в прошлое родного города и найти сокровища Хозяйки Медной горы. В процессе путешествия дети совместно выполняют различные интеллектуальные и творческие задания, знакомящие с фактами и событиями из истории горнозаводского Урала.

Занятие *«Шестое чувство»* – музейный квест, в котором для знакомства с историей детям предлагается воспользоваться своими чувствами: зрением, обонянием, слухом, осязанием: прислушаться к звукам реки Чусовой и звукам заводской работы, определить по запаху железную руду, древесину или полезные уральские растения, на ощупь распознать различные предметы, которые использовались в горнозаводском производстве. Такой подход помогает на эмоционально-чувственном уровне пробудить интерес к познавательной деятельности.

Музейное занятие *«Урал мастеровой»* – это игра из нескольких этапов, где участники могут попробовать себя в роли различных представителей горнозаводских профессий: рудознатца, плотинного мастера, горщика, горного начальника и др. Такое занятие позволяет через персонификацию и получение личного опыта познакомиться с историей. Ко всему прочему, такой формат решает профориентационные задачи, позволяя обучающимся попробовать себя в разных профессиях.

Пространство экспозиции также располагает к интерактивности. Так, например, в экспозиции музея используется интерактивный экран, который позволяет совершить виртуальный сплав по реке Чусовой, узнать о пристанях в разных географических точках Урала и особенностях транспортировки продукции горных заводов.

Помимо постоянной экспозиции, в ИКЦ каждые 1,5–2 месяца проходят временные выставки, также акцентирующие уникальность региона: выставки художников, фотографов, скульпторов, в которых отражены уральская природа, история, мифология, культура. Для

временных выставочных проектов специалистами ИКЦ также разрабатываются музейные занятия с применением интерактивных педагогических технологий.

Вышесказанное можно интерпретировать в следующий вывод: в патриотическом воспитании подрастающего поколения важным компонентом является знание не только истории родной страны, но и родного края. Важную роль в этом процессе играет меморативный ландшафт территории, поле «памяти», в формировании которого одна из ведущих ролей отведена музеям как научно-исследовательским и образовательным центрам, изучающим, хранящим и популяризирующим уникальную региональную историю. В Первоуральске такие задачи выполняет Инновационной культурный центр, который проводит интерактивные музейные занятия на материалах экспозиции «Музей горнозаводской цивилизации». Интеракция в педагогике – один из способов повышения эффективности обучения, не только расширяющий фактологические знания обучающихся, но и развивающий определенные навыки и умения. Эффективность изучения истории края, его самобытности, уникальности способствует и эффективности патриотического воспитания, формирования чувства причастности к истории родного места.

Барков А. С. Вопросы методики и истории географии. М. : Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1961.

Деев А. Л. Краеведение как средство формирования гражданственности школьников // Фундаментальные исследования. 2005. № 4. С. 35–38. URL: www.rae.ru/fs/?section=content&op=show_article&article_id=7780n0 (дата обращения: 04.08.2021).

Иванов А. В. Горнозаводская цивилизация. М. : Изд-во АСТ, 2018.

Коменский Я. А. Избранные педагогические сочинения. М. : Учпедгиз, 1955.

Коротаева Е. В. Обучающие технологии в познавательной деятельности школьников. М. : Сентябрь, 2003.

Лихачев Д. С. Любить родной край // Отечество : краеведч. альманах. 1990. № 1. С. 7–10. URL: http://annales.info/other/ot1_pred.htm (дата обращения: 04.08.2021).

Об утверждении федерального образовательного государственного стандарта основного общего образования : приказ Мин-ва просвещения РФ №287 от 31.05.2021 // URL: https://cdnimg.rg.ru/pril/212/71/14/64101.pdf (дата обращения: 04.08.2021).

Полякова В. За 20 лет доля безусловных патриотов снизилась почти вдвое // РБК.Pro. 11.06.2020. URL: https://www.rbc.ru/society/11/06/2020/5ee21a7c9a7947432c97b414 (дата обращения: 04.08.2021).

Ступина С. Б. Технологии интерактивного обучения в высшей школе : уч.-метод. пособие. Саратов : Изд. центр «Наука», 2009.

Толстой Л. Н. Педагогические сочинения / сост. Н. В. Вейкшан. М. : Педагогика, 1989.

Тюленева Н. И. Концепция «культурного ландшафта» в применении к горнозаводской цивилизации Урала : автореф. дис. … канд. культурологии. Киров, 2015.

УДК 069(470.54)

М. А. Упорова
Музей истории Нижнесалдинского металлургического завода г. Нижняя Салда

«ВОЛЯ И ТРУД ДИВНЫЕ ВСХОДЫ ДАЮТ»: СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ МУЗЕЯ НИЖНЕСАЛДИНСКОГО МЕТАЛЛУРГИЧЕСКОГО ЗАВОДА

В статье освещаются истоки формирования и развитие Музея истории металлургического завода в Нижней Салде, созданного усилиями В. К. Казакова. Характеризуются этапы создания музея, его роль в развитии социокультурной среды малого города.

Ключевые слова: металлургический завод, музей истории завода, Нижняя Салда, П. С. Бортнов.

Marina A. Uporowa
Muzeum Historii Zakładu Metalurgicznego Niżnaja Salda

„WOLA I PRACA DAJĄ CUDOWNE PĘDY”: Z HISTORII MUZEUM ZAKŁADU METALURGICZNEGO NIŻNAJA SAŁDA

Artykuł przybliża historię Muzeum Historii Zakładu Metalurgicznego w Niżnej Sałdzie, stworzonego staraniem W. K. Kazakowa. Scharakteryzowano etapy powstawania muzeum, jego rolę w rozwoju środowiska społeczno-kulturalnego małego miasta.

Słowa kluczowe: zakład metalurgiczny, muzeum historii zakładu, Niżnaja Salda, P. S. Bortnow.

В ноябре 1974 г. Нижнюю Салду посетили участники экспедиции «Моя Родина – СССР» из г. Свердловска. После их визита на Нижнесалдинский металлургический завод в газете «Салдинский рабочий» появилась заметка с заголовком «Не создать ли заводской музей?». Участники экспедиции, впечатленные историей предприятия, писали тогда: «Очень богата история металлургического завода… На наш взгляд, такому заводу просто нельзя не иметь своего музея» [Не создать ли…, 1974]. Но только спустя три года, 23 августа 1977 г., был издан приказ «О создании заводского исторического музея» за подписью директора предприятия Г. И. Бессонова [О создании…, 1977]. Вскоре был создан Совет музея из 17 сотрудников завода под непосредствен-

© Упорова М. А., 2022

ным руководством директора. До момента открытия первой экспозиции прошло еще семь лет. Важнейшую роль в ее подготовке сыграл В. К. Казаков, ветеран завода. Им были сделаны стенды с историей предприятия, собраны образцы продукции разных лет, оформлены альбомы по истории заводских цехов. Одновременно Виктор Карпович начал формировать уникальный фотофонд. Музей был торжественно открыт 10 октября 1985 г. на пятом этаже здания заводоуправления, а В. К. Казаков стал его первым заведующим. Тогда же его очерк о новом музее был опубликован в районной газете [Казаков, 1985].

В книгах отзывов музея – тысячи благодарных откликов о его экспозиции, оставленные посетителями из России и членами зарубежных делегаций. В музее были гости из Германии, Франции, Австрии, Литвы, Ирана, Китая, Чехии.

За годы руководства музеем В. К. Казаковым были подготовлены и установлены более 50 памятных досок, мемориальных знаков и стел, раскрывающих историю города и завода. Эта работа стала своеобразным продолжением его прежней многолетней деятельности в качестве председателя Нижнесалдинского отделения общества охраны памятников истории и культуры. В 1996 г. В. К. Казакову было присвоено звание «Почетный гражданин Нижней Салды».

С 1996 г. новым заведующим музеем стал ветеран завода Л. И. Замураев. Он принимал непосредственное участие в создании третьего варианта памятника салдинцам, погибшим в годы Великой Отечественной войны; кроме того, он курировал работу по возведению в Нижней Салде памятника управителю завода К. П. Поленову и инженеру В. Е. Грум-Гржимайло.

В 2000 г. заводской музей был переведен с пятого этажа заводоуправления на первый. Это событие имело важнейшее значение, поскольку позволило существенно расширить экспозицию музея и переоборудовать его. Обновленная экспозиция была открыта в феврале 2009 г. Это событие широко освещалось местными СМИ [Ващенко, 2009].

После реконструкции в музее был сделан отдельный свободный вход с центрального фасада заводоуправления, добавлены помещения для выставочного зала, оборудован кабинет заведующего музеем. За 20 лет музейной деятельности Л. И. Замураев подготовил разнообразные исторические справочные статьи о заводе, а также десятки публикаций в газетах «Салдинский рабочий», «Салдинский металлург», «Городской вестник». В 2000 г. ему было присвоено звание «Почетный гражданин Нижней Салды».

В 2016 г. я стала принимать непосредственное участие в работе заводского музея как волонтер и единомышленник Л. И. Замураева,

а в марте 2018 г. стала заведующей. Подобно своим предшественникам на этом посту, я являюсь единственным сотрудником музея. Такая ситуация обычна для музеев малых городов. Очень часто они существуют благодаря подвижническому энтузиазму одного человека.

За это время были проведены сотни экскурсий по музею и по городу, десятки культурных городских мероприятий. С мастер-классом музей посещали организаторы краеведческого портала «Наш Урал» в рамках проекта «Малые города – удивительные достопримечательности». Частыми гостями музея и его экспонентами являются тагильские мастера декоративно-прикладного искусства. В 2021 г. музей принимал участников Первой открытой экспедиции «Демидовское наследие». О проводимых музеем мероприятиях охотно рассказывает газета «Городской вестник». Только в 2019 г. музей НСМЗ посетили более 2 тыс. человек (для сравнения: численность населения Нижней Салды – около 17 тыс. человек).

История завода неотделима от истории города, и работа в музее неизбежно переплетается с деятельностью по сохранению культурного наследия Нижней Салды. Мне понадобилось полтора года, чтобы собрать документы, оформить и изготовить памятную доску Петру Степановичу Бортнову, заслуженному художнику РСФСР, Почетному гражданину Нижней Салды. Доска была установлена на доме художника и торжественно открыта 31 мая 2021 г. Художественное наследие П. С. Бортнова насчитывает более тысячи картин. Они находятся во многих крупных музеях Урала, в Государственной Третьяковской галерее, Центральном музее вооруженных сил РФ. Дочь художника, Н. П. Бортнова, и внучка, Е. П. Филина, бережно сохраняют обстановку комнат и мастерской. Дом художника является мемориальным и несет в себе большой культурный потенциал для создания в Нижней Салде дома-музея П. С. Бортнова. Создание дома-музея художника способствовало бы развитию внутреннего туризма, геобрендингу нашей территории в контексте Свердловской области. Создать мемориальный дом-музей художника в Нижней Салде – моя мечта и я ищу единомышленников среди неравнодушных коллег.

Ващенко К. Будем писать новую историю // Городской вестник. 2009. № 8. С. 9.

Казаков В. К. Начинается завод с музея // Салдинский рабочий. 1985. № 125. С. 4.

Не создать ли заводской музей? // Салдинский рабочий. 1974. № 133. С. 2.

О создании заводского исторического музея : приказ СМЗ № 375 от 23.08.1977 // Фонд музея истории НСМЗ.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Бекленищева Мария Владимировна, аспирант кафедры документоведения, архивоведения и истории государственного управления, ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина», г. Екатеринбург, Россия. E-mail: bekmv88@yandex.ru

Беляева Мария Алексеевна, доктор культурологии, профессор кафедры социокультурного развития территории, МБОУ ВО «Екатеринбургская академия современного искусства», г. Екатеринбург, Россия. E-mail: 2012marysia@mail.ru

Вайс Дариуш, магистр, Люблинский католический университет, г. Люблин; Красникское региональное общество г. Красник, Польша. E-mail: dariuszwajs91@gmail.com. ORCID: 0000-0002-6540-3447

Веселкова Наталья Вадимовна, кандидат социологических наук, доцент кафедры прикладной социологии, ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина» г. Екатеринбург, Россия. E-mail: vesselkova@yandex.ru

Вех Аркадиуш, доктор, Ягеллонский университет, г. Краков, Польша. E-mail: arkadiusz.wiech@uj.edu.pl

Врубель Анджей, доктор, Государственный архив, г. Петркув-Трыбунальский, Польша. E-mail: andrzejwrobel@poczta.fm

Гарчик Бартломей, доктор, Университет Адама Мицкевича, г. Познань, Польша. E-mail: garczyk@amu.edu.pl

Гергель Томислав, доктор хаб., Университет Марии Склодовской-Кюри, г. Люблин, Польша. E-mail: tomgier@poczta.onet.pl

Граматчикова Наталья Борисовна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Центра истории литературы, Институт истории и археологии Уральского отделения РАН; доцент кафедры русской и зарубежной литературы, ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина», г. Екатеринбург, Россия. E-mail: n.gramatchikova@gmail.com

Гусева Евгения Сергеевна, главный библиотекарь, библиотека № 17 МАУК «Централизованная библиотечная система Каменск-Уральского городского округа», г. Каменск-Уральский, Россия. E-mail: bibliotekafilial17@yandex.ru

Демина Надежда Михайловна, заведующий Центром краеведения ПМБУК «Централизованная библиотечная система» г. Первоуральск, Россия. E-mail: krai_cb@mail.ru

Енина Лидия Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и стилистики, ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина», г. Екатеринбург, Россия. E-mail: Enina.lidia@gmail.com

Ефимов Александр Александрович, Международный центр демографических исследований, ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина», г. Екатеринбург, Россия. E-mail: alexander.efimov@urfu.ru

Капшанов Тимур Муслимович, младший научный сотрудник, МБУ «Музей истории Оренбурга», г. Оренбург, Россия, e-mail: great-nodles@mail.ru

Кибиткина Галина Николаевна, главный археограф, ГУ «Объединенный государственный архив Челябинской области», г. Челябинск, Россия. E-mail: kibitkina54@mail.ru

Краева Людмила Анатольевна, кандидат исторических наук, заведующий музеем археологии,ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный педагогический университет», г. Оренбург, Россия. E-mail: kraeva_ludmila@mail.ru

Ладыгина Татьяна Анатольевна, исполняющая обязанности директора, МБУ «Красноуфимский краеведческий музей», г. Красноуфимск, Россия. E-mail: muzey-kr.okn@mail.ru

Магер Дариуш, доктор хаб., Естественно-гуманитарный университет, г. Седльце; Государственный архив, г. Седльце, Польша. E-mail: dariusz.magier@uph.edu.pl. ORCID: 0000-0001-9367-7448

Мазур Людмила Николаевна, доктор исторических наук, заведующая кафедрой документоведения, архивоведения и истории государственного управления, ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина», г. Екатеринбург, Россия. E-mail: lmaz@mail.ru

Мальцева Ирина Андреевна, соискатель кафедры отечественной истории Института международных отношений, ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», г. Казань, Россия. E-mail: malirina@mail.ru

Негатина Анна Сергеевна, директор Богдановичского краеведческого музея МАУК «Центр современной культурной среды городского округа Богданович», г. Богданович, Россия. E-mail: moikrai@bk.ru

Новикова Светлана Анатольевна, магистрант по направлению «Документоведение и архивоведение», ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина», г. Екатеринбург, Россия. E-mail: cdtnbr_2019@mail.ru

Огуренко Егор Владимирович, лаборант-исследователь Международного центра демографических исследований, ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина»; главный археограф Отдела публикации и использования документов, ГКУСО «Государственный архив Свердловской области», г. Екатеринбург, Россия. E-mail: y.ogurenko@gmail.com

Прямикова Елена Викторовна, доктор социологических наук, профессор кафедры философии, социологии и культурологии, ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет»; научный сотрудник научной лаборатории «Международный центр демографических исследований», ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина», г. Екатеринбург, Россия. E-mail: pryamikova@yandex.ru

Пуголовкина Наталья Александровна, ведущий библиотекарь, библиотека № 17 МАУК «Централизованная библиотечная система Каменск-Уральского городского округа», г. Каменск-Уральский, Россия. E-mail: bibliotekafilial17@yandex.ru

Сальникова Алла Аркадьевна, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Института международных отношений, ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», г. Казань, Россия. E-mail: Alla.Salnikova@kpfu.ru

Самохина Эльмира Геннадьевна, член правления Фонда «Идея», НКО Фонд социальной активности «Идея», г. Полевской, Россия. E-mail: samokhina.eg@yandex.ru

Сарабанская Людмила Анатольевна, заведующая библиотекой № 17 МАУК «Централизованная библиотечная система Каменск-Уральского городского округа», г. Каменск-Уральский, Россия. E-mail: guseva.lyuda2010@yandex.ru

Сырчин Роман Викторович, магистрант направления «Современный музей и творческие индустрии», ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина», г. Екатеринбург, Россия; ведущий специалист отдела по развитию экспозиционной и выставочной деятельности, ГАУК СО «Инновационный культурный центр», г. Первоуральск, Россия, e-mail: museum2@ikc66.ru

Трясучкина Ксения Денисовна, магистрант по направлению «Социология», ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина», г. Екатеринбург, Россия. E-mail: triasuchkina-ks@yandex.ru

Упорова Марина Анатольевна, заведующая музеем истории Нижнесалдинского металлургического завода (ООО «НСМЗ»), г. Нижняя Салда, Россия. E-mail: ma.uporova@nsmz.pro

Шевырин Сергей Андреевич, заведующий научно-методическим отделом, ГБУК ПК «Мемориальный музей-заповедник истории политических репрессий “Пермь-36 ”», г. Пермь, Россия. E-mail: shewirin@mail.ru

Шихова Ольга Николаевна, кандидат социологических наук, доцент кафедры философии, социологии и культурологии, ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет»; лаборант-исследователь научной лаборатории «Международный центр демографических исследований», ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина», г. Екатеринбург, Россия. E-mail: krutikol@mail.ru

Щепаньски Януш, профессор, доктор хаб., Академия финансов и бизнеса Вистула, г. Варшава, Польша. E-mail: j2szczepanski@gmail.com

INFORMACJE O AUTORACH

Bieklieniszczewa Maria Władimirowna, doktorantka Wydziału Dokumentacji, Archiwistyki i Historii Administracji Publicznej Uralskiego Uniwersytetu Federalnego im. pierwszego prezydenta Rosji B. N. Jelcyna, Jekaterynburg, Rosja. E-mail: bekmv88@yandex.ru

Bieljajewa Maria Aleksjejewna, doktor kulturoznawstwa, profesor Wydziału Społeczno-Kulturalnego Rozwoju Terytorium, Jekaterynburska Akademia Sztuki Współczesnej, Jekaterynburg, Rosja. E-mail: 2012marysia@mail.ru

Demina Nadieżda Michajłowna, kierownik Centrum Lokalnych Studiów Lore, Scentralizowany system biblioteczny, Pervouralsk, Rosja. E-mail: krai_cb@mail.ru

Garczyk Bartłomiej, dr, Uniwersytet Adama Mickiewicza, Poznań, Polska. E-mail: garczyk@amu.edu.pl

Giergiel Tomisław, dr hab., Uniwersytet Marii Curie-Skłodowskiej, Lublin, Polska. E-mail: tomgier@poczta.onet.pl

Gramatczkikowa Natalia Borisowna, kandydatka filologii, Centrum Historii Literatury, Instytut Historii i Archeologii, Uralski Oddział Rosyjskiej Akademii Nauk; Profesor nadzwyczajny Wydziału Literatury Rosyjskiej i Zagranicznej Uralskiego Uniwersytetu Federalnego im. pierwszego prezydenta Rosji B. N. Jelcyna, Jekaterynburg, Rosja. E-mail: n.gramatchikova@gmail.com

Gusjewa Jewgienija Siergiejewna, główny bibliotekarz, Scentralizowany system biblioteczny okręgu miejskiego Kamieńsk-Uralski, Kamieńsk-Uralski, Rosja. E-mail: bibliotekafilial17@yandex.ru

Jefimow Aleksander Aleksandrowicz, Międzynarodowe Centrum Badań Demograficznych Uralskiego Uniwersytetu Federalnego im. pierwszego prezydenta Rosji B. N. Jelcyna, Jekaterynburg, Rosja. E-mail: alexander.efimov@urfu.ru

Jenina Lidia Władimirowna, kandydatka filologii, profesor nadzwyczajny Wydziału Języka Rosyjskiego i Stylistyki Wydziału Dziennikarstwa Uralskiego Uniwersytetu Federalnego im. pierwszego prezydenta Rosji B.N. Jelcyna, Jekaterynburg, Rosja. E-mail: Enina.lidia@gmail.com

Kapszanow Timur Muslimowicz, młodszy badacz, Muzeum Historii Orenburga, Orenburg, Rosja. E-mail: great-nodles@mail.ru

Kibitkina Galina Nikołajewna, główny archeograf Wspólne Archiwa Państwowe Obwodu Czelabińskiego, Czelabińsk, Rosja. E-mail: kibitkina54@mail.ru

Krajewa Ludmiła Anatoljewna, dyrektor Muzeum Archeologicznego Państwowego Uniwersytetu Pedagogicznego, Orenburg, Rosja. E-mail: kraeva_ludmila@mail.ru

Ładygina Tatiana Anatolijewna, p.o. dyrektora Muzeum Krajoznawczego, Krasnoufimsk, Rosja. E-mail: muzey-kr.okn@mail.ru

Magier Dariusz, dr hab., Uniwersytet Przyrodniczo-Humanistyczny w Siedlcach, Archiwum Państwowe, Siedlce, Polska. E-mail: dariusz.magier@uph.edu.pl. ORCID: 0000-0001-9367-7448

Malcewa Irina Andriejewna, doktorantka Wydziału Historii Rosji, Instytut Stosunków Międzynarodowych, Uniwersytet Federalny w Kazaniu (Wołga), Kazań, Rosja. E-mail: malirina@mail.ru

Mazur Ludmiła Nikołajewna, doktor nauk historycznych, kierownik Katedra Dokumentacji, Archiwistyki i Historii Administracji Publicznej, kierownik laboratorium „Międzynarodowe Centrum Badań Demograficznych" Uralskiego Uniwersytetu Federalnego im. pierwszego prezydenta Rosji B. N. Jelcyna, Jekaterynburg, Rosja. E-mail: lmaz@mail.ru

Niegatina Anna Sergiejewna, dyrektor Muzeum Krajoznawczego, Centrum Współczesnego Środowiska Kulturowego Okręgu Miejskiego Bogdanowicz, Bogdanowicz, Rosja. E-mail: moikrai@bk.ru

Nowikowa Swietłana Anatoljewna, studentka kierunku Dokumentacja i archiwistyka Uralskiego Uniwersytetu Federalnego im. pierwszego prezydenta Rosji B. N. Jelcyna, Jekaterynburg, Rosja. E-mail: cdtnbr_2019@mail.ru

Ogurenko Jegor Władimirowicz, asystent w Międzynarodowym Centrum Badań Demograficznych Uralskiego Uniwersytetu Federalnego im. pierwszego prezydenta Rosji B. N. Jelcyna, Główny archeograf Departamentu Publikacji i Wykorzystywania Dokumentów Państwowych Archiwów Obwodu Swierdłowskiego, Jekaterynburg, Rosja. E-mail: y.ogurenko@gmail.com

Prjamikowa Elena Viktorowna, doktor nauk socjologicznych, profesor Wydziału Filozofii, Socjologii i Kulturologii Uralskiego Państwowego Uniwersytetu Pedagogicznego, Jekaterynburg, Rosja. E-mail: pryamikova@yandex.ru

Pugołowkina Natalja Aleksandrowna, główny bibliotekarz, Scentralizowany system biblioteczny Okręgu Miejskiego Kamieńsk-Uralski, Kamieńsk-Uralski, Rosja. E-mail: bibliotekafilial17@yandex.ru

Salnikowa Alła Arkadjewna, doktor nauk historycznych, profesor Wydziału Historii Narodowej Instytutu Stosunków Międzynarodowych, Uniwersytet Federalny w Kazaniu (obwód Wołgi), Kazań, Rosja. E-mail: Alla.Salnikova@kpfu.ru

Samochina Elmira Giennadiewna, Fundusz na rzecz Działalności Społecznej „Idea", Polewskoj, Rosja. E-mail: samokhina.eg@yandex.ru

Sarabańskaja Ludmiła Anatoljewna, kierownik biblioteki, Scentralizowany system biblioteczny Okręgu Miejskiego Kamieńsk-Uralski, Kamieńsk-Uralski, Rosja. E-mail: museum2@ikc66.ru

Syrczin Roman Wiktorowicz, student studiów magisterskich na kierunku „Współczesne Muzeum i Przemysły Kreatywne" Uralskiego Uniwersytetu Federalnego im. pierwszego prezydenta Rosji B. N. Jelcyna, główny specjalista Działu Rozwoju Działalności Wystawienniczej, Innowacyjne centrum kultury, Pierwouralsk, Rosja. E-mail: museum2@ikc66.ru

Szczepański Janusz, prof. dr hab., Akademia Finansów i Biznesu Vistula, Warszawa, Polska. E-mail: j2szczepanski@gmail.com

Szewirin Siergiej Andriejewicz, kierownik Działu Naukowego i Metodologicznego Muzeum Pamięci – Obóz Pracy „Perm-36", Perm, Rosja. E-mail: shewirin@mail.ru

Szichowa Olga Nikołajewna, kandydatka nauk socjologicznych, profesor nadzwyczajny Wydziału Filozofii, Socjologii i Kulturologii Uralskiego Państwowego Uniwersytetu Pedagogicznego, Jekaterynburg, Rosja. E-mail: krutikol@mail.ru

Triasuczkina Ksenia Denisowna, studentka kierunku socjologia Uralskiego Uniwersytetu Federalnego im. pierwszego prezydenta Rosji B. N. Jelcyna, Jekaterynburg, Rosja. E-mail: triasuchkina-ks@yandex.ru

Uporowa Marina Anatoljewna, kierownik Muzeum Historii Zakładu Metalurgicznego Niżnaja Salda, Niżnaja Salda, Rosja. E-mail: ma.uporova@nsmz.pro

Wajs Dariusz, magister, Katolicki Uniwersytet, Lublin; Kraśnickie Towarzystwo Regionalne w Kraśniku, Polska. E-mail: dariuszwajs91@gmail.com. ORCID: 0000-0002-6540-3447

Wiesiełkowa Natalia Wadimowna, kandydatka nauk socjologicznych, profesor nadzwyczajny Wydziału Socjologii Stosowanej Uralskiego Uniwersytetu Federalnego im. pierwszego prezydenta Rosji B. N. Jelcyna, Jekaterynburg, Rosja. E-mail: vesselkova@yandex.ru

Więch Arkadiusz, dr, Uniwersytet Jagielloński, Kraków, Polska. E-mail: arkadiusz.wiech@uj.edu.pl

Wróbel Andrzej, dr, Archiwum Państwowe w Piotrkowie Trybunalskim, Polska. E-mail: andrzejwrobel@poczta.fm

SUMMARY

Part 1
HISTORICAL AND CULTURAL HERITAGE AND CULTURE OF MEMORY OF A SMALL TOWN

Ludmila N.Mazur
Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia
E-mail: Lmaz@mail.ru

Historical-Cultural Landscape and its Development in Small Russian Towns **20**

The article discusses the concept of a small town and its evolution in the 20th century. The analysis focuses on the changes in the number of small towns and patterns of their distribution across the territory of Russia. Classification of small towns is proposed based on their origins and characteristics of their historical-cultural landscape.

The main types of small towns include the following: a historical town-fortress; an industrial factory town originating in the 18th century; an *uezd* town dating back to the 18–19th century; and a Soviet monotown (industrial, agricultural, and *naukograd* – science city). Each of these categories is characterized by its own peculiar memorative landscape, which comprises architectural complexes of historical or industrial heritage, monuments, museums, libraries and archives.

A special role in the historical-cultural environment of a small town is played by museums, which perform the functions of 'memory nodes' by bringing together the town's educational, cultural and information institutions and by interacting with them.

Key words: small town, RSFSR, Russian Federation, historical-cultural environment, memorative landscape, museum

Natalya V. Veselkova
Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia
E-mail: vesselkova@yandex.ru

Memorative Landscape: A Methodological Reflection **50**

Memorative landscape is a type of cultural landscape (in the terms of B.Rodoman and V. Kagansky) related to the 'sphere' of memory. This notion is based on the cluster of similar concepts such as knowledge landscape, cultural memory, memorative landscape, landscape of memory. Methodological principles for the conceptualization of memorative landscape are proposed as well as criteria for its

classification such as the relations between place and memorization, the types of memory bearer and communication channels, thematic and compositional character, the availability and visibility, and the scale. The interactions of different scales within the memorative landscape are analyzed by applying the multi-scalar optics. This approach is illustrated by the case of the art residence of the 6th Ural Industrial Biennial of Modern Art in settlement Sokol near the town of Snezhinsk.

Key words: place, production of space, memory work, scale

Elena V. Pryamikova
Ural State Pedagogical University
Ural Federal University
Ekaterinburg, Russia
E-mail: pryamikova@yandex.ru

Memory in a Small Town: the Cases of Inta and Kotelnich **61**

In every town, memory has its own unique content determined by the history of the place. The study focuses on the case of museums located in two small towns – Inta (the Komi Republic, sub-polar Urals) and Kotelnich (Kirov region). Methodologically, the study relies on a range of empirical methods (observation, interview, mental maps, etc). Among other things, the study has revealed the phenomenon of 'inconvenient past': political persecutions were mentioned by respondents rarely and briefly, especially in the light of the heroic battles of the Great Patriotic War and feats of labour during industrialization in the mid-20th century.

The two chosen towns present polar cases as they are very different in terms of their history. The study has brought to light multiple memory cultures, in particular some remarkable differences in the memories about the events of pre-revolutionary history and about the contribution of political prisoners to the creation and development of these towns.

Key words: small town, social memory, individual memory, collective memory, political persecutions, museums

Maria A. Belyaeva
Ekaterinburg Academy of Modern Art, Russia
E-mail: 2012marysia@mail.ru
Tatyana A. Ladygina
Krasnoufimsk Regional Studies Museum, Russia
E-mail: muzey-kr.okn@mail.ru

Construction and Preservation of Memorative Landscapes of Small Towns **73**

The article discusses the author's own experience of creating a brand for the town of Krasnoufimsk in Sverdlovsk region and explores the possibilities of constructing and preserving memorative landscapes of small towns. The following factors contribute to the success of such projects: first, construction of memorative

landscapes should be aimed at discovering the meanings rooted in local traditions and cultural heritage; second, community engagement is necessary for uncovering these meanings, which increases the significance of local museums; third, in small towns, local museums can perform the leading role in this process; and, finally, a carefully devised strategy as well as efficient partnerships between the key stakeholders are required to construct and preserve memorative landscapes.

Key words: small town, memorative landscapes, city brand, museum community

Arkadiusz S. Więch
Jagiellonian University, Kraków, Poland
E-mail: arkadiusz.wiech@uj.edu.pl

The Vahinshed Shtetls: Revival of the Memory of the Shtetls in the Former Galician Province **81**

Shtetls – small towns with a large Jewish population – were once scattered across Galicia. Some of their inhabitants were Polish and in Eastern Galicia, Ukrainians. Shtetls were a reflection of the multi-cultural world which survived the fall of empires in the nineteenth century, made it through the inter-war period and were finally destroyed in the years of World War II. There has been a recent revival of interest in shtetls, seen in particular as part of the town landscapes in Subcarpathia and Lesser Poland.

The article discusses the revival and preservation of the memory about Galician shtetls and explores the influence of the Polish-Jewish relationships on the mythologization of shtetls in the Galician province. The study relies on a variety of sources, including archival materials, press publications, memoirs, and oral accounts.

Key words: Galicia, Kolbuszowa, Pilzno, Poland, Jews, shtetls

Bartłomiej Garczyk
Adam Mickiewicz University, Poznań, Poland
E-mail: garczyk@amu.edu.pl

Traditions of Polish Publishing and Readership in Kazan (until 1918) **91**

Kazan played an important role in the academic and cultural life of Russian province. The two higher education institutions the city had in the pre-revolutionary period – the university and veterinarian institute – made it attractive for Polish students and professors. Many of them decided to settle down in Kazan, creating a Polish colony of about 1,500 people at the turn of the twentieth century. Unlike other Polish centres of the Russian Empire such as St.Petersburg, Moscow, Kiev and Odessa, Kazan could not boast an impressive number of Polish media or libraries. Nevertheless, it did have well-established Polish publishing and readership traditions. For instance, there was J. Szydłowski's library and journal *Przyszłość*.

Key words: Polish community in Kazan, Polish publishing in Kazan, Polish publishing house in Kazan

Natalya B. Grammatchikova
Institute of History and Archeology,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
Ural Federal University
Ekaterinburg, Russia
E-mail: n.gramatchikova@gmail.com

Reconstruction of the Historical-Cultural and Memorative Landscape of Irbit Based on Literature and Folklore of the First Half of the 19th and 20th Centuries **96**

The article discusses the Irbit Fair as the core of the historical-cultural landscape of a small Ural town and its axiological meaning in the memorative landscape in the second half of the 19th century, in the 1930s and the 1990s. Unfortunately, for each of these periods, the analysis had to deal with the problem of insufficient sources, which were heterogeneous but scarce.

Nineteenth-century literature, for example, historical and economic essays written by E. A. Verderevsky and A. G. Khitrov depict the Fair in positive terms. However, just one generation later, these representations were replaced by the carnivalesque imagery of N.D.Teleshov's travelogues and by the harsh and accusatory depictions found in D.N.Mamin-Sibiryak's books. The representations of bad behaviour at the Fair remain the only memory of these events in the public discourse of the 1930s. This period was characterized by the aesthetical and ethical devaluation of the whole cultural heritage that the Irbit Fair represented. In the late Soviet period, some attempts were made to record the folk memory related to the Fair but the materials from this period still bear the signs of influence of Soviet historiography and changes in the social makeup of the bearers of this memory. Only later, in the twenty-first century, the Fair came to be seen as a valuable element of the memory of the place.

K e y w o r d s: historical-cultural landscape, memorative landscape, Irbit Fair, essays, proletarian tourism, folklore archives, wanderer stories

Lidia V. Enina
Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia
Enina.lidia@gmail.com

Victory Day: the Evolution of Commemorative Practices in Irbit's local Newspaper *Voskhod* from the 1960s to 1980s **113**

In the Soviet period, a local district paper was an important state/social institution for constructing local identity. The study focuses on the newspaper *Voskhod* published in the Ural town of Irbit, in particular this newspaper's articles devoted to the Victory Day celebrations between 1963 and 1985. Since the mid-1960s, Soviet politics of memory aimed to immortalize the country's victory in the Great Patriotic War, and the local press was meant to preserve the memory of the war. The article discusses the notion of an agent of memory and describes institutional and non-institutional groups of agents of memory as reflected in the newspaper's publications. Depending on the type of the agent of memory, war commemoration could

take different forms: there were practices contributing to the glorification of the war and practices centred around the value of life and the loss of life. .

Key words: commemorative practices, local identity, Soviet press, agent of memory, small towns

Part 2
MUSEUM IN A MEMORATIVE URBAN LANDSCAPE

Maria V. Beklenishcheva
Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia
E-mail: bekmv88@yandex.ru

Museum Infrastructure Requirements for Small Towns: The Gap between Regulations and Reality **121**

The article discusses the gap between the museum infrastructure requirements and the reality of small towns in Sverdlovsk region. Several related problems are outlined: first, there are different methods of calculating the required number of museums. Moreover, there are disparities between official statistical data and the figures provided by the regional ministry of culture, stemming from different understandings of which institutions should qualify as 'museums'. It is found, however, that regardless of the approach applied to calculate the number of museums, there is still an obvious lack of museums in Sverdlovsk region. In total, out of the 57 municipalities that have museums, 44 municipalities are classified as 'small towns'. Out of the remaining 37 municipalities which have no municipal or state museums, 35 have the small town status. Ways of addressing the shortage of museums in small towns are discussed: for instance, sometimes school museums perform the functions of local history museums. As such museums have no official status, however, they are not entitled to government assistance such as financial support, space allocation and so on.

Key words: museum network of Sverdlovsk region, small town museums, museum infrastructure requirements

Tomisław Giergiel
Maria Curie-Skłodowska University, Lublin
E-mail: tomgier@poczta.onet.pl

The Memorative Landscape of Sandomierz: a Province with a Great History **131**

Sandomierz is a city with a long history, which gradually lost its former functions. In the 9th century, it was one of the capitals of The Kingdom of Poland; in the 13th century, it was the capital of the Duchy of Sandomierz; from the 14th century until the end of the the Polish-Lithuanian Commonwealth and the Partition of Poland, it was the capital of the Sandomierz Voivodeship. In 1816–1837, there existed the Sandomierz Governorate but its capital was Radom. Since then Sandomierz has been the administrative centre of the region – Sandomierz County (*powiat*), whose

territory was considerably reduced. The case of Sandomierz is of interest for the studies of the history of governance and geopolitical history. The article relies on the concept of museum landscape, which consists of cultural institutions of a town or city, to analyze the aspects of memory in relation to Sandomierz's history. Sandomierz museums have been playing a key role in the preservation of local memory for more than a hundred years. The memorative landscape is part of the discourse shared by visitors to provincial museums. Such landscape has broad chronological and institutional boundaries and exists at a certain distance from the metropolitan centres.

Key words: province, museum, memory, Sandomierz

Svetlana A. Novikova
Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia
E-mail: cdtnbr_2019@mail.ru

Creating Accessible Environment in Small Town Museums: The Case of Sverdlovsk Region **138**

By ratifying the UN's Convention on the Rights of Persons with Disabilities (CRPD), Russia undertook to advance the creation of a barrier-free environment that will provide disabled persons with access to cultural institutions, institutions of education, recreation and so on. Since then, Sverdlovsk region has been playing an important role in this process: in 2017–2018, the region launched a pilot project aiming to create conditions for the development of a system of comprehensive rehabilitation and habilitation of disabled people. In museums of Sverdlovsk region, the key priority in this regard is to provide accessibility services to all groups of visitors and to ensure the equality of access to information. Modern technologies have made 27 % of the region's museums accessible to people with visual impairments; 29 % of museum buildings, to people with hearing disabilities; and 30 % of buildings, to people with musculoskeletal disorders. There is, however, a number of impediments that need to be addressed in this process. About 74 % of museum buildings are objects of cultural heritage of different levels, which means that any repairs or renovations of these buildings, including their adaptation for the needs of people with disabilities, should meet the special requirements.

Key words: barrier-free museum environment; comprehensive habilitation and rehabilitation of people with disabilities, Sverdlovsk region, museums, museum services

Alla A. Salnikova
E-mail: Alla.Salnikova@kpfu.ru
Irina A. Maltseva
E-mail: malirina@mail.ru
Kazan (Volga) Federal University, Russia

Museum of Happy Childhood as Part of Kazan's Memorative Landscape **143**

The article discusses the process of bottom-up museification of childhood in Russia as a contemporary commemorative practice. In this light, the case of the

Museum of Happy Childhood in Kazan is of particular interest. It originated as part of the exposition of one of the first Russian grassroots museums – the Museum of Socialist Lifestyle. Since 2015, the Museum has become an independent institution.

The article describes the peculiarities of such memorative spaces within the memorial landscape of a modern city and analyzes how memory about Soviet childhood is constructed through selection, attribution and systematization of museum exhibits. The resulting eclectic collection of authentic objects, quite typical of their time, is easily 'read' by the visitors both on the denotative and connotative levels. Thus, the museum can be considered truly interactive in the sense that it evokes feelings of familiarity and intimacy in its visitors and actualizes the commemoration of Soviet cultural meanings.

The article makes a special emphasis on the representations of the Soviet state child policy and Soviet childhood experience and their interpretations in the museum through a seemingly random selection of exhibits. The significance of these exhibits is reinterpreted in the context of the contemporary urban memorative landscape.

Key words: memorative landscape, bottom-up museification, Soviet childhood, cultural memory, commemorative practices, Kazan, Museum of Happy Childhood

Ksenya D.Tryasuchkina
Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia
E-mail: triasuchkina-ks@yandex.ru

Database 'Museums of Small Russian Towns': The Problems of Creation and Possibilities of Use **152**

Small town museums are embedded into the national and global museum context. At the same time, they are part of the urban infrastructure, along with other leisure facilities and educational institutions. Russia has 793 small towns with the population of 50 thousand people or less. An online database encompassing 1,083 museums was created as part of the project 'Small Town Museum: Multiple Memory Cultures'. The database was built to systematize the data on small-town museums and contains information about the key types of museums – local history museums, memorial, historical, and literary museums, art galleries and so on. It is a useful resource for research and other purposes.

Key words: database, museums, small towns, museum websites, information resource, school museums, private museums, grassroots museums, state museums, search engines

Sergey A. Shevyrin
Memorial Complex of Political Repressions 'Perm-36', Perm, Russia
E-mail: shewirin@mail.ru

Preservation of Memory about the Difficult Questions of History at the Memorial Complex 'Perm-36' **159**

The memorial complex 'Perm-36' is dedicated to the memory of the millions of political prisoners – this memory is preserved not only in the buildings of the

former labour camp but also in the museum exhibitions. The memorial complex aims to provide a truthful account of the events of the past by focusing on individual lives and facts of local history, which makes the complex attractive to visitors.

Key words: Gulag, persecutions, Perm-36, exhibition, political rehabilitation, camp, prisoners

Olga N.Shikhova
Ural State Pedagogical University
Ural Federal University
Ekaterinburg, Russia
E-mail: krutikol@mail.ru

The Role of a Virtual Museum as an Intepreter of the Historical-Cultural Memory of a Small Town **167**

Digitalization of culture has led to the emergence of virtual sites of memory – the process involving small town museums. Interestingly, since smaller settlements are less exposed to toponymical innovations, their historical-cultural landscape retains more of its authenticity. An important research question is how the virtualization of the museum space has affected visitors' perceptions and experience of the commemorative environment. In contemporary mediatized culture, the mental experience of museum visitors is shaped by the spatial characteristics such as location and distance and determines their interactions with historical objects and museum guides. On the one hand, a virtual museum is devoid of physical space (historical place) as well as established patterns of communication between the visitors and museum guides. On the other hand, this process implies a certain change in the logic of exposing the visitors to cultural and collective memory where an individual is seen as a bearer and transmitter of cultural values rather than a passive viewer. The online territory of a museum is thus imbued with meanings oriented towards the visitors and underlain by the historical-cultural memory of a small town.

Key words: virtual museum, virtual museum space, authenticity of exhibits, small town, historical-cultural memory, collective memory, spots of memory, cultural heritage, digitalization of memory, spatial turn in culture

Janusz Szczepański
Academy of Finance and Business VISTULA
Branch of the Aleksander Gieysztor Academy of Humanities
Pułtusk, Poland
E-mail: j2szczepanski@gmail.com

Public Museum named after Felicjan Sławoj Składkowski in Gombin ... **178**

One of the most important public museums in Mazovia is the Public Museum of Gombin Administrative District named after Felicjan Sławoj Składkowski. The Museum was founded in 1999 by the Gombin Society and local Piłsudski Society. The Museum is located in an apartment house where Felicjan Sławoj Składkowski (1885–1962) was born. Felicjan Sławoj Składkowski was a physician, general and a close associate of Józef Piłsudski, the last Prime-Minister of the Second Polish

Republic. An important part of the Museum's collection, spanning over 1,000 exhibits, consists of Składkowski's belongings and writings, which were donated to Gombin in 1995 by his widow. Other sections of the Museum reflect the milestones in the rich history of Gombin, a city in eastern Mazovia. The Museum plays an active role in the formation of local identity, promoting multi-culturalism among the inhabitants of former Gąbin(Jewish community and members of the Evangelical Church of the Augsburg Confession). The Museum's innovative projects are an excellent example of the engaging ways in which the space of historical memory in province can be explored.

Key words: cultural education, exhibits, publications, Public Museum of Gombin Administrative District named after Felicjan Sławoj Składkowski, local identity, temporary exhibitions

Part 3
THE ROLE OF ARCHIVES IN THE FORMATION OF THE MEMORATIVE SPACE OF A SMALL TOWN

Dariusz Wajs
Catholic University of Lublin
Krasnik Regional Society
Public Archive 'Old Zakrzówek and its Surroundings'
Poland
E-mail: dariuszwajs91@gmail.com

Institutions of Memory in Zakrzówek: the Public Archive 'Old Zakrzówek and its Surroundings' and the Chamber of Memory and Regional Traditions **151**

The article describes two institutions of memory in gmina Zakrzówek (Kraśnik County, Lublin Voivodeship).

'Old Zakrzówek and its Surroundings' is a public archive established in July 2017. Since December 2020, this archive has been affiliated with the Centre of Public Archiving in Warsaw. The Archive holds a collection of photographs and documents related to gmina Zakrzówek in its former or current territorial boundaries as well as narratives of its inhabitants. The Archive publishes stories of these people and information about the history of Zakrzówek online and in press. Moreover, the Archive collects written accounts of the past and audio-records. The Archive does not have a place of its own yet but in future it is planned to organize a museum to host the Archive's collection and present it to the public.

The second institution that the article focuses on is the Chamber of Memory and Regional Traditions, which was established in Zakrzówek in 1995. The Chamber originated as a museum room at a local lyceum and was used to teach history to the lyceum's students. The Chamber's exhibits include everyday things, religious objects, documents and Jewish history materials. After the lyceum was closed, however, measures had to be taken to protect the collection against potential damage or loss. In the summer of 2018, the collection was moved to the

presbytery of a local church – now the Chamber occupies three exhibition rooms devoted to ethnography, religion, numismatics, military history and everyday life. It is also planned to open one more room devoted to the history of secondary school in Zakrzówek.

Key words: social archiving, institutions of memory, Public Archive 'Old Zakrzówek and its Surroundings', Chamber of Memory and Regional Traditions, Zakrzówek

Andrzej Wróbel
State Archive in Piotrków Trybunalski
Tomaszow Mazowiecki, Poland
E-mail: andrzejwrobel@poczta.fm

The Role of the State Archive in Piotrków Trybunalski (Branch of the Archive in Tomaszow Mazowiecki) in the Preservation of Local History **201**

The article discusses the role of the archive in Tomaszow Mazowiecki in the preservation of local history. The archive was established in 1950 as a branch of the state archive in Łódź. Initially, the archive accumulated documents from the town of Tomaszow Mazowiecki and Brzeziny County. In 1952, it was expanded to include the district of Tomaszów and most of the municipalities in Opoczno Country and Eastern Łódź. Apart from collecting materials, the aim of the archive is to ensure that the documents are well preserved for future generations. The archivists also conduct regular checks of archives of enterprises and state institutions. In 2008, the work on microfilming of the materials started. The task to digitize the documents was outsourced to external companies.

Key words: state archive, local history, documents, historical sources

Dariusz Magier
The Siedlce University of Natural Sciences and Humanities
State Archive in Siedlce
Poland
E-mail: dariusz.magier@uph.edu.pl

Monastery of Saint Leibowitz, or Archive as A Centre of Local Memory

The role of provincial archives as centres of local memory has been a widely discussed topic in Poland. This debate centres around the Polish government's view that archives should be state owned and perform two types of functions – 'office work' and 'field work'. In particular, much criticism surrounds the government's attempts to centralize state archives and thus marginalize (and, in all likelihood, even abolish) the units engaging in 'field work'. The article provides an overview of the studies on this problem from the 1940s till present and substantiates the author's own view of the regional role of state archives, which are sometimes the only memorial institutions in areas lacking other cultural or research institutions. In this

respect, an archive can be compared to the Monastery of Saint Leibowitz from the famous book by Walter Miller Jr. 'A Canticle for Leibowitz' about the cultural void of the post-apocalyptic world.

Key words: administration, archives, culture, memory, office

Egor V. Ogurenko
State Archive of Sverdlovsk Region
Ural Federal University
Ekaterinburg, Russia
E-mail: y.ogurenko@gmail.com

The Post-War Archival Exhibitions and Memorative Space of Sverdlovsk Region 215

The article discusses the role of regional archives in creating a memorative space. A special focus is made on the exhibitions organized by the State Archive of Sverdlovsk Region in the post-war period (1945 – early 1960s). Archival exhibitions contributed to the creation of a single narrative about the collective past of Soviet citizens and may thus be considered as an important element in the development of regional identity and as means of management of historical memory. The study relies on the reporting documents of archival institutions of Sverdlovsk region.

Key words: historical memory, memorative space, archiving, Ural museums, Ural archives, document use, exhibitions

Part 4
FROM THE EXPERIENCE OF MUSEUMS AND ARCHIVES OF SMALL TOWNS

Evgeniya S. Guseva
E-mail: bibliotekafilial17@yandex.ru
Natalya A. Pugolovkina
E-mail: bibliotekafilial17@yandex.ru
Ludmila A. Sarabanskaya
E-mail: guseva.lyuda2010@yandex.ru
Library No. 17, Kamensk-Uralsky, Russia

Municipal Library's Social Partnerships for The Preservation of Local Cultural Heritage 225

The article focuses on the case of a municipal library in the town of Kamensk-Uralsky (Sverdlovsk region, Russia) and its partnerships with archives of government agencies, the local history museum, educational institutions, individual amateurs of local history and so on. The article analyzes the results of the library's joint projects aimed at the preservation of local historical and cultural heritage.

Key words: library, local history, archive, museum, school, college, partnership, local history website, project

Nadezhda M. Demina
Centralized Library System, Pervouralsk, Russia
E-mail: krai_cb@mail.ru

Museum-Library Partnership for Local Memory presevation (the Case of the Local History Centre in Pervouralsk) **230**

Although Pervouralsk is the fourth largest town in Sverdlovsk region, it does not have its own local history museum. In the twentieth and twenty-first centuries, several attempts were made to create such a museum to exhibit the collection of local historical objects, memorabilia and artefacts. The main problem that had to be solved was how to organize the conservation of this collection. Officially, the town has 22 museums but in fact, this number is much larger. The Centre of Local History, which belongs to the town's Centralized Library System, takes an active part in the preservation of its historical memory. The Centre accumulates written, audio- and visual materials about the town, including the narratives of local citizens, conducts conferences on local history, and publishes their proceedings. In 2010, the Centre organized a joint project involving scholars of local history, museum workers, librarians, and geography teachers to record and put online a DVD-disc 'Pervouralsk: Dialogue of Generations'. The materials on this disc were divided into sections 'History', 'Literature', and 'Virtual Guided Tours'. The study also describes the Centre's relationships with museums of different types (museums affiliated with governmental agencies, school museums, and museums of public organizations).

Key words: museum-library partnership, local history, Pervouralsk

Alexander A. Efimov
Ural Federal University, Ekaterinburg. Russia
E-mail: alexander.efimov@urfu.ru

Geocaching as an Instrument of Museum Search **239**

The article discusses the notion of geocaching and its use for museum search.

Key words: geocaching, museum, tourism, geolocation, service, community, Google maps

Timur M. Kapshanov
Museum of the History of Orenburg
Orenburg, Russia
E-mail: great-nodles@mail.ru

Renovated Exposition of the Museum named after Yury and Valentina Gagarin **244**

The study discusses the renovated exposition of the Yury Gagarin Museum, which made the museum more engaging for teenagers and children. The study places a special emphasis on the transformations of the museum exposition between the 1970s, when it was created, and 2021, the 60th anniversary of the first manned flight to space. The renovated exposition includes interactive exhibits and belongings of

Yury Gagarin and contemporary astronauts**.** The study provides methodological guidelines for creating exciting and engaging exhibitions and devising ways to immerse and educate young museum visitors.

Key words: Orenburg, museum, Yury Gagarin, Valentina Gagarina, space exploration, interactive technologies

Galina N. Kibitkina
Unified State Archive of Chelyabinsk Region
Chelyabinsk, Russia
E-mail: kibitkina54@mail.ru

Integration of Archives, Museums and Libraries (the Case of the Unified State Archive of Chelyabinsk Region) **250**

Archives have recently started to perform some of the functions that were traditionally ascribed to museums. The case of Chelyabinsk is quite illustrative in this respect: the city has no museum of city history but it has a regional archive, which stores not only documents of the past but also an array of different objects – furniture, kitchenware, toys, hats and many others. In the absence of the corresponding regulations (archives do not acquire or store objects) and at the archivists' own initiative, the archive organizes various exhibitions to preserve and promote historical memory.

Key words: archive, historical memory, museum, library, integration, exhibitions

Lyudmila A. Kraeva
Orenburg State Pedagogical University, Russia
E-mail: kraeva_ludmila@mail.ru

The Role of a University Archeological Museum in the Education Process **256**

The Archeological Museum of Orenburg State Pedagogical University was opened in 2004. The museum plays a significant role in the education process: the exposition traces the history of Orenburg region back to the Stone, Bronze and Early Iron ages and to the Medieval period. The museum provides visual representations of ancient humans and their activities.

The most ancient exhibits date back to the 8th century BC and the most recent, to the Golden Horde period (14th century). One of the exhibition's highlights is the armour of a Sarmatian warrior. The museum also presents a variety of methods of archeological investigation, extraordinary finds and discoveries.

Thus, apart from conservation, the museum also performs an educational and research functions. The museum is visited by students, schoolchildren and scholars from Russia and abroad.

Key words: museum, archeology, exhibits, Stone Age, Bronze Age, Early Iron Age, Middle Ages, Orenburg region

Anna S. Negatina
Bogdanovich Museum of Tourism
Centre of Modern Cultural Environment of Bogdanovich Municipal District
Bogdanovich, Russia
E-mail: moikrai@bk.ru

History Meets Modernity: Exhibition 'Faces Of Bogdanovich History' **263**

The article is devoted to the project realized by the Museum of Tourism in the Ural town of Bogdanovich. The project was supported by a state grant and was aimed at mapping the historical trajectory of Bogdanovich. The exhibition includes multimedia exhibits, which helped the project team expand the museum space and and turn the museum from a simple repository of objects into a place where history meets modernity.

Key words: museum, virtual exhibitions, Bogdanovich, people in history

Elmira G. Samokhina
Non-Profit Organization 'Social Activity Foundation «Idea»'
Polevskoy, Russia
E-mail: samokhina.eg@yandex.ru

The Role of Non-Profit Organizations in the Revival of Local Identity **266**

The study analyzes the case of the 'Social Activity Foundation «Idea»', a non-profit operating in the town of Polevskoy, and its grant-supported projects aimed at creating an innovative urban environment. Non-profits may become drivers for the development of small towns – they involve local communities and thus contribute to the creation and actualization of historical cultural codes, changing the memorative landscapes. The activities of non-profits also strengthen local patriorism and help preserve the human capital of small towns.

Key words: Polevskoy, social project, public foundation, projects, city brand

Roman V. Syrchin
Innovative Cultural Centre, Pervouralsk, Russia
E-mail: museum2@ikc66.ru

Interactive Museum Sessions for Teaching Local History (the Case of Innovative Cultural Centre in Pervouralsk) **273**

The article considers the possibilities of using interactive museum sessions for teaching local history to children and teenagers and thus helping them develop a sense of local identity and history. The role of the memorative landscape in patriotic education is discussed and illustrated by the activities of the Innovative Cultural Centre in Pervouralsk.

Key words: patriotic education, local history, memorative landscape, museum, educational technologies, interactive learning

Marina A. Uporova
Museum of the History of Nizhnyaya Salda Metallurgical Works
Nizhnyaya Salda, Russia
E-mail: ma.uporova@nsmz.pro

‘Will and Perseverance Bear Much Fruit’: The Past and Present of the Museum of the History of Nizhnyaya Salda Metallurgical Works **281**

The article traces the evolution of the Museum of the History of Nizhnyaya Salda Metallurgical Works, which was created by V. K. Kazakov, and outlines its role in the socio-cultural development of this town.

Key words: metallurgical works, factory history museum, Nizhnyaya Salda, P. S. Bortnov

Научное издание

Меморативные ландшафты малых городов

Сборник научных трудов

Редактор *Л. Н. Мазур*
Корректор *О. В. Горбачев*
Компьютерная верстка *О. В. Горбачева*

Подписано в печать 09.12.2021. Формат 60 × 84 / 16.
Усл. печ. л. 17,84. Тираж 100 экз. Заказ №
Гарнитура Times New Roman

Издательство Уральского университета
620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4

Отпечатано в типографии
Издательско-полиграфического центра УрФУ
620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4
Тел.: + (343) 358-93-06, 350-90-13, 358-93-22, 350-58-20
Факс: +7 (343) 358-93-06
E-mail: press-urfu@mail.ru
Сайт: http://print.urfu.ru